СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3

2020

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича Державина — знак литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» — в честь 300-летия со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и основоположника современной русской поэзии

Медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знак лауреата Некрасовской литературной премии

Приокские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ

2020 — 3(60)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Глобальное расчеловечивание и литература ... 3
К 150-ЛЕТИЮ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КУПРИНА (1870 — 1938)
Лариса Яшина. Рождение монумента, или возвращение Куприна ... 21
Валерий Сухов. Август Александра Куприна ... 29
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: ПОВЕСТЬ
Игорь Карлов. Дважды краснознаменная повесть имени генерального секретаря ЦК КПСС, президента СССР Горбачева М. С. (глава из повести) ... 43
Александр Мальцев. У колодца с журавлем (повесть) ... 60
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ
Михаил Смирнов. Думы ... 75
Вадим Кулинченко. Рассказы ... 82
Юрий Жекотов. Амурские привилегии ... 89
Алексей Яшин. Феофраст в трамвае ... 96
Ефим Гаммер. Боль солдата ... 112
Евгений Скоблов. Марш в метро ... 116
Сергей Москвитин. «Если б вы знали, как хочется живописать!» ... 119
Николай Макаров. Игры XXII Олимпиады ... 123
Людмила Попова. Ленин возвращается (отрывок из книги) ... 125
Аркадий Мар. День бега ... 130
Александр Шерстюк. Скалы с оскалом ... 134
Сергей Криворотов. Красные сапожки ... 140
Владислава Васильева. Пока идет снег ... 148
Александр Ралот. Восточная война ... 150
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ
Борис Шигин. Защищены любовью Ты и Я! ... 158
Андрей Шацков. На поле Куликовом ... 160
Алексей Сухинин. Листопад ... 166
Анатолий Арестов. Канцелярия небесная молчит ... 169
Елизавета Баранова (Весина). Чертова карусель ... 173
Николай Тимохин. Астана ... 176
Владимир Шугля. Эхо войны ... 179
Андрей Кулюкин. Заметало пургой захолустье ... 180
Игорь Ремишевский. Новые стихи ... 183

Николай Еремин. Стихотворения..... 185
Марк Полыковский. Возвращение..... 191
Геннадий Васильев. «Жизнь рассудит...»..... 194
Виталий Кузнецов. Аллюзии..... 196
Игорь Лукьянов. Прощальные стихи (редакционное название)..... 200
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
Валентин Огнев. Красная площадь города Ефремова..... 202
Михаил Спивак. Полезные идиоты. Кто термин придумал?..... 210
Алла Новикова-Строганова. Воскресить истинного человека:
прощальная повесть Н. С. Лескова «Заячий ремиз»..... 215
Дмитрий Епифоров, Елена Насонова. Перекрестки жизни: А. С. Пушкин и А. И. Левшин..... 223
Валерий Румянцев. Летела жизнь в плохом автомобиле... (Кто вы, бард Высоцкий?)..... 229
Анна Барсова (Барсегян). Мария Петровых — мастер художественного перевода..... 235
Владимир Резцов. О произведении Сергея Даштамирова «Выстрел»
(пушкинская проза онегинской строкой)..... 240
Ирина Денисова. Небольшая книга — большие смыслы..... 242
Людмила Алтунина. «Ковчегу» — 10. Виват! Живи и здравствуй..... 243
Яков Шафран. «Этот день мы приближали как могли»..... 247
Елена Гаденова. К юбилею «Ковчега»..... 252
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ..... 253

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:
Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Евгений АСТАШКИН (Омск) — зав. отделом прозы
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Эль-Кувейт, Кувейт) — зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Тула)
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Сергей СЕНИН (Тула)
Евгений СКОБЛОВ (Москва) — первый зам. председателя Правления АРЛ
Валентин СОРОКИН (Москва)
Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии
Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:
— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
— альманах «Московский Парнас»
— газета «Русскоязычная Америка NY"
— газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульского госуниверситета.

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: http://www.pz.tula.ru (в PDF формате). См. также на сайте «Русское поле»: http://priokskie.ruspole.info и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»: http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах: http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html, http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html и http://priokskie.ruspole.info

Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе русскоязычных литературных журналов и альманахов: http://журнальныймир.рф/zhurnaly/priokskie-zori http://журнальныймир.рф/zhurnaly/kovcheg

Адреса страниц журнала «Приокские зори» и «Ковчега» в Фэйсбуке: https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/ https://www.facebook.com/groups/830445600458209/?fref=ts

© «Приокские зори», 2020

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГЛОБАЛЬНОЕ РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ И ЛИТЕРАТУРА

Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать.

Ф. М. Достоевский «Бесы»

♦ Из двух, всего лишь имевших место быть в человеческой истории, гениальных социально-нравственных писателей, а именно Шекспира и Достоевского, безусловным, что называется до испуганной дрожи души, в каждом новом поколении убеждающейся в высказанной им истине, провидцем был и остается Федор Михайлович. Таковое выделение не обидно, например, для Льва Толстого, Гёте и Томаса Манна — великих *человековедов* в своем творчестве. Здесь верно определил различие творчества двух русских величайших писателей в своем трактате «Л. Толстой и Достоевский» проницательнейший Д. С. Мережковский, обозначив первого как исследователя *телесного поведения* человека, а вот прерогативу познавателя *души* отдав Достоевскому.

...Еще далеко было до озвучивания нынешних понятий *расчеловечивания*, *человейника*, *глобализации* с ее *умозамещением* и *цифрофренией**, а Достоевский в «Бесах» представил миру Шигалева с его же «шигалевщиной», сущность которой Достоевский изобразил в нескольких строках — см. выше эпиграф,— и которая, спустя полторы сотни лет оказалась точнейшим, в масштабе *M1:1*, как ставят на инженерных чертежах, слепком наших безрадостных будней... равно и официально-постановочных празднеств. Отметим сразу, что пишем о всемирном человейнике, ибо в эпоху торжествующего глобализма выделять какую-либо «отдельно взятую» социумность или государственность суть сужающая тематику эмфаза**.

Определение, точнее гениальное предвидение, Достоевским расчеловечивания, как потери личности и обращения в стадо, сбывающееся сейчас в невероятном ускорении, многократно превышающем обычно соотносимое с временными показателями человеческой, социальной эволюции (человек обогнал свою эволюцию — по Конраду Лоренцу), происходит сейчас — в терминах обезличивания и превращения человека в кроходный винтик глобальной машины Молоха глобализации — родного брата Великого инквизитора из «Братьев Карамазовых», а еще точнее — в биологический придаток *кликовых недолайкиных* к мировым телекоммуникационным сетям. Это все настолько самоочевидно — оглянитесь вокруг, не забыв и на свое отражение

* Термин «человейник» введен А. А. Зиновьевым; авторство «расчеловечивания» обычно относят к Конраду Лоренцу, а «умозамещение» и «цифрофрения», как говорится, наших рук дело — см. далее.

** Эмфаза (лат.) — подчеркивание, акцент на чем-либо.

в зеркале посмотреть! — что не стоит лишний раз бередить раны человека-читающегося, еще как-то сопротивляющегося, хотя бы в мыслях своих, натиску волны, девятого вала расчеловечивания. Мы же вовсе не «от лукавого» бередим эти раны. Просто это тема наших научных, естественно-философских, системных исследований*. Упоминаем это «не корысти для», как говорил известный персонаж дилогии одесских классиков, «но токмо» для констатации того факта, что выходящее из-под нашего пера (действительно, пишу только «от руки») не есть порядком поднадоевшее нашему читателю — неужто и таковые еще остались? — нытье по уходящей в историю некогда великой русской и советской литературе и уже давно ушедшей туда западно-восточной художественной словесности, но без каких-либо личностных эмоций признание де-факто наступившей *постлитературной* эпохи. Это как данное американо-японским философом Фукуямой определение нашего времени: *постисторический* период цивилизации.

Как говорится, с логикой в уме и тревогой в душе будем воспринимать происходящее неким *status quo* неумолимой социальной эволюции человечества, переходящего в статус человейника. Словом, «ума холодных наблюдений».

От вводного философствования переходим к литературе времен глобального расчеловечивания.

♦ Литература по определению не является исключением исключением в части действия законов социальной эволюции человека. А в рамках таковых глобализация, как первоначальный, зато самый бесчеловечный, жестокий этап более общего процесса перехода Земли в новую биогеохимическую оболочку (по акад. В. И. Вернадскому, создателю учения о ноосфере) — *ноосферу*, дает следующее целеуказание *всем* художественным творчествам: (а) в отношении «одной десятой доли» у Достоевского, а по-нынешнему «золотого миллиарда», девиз Древнего Рима: вино, женщины и искусства принадлежат избранным (в наших пенатах см. цены на билеты в Большой театр...); (б) для «остальных девяти десятых» только примитивнейший суррогат таковых художественных творчеств, где-то по значимости после торговли (в тех же пенатах усеявшие города «торгово-развлекательные центры»); (в) суррогат направленно продуман и выверен, несмотря на внешний примитивизм, а именно, сочетает в себе информационный шум, психолингвистическое и прочее «психо» (музыка, литература, пластические искусства, живопись, все сценические действия) зомбопрограммирование; (г) для литературы и других словесных творчеств — полное преобладание (у авторов и потребителей) утилитарного цифрового мышления (цифроврения) над аналоговым творческим. Варианты и разветвления указанных целеуказаний читатель найдет в развернутом виде в ЖМФН.

Итак, названные целеуказания не есть пресловутые «происки империализма», «руководящие указания партии и правительства», «оскалы» всевозможных «измов». Это есть эволюционный закон, не кем-то придуманный, но отображением Мироздания. И если нам выпало сомнительное удовольствие попасть в генеалогической цепи поколений в уникально жестокий и бесчеловечный, умозамещающий период глобализации, то остается только вспомнить юридическую формулу о жестокости закона, но — закона!

Другое дело, опять же обращаясь к образной логике римского права, что *herba mala cito crescit* — дурная трава быстро растет, то есть человек с охотой великой скатывается в примитивизм, ибо по природе своей он великий хитрец, а лень ему мать родная. Та же самая феногенотипическая лень (Ильи Муромца до тридцати годов...) одинаково подвигает человека к творческой деятельности, см. присказку о лени как

---

* Результаты таковых изложены в продолжающейся серии «Живая материя и феноменология ноосферы» (ЖМФН), издаваемой, начиная с 2007-го года (различные издательства Москвы, Твери, Тулы). На сегодняшний день вышло 17 томов. В электронной форме с ними можно ознакомиться (см. по поисковику) на различных сайтах, например, www.pz.tula.ru, www.trinitas.ru, www.vixri.com и др.

матери изобретений, и к духовному отуплению и инерции жизни — тоже Илья, но Обломов. И совсем другое дело, если скатывание в умозамещающий примитивизм директивно, целеуказуемо направляется мировой социальной эволюцией.

Целеуказание (а) уже пояснено «билетом в Большой» (это не о сторублевке в исполнении Стоянова), но в нашей стране, сравнительно — по историческим меркам — недавно пришедшей в постсоветские годы к реставрации атавизма частнособственничества, да и учитывая историческую русскую общинность, наблюдается еще некоторое колебание в раскладе на 1/10 и 9/10. Но ведь директивно-то спешим, «задрав штаны», за Европой, при этом не уставая ее поругивать. Бегом, бегом все умозамещающее от нее, надменной, в себя вобрать! Отсюда и конфузы торопливости, как черт в бреду Ивана Карамазова говорит: «*То-то вот реформы-то на неприготовленную-то почву, да еще списанные с чужих учреждений — один только вред!*» А великолепный публицист, он же ленинский Иудушка, Троцкий вторит Ф. М. Достоевскому: «*Мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику*».

...И еще существенный момент: в отличии от европ и америк, наш олигархический минимиллиард, но с полновесными миллиардами в долла́рах, поспешая «задрав штаны», пока что не дошел до избранничества в творчествах художественных; винище из осторжности не пьет, чтобы не потерять бдительность начального накопления капитала; правда, еще лет десять назад, до устрожения нравственности, радовали нас на телеэкранах репортажами о поездках в Куршавель «властителей душ» с вагоном девок: наши красивые и дешевые, а западные — тощие кобылы и алчные... Но — время идет неумолимо вперед. Может и изящные искусства избранным воспотребуются; даже — в старшном сне такое не увидишь — возжелает нефтяной или алюминиевый «*олигархер*» на досуге полистать книжку запиаренного сочинителя. Так что будьте «на товсь», грядущие Сенеки, Цицероны и Овидии... нет-нет, с Овидием мы хватили лишку, можно будет подпасть под образцово-показательную кампанию борьбы с аморалкой и быть сосланным куда следует: «...В Молдавии, в глуши степей, вдали Италии своей».

Про целеуказание (б) мы также выше кратко высказались. Тем более, в части литературы о таковом ниже будет достаточно сказано; аналогично и о (г). Классическим примером довлеющего воплощения (в) является популярная, то есть эстрадная, музыка. Но не «отстает» от нее и музыка, по традиции называемая «серьезной». Этот пример намного характернее той же литературы и живописи, тем более он сейчас, что называется, на слуху — извиняемся за смысловую тавтологию... Но общий принцип расчеловечивания — будем ниже избегать специальной психологической и иной терминологии — одинаков для всех искусств.

Отличительную от всех других видов художественных воплощений особенность музыки давно, но очень точно определил Артур Шопенгауэр в своем основном произведении «Мир как воля и представление». Позволим себе процитировать (последний раздел третьей книги названного трактата) Шопенгауэра в его определении сущности музыки: «*Музыка — это непосредственная объективизация и отпечаток всей воли, подобно самому миру, подобно идеям, умноженное проявление которых составляет мир отдельных вещей. Музыка, следовательно, в противоположность другим искусствам, вовсе не отпечаток идей, а отпечаток самой воли, объективностью, которой служат и идеи; вот почему действие музыки настолько мощнее и глубже действия других искусств; ведь последние говорят только о тени, она же — о существе... Она раскрывает интимную историю воли, живописует всякое побуждение, всякое стремление, всякое движение ее, все то, что разум объединяет под широким и отрицательным понятием чувства и чего он не в силах уже воспринять в свои абстракции. Поэтому всегда и говорили, что музыка — язык чувства и страсти, как слова — язык разума*».

Именно в силу такой специфики музыки, ее единичности в сфере искусств, главное — непосредственного воздействия «сущности» на органы чувств человека (ухо воспринимает мелодику, а кожный покров и биофизиомасса мозга — ритмику), заключается все коварство исполнения целеуказания на зомбо-программирование человека, уготовляемого к качеству носителя умозамещения и цифрофрении — неотъемлемых качеств винтика машины Молоха глобализации.

...Не следует наивно полагать, что глобализация взяла да спрыгнула на наши головы где-то на рубеже 1990—2000 гг. В эволюции всегда наличествует предтеча; как в армейском наступлении артподготовка. Объективно рассуждая, можно сказать: эволюция запроектировала современного человека еще три миллиарда лет назад, создавая еще предживого (сложная молекула в оболочке — капсиде) вируса с его ДНК... Так и в части замбо-программировании человека посредством музыки.

В начале прошлого века теоретик музыки Арнольд Шёнберг предложил новый строй музыкальной композиции (и исполнения), а именно так называемую двенадцатитоновую систему. Кстати, в своем выдающемся романе «Доктор Фаустуа» Томас Манн, хотя бы он и имел в виду судьбу и философию Ницше, «облек» главного героя по житейской атрибутике в «одежды» Шёнберга с его музыкальной новацией.

Некоторое время спустя, но в том же двадцатом веке, Теодор Адорно из Англии, чье имя очень известно во многих кругах, что называется, от искусства до философии, развил двенадцатитоновую музыкальную концепцию Шёнберга, но уже в практических целях заложив в нее (зомбирующее) управление сознанием человека слушающего. Это и была предтеча мирового зомбирования — расчеловечивания посредством музыкальных масс-психозов. Далее идет известная легенда, но очень похожая на действительность и уж тем более похожая, что результат-то был получен ошеломляющий! Суть же были — легенды, несколько лет назад «попавшей в лапы» жадным до сенсаций западным СМИ и растиражированной ими на весь мир, состоит в следующем.

В самом начале 1960-х годов британская разведка МИ-6, выполняя явно заказ тогда еще тайных мировых сил, готовивших предтечу глобализации, поручила Теодору Адорно разработать спецпроект — ни много ни мало — по музыкальному зомбированию больших масс, преимущественно молодежных, с использованием возможностей двенадцатитонового строя. Теория у Адорно уже готова была, а для практического опробывания то ли специально была создана (на деньги-фунты МИ-6) в 1963-м году, или просто веселые парни из Ливерпуля подвернулись под руку... словом, появился «Битлз», который за считанные годы разрушил *всю* массовую музыку прежнего классического строя, с честью выполнив задачу апробации зомбирования широчайших масс. Как всякое пробное начало, ливерпульская четверка недолго и просуществовала. Выполнив свою задачу, получив из рук королевы рыцарские кресты (по представлению МИ-6?), в семидесятом году ребята-«жучки» разбежались уже поодиночке собирать дивиденты. И папа Адорно годом ранее почил... по своей ли воле-судьбе? Разведчики во все времена следов не оставляют. *Додекакофония* — ироничное название двенадцатитоновой системы.

Здесь даже истовый меломан забурчит в наш адрес: но где обещанная литература? А вот и она.

♦ Лично я уже в годы «битломании» ни в малейшей степени не сомневался (далеко еще было до легенды-были в СМИ) в разрушительном начале новых эстрадных веяний. А вот литература тогда, особенно советская, даже и не помышляла о сдаче позиций. Ленинские и Государственные премии в СССР, Гонкуровские во Франции, тем более Нобелевские , вручались писателям с устойчивой известностью — не только в своей стране.

Советский Союз подлинно, без самохвальной рекламы, являлся самой читающей в мире страной. Более того, дело даже не в сравнении с иными царствами-государст-

вами, просто в СССР *читали все*: от «столиц и университетских центров» до зыбучих песков и барханов среднеазиатских окраин, жителей которых еще не столь давно дети лейтенанта Шмидта — из тех же одесских классиков — полагали неграмотными... На этом фоне самыми читающими были инженеры, особенно молодые. А сословие это в советской стране, во-первых, являлось многомиллионным; во-вторых и в главных, тогдашняя инженерная служба представляла собой некий симбиоз полезной занятости и клубного времяпрепровождения: легкий флирт, умеренное потребление того самого по поводам и без, хохот анекдотов про «руководителей партии и правительства» в переполненных курилках... тогда с потребителями травки никотианы никому бы в голову не пришло сражаться, ибо сам *Ильич Второй* еще баловался «Новостью» за восемнадцать копеек пачка; впрочем, тема курения сейчас официально не приветствуется. Но это к слову, а именно к тому, что служебно-клубная обстановка, когда вовсе не эвфемизмом понималась присказка: «Утром на работу с удовольствием, вечером домой с радостью»,— непременно включала обмен мнениями и суждениями о прочитанных новинках литературы: книгах и художественных журналах — от «Юности» до «Нового мира».

...В первый год моей инженерной службы из рук в руки, с «записью в очередь», переходила только что изданная «Алхимия слова» Яна Парандовского — с предисловием аж самого Сергея Залыгина, что из числа наиболее читаемых тогда писателей. Заметим, что несколько позже по рукам заходили «Законы Паркинсона» — книга названа по имени автора,— но это несколько иное.

Ян же Парандовский посвятил «Алхимию слова» тому, что сам назвал «лабораторией литературы». В понятийной, зачастую остроумной, для самой широкой читательской аудитории, высокохудожественной форме автор вводит в святую святых творца словесного искусства. А «что там за кулисами?» — всегда занимательно для находящегося в зале. Но одно дело нынешние ТВ-спектакли, адресованные самому низменному инстинкту обывателя, в каковых (спектаклях) некогда кумиры этих самых залов кино- и просто театров, вытряхивают свои старческие кальсоны, брюзжа на молоденьких содержанок, обобравших до нитки артпапиков, совсем другое — творческая лаборатория писателя не так уж и далеких от нас времен. С устоявшимися традициями самого творчества, их глубинным содержанием и внешним антуражем.

...Пространное «силлабо-лирическое» отступление к тому, что с античных времен и до недавнего оцифровывания и умозамещения литературное творчество являло собой *профессию*, хотя бы, согласно табели о рангах, в послужном списке писателя и стояло: камер-юнкер или камергер, дипломат, путешественник на фрегате «Паллада», а потом главный цензор Российской империи, помещик, разночинец, чиновник не выше коллежского асессора, исключая статских генералов Г. Р. Державина и М. Е. Салтыкова-Щедрина... И так далее. Даже в советское время, когда писательство являлось профессией де-факто, но де-юре в соответствующих реестрах не обозначалось: пенсия по каким-то косвенным статьям оформлялась.

Нынешний же безлошадный сочинитель, уже и забывший этимологию слова «гонорар», только что может горестно повторять слова капитана Лебядкина из «Бесов»: «Если бога нет, то какой же я после того капитан?»

Завершая краткий ностальгический экскурс в безвозвратно ушедшее доцифровое время, в сонетной манере свяжем окончание с началом, а именно скажем еще несколько слов об образцово-показательном сведении музыки к средству эффективного зомбирования. Как «битломания» разрушила мелодику популярной, эстрадной музыки, сведя ее в итоге к преобладанию ритма, то есть кодирующей сознание цифры, так в течении первых двух третей прошлого века и так называемую серьезную музыку, симфоническую, оперную, балетную, оркестрово-концертную и пр., оцифровали в указанном выше смысле и назначении. Если девизом нынешних — на подхвате, подголоске и подтанцовке у Великого глобализатора — СМИ является рекламный девиз

«Вместо слова цифра», то (опять вспомним афористику все тех же одесских классиков) для современной, бывшей «серьезной» мелодичной музыки характерен зомбозапрограммированный ритм «негрских плясок у истоков Замбези». Таковой облик современной «классики» в отечественном варианте можно, хотя и осторожно, в качестве истоковых, усмотреть у Игоря Стравинского и Александра Мосолова, далее Шостаковича и, конечно же, у Шнитке. Уже особо и не останавливаемся на «Симфонии гудков» Арсения Авраамова (это псевдоним; сам он был сыном донского казачьего генерала...). Этот оригинальный русский композитор по праву считается *мировой предтечей* зомбо-музыки. Однако — опять к литературе.

♦ Потеря профессиональности, упразднения лаборатории литературы и понятия творческого авторитета — таковой, воочию наблюдаемый процесс, уложился по времени в неполные три десятка лет. Темпы, конечно, космические — в сравнении с двумя с половиною столетиями возникновения, становления и расцвета отечественной словесности. Но ведь и сама социальная эволюция в период глобализации неимоверно ускоряется — говоря ученым языком: переходит на возрастающую экспоненту,— семимильными шагами убегая от традиционной духовности и творческой художественности в суконно-цинковую оцифрованную среду прозябания и невостребованности.

Литераторы, особенно поэты, как натуры восторженно-нервические, суть сугубые индивидуалисты. Это ни в коем случае не порок, но специфика творческого человека, в своем мышлении субъективирующего весь отражаемый в сознании мир объектов и процессов. Поэтому неуклонный рост их профессионализма во многом, если не в основном, стимулируется тем развитым в них качеством, которое вольно поименовать равнением на мастера — это для трибунного красного словца. В душе же своей, или в узком кругу доверенных лиц,— *творческой завистью*. Таким образом, естественное выделение из среды писателей мастеров слова, то есть *авторитетов*, есть процесс позитивный, движитель постоянного литературного процесса. Опять же литератор, даже все тот же вдохновенный, знающий себе (порой) завышенную цену поэт («Я, гений Игорь Северянин...»), есть натура совершенно реалистическая. А «в реалисте,— говорит персонаж «Братьев Карамазовых»,— вера не от чуда рождается, а чудо от веры». То есть устремление в совершенствовании своего творческого потенциала с равнением на признанных авторитетов и есть та вера в свои способности и усердие на сочинительском поприще, которая в итоге и может сотворить творческое чудо: и сам писатель «воссияет на скрижалях» (Леонид Ильич, сам уже с пятью геройскими звездами на пиджаке, вручит лауреатскую медаль), и число читателей зашкалит за десяток-другой миллионов. Главное, душа художественного сочинителя возрадуется одновременно горделиво и самоуспокоенно... Так и было в столь недавнюю пору *признания* авторитетов: именно мастеров-авторитетов, вовсе не «литературных генералов».

Все прошло как сладостный сон. Исчезло само понятие авторитета в литературе, которое даже близко не заменит термин «пиарщик в оной же». Это все из различных опер... и оперетт. Правозглашенный Великой французской революцией 1789-го года лозунг, взятый у масонов,— *liberte, egalite, fraternite*,— в части *egalite* — равенства следует воспринимать с осторожностью. Равенство трехсот миллионов жителей СССР в правах и обязанностях — это мировая вершина социальной справедливости. Общемировая практика римского права в части равенства перед законом — тоже справедливо... если, конечно, таковое равенство на практике исполняется. Но говорить о поголовном творческом равенстве людей есть абсурд и предельное лицемерие. Да, Декларация прав с трибуны ООН (кажется, с американской конституции списанная?) о том, что все люди появляются на свет *равными*, возражений не вызывает. Но вот творческий заряд в этих людях усреднению не поддается — это как средняя температура по больнице... *Творчество есть категория персонифицированная*!

...Кстати, раз упомянули об Америке... Северной, конечно, что между Канадой и Мексикой, то в этой мировой вершине прагматизма и утилитаризма сложилось уникальное равенство, о сущности которого, правда, безотносительно к Америке, писал в «Подростке» Ф. М. Достоевский: «*Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство, и в этом вся главная их сила. Деньги сравнивают все неравенства*».

То есть деньги не источник равенства, но средства его достижения. Причем таковое, денежное равенство есть *нивелирование*, усреднение человека в социуме. И с наступлением эпохи глобализации практика такого усреднения от сугубо экономической была распространена на все сферы социума, литературу и все остальные искусства-художества тож.

А Лев Николаевич Толстой с намного большей, нежели Достоевский, категоричностью исторически видел таковое нивелирование ума людей в... изобретении книгопечатания ювелиром из Майнца Иоганном Генсфляйшем Гутенбергом (!) Уже упоминавшийся выше другой Лев, но только Давидович, то есть Троцкий, «умягчил» резонно высказывание классика: «*Толстой когда-то сказал, что изобретение книгопечатания создало самое могущественное орудие распространения невежества. Невежество — это, пожалуй, слишком сурово, но дилетантизма — это несомненно*» («Литература и революция», 1923).

Еще раз повторимся: в эволюции вообще, в социальной тем более, все изначально запрограммировано. Всякое новое социальное явление в истории цивилизации и культуры изначально позитивно, прогрессивно для развития человека разумного и всего человечества в целом. Но все эти новации, возникающие в течении социальной эволюции, в итоге и *одновременно* достигли своего апогея ко времени биосферно-ноосферного перехода, когда человек разумный *биологический*, увы, выполнил определенную ему эволюцией задачу высшего развития, то есть достиг предела совершенствования *индивидуального* мышления. Дальше той же эволюцией предопределен (см. ЖМФН) переход к доминированию *коллективного* разума, то есть преобладания биотехнического симбиоза информационной виртуальной реальности, предтечей которой являются нынешние глобальные телекоммуникационные сети (интернет), а индивидуальный человек стремительно, буквально на глазах, становится их придатком-пользователем.

Это все к тому сказано — возвращаясь к нашей тематике,— что Лев Николаевич (с поправкой Льва Давидовича) обличал не собственно архиполезное для человечества изобретение Гуттенберга, но уже в годы его жизни имевшее место быть профанирующее качество доступности к печатному слову. Как читающего, так — и особенно! — пишущего. Но таковая профанация, дилетантизм в наше время полной доступности к печатанию, оргтехники его подготовки и дешевизны — в небольшом числе экземпляров — мощно способствовали потере профессионализма, утрате творческих авторитетов, упразднению понятия и содержания «творческой лаборатории». Опять же все это на виду и на слуху, особого пояснения не требует.

...Сейчас с самых высоких мировых трибун человечество, напуганное стремительным глобальным натиском цифрофрении, уверяют, что напрасны опасения в части самой скорой передачи всех трудовых функций человека роботизированным механизмам. Дескать, эти системные автоматы будут выполнять всю рутинную и тяжелую работы, а освобожденное от забот о хлебе насущном человечество *все целиком* отдастся творчеству. Но ведь таковое утверждение (см. выше) уже не только средняя температура по больнице, но еще и усредненное артериальное давление! Словом, в современном духе препарируя слова из оперы: не счесть талантов пламенных в неоне джунглей каменных.

♦ Параллельно с потерей писательского профессионализма и понятия творческого авторитета, но в общем-то независимо от этого, произошла и утрата массового

читателя. И вовсе не потому, что таковой в един миг поглупел с натиском глобализма. А если и поглупел отчасти, то с него и взятки гладки. Опять же Федор Михайлович в своих статьях о русской литературе, 1861 г. не в бровь, но в глаз сказал: «*Дурак-то именно и не должен бы был краснеть за свою глупость, потому что не виноват, если природа родила его дураком...*» Это все одно, как бы и великий талант полагал себя обиженным матерью-природой, что сотворила его не мирным бюргером и любителем баварского пива, но обрекла на каторжный пожизненный творческий труд до умоисступления, причем сугубо «за интерес», а не за звонкую монету! — Та же палка, да с другого конца... Теория относительности словом. И уж совсем категоричен Чехов, утверждая, что дело не в оптимизме или пессимизме, но в том, что у 99 людей из 100 вовсе нет ума. Что-то в этом роде сказал.

Итак, мы не об умных и дураках ведем речь, но об утрате массового читателя в наступившую эпоху *не в зависимости* от степени совершенства или несовершенства устроения правого и левого полушарий головного мозга индивидуума, отвечающих, соответственно за образную художественность и логику мышления, но о явлении *системном*, социально-эволюционно обусловленном. А таковое всегда обусловлено категорическим императивом действенности философской категории *причинности*. Иной скептик возразит: причем здесь причинность? читал себе человек, грамоте обученный, в свое удовольствие в свободное от трудовых и иных подвигов время и чего бы ему не продолжать набираться ума-разума и всяких романтических чувствований вне зависимости от «погоды на дворе»? Да, пусть глобализация за окном и на экране телеящика набирает обороты, свирепствует цифрофрения и умозамещение, но мне-то что до всего этого? Лежу на диванчике и почитываю, благо и писатели еще пописывают...

Ан нет, отвечаем скептику, от причины не отмахнешься. Это не телеящик с волнующей программой «В гостях у цифры», что можно, сопроводив легким матерком, выключить, а порыв гнева погасить на кухне стопкой «очищенной». Ибо причина — задатчик любого социального процесса. Ту же глобализацию вовсе не в Белом доме (который настоящий, г. Вашингтон, федеральный округ Колумбия) придумали и не в «совете нечестивых» — предполагаемом Тайном мировом правительстве. Оные только исполнители категорического императива причинности. Последняя же суть развертывание матрицы некоего фундаментального кода Мироздания (см. ЖМФН) — в данном случае в движении социальной эволюции человека. Причинностью обусловлено и явление глобализма, как высшей и завершающей стадии империализма (Это как у В. И. Ленина сам империализм есть высшая стадия капитализма...), относительно короткой в эволюционном масштабе — по разным оценкам 80...200 лет,— после окончания которой человечество приобретет «полный статус» *человейника* — всемирного общества полного (социального, экономического, умственного, творческого и пр.) *равенства*. То есть прогноз Маркса о всеземном коммунизме и акад. В. И. Вернадского о ноосфере в таком же ключе через век-другой сбудутся... только равенство это окажется равенством гаек-шестеренок, придатков телекоммуникационных сетей глобальной виртуальной реальности.

А затем и вовсе завершится отведенная эволюцией роль человека биологического... Но — это-то нескоро еще. И не следует сейчас оплакивать грядущего робота в человейнике. Человек — самое адаптивное животное в биоэволюции. Ведь только два-три десятка лет мы в объятиях глобализации; умозамещения и цифрофрении тож. А разве чувствуют свое ущемление средние, тем более младшие поколения, уже обретшие качество *недолайкиных*? — Отнюдь нет. И старшие поколения скорее лишь по традиции бурчат, но и то о низкой пенсии; мол, небольшая, но хорошая...

Все сказанное в пространном отступлении преследует цель: пояснить роль причинности, то есть не случайности, утраты писателем своего читателя.

♦ Но куда же он делся — наш бывший читатель? Тем более у нас в отечестве, повторимся, еще не столь давно воистину, не для пропагандистского словца, бывшем

самой читающей страной в мире? Оглядитесь округ себя и узрите людей новой формации: Кешбэка Кешбэковича Онлайнюка, Нанотана Постеровича Цыфринского, Катцапа Апплиевича Вайнберга и самого Фейсбука Кликовича Недолайкина.— Все сплошь ваши вежливые соседи, сослуживцы, телесериальные «говорящие головы» и пр. и пр., увешанные китайской выделки гэджиками, сам-один разговаривающие при уличной ходьбе. Перенесись на машине времени в наши дни человек из не столь уж далекой эпохи «пятнистого консенсуса», так первая мысль его будет: наверное, в Кащенке проводят — в духе либеральных реформ — день открытых на выход дверей!

...Правильно, уважаемый читатель, мыслите. Но, к сожалению, не в корень зрите. Интернет, гэджики, цифрофрения во всем и всея (а у нас, как то принято, в рамках кампании, «месячников» и пр.— со смехоподобным перехлестом) — это вовсе не замена чтению художественной литературы, как неуклюже силятся внушить народу масс-медиа, но сугубые технические средства расчеловечивания грядущего робота Молоха глобализации, достижения уже упомянутой выше главной цели: перехода в индивидуальном и коллективном разуме от творческого аналогового мышления к утилитарному цифровому. Последнее уже принято называть *компьютерным мышлением*. Вот в этом-то и зримый корень того явления, что связываем с утратой <литературного> читателя. А который (их все меньше и меньше...) еще остается, то все чаще с уровнем восприятия писаний Ратазяева из «Бедных людей» Достоевского: «*— Владимир!..— шептала в упоении графиня. Грудь ее вздымалась, щеки ее багровели, очи горели... Новый, ужасный брак был совершен! ...Через полчаса старый граф вошел в будуар жены своей.— А что, душечка, не приказать ли для дорогого гостя самоварчик поставить? — сказал он, потрепав жену по щеке*».*

Опять же всякие ссылки на заботы современного (отечественного в особенности) человека по добывания хлеба насущного — кручусь, мол, от зари до зари! — тем более с маслом и икрой, совершенно неубедительны. Этот самый хлеб в истории страны никому даром не давался. Но все же при свечах читали, в окопах, после трудового дня. Время на чтение всегда найдется, если есть побуждение к этому. Но свершившийся уже буквально прямо на глазах переход среднестатического человека — не без директивного довления телеэкрана и гэджиков — в категорию адептов компьютерного мышления поставил жирную точку: баста, книги читать — не дензнаки считать! Книги — на помойку, глаза — на экраны! Выстраивается цепочка запрограммированной подготовки тружеников-роботов периода глобализации: человек читающий → «подключение» его к телекоммуникационным сетям (интернет) → «загрузка» гэджиками → цифрофрения → отказ от чтения какой-либо литературы → справочный <через интернет> характер памяти → умозамещение → справочный характер мышления → компьютерное мышление. Как следствие — не то что отсутствие позывов к чтению, но и непонимание такого рода занятий. ...Сразу вспоминаются выражения лиц моих коллег по службе, добрых знакомых, но особенно «собратьев по перу», когда я презентую им свою новую книгу. Но — это надо только видеть, словами передать можно, не живописуя, лишь абрисно: самое невероятное, как обрезки копченой колбасы в винегрете, сочетание обиды, ведь не бумажку, на худой конец с портретом Вашингтона**, дают! с непониманием сущности странного дара, а главное — в глазах облагодетельствованного, доцент он или полный профессор, слесарь-интеллигент (как у одесских классиков), тож знающая грамоте домохозяйка и так далее по всей социальной иерархии, мечется самое полное отчаяние: да разве можно прочесть (да-

---

* Еще Фрейд заметил («Остроумие и его отношение к бессознательному»), что обилие анекдотов — признак творческой эпохи. Таковы были советские 60—70-е гг. А блестяще-злая ирония Достоевского с «цитатой из Ратазяева» породила в названные годы серию анекдотов по схеме: «— А не испить ли нам кофейку? — сказал граф <... далее описание действа>... А за окном ковали сталь».

...Сейчас анекдотов не сочиняют вовсе. Это и есть самый верный признак угасшего творчества...

** То есть однодолларовая купюра...

же средней толщины) книжку? Это-то попривыкши к «мыльным» телеграфным сообщениям в пару-тройку строк, к таковым же эсэмэскам... А главное, зачем? Ведь за труд чтения никто не даст тебе бумажку, на худой конец...— см. чуть выше. Как говорят физиологи, порочный круг патогенеза замкнулся.

Так, или примерно так, всего лишь за два десятка лет бывший массовый читатель обрел качество компьютерного мышления, сущность которого состоит в следующем. Раз выше упомянуты физиологи, то с позиции физиологии работы человеческого мозга все три главнейшие функции этой работы, а именно, базовая (подсознательная) память, логическое левополушарное и художественно правополушарное мышление, нивелируются по всем субъектам этого мышления. Как Макар Нагульнов из «Поднятой целины» советского классика рассуждал (и в точку попал, не целясь!) о будущем человечестве в том смысле, что все будут одинаковыми на лицо и мысли, «смугленькими такими». По отношению к логике и художественности мышления неприменим принцип Архимеда — Лейбница: если где-то убыло, то в другом месте прибыло. Хотя все по той же физиологии правое и левое полушария трудятся совершенно автономно друг от друга, лишь «технически» соединяясь так называемым мозолистым телом (в известных опытах с перерезанием такового у обезьяны, последняя особь не изменялась в поведении после этого...), но иначе как лукавством и малограмотностью нельзя не считать уверения «телевизионных авторитетов» («*В русском человеке дерзости его ученого языка — почти нет пределов*»,— Ф. М. Достоевский, «Дневник писателя» за 1873 год), что-де ослабление художественности в современном человеке «компенсируется» усилением логики мышления. Нет, уважаемый имярек, ты самовольно законы эволюции не переписывай! Как в очеловечивании — в движении социальной эволюции — логика и художественность мышления всю дистанцию периода цивилизации и культуры «шли на равных», так и в обратном процессе расчеловечивания, увы, они тащатся вспять, имея один старческий посох на двоих...

♦ В компьютерном мышлении оцифрованный* мозг нивелируется по всем трем названным функциям. Базовая память, как уже говорилось выше в очерке, хранящая в себе все накопленное и воспринятое человеком за сознательную жизнь, с безгласным ужасом осознает свою невостребованность. Это как современный писатель. Зачем сколь-либо мощная память современному Недолайкину, если двумя-тремя нажатиями клавиши компьютера или столькими же касаниями подушечкой указательного пальца экрана смартфона он получает ответ на возникший вопрос? И это никакое не преувеличение тенденциозное, а уже сугубая обыденность. Пример из жизни всегда воспринимается нагляднее и убедительнее туманных ссылок на психологию мышления и прочие научные дисциплины, коль скоро пишем для массового читателя — уже не оговариваясь вдругорядь: а есть ли в природе сейчас таковой? Вот и пример. Из ничтожного числа читателей моих ро́манов самым усердным полагал средневозрастного доцента. Он действительно читал и сейчас читает мои книги — это сразу видно по отдельным его репликам по части сюжетов и персонажей. Был я в восторге и всячески привечал столь редкую особь в современном человейнике (а в вузах «преподы» и в советское-то время беллетристикой пренебрегали, только лекции свои талдычали...). Но весь восторг ушел в бездну уныния, когда тот однажды признался: «Уф-ф! Закончил ваш роман; почти полгода читал — очень уж часто приходилось обращаться к интернету: много «непоняток» встречается».

«И ты, Брут!» — мысленно вскричал я, а самого как ушатом холодной воды ока-

---

* Ф. М. Достоевский, столь часто — и всегда к слову! — здесь цитируемый, больше всех своих великих романов гордился тем, что ввел в русский язык новое слово — стушеваться. Мы — люди скромные, но также указываем на свои (извините, назойливо повторяемся) нововведения; в частности, термины «умозамещение» и «цифрофрения», озвученые, соответственно, в книгах: Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении: Роман-новеллино.— М.: «Московский Парнас», 2017.— 343 с.; Алексей Яшин. Житие наше оцифрованное: Новеллино.— М.: «Новые Витражи», 2019.— 329 с.

тили. Как? современный, грамотный человек, не лишенный тяги к художественному, уже без интернета не способен прочесть роман, написанный по всем канонам (грешен, не уважаю всяческих эпатажно-пиаровских вывертов) русской и советской художественной прозы?! Более тому доценту книг не даю. Да и он повзрослел — не просит. Так и лишился последнего читателя на горестной ноте «си» и с доминантой «быстрее, еще быстрее к компьютерному мышлению».

Полагаю, пример убедителен. Владея корпусом знаний в эволюционной и социальной биологии, а также в современной математике описания информационно-энтропийных систем, можно точно рассчитать число поколений в ряду расчеловечиваемых компьютерным мышлением, после чего у такового индивидуума базовая память остается лишь артефактом. Что и сделано в сугубо научной серии книг ЖМФН. Получается лишь счетное число поколений... Но ведь базовая память есть и базис (извиняемся за невольную тавтологию) литературного творчества! Вывод неутешителен: компьютерное мышление и художественное творчество несовместимы.

От ущерблення при компьютерном мышлении качества и содержания базовой памяти расчеловечиваемого индивидуума переходим к логике. Очень сложно в неспециализированном очерке объяснить угнетение логики мышления в оцифрованном человеке. Поэтому ограничимся примером, но — все прекрасно объясняющем. Не только психологам, но и любому наблюдательному, самодостаточно мыслящему человеку хорошо известно: если при разговоре *vis-a-vis* все время, что называется не моргая, собеседник пристально смотрит вам в глаза, то значит... он врет. Вспомните, именно так «*лупит на вас свои зенки*» (это у Даля так сказано) продавец, пытающийся всучить залежалую китайскую некондицию, убеждая в ее замечательной высшесортности. Или начальник, убеждающий подчиненного в самом благожелательном к нему расположении...

Но мы не о «зенках», которые просто к слову пришлись, хотим сказать, а о жестикуляции руками. Опять же практикующий психиатр (или просто квалифицированный психолог) как дважды два объяснит, что навязчивая жестикуляция руками при разговоре есть самовернейший признак... скажем мягко: логической недостаточности. Вы, читатель, злорадно вскричите: да-да, ведь женщина и пары слов не может произнести, не сопроводив их такими выкрутасами рук, особенно соблазнительно обнаженных, от плеча до мизинца, что даже великий актер-мимик Марсель Марсо позавидовал бы! Не торопитесь, если даже намедни обиделись на супругу, сварившую на обед пустой борщ вместо наваристых щей с бараниной. Да, у женщин слабовата обычная формальная логика мышления, то есть «да — нет — или», чем и гордится сильный пол. Но зато, как отметил и обосновал еще полтораста лет тому назад популярнейший тогда «разговорный философ» Бокль, женщинам, более чем мужчинам, присущ *дедуктивный* характер мышления (это как у Шерлока Холмса...), что есть вернейший признак намного более продуктивной *аналоговой логики*.* Так что мы квиты в части логики! Опять же таковая логика и жестикуляция слабо коррелируют, но вот обычная логика — см. выше. А теперь посвятите два-три часа телепередачам начала вечера, когда идут сплошь «разговорные» программы, и обратите внимание на руки страстных мужиков-говорунов: тот же Марсель Марсо отдыхает... Выводы за вами.

Одна *nota bene*: если среди ваших знакомых или коллег (не дай бог, родственников!) присутствует представитель достаточно редкого типа мужчин, что даже при ходьбе ни на миллиметр не пошевельнет руками, держа их строго вертикально, то — отрекитесь от такового. Полное отсутствие жестикуляций есть вернейший признак характера с набором негатива: себе на уме, подозрительность, своекорыстие, мстительность и пр. Упаси бог!

---

* Наш друг и научный коллега Александр Иванович Субетто, президент Ноосферной общественной академии наук (СПб), всячески ратует за разработку научных основ аналоговой логики, рекомендуя и нам обратить на это внимание. Есть над чем подумать...

♦ Итак, логика у «компьютерного мыслящего» (в отличие от собственно компьютера, работающего строго по законам формальной логики) человека ущемлена. А раз, как сказано выше, у логики и художественности один посох на двоих, то снижение логичности мышления влечет за собой и антипотенцирование художественной творческой мысли. Опять же не станем особо умничать, но упомянем высказывание признанного авторитета эволюционной биологии Джулиана Хаксли, что-де высшие животные тоже мыслят, но не осознают этого своего качества. То есть не обладают понятийным языком, а язык — это и есть предмет и содержание логики — и сама логика, добавим мы вслед за Хаксли и выдающимся нашим философом и логиком А. А. Зиновьевым.

Оставим в стороне наших родственников обезьян, как жителей иных климатов. Но в час вечернего досуга, особенно умеренно «употребив» за ужином, посмотрите внимательно на своего домашнего питомца Ваську или Полкана. Оба они, умнó наморщив лбы, уже давно воззрились на главу домашней стаи — это для Полкана или мирного сожителя — для Васьки. Нет, в отличии от домохозяйки, они и словом не желают упрекнуть в «горячительном» (под селедочку) старте ужина, но в их глазах прямо-таки читается желание рассказать о проведенном без работяги-хозяина дне — в форме доноса друг на друга (у хозяев научились): как Васька гулял на запретном для него кухонном столе, а вот Полкан, вскочив на подоконник, лаял на дворовую Жучку... Много чего есть поведать, но лишенный логики разум не в силах собрать донос в цельный образ и хотя бы промодулировать мяуканье и лай смысловым звукорядом. Тогда бы даже слегка охмелевший хозяин понял сущность верноподданнически докладываемого. А вот хозяйка с ее дедуктивной аналоговой логикой все и так понимает. Но прощает шалости по извечной женской доброте...

Бредите, сударь! Это наш «поток сознания» прервал разгневанный читатель. Ведь сколько эсэмэсок можно было выщелкнуть на «компе» или «смарте» за время, что понапрасну потрачено на чтение про Ваську и Полкана. Жучку тож. Нет, уважаемый, не бредим, ибо наяву пишем, а на часах нет двух пополудни, с коих еще предыдущий губернатор наш, трезвенник и долларовый миллиардер, распорядился продавать акцизную... А на примере с преданным Полканом и доморощенным философом Васькой образно и архипонятно показана сущность (без умничанья!) хромоты — вослед за таковой у логики — художественного творческого мышления у ныне расчеловечиваемого усердием Великого глобализатора индивидуума; в нашем случае литературного сочинителя и читателя с благоприобретенным характером компьютерного мышления. То есть, *утрата логики имеет прямым следствием функциональную безграмотность*.

Опять же, стиснув волю в кулак, посидите часок-другой перед телеэкраном, выбрав программы, где телеведущая в глубоко декольтированном наряде или молодой тележурналист с модной уже третий сезон среди «патриотов» антипатриотической растительностью (стрижка с оселедцем «под хохла» и бородка на кадыке — явно под «игиловца, смелого бойца») интервьюируют... кого угодно, любого возраста, образования (по диплому лишь, впрочем), должности и рода занятий. Ну-у, например, по теме цифровой экономики, футбола, всяческих успехов во всем сразу. Теледива и молодой репортер задают вопросы заученно, потому грамматически и даже в смысловом наклонении правильно. Допрашиваемый же, виртуозно маневрируя сухонькими ручонками, выдавливает из себя некие слова-термины, преимущественно американизмы, кое-как связывая их междометиями и словами-паразитами: э-э-э, м-м-м, вроде как, типа того, как сейчас принято, классно и т.п. Эллочка Людоедка на таком фоне за эстрадного чтеца-декламатора сошла бы!

То есть функциональная безграмотность, как возврат эволюции от человека разумного к высшим животным (см. выше определение Джулиана Хаксли), есть потеря логики языка, который, как было сказано, и есть сама логика. Это не эвфе-

мизм, но закольцованное определение сущности происходящего. Человек помнит набор слов, понимает этимологию каждого из них по отдельности, то есть сопоставляет с ним *образ в оперативной памяти*, но связать их в осмысленную, законченную семантико-семиотическую, как бы сказал ученый в части психологии мышления, увы, он не в силах.

Вот такого «читателя» с уже сформировавшимся компьютерным мышлением и имеет нынешний сочинитель... вдобавок, и он уже сам затронут таким поветрием.

Чтобы не запутать читателя из числа не разучившихся понимать литературные тексты, то есть знакомящегося с настоящим очерком, все же уточним выделенные выше понятия в их взаимосвязи. Человек — это не компьютер, и наоборот. Как бы ни старались современные масс-медиа убедить нас в скором наступлении «эры искусственного интеллекта», в которой, как уже говорилось выше, человек биологический и бездушная железка-пластмасса компьютера и их сетей сравняются в разуме, но это есть сущая профанация. Во-первых, законами эволюции таковой «искусственный интеллект» не достижим (см. в ЖМФН) — он был, есть и будет *только* запрограммированной человеком машиной. Во-вторых, в контексте нашей темы, действенен принцип «у больного здоровья не просят», то есть если человек может бесконечно (в разумных пределах) совершенствовать ЭВМ и их <глобальные> сети, основанные на нейропринципах, самопрограммировании и пр., в какой-то степени имитируя в их работе-вычислении свое, человеческое, мышление, то обратный ход, то есть обретение человеком компьютерного мышления, дает обратный же эффект: расчеловечивание. И все это по части законов эволюции! Дадим суммирующее определение.

То есть сущность компьютерного мышления человека заключается в приобретении им функциональной безграмотности, как следствие утраты логического мышления, то есть сведения мышления к оперированию отдельными словами-терминами с минимальной смысловой связкой между ними. В отличии от человека, компьютер вычисляет по строгой логике, заложенной при создании ЭВМ человеком, но компьютерно мыслящий человек утратил эволюционно заложенное качество опережающего самопрограммирования.

Единственное, что осталось у «компьютерного мыслителя» от человека в прежней, творческой ипостаси в том же качестве,— это оперативная, или «разговорная», память. На нее-то и перенесена вся «нагрузка», ранее парциально раскладывавшаяся на базовую память, логику и художественное мышление. Но и здесь, с учетом языкового общения, налицо смещение понятий. Несколько трансформируем известную пословицу: что у компьютерно мыслящего человека на уме, то есть в оперативной памяти, то и на языке. Но в таковой связке «оперативная память — язык» по определению (см. выше) логика мышления ущербна. Отсюда и современная формализация языка — со словарем Эллочки Людоедки, американизмами и пр. То есть слушаешь нынешнего человека и вроде как кажется: по делу говорит, суховато, но вроде убедительно, слов мало, говорятся они по многу раз... Но прослушал — и тотчас забыл, ибо не было логической увязки. Ведь формализация языка — это не логика, хотя по первоначалу таковой может и показаться. Словом, эффект жевания ваты во рту... Или чтение нынешних газет: как «правых», так и «левых».

♦ Вот и представили облик современного «читателя-нечитателя». Заметим, что это не брюзжание, не негативизм по образцу «раньше масло было маслянее (хотя и это сущая правда!) и вода мокрее». К сожалению, все сказанное есть то же самое «ума холодных наблюдений» — см. ЖМФН, а кто нам не поверит — перечитайте величайшего провидца Ф. М. Достоевского, в отношении которого литературоведы обычно отмечают, что из его предвидений очень многие сбылись, но именно все они из числа пессимистических в отношении грядущих этапов социальной эволюции человека. С этим надо не то что смириться — законы эволюции пересмотру не подлежат! — а человек, как уже говорилось, сверхадаптивное ко всяким изменениям соз-

дание природы, но просто иметь в виду, не задаваясь в данном аспекте исконно русскими вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?» С первым разобрались, а вот что делать современному писателю при наличии компьютерно мыслящей «читательской аудитории», то есть о чем же писать, в каком «наклонении» и пр.— вплоть до сокраментального: а стоит ли вообще мудрствовать-сочинять и тискать литерами все дорожающую бумагу?

...Книгоиздатели и книгопродавцы (см. разговоры в стихах с представителями этих почтенных профессий у Лермонтова и Маяковского) и представляющие их на «медиарынке» СМИ призывают мастеров словесности потакать изменяющимся вкусам потенциальных читателей. А кто, дескать, не захочет следовать девизу «чего изволите?» тот загодя избавит господ книгоиздателей от хлопот тиражирования своих сочинений, ограничившись печатанием одного экземпляра — для себя любимого.

С другой стороны, азартно следуя «чего изволите?» социальному заказу компьютерно мыслящей массы, в плане историческом легко впасть в конфуз-пассаж, триста лет тому назад случившийся с Генделем — извиняемся, опять о музыке, но ведь она тоже величайший ареал творчества,— а именно, когда он создал свою знаменитую оперу о завоевателе Египта Кае Юлие Цезаре, написав партию римского императора специально под «заказ»-голос знаменитого тогда певца-кастрата. И вот уже три столетия постановщики оперы ищут по всему свету исполнителей с редким контртенором! А то и просто в декор-доспехи великого воителя полумира одевают певицу с меццо-сопрано.

Так и сочинитель «чего изволите?» написав на потребу сегодняшнего дня, уже завтра рискует быть причисленным к лику писателей из числа «ныне совсем забытых». Ведь, повторимся, социальная эволюция человечества именно сейчас, в эпоху глобализации, мчится навстречу неизвестности стахановскими темпами: сегодня массы расчеловечены до статуса компьютерно мыслящих на ¼ от прежнего творчески воспринимающего естества; поутру завтра глянь — уже на ½, а к позднему ужину и на все сто про́центов! Не успеешь торопиться — по женской (которые с дедуктивным мышлением...) присказке: бегу и падаю, споткаюсь на ходу.

К социальному заказу еще вернемся, но сначала дадим облик современного труженика пера. Это, по преимуществу, тот, кто еще сохранил в себе отголоски — по времени недавнего — императива того же соцзаказа, главное, не мыслил в унисон с самым «блестящим» Людовиком: «*Apres moi le déluge*» («После меня хоть потоп»). Попутно, для наивного читателя, заметим: не следует путать компьютерное мышление и авторскую работу, то есть набор, редактирование, корректуру, верстку, с использованием своего домашнего «компа». Хотя, по здравому размышлению, можно сказать, что таковая технизация творческого процесса несколько отвлекает от сущности ее, особенно в поэзии и драме... впрочем, может это и дело сугубой привычки. Но мы — сомневаемся, и все тут!

Такой вот «запоздавший» сочинитель, почти что из предыдущей эпохи, хотя и лет-то мало прошло, а потому еще в поре творческой активности, несет в своей душе и характере самый странный симбиоз, который на Западе формулируют известным эвфемизмом (раз уж вспомнили выше французскую мову, то вдругорядь обратимся в ней: «*Grattez le russe et vous verrez le tartare*» («Поскребите русского, и вы увидите татарина»). Нет, мы, конечно, не наших, почти что братьев, татар, с которыми живем бок о бок за шестьсот лет, здесь имеем в виду, но именно то, что в современном, еще не расчеловеченном, русском образованном человеке, к каковому можно зачастую и писателя отнести, наблюдается вот этот самый престранный симбиоз — *grattez* землепашного крестьянина и... дворянина. Каждого с его характерными чертами — хотя бы и в предельно малом масштабе. Первое — по преимущественному происхождению; ведь все мы «от сохи» наших дедов-прадедов. А уж прадеды у нынешнего старшего поколения еще и крепостное право застали! А вот второе — от высокой

советской культуры, преемственно воспринятой от величественной русской культуры же XIX века, по преимуществу дворянско-помещичьей. И здесь лидирует по глубине и ширине (массового) охвата именно литература. Полагаю, смысл данного разъяснения симбиоза понятен — безо всякой обиды для потомков мужика и помещичье-служилого дворянства.* ...Чтобы по-бабски тотчас не ополчились, сразу скажу, что оба мои деда пахали землю, а затем в Империалистическую воевали солдатами-окопниками, правда, один из них — все в той же Франции под Верденом в составе русского корпуса, посланного «дружественной Антанте» Николаем Вторым...

Итак, таковые сочинители переходного периода от человечества к человейнику скорее пишут по творческой инерции: как разогнавшийся паровоз не в состоянии дать стоп ходу.

♦ *Вернемся к социальному заказу*, отвлекаясь от категории литераторов: «переходные» ли, современные генерации... Таковой заказ определяют не цари, генсеки или президенты. Его формирует, понятно дело, социальная же среда. Советский Союз не являлся, как нас убеждают, неудачным экспериментом Истории. Это был пробный ход социальной эволюции, каковая в своем движении и есть сочетание пробных — опережающих, ложных, тупиковых, проверочных и иных — ходов (подробно см. в ЖМФН). Советский социализм — в отличии от параллельных с ним национал-социализма Третьего Рейха и Социальной (фашистской) республики Муссолини — был именно *успешным опережающим* ходов эволюции. С позиции законов ее это была проверка возможности создания жизнеспособного социально ориентированного общества — государства. С окончанием проверки магистральный путь эволюции вернулся к исходной доселе точки, выработав «решение»: путь к всеобщности такого общества лежит через глобальный переход от капитализма-империализма к социально-ориентированному всемирному социуму. То есть прав оказался гениальный прозорливец Маркс: *только всем миром*! Другое дело, что путь здесь лежит через расчеловечивающий глобализм, а грядущий Марксов коммунизм суть всемирное царство технической виртуальной реальности с приданной к нему роботомассой бывших индивидуальных людей. Опять извиняемся за «краткий курс» политграмоты — это для дальнейшей ясности.

Частнособственничество, как давний атавизм человека и существующая на нем (как мухи на навозе, извиняемся) мелкобуржуазная биомасса, несомненно, давала свой соцзаказ, от противного, как в математике, породив в литературе метод критического реализма. Но имеет ли такую потенцию глобализм, тем более в нашей стране, *искусственно-насильственно* возвращенной к названным артефактам-атавизмам частнособственничества и биомассы? Предложенный и обоснованный нами метод нового русского критического реализма (см. различные издания; в интернете — по поисковику) применим, по существу, только к отечественной литературе, которая, в отличии от Запада — Востока, еще долго будет сопротивляться, то есть не терять свои истоки. Самое существенное, что сейчас исчезает основа, базис критического реализма — классовость социума, ибо в глобализме *классы отсутствуют*. Это особенность олигархического устройства мира, что уже давно проверено во времена античности. Вместо классов — пирамида общества потребления. Надеемся, особо пояснять не следует.

Наш русский народ, особенно советский, был *творческим конструктором*; сейчас же он молниеносно перерождается в *квалифицированного потребителя*. Это даже не наши слова, а одного из (многочисленных в девяностые-двухтысячные годы) министров по части образования. По крайней мере, может и не лучшим из министров

---

* Понятно дело, не имеем в виду скороспелое современное «дворянство» (из грязи в князи), оформляемое в многочисленных столичных герольдических ООО. А в Туле, и при царях-то дворянами бедноватой, вдруг взяли да и переименовали Дом офицеров, где в войну летчики «Нормандии-Неман» очаровывали на танцах местных красавиц, в Дом дворянского собрания...

был, но сказал откровенно, с «прямотой римлянина». А какой соцзаказ может быть у преобладающей профессии «манагера» и «офисной креветки»? — Если только о преимуществе коворкинга и фрилансера, то есть работы не в конторе под надзором начальника... Но все одно манагеры и креветки читать давно разучились; точнее говоря, и не умели. Тем более, что нулевой социальный заказ будем иметь на грандиозное полотно, всесторонне показывающее безысходность человека творческого, самоосознающего в глобалистском человейнике, сравнимое, например, по мощи с показанной М. А. Шолоховым в «Тихом Доне» безысходности казачества (а в области Войска донского тогда проживало пять миллионов!), попавшего в социально-политическую ловушку. Таковой современный писатель не то что на Нобелевскую (тоже уже глобалистскую) премию не сможет претендовать, но даже на диплом III степени участника конкурса ЖЭУ № 17 «Наш оцифрованный двор»!

Так что, в отсутствии соцзаказа — по определению самой глобализации — остается нашему старинному сочинителю писать все для той же обнуленной аудитории по принципу артиллериста: выстрелил и забыл.

♦ *Продолжим о симбиозах*, которыми насквозь пронизана история России: от официального девиза графа Уварова «самодержавие — православие — народ» до современного неофициального, сформулированного А.А. Зиновьевым: «западнизм — советизм — феодализм (церковь)», причем советизм — это где надо еще немного подождать, штаны подтянуть, а западнизм — постоянные ссылки в СМИ: а вот у них так-то, нам надо тотчас перенять... исключая ссылки на западные зарплаты, конечно.

Естественен вопрос: если должно нам равняться на Европу — Америку во всем (кроме зарплаты), то теперь-то в эпоху глобализма разве не спасение для русской словесности и ей *подравняться*? Немного совсем уж близкой истории. В середине семидесятых годов журнал «Иностранная литература» как-то в одночасье обрушил на неискушенного советского читателя целый ворох (условно) современной западной литературы; на памяти: «Портрет художника в юности» автора «Улисса» Джеймса Джойса, «Назову себя Гантенбайн» Макса Фриша, «Рыжие сестры» Франсиско Гарсиа Павона, «Кружевница» Паскаля Лэне, «Теофил Норт» Торнтона Уайлдера, «Человек-ящик» Кобо Абэ, «Черный принц» Айрис Мердок... можно еще на пару-тройку строк продолжить. А в сборнике «Писатели США о литературе» (1974 г.) и главного теоретика современной западной литературы Дж. Сантаяну опубликовали. В той же «Иностранке» напечатали «Чайку по имени Джонатан Ливингстон» молодого европейского писателя. Коль скоро других его публикаций на русском языке тогда не было, то и имя его (скорее всего псевдоним) не запомнилось. Что-то вроде Ричарда Баха. Но именно эта «Чайка» с уважительным именем и стала квинтэссенцией новой западной беллетристики. В девяностые годы у нас начали печатать и тех, кого на Западе именуют (скромно) «современные классики»: Кастанеда, Урсула ле Гуин, испанский писатель из Валенсии Хуан Хосе Мильяс.

Из чтения всех названных выше «почти современных и уже современных классиков» вырисовывается основная (и довлеющая!) творческая манера западных писателей: опять же *симбиоз реальности и вымысла*.

...Вроде как Запад, особенно Европа, давно социально-политически и экономически едины; глобализм их-то уже полностью поглотил. Но едина ли их литература, как того следовало ожидать, бесконечно пережевывая это сочетание реальности и вымысла? На первый взгляд — утвердительное «да». Читая роман «У тебя иное имя», за который Мильяс был удостоен престижной испанской премии *Nadal*, и мы как бы не выходим за стены-рамки уже и своего сектора глобализма: главный герой романа Хулио лечит простуду тем же колдрексом, что и мы приносим из аптеки; в видении (реальность + вымысел) телевизионщики устраивают реалити-шоу встречи внучки с бабушкой после многолетней разлуки (см. на наших экранах целый сомн таких телеспектаклей...). И так далее: все «родное», все стало похожим на земшаре. Пожалуй,

единственное отличие от «наших палестин» — Хулио регулярно посещает «своего психоаналитика». Это скорее сходство с американским бытом, где каждый Джон имеет своего адвоката и психоаналитика. У нас же пока народ в массе головой здоров, а потом опасается всяких наименований, содержащих корень «псих», полагая носителей таковых шарлатанами. «А то занесут в какую-нито картотеку, потом и прав водительских не получишь!» — вполне справедливо рассуждает добрый наш народ, опутанный суконно-цинковой бюрократией...

Но мы отвлеклись на злободневное. Читая же «глобализованный» по деталям быта роман Хуана Хосе Мильяса, «современного классика», сквозь все эти колдрексы, психоаналитиков, телешоу «Жди меня» вдруг неосознанно вспоминаешь... «Дон-Кихота». Ни много, ни мало! Даже в нашу злосчастную эпоху глобального нивелирования *именно* в литературе нельзя заглушить ее *корни и истоки*! Точно также читая современную французскую, англо-американскую, немецкую литературу, в особенности прозу, находишь, также неосознанно, ее корни: Монтеня и Руссо, Лоренса Стерна и Шекспира, Гёте и Шиллера, соответственно.

И в какой степени нам равняться во всем и всея на Запад в части словесности, имея свои корни и истоки, идущие от Ломоносова и Державина, Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Карамзина (хотя бы последний испортил русский язык введением французской буквы «ё», а русскую письменную историю своей «чего изволите?» под династию Романовых...), а ближе к нам и вовсе умолкаем от гордости и восторга за нашу великую русскую литературу.

♦ О цензуре и самоцензуре, этих извечных спутницах русского писателя, которых мы фривольно сопоставим со строгой супругой-домоправительницей и игривой, но требующей бдительного присмотра любовницей (содержанкой у людей, как сейчас говорят, состоятельных), соответственно, мы уже публично *донесли*.* Кстати говоря, и собственно междоусобные доносы, так замечательно, почти что любовно описанные в «Мастере и Маргарите», доселе в ходу. Как это ни странно, когда собственно литература в забросе у властей. Обратная сторона доноса — неимоверно усилившаяся именно сейчас взаимная неприязнь литераторов; по закону Дарвина межвидовой борьбы (главное, ведь не за что и бороться-то!): все против всех. От скуки жизни, надо полагать. Ведь известно, что похвалить собрата-писателя все одно, что улыбнуться, скушав лимон или ложку горчицы. А вот в наше время — выпив стакан уксуса... Так что все это неистребимо, а главное, есть та лакмусовая бумажка, что свидетельствует: жив курилка (Ромен Роллан)! Есть еще порох в пороховницах, то есть жива еще литература. Опять же — утверждение от обратного, как в математических доказательствах.

Вот мы и добрели-таки до вопроса вопросов: о чем же писать современному сочинителю при «нулевой» аудитории читателей? Вроде как жизнь (якобы) бурлит ... но скорее сродни мыльной пене в корыте, возмущенной кувшином влитого кипятка. Та же Европа полностью опидорасилась, говоря словами Никиты Сергеевича, и на Россию всем кагалом — пока словесно — прет. Вот бы о чем ро́маны тискать! Но для кого? И стоит ли вообще про Европу-то? Опять же здесь все сказал Достоевский: «*И вообще мы так поставлены нашей европейской судьбой, что нам никак нельзя побеждать в Европе, если б даже мы и могли победить: в высшей степени невыгодно и опасно. Так, разве какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они еще могут «простить»,— завоевание Кавказа например*» («Дневник писателя» за 1876 год).

Все сказал Федор Михайлович про наше нынешнее: и про «Кавказ (увы, далеко не весь) подо мною» — частная победа, и повсеместный снос (кроме Германии и Венгрии — главных наших противников в войне) в Европе памятников советским воинам — «невыгодно и опасно» нам побеждать в Европе.

---

* Алексей Яшин. Салонные рамки литературы // Дон.— 2019.— № 7—9 (строенный номер).— С. 216—222.

Так что тема Европы для русского писателя сейчас закрыта. Равно как и вся современная история. И зачем писать, душу рвать? Обывателю из трудовых офисных и иных масс выше горла информационного шума от СМИ. Потом — напишешь романище, облегченно вздохнешь, «...в конце письма поставив *vale*», включишь по рассеянности вместо утюга телевизор — а там в духе глобализма уже великое примирение! Живем-то все как на вулкане. Вокруг самое неприкрытое лицемерие, всякие толерантности и общечеловеческие ценности (то есть доллары и евро), а у нас еще щедро сдобренные суконно-цинковым административным восторгом.

Опять же писать, полагая запиариться, «по-европейски» (см. выше), мешая сказку-вымысел с действительностью, не всякому по нутру. Не получается по-европейски, все смахивает на рекламу презерватива, по нанотехнологиям китайцами сотворенным.

Вроде как чиновников-взяточников у нас поругивают, даже особо одаренных образцово-показательно в узилища препроваживают. Казалось — пиши не хочу! Ан нет, у нас опять же традиции на этот счет ограничительные. «*Отцы отечества начинаются у нас с чина тайного советника*»,— писал Достоевский, а Михаил Евграфович и вовсе понижал границу неприкасаемости до коллежского асессора, то есть майорского чина. В советские времена таковым рубежом являлся руководитель горкомхоза товарищ Саахов. Традиция!

Но ведь имеется еще история СССР, история древняя? Есть и фантазии, детективное чтиво? Старинный наш сочинитель последними брезгует, женским сочинительницам отдает... История СССР? — как-то неуютно сейчас «агитировать за советскую власть». Климат не тот, а остатки традиционного советизма (см. выше) прилагают к нынешним докукам властей.

...Словом, куда ни кинь — всюду клин. Современность — информационный шум не перекричишь; опять же тема здесь архисужена: ничего, дескать, личного, только бизнес. Но писателю-то более всего эта современность приемлема, свой личный опыт. Для «пограничных» сочинителей здесь есть творческая лазейка: как Лев Толстой, что создавал «Войну и мир» спустя полсотни лет после событий Наполеоновых войн — близкое видится на расстоянии — так и наш современный писатель, одной ногой еще уверенно стоя в советском прошлом, а другой брезгливо нащупывая опору в сонме кишашей частнособственнической мелкобуржуазной биомассы, способен на творческий подвиг: окинуть единым художественным взглядом советское прошлое, ведомое ему и переданное ближними пращурами, и современное — не все же гадливо и в нем! — Хотя бы свои дети и внуки. А о «партии и правительстве» пусть пишут Юрий Мухин и Владимир Бушин; Максим Калашников и Игорь Пыхалов тож. Им дозволено условно, через тираж в тысячу-полторы экземпляров, выпускать пары.

Своя жизнь с сопричастной ей «удельной» и более пространной историей, преломляющая окружающую действительность через себя, опять же в свете исторического опыта,— наиболее устойчивая платформа современного писателя, хотя бы по принципу страуса и закрывающегося от малоприятной реальности оцифрованного жития нашего (см. сноску выше). Любой творческий труд не должен пропасть! — Это как библейские семена добрые... Была бы земля для них еще.

Мой товарищ и литературный коллега Леонид Кириллович Иванов, окормляющий Тюменскую писательскую организацию СПР, как-то заметил в своем письме: «... *Опять пишу о деревне. Наверное, никогда я не отойду от этой темы, как и ты, мой друг, никуда не денешься от своего Севера и Северного флота*». Так тому и быть. «*Радуется купец, прикуп сотворив, и кормчий, в отишье пристав, и странник, в отечество свое пришед; так же радуется и книжный списатель, дошед конца книгам. Тако же и аз, худый, недостойный и многогрешный раб Божий Лаврентий мних...*» (Лаврентьевский летописный свод 1377 года).

К 150-ЛЕТИЮ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КУПРИНА (1870 — 1938)

Лариса Яшина
(г. Пенза)

РОЖДЕНИЕ МОНУМЕНТА, ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ КУПРИНА

Наш постоянный автор.

Если б знал Куприн,
что эхом
Здесь слова его звучат,
Никуда бы не уехал,
Не покинул Наровчат!

Куприна с упоением читала и Россия, и Заграница, а вот памятника великому русскому писателю нигде в мире не было. Его имя никогда не стояло в планах монументального творчества. В России официальные власти смотрели на него как на бывшего белогвардейца. Когда дочь Куприна Ксения вернулась в Россию, в Гатчину, которую они были вынуждены покинуть в 1919 году, и заговорила о музее отца, ей примерно так и ответили: «Еще не создавали мы музеев всяким белогвардейцам!»

Возвращение Ксении Куприной, красивой, признанной французской актрисы на родину было встречено довольно спокойно, если не сказать равнодушно. А она привезла чемодан рукописей отца, даже некоторые неизданные, его переписку... Но, видимо, чьей-то недоброй волей театры «отказывались от ее услуг». Министр культуры Екатерина Фурцева не пожелала общаться с буржуазной актрисой. Правительство знало, что Куприн давным-давно умер. А тут еще какая-то дочка! А та проживала привезенные средства в Метрополе. Тогдашнее руководство Союза писателей, которое и приглашало ее вернуться на родину, с трудом «выбило» для нее жилье и работу. Ксении выделили небольшую однокомнатную квартирку на Фрунзенской набережной. Чуть позже ее приняли в Московский театр им. Пушкина. Мечта сыграть интересные роли теперь уже в русском театре, на русском языке, для русских зрителей... Но Ксения и не подозревает, что, к несчастью своему, попала в театр, который похоронит ее как актрису, где она стала «актрисой без имени» с крошечной зарплатой: ей давали роли только в массовках. Она тяжело переживала свое положение в театре.

Из процентов, полагающихся наследникам за издаваемые в стране книги Куприна, Ксении не заплатили ни копейки и с большим трудом определили пенсию за отца в 100 рублей. Из свободного человека Ксения Куприна превратилась в зависимого советского просителя. И все же она начала писать и издала книгу «Куприн — мой отец», публиковала статьи о литературе, снялась в художественно-документальном

телефильме об отце «Мне нельзя без России» (1967 г.), поставленном режиссером Александром Прошкиным по сценарию Ксении Куприной и писателя Владимира Оболенского. В этом фильме Ксения играла саму себя и вела повествование, а ее партнерами были известные актеры МХАТа А. Кторов, П. Массальский, В. Топорков, В. Попов.

...Но, оказалось, что в СССР ни она, ни ее фильм никому были не интересны... Жила Ксения Александровна замкнуто, а в последнее время особенно. У нее почти никто не бывал... Одолевала болезнь...

В Пензе же идея создания мемориального музея Куприна в Наровчате давно не давала покоя музейщикам — сотрудникам Тарханского заповедника Валентину Арзамасцеву, Наталье Кугель, Петру Фролову. Идею поддержал главный идеолог Пензенской области Георг Мясников, искренне стремящийся возродить и сохранить духовные ценности края. К тому же, ему стало известно, что известная актриса, дочь Александра Куприна Ксения, работает чуть ли не вахтером в Малом театре...

Ксения Александровна с недоверием встретила посланцев из Пензы, но была рада сообщению, что на родине отца в Наровчате — небольшом городке Пензенской области — в доме, где родился Александр Куприн, будет создан музей.

В памяти будущего писателя Наровчат, заштатный захолустный городишко, из которого мать увезла трехлетнего Сашу в Москву, казался большим волшебным городом «вроде Москвы, только красивее».

А может быть, фантазер — будущий писатель — в своих мечтах видел древний город Мохша, который, и на самом деле, давно, в начале четырнадцатого века, был богатейшим городом, столицей северо-западного улуса Золотой Орды. Его украшали белокаменные мечети и мавзолеи, караван-сараи... Там чеканилась своя монета, город процветал, но в конце четырнадцатого века нашествием Тамерлана он был полностью уничтожен и сто лет на этих землях никто не селился.

Близилось 110-летие со дня рождения писателя-земляка... Вот как пишет об этом куприновед Татьяна Кайманова.

«Впервые о памятнике Куприну заговорили в начале 1980-х годов. Пензенский край, благодаря Великому Георгу, был одержим музееманией и уважал Мнемозину — богиню памяти.

Готовились к открытию музея в Наровчате. Известный в Пензе скульптор Владимир Георгиевич Курдов, автор памятника Александру Радищеву, а чуть позже — Денису Давыдову, получил срочный заказ на создание памятника Александру Куприну. Времени было отпущено немного.

Создан был даже не бюст, а скульптурный портрет: голова писателя, высеченная из гранита на узком четырехгранном гранитном постаменте, установленном в центре Наровчата, возле открывшегося в том же 1981 году музея. Пензяки были горды — это был первый памятник Куприну в стране. Кроме того, в экспозицию музея, расположившегося в восстановленном доме Куприных, поместили бюст, выполненный из чугуна все тем же мастером В. Г. Курдовым. В его трактовке образа Куприна: широкое скуластое лицо с длинными опущенными татарскими усами, возвышенное спокойствие лика, всепонимающий взгляд умудренного жизнью человека.

...Эта скульптура излучает энергию, которую должен почувствовать и принять зритель. Именно почувствовать, как это умел сам Куприн».

Государственный музей — усадьба А. И. Куприна был открыт на его исторической родине 8 сентября 1981 года. Как говорит куприниcт Лариса Рассказова: «В свой день рождения в 1981 году знаменитый писатель вернулся в свой Наровчат насовсем. Сейчас наровчатский музей Куприна — единственный монографический, где перед посетителями раскрываются, наряду с пензенскими страницами, его биография и творчество».

С самого начала уровень музея определился тем, что сотрудники музея встретились и установили дружеский контакт с дочерью писателя. Ксения Александровна передала музею драгоценные семейные реликвии, а затем, по ее завещанию, сюда поступили личные вещи ее отца, издания его произведений, книги из библиотеки самой Ксении Александровны, семейная переписка, портреты. Это самая драгоценная часть музейной коллекции.

Несмотря на тяжелую болезнь, Ксения Александровна Куприна приехала на открытие музея и памятника. Гостеприимная родина ее отца оказала ей достойный прием. Жители Наровчата и Пензы, кто имел счастье встретиться и общаться с ней, сохранили самые теплые воспоминания. Она побыла на пензенской земле несколько дней, отдыхала в санатории... Но через два месяца в Пензу пришло тяжелое известие: дочери великого писателя, прекрасной женщины, талантливой актрисы Ксении Куприной не стало 8 декабря того же 1981-го года. Думается, что она ушла с легкой душой и сознанием того, что ее отца Россия любит и чтит, и что он теперь будет всегда в родном доме. Похоронили ее рядом с отцом на Литераторских мостках Волковского кладбища С-Петербурга.

Дом — музей Александра Куприна в Наровчате — это единственный музей писателя, хотя с именем Куприна связаны усадьба Батюшковых в Вологодской области, где он бывал наездами и где есть несколько подлинных вещей Куприна, и усадьба Щербова в Гатчине, где он бывал в гостях. Дом Куприна в Гатчине не сохранился, но есть экспозиции в «Купринке» — Гатчинской городской библиотеке его имени. Одна из улиц города носит имя Куприна.

Памятник в Наровчате долго был единственным, но, наконец, Гатчина решила вернуть своего гатчинского жителя. И в 1989 году в городе появился бюст-памятник Куприну работы скульптора В. Шевченко.

В разные годы в городах и селах России и за ее пределами появились улицы и переулки имени Куприна. В тех местах, где он жил, бывал, в честь Александра Ивановича Куприна установлены памятные знаки и мемориальные доски: в Одессе, Киеве, Житомире, С-Петербурге... В Коломне на доме, где Куприн бывал у своей сестры,— мемориальная доска; в Балаклаве имя писателя получила библиотека, а в мае 2009-го года на набережную «пришел» сам Куприн (скульптор С. А. Чиж).

Памятные места обозначены, но все же нет главного: памятника писателю-классику, как говорится, «крупной формы».

В ПЕНЗЕ объединение литературно-мемориальных музеев Пензенской области с 2001 года проводит творческий Купринский конкурс «Гранатовый браслет», направленный на привлечение особого внимания к жизни и творчеству выдающегося земляка и на выявление молодых дарований. Конкурс выявил талантливого скульптора — выпускника Пензенского художественного училища и МГАХИ имени Сурикова, давно работающего над Купринской темой,— Владимира Курочкина. Он создал три модели писателя: бюст А. И. Куприна; Куприн, сидящий на стуле со шляпой в руке; Куприн за рабочим столом.

Литьевую модель бюста В. Б. Курочкин в 2004 году на XX-м Купринском празднике подарил Наровчату, и Куприн «поселился» в читальном зале районной библиотеки

А две другие модели — бюст А. И. Куприна и Куприн за рабочим столом — еще в 2001 году были представлены академиком А. А. Цветковым, как председателем инициативной группы, в Комитет по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга. А. А. Цветков, много лет изучающий жизнь Куприна, автор книг «КЛЮЧИ К ТАЙНАМ КУПРИНА» и «ДОЛГОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ КУПРИНА», был первым, кто обратил внимание на то, что А.И. Куприну нигде нет настоящего монументального памятника.

Эту инициативу в 2003 году поддержали губернатор Санкт-Петербурга Валенти-

на Матвиенко и академик РАН Николай Сватов (Пушкинский Дом). Но дело застопорилось по причине безденежья — вполне обычной для культуры...

Тем более неожиданно было, что в 2007 году увидело свет десятитомное Полное собрание сочинений А. И. Куприна. Следом был выпущен и 11-й том. Это уникальное издание: в него вошли ранее не публиковавшиеся публицистические материалы, созданные А. И. Куприным еще в эмиграции.

Но чтобы А. И. Куприн оставался «всероссийским жителем», нужны не только фестивали «Гранатовый браслет», издание одиннадцатитомника, бюсты-памятники в Наровчате, Гатчине, но и настоящие монументальные памятники писателю-классику в Москве и Петербурге. И Альберт Александрович Цветков продолжил начатое ранее: пошли обращения в высокие инстанции, в Комиссию по монументальному искусству и даже в Правительство России, убеждающие в необходимости создания монумента: «Александр Иванович Куприн как никогда нужен России сейчас...».

Ответы были, но, к сожалению, однотипные: Комиссия рассмотрела... выписку из... отложить... сведения о гарантийных... кризисные тенденции... в ближайшие годы сооружение монумента не представляется возможным...

Как видите, надежда остается только на «своих», да на тех «сильных мира сего», кому дорога судьба родной литературы, незабвенны имена любимых писателей. «Да святится Имя твое, Александр Иванович Куприн!»

И полетело письмо в Пензу, на родину Куприна.

Председателю общественной организации
«Наровчатское землячество»,
В. М. Журавлеву

Уважаемый Валентин Михайлович!

Посылаю Вам ксерокопию моего письма... о необходимости возведения памятника замечательному русскому писателю, уроженцу Наровчата, Александру Ивановичу Куприну от Правительства РФ с соответствующим финансированием. В конверт вкладываю три ответа от соответствующих инстанций. Обратите особое внимание на ответ из Министерства Культуры РФ, там есть такая строка: «Минкультуры России поддерживает идею установки памятника А. И. Куприну, при условии включения его в список памятников общегосударственного значения, сооружаемых на основании Указов Президента Российской Федерации и постановлений Правительства РФ». Сейчас А. И. Куприна в этом списке нет. Моего личного предложения недостаточно, требуется инициатива какой-либо общественной или государственной организации с необходимым обоснованием. Полагаю, что такими общественными организациями смогли бы быть Ассоциация Пензенских Землячеств и, конечно, Наровчатское Землячество, которые...».

А. А. Цветков —
член «Наровчатского землячества».

...На Купринском празднике 7 сентября 2012 года председатель Наровчатского землячества, заслуженный строитель России, почетный гражданин Пензенской области, Пензы и Наровчата Валентин Михайлович Журавлев в своем выступлении заявил: «Землячество приложит все силы для того, чтобы Купринский литературный праздник приобрел Всероссийское значение. И для этого проекта уже заказан памятник писателю в полный рост. «Через 2—3 года памятник Куприну будет стоять в Наровчате!»

Ровно через три года, в 145-й день рождения любимого писателя-земляка, 7-го сентября 2015 года, на XXXI-й Купринский праздник в Наровчат съехалось особенно много гостей. На площади возле собора многолюдно. И вот... скользнула легкая ткань и глазам собравшихся явился сам Александр Иванович Куприн в окружении

своих героев! Приехал на Родину, сел на скамью, снял шляпу, положил ее с перчатками рядом, задумчиво смотрит на земляков и в сторону своего родного дома. А за его спиной — знакомые многим Олеся, Ромашов, Суламифь, даже мальчишки-беглецы и сам он — Саша Куприн — в юности. Площадь, полная людей, взорвалась аплодисментами, в небо взвились торжественные и слаженные голоса оркестра. Сбылась многолетняя мечта: создан единственный пока на белом свете монументальный памятник замечательному русскому писателю, а для наровчатцев особенно близкому земляку, поэтому на народные деньги — всем миром — земляками и создан. И авторы пензенские: скульптор Александр Хачатурян, архитектор Дмитрий Димаков и все, кто причастен к этому грандиозному творению. Вот истинно народная память и дань таланту писателя, «доброго рассказчика», вернувшегося на свою Малую Родину.. Не в равнодушных столицах остановился он, возвратившись в Россию, нет: его вместе с дочерью пригласила в родной дом щедрая на добро пензенская земля, потом он заглянул в близкую сердцу Гатчину, задержался на набережной в Балаклаве, которую очень любил, но навсегда прибыл все-таки в зовущий к себе корнями святой, «красивее Москвы», Наровчат.

Добро пожаловать, Александр Иванович КУПРИН! Мы рады Вам!

Наровчат. Первый памятник А. И. Куприну (1981 г.)
Скульптор В. Г. Курдов

Наровчат. Общий вид архитектурно-скульптурного ансамбля А. И. Куприну. (2015 г.)
Авторы А. Хачатурян, Д. Димаков

А. И. Куприн.

«Суламифь». Фрагмент Ансамбля

ПО СЛЕДАМ КУПРИНА

А. И. Куприна
предупредили об аресте...

Ему был так же уготован
Тот путь, что трупами усеян...
Он ночью мог быть арестован,
А через день иль два — расстрелян.
Писатель? Ну и что ж такого?
Свинец умеет слово править,
Ему равно к Богам отправить
То ль Куприна, то ль Гумилева...
Коль офицер так ненадежен,
А, может, даже и опасен...
Мы говорим, что мир прекрасен,
А он коварен и тревожен!
Вот поутихнет чуть, и снова
Душа страданьем изувечена.
Оно сначала было — СЛОВО,
Оно и будет править вечно!

ПАРИЖ

Велико притяженье Парижа!
Вся Европа стремится сюда.
Жить в Париже,
Возможно, престижно,
Эмигрантам же, право,— беда.
Нет, приветлив Париж
К иностранцам,
А к богатым, известным —
Вдвойне.

К экскурсантам,
Но не к эмигрантам —
Их таланты упали в цене.
И Куприн,
Хоть писатель известный,
Повидавший
И знающий свет.
Пишет, чтобы прожить,
Для прессы.
Вдохновенья для большего —
Нет!
Время смутное их изживало,
Уезжали, Россию любя,
«А чужбина вконец изжевала»,—
Так Куприн говорил про себя.

МОЯ НЕЛАСКОВАЯ РОДИНА

Моя
Неласковая
родина,
Контраст и яркости,
и тьмы.
Не тесно вместе было
вроде нам,
Так отчего ж расстались мы?
Моя богатая и нищая,
К чему тебе вся мишура?
Так что ж в другом краю
Все ищем мы,
Не ищут от добра добра.
Когда же на порог усталости,
Тоской измученный, взойдешь,
То от любви к тебе
и жалости
Прольется слез
светлейший дождь.
...Моя
Измученная
Родина.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Умирать нужно в России, дома,
так же, как лесной зверь уходит
умирать в свою берлогу.

А. И. Куприн

Вернулся Куприн
К России родной
Полуослепший,
Слабый, больной.

Не ожидал он
При встрече с Россией
Увидеть ее
Молодой и красивой,
Как говорится,
«в труде закаленной»,
Радостной, яркой
И обновленной.
Только не знал он черного хода —
Тридцать седьмого
Коварного года,
Жизни,
Как зебра дорог, полосатой,
Строек великих,
Что тачкой, лопатой,
Кровью, костями
Построили зеки.
Славься, Россия родная,
Вовеки!

СОЗВУЧИЕ

Нет ничего случайного,
Вслушиваюсь я в звук:
В словах Наровчат,
И Гатчина —
Пять одинаковых букв.
Хоть в Наровчате начаты
Первое слово и шаг,
Потом поселились в Гатчине
Сердце его и душа.
В вечном долгу неоплаченном,
Другой не найдя причал,
Куприн тосковал о Гатчине,
О Наровчате скучал.
Что Временем не утрачено,
В музей перешло, в гранит.
О нем вспоминает Гатчина,
Его Наровчат хранит.

... Родная земля хранит.

Валерий Сухов
(г. Пенза)

АВГУСТ АЛЕКСАНДРА КУПРИНА

Сухов Валерий Алексеевич родился в 1959 г. в с. Архангельское Пензенской области. Окончил Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского и аспирантуру при Московском педагогическом университете. В 1997 г. защитил кандидатскую диссертацию «Сергей Есенин и имажинизм». Работает на кафедре литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного университета. Член Союза писателей России. Лауреат международной литературной премии имени Сергея Есенина «О, Русь, взмахни крылами...» и Купринской премии «Гранатовый браслет» в номинации «Мастер», редактор отдела поэзии журнала «Сура».

КУПРИНСКИЙ АВГУСТ

Для Александра Ивановича Куприна месяц август был судьбоносным. 26 августа (по старому стилю) 1870 года он появился на свет, 25 августа 1938 ушел из жизни. Поэтому и купринское творчество ассоциируется у меня с этим месяцем. Это кольцо судьбы писателя заставляет задуматься о многом. Каждый год в конце августа я живу предчувствием новой встречи с городом Наровчатом — малой родиной писателя. Уверен, что детские годы, прожитые здесь, во многом определили характер его будущего творчества. Не случайно он так часто вспоминал о своих пензенских корнях. Чтобы понять и почувствовать самобытный «яблочно-медовый» вкус прозы Куприна, необходимо побывать на его родине — в старинном русском городе Наровчате, овеянном древними легендами, подняться на колокольню Троице-Сканова монастыря, с которой открывается такой поразительный вид.

Для меня Куприн с юности остается любимым прозаиком во многом потому, что он был очень поэтичен в своих описаниях любви. Первой повестью, которую я прочитал, была «Олеся». Потом настало время возвышенного «Гранатового браслета» и страстной «Суламифи». Потряс своей жестокой правдой жизни «Поединок». Сравнительно недавно я познакомился с автобиографической повестью «Купол Исаакия Долматского». Прочитав ее, я понял, почему Куприн вынужден был покинуть Россию и долгие годы прожить в эмиграции.

Мне кажется, что Куприн — тот писатель, который с годами открывается постепенно все новыми и новыми гранями своего таланта. Он очень тонко чувствовал природу, любил животных. Это сближает его с моим любимым поэтом Сергеем Есениным, который очень высоко ценил купринский талант и даже мечтал лично позна-

комиться с писателем. К сожалению, эта встреча не состоялась. Есенин постеснялся побеспокоить известного писателя своим посещением. Но знакомство с прозой Куприна оставило свой значимый след в есенинской поэзии. Об этом мне хотелось бы поделиться в эссе, которым завершается небольшая книжка.

Куприн — мой любимый русский писатель, поэтому в стихах, включенных в сборник, так много лично пережитого. Купринский подтекст в них часто лежит не на поверхности, а скрывается в глубине. Именно поэтому я посчитал возможным объединить эти стихи, написанные в разные годы, в один букет и положить его к подножию памятника Александру Ивановичу Куприну.

НА КОЛОКОЛЬНЕ ТРОИЦЕ-СКАНОВА МОНАСТЫРЯ

Бьется не сердце, а колокол
В широкой русской груди!
С крестом золотую голову
В грозу нелегко нести.

Синие змеи молний
Вьются кругом клубком.
И среди мрака в полдень
Ударил в колокол гром!

В тучах кровавых Запад.
Туманом покрыт Восток.
Дьявол небо залапал —
Ливнем смыл пятна Бог.

Малиновый благовест солнца
Половодьем залил поля.
Молитвенно отзовется
Святым перезвоном земля.

И с колокольни Сканова
Седого монастыря
Русь откроется заново
Ясная, как заря.

КАМЕННАЯ БАБА

Закат, словно раненый сокол,
Над степью раскинул крыла.
Знать, в небе высоко-высоко
Смертельная битва была.

Не воронов черная стая —
Ночная спускается тьма.
И баба застыла седая,
Как камень, слепа и нема.

Глядят и не видят зеницы
Сквозь вихрем взметенную пыль.

Как страшно чернеют глазницы!
Как стелется белый ковыль!

Откуда у каменной бабы
Такая живая тоска?
Живот сберегая, спасла бы
Она от безлюдья века.

Но кровью истек ее сокол,
Раскинув по травам крыла.
Знать, в поле далеко — далеко
Смертельная битва была.

РУССКАЯ ДУША

Я с небес в степное разнотравье
Соколом у камня упаду.
Словно версты — крылья разметаю.
И на росы расколю беду.

Обернусь я молодцем плечистым,
Оседлаю доброго коня.
Три дороги есть во поле мглистом.
Каждая дорога — для меня.

Матери на то нас и рожали,
Чтобы в путь опасный провожать.
Заповеди каменной скрижали
Наугад Ивану выбирать.

Мертвого меня живой водою
Старый ворон сможет воскресить,
Чтобы я с царевной молодою
На пиру смог мед и пиво пить...

Все мы, люди русские, по сути
Сказочной мечтой в душе живем.
Только Русь, как витязь на распутье,
Замерла в раздумье роковом.

Вороные тучи над полями.
Кровью налились глаза росы...
Сыновья полегшие — костями
Насмерть в землю русскую вросли.

НАБЕГ

Обжигает дыханьем сухим суховей.
В нем бескрайняя горечь полынных степей.

Гарь спаленных хлебов и родных пепелищ.
Поминальных курганных высоких кострищ.

Суховей, как орды беспощадный набег.
И из века все так повторяется в век.

Где крылами махнет суховей — все горит,
И не ведает он, не поймет, что творит.

Там где древний когда-то стоял Наровчат,
Только черные трубы из пепла торчат...

НАРОВЧАТСКИЕ ЯБЛОКИ

Перепутал ветер бедовый
Все, что август для нас припас.
Пахнет яблоком Спас Медовый.
Пахнет медом Яблочный Спас.

«Чем богаты мы, тем и рады».
В Наровчате пьем с медом чай,
Наблюдая за яблокопадом,
Что в саду пошел невзначай.

Скатерть сказочная самобранка.
На столе — русский пир горой.
От сливовой наливки жарко!
Нас Куприн пригласил домой.

Как янтарно сочатся соты!
Как румянится белый налив!
Вспоминая детские годы,
Может, этим и был он жив?

Оставаясь всю жизнь наровчатцем,
И в далеких чужих краях
Сладко — кислый вкус яблок счастья
Нес Куприн на своих губах.

ДОМ КУПРИНА

Покóрен Божьей воле
Был город Наровчат.
После пожара — горе:
«Лишь колышки торчат».

Овеян теплой грустью
В плену у тишины.
Дом в пыльном захолустье,
Где жили Куприны.

Здесь в августе родился
Сын младший — Александр.
Здесь в Русь он погрузился,
И Русью стал он сам.

Татарская порода.
Характер! Ох, держись...
Три прожитых здесь года
Он вспоминал всю жизнь

И помнил — есть в России
Родимый уголок...
Разрушить «мир насилья»
Страну сподобил рок.

Пришлось покинуть Гатчину,
С Совдепом воевать,
О Родине утраченной
Над Сеной тосковать

Промозгло за границей.
И мед горчит, как яд.
И надо же... Приснится
В Париже — Наровчат!

Овеян тихой грустью,
В плену у тишины
Дом в пыльном захолустье,
Где жили Куприны.

С тоски в чужих хоромах
Не мудрено запить...
Тепло родного дома
Куприн умел ценить.

РОДСТВО

Степь проснулась и ожила, и, кажется,
будто она дышит глубокими,
ровными и могучими вздохами.

А. И. Куприн «В недрах земли»

В родстве с природою живу.
От злого зноя степью маюсь.
Я ливнем падаю в траву!
И радугою поднимаюсь.

В зенит взлетаю в синеве
В разгар охоты соколиной!
И никну к матери — земле
Повинно головой полынной.

Пусть зарастет в степи могила,
Я весь в природе растворюсь.
И с тем, что было сердцу мило,
Корнями рук переплетусь.

Печаль избыть я не могу.
Вздыхают, высыхая, травы...
Валки на скошенном лугу —
Как строки «Слова о полку» —
Хоругви сгубленной державы.

ВОСПОМИНАНИЯ

Даже цветы на родине пахнут по-иному.

А. И. Куприн

Дохнул прохладой августа закат.
Устало стадо возвращается под вечер.
Коровы понимают русский мат
И пастухам покорно не перечат.

Бредут буренки тихо, как века.
Глаза полны какой-то грустью древней.
И оживает русская деревня,
Испив с утра парного молока...

Звенит вечорошник. Коровы видят сон.
Им снится луговое разноцветье,
Жужжанье пчел, кузнечиков трезвон,
Густой туман и росы на рассвете.

Вместилась жизнь в коротких три глотка.
И глиняная крынка запотела.
Сдувает ветер пену — облака
И к небу приникает то и дело.

Родным повеяло издалека.
Холмы земные солнышком налиты.
И запахом парного молока
Полны полынной родины молитвы.

ЗАПАХ РОДИНЫ

В летний зной горчит полынь.
Есть в страду отрада.
У реки в тени ветлы
Отдыхает стадо.

О подойники звенит
Молоко густое.
В полдень над травой парит
Марево цветное.

Вот и ливень золотой
Хлынул — долго прошенный!
И зарылся с головой
Он в копне накошенной...

Громыхает, уходя,
Гром — душа порожняя.
Пахнет свежестью дождя
Даже пыль дорожная.

И подкатит к горлу ком
Ягодой смородины.
Как с горчинкой молоко,
Сладок запах родины.

НА СТОГУ СЕНА

Раскинусь на стоге сена
В августовской ночи.
Тоска души сокровенная
Былинкой сухой горчит.

Закину голову за руки
Под кроной густой синевы.
Падают звездные яблоки
В зеленый подол травы.

Какая земля наша маленькая.
Как родинка на груди.
Полынь, у сухого татарника
Душу не береди...

Ослепил его звездный ветер,
Обжигая лицо, как плеть.
О любви, что сильнее смерти,
Песню песней хотел он спеть!

В НОЧНОМ

Ночь посолила звездной солью
Ржаного месяца ломоть.
И разломила всем на доли
Обугленной картошки плоть.

И сельской ребятни ватага
Пирует у костра в ночном.
Прохладой тянет от оврага
И зябкой сыростью речной.

Гуляет ветер — Сивка-Бурка
По голубому полю ржи.
Такая тишь кругом — ни звука.
И уголек глазок смежил.

Овчинного тулупа ласка
Пропахла дымом костерка.
Про Горбунка приснится сказка
И про Ивана-дурака...

Разбудят фырканье и ржанье!
И будет въявь, а не во сне
В молочном утреннем тумане
Купанье сказочных коней!

КОЛДУНЬЯ

В ночь накануне Ивана Купала
Олеся в лесу меня околдовала.

Помню на травах духмяный настой.
Не от него ли хожу сам не свой?

В ночь накануне Ивана Купала
Росы любимая в горсть собирала.

И серебром окатила, маня.
Омолодил меня холод огня!

Может, на счастье, может, на горе.
Выпил я реку, а надо бы море.

В ночь накануне Ивана Купала
Ветром душа моя в небо взмывала

Так высоко, что костру не достать.
Может, Жар-птицей хотелось ей стать?

В ночь накануне Ивана Купала
Душа, словно папоротник, расцветала.

Клад открывая на каждом шагу,
Вижу я злато, да взять не могу...

В ночь накануне Ивана Купала
Олеся в лесу меня околдовала.

ОСЕНЬ ОЛЕСЯ

Осень-Олеся гадала
Ветру на картах листвы.
Снова ему выпадала
Доля сорвиголовы.

Он же в ответ рассмеялся,
Бросил червонцы в подол,
Свистнул и в поле умчался.
Там свою гибель нашел...

«Темен мой путь или светел?
Осень-Олеся, скажи!
Может, я сгину, как ветер,
Искрою Божьей в глуши?»

Осень-судьба разметала
Листья в полночную тьму.
И Куприну нагадала
Посох, чужбину, суму.

РОМАШОВ

Ромашка — Ромашов,
Интеллигент наивный,
На поединок шел
С военною махиной.

В затравленном солдате
Родного видел брата.
Не спился и не спятил
От грязи и разврата.

В муштре средь зуботычин,
В быту средь пересудов
О, как он был комичен,
Когда поверил в чудо.

Влюбился по-купрински
Он в романтичный сон.
С расчетливостью низкой
Был в жертву принесен.

Жизнь отдал за секунды.
Всю — за один порыв!
За поцелуй Иуды
Устами Суламифь.

ПОХМЕЛЬЕ

Вчера расстрелом угрожал
Мне пьяный большевик.

А. Куприн «Весна» («В Совдепии»)

Нет на свете страны родимей,
Горе горькое с нею мы пьем.
И в двадцатом веке Владимир
Русь крестил перекрестным огнем!

Начиналась о мире декретами
Рознь гражданская и резня.
И была пулеметными лентами
Перекрещена матросня.

Показалось, что крови мало.
Чем еще искупить вину?
Из ипатьевского подвала
Она хлынула на страну.

Большевик, наливая зенки,
Властью пьян был и без вина.
Угрожал он поставить к стенке
Непокорного Куприна!

Диктатуры великолепие!
И великий исход умов...
Не остался Куприн в «Совдепии».
Не хотел быть «рабом рабов».

КОРОЛЬ НЕМОГО СИНЕМА

Среди парижских знакомых Куприна был
наш земляк — актер немого кино Иван Мозжухин.

Все могут высказать глаза,
Когда они до смерти живы.
Грим старости прожгла слеза.
Увы, слова, как слава, лживы.

Жизнь стала отблеском костра.
Присыпал веки сизый пепел.
И ностальгии боль остра:
«Я заживо схоронен в склепе.

К финалу фильм подходит мой.
Я смерть играю в мелодраме».
А на стене, как на экране,
России силуэт родной.

Погосты, посох да сума.
Темнеет смутное виденье...
Так умер в нищей богадельне
«Король немого синема».

ВОЗВРАЩЕНИЕ КУПРИНА

Меня, великого грешника перед Родиной,
сама Родина простила.

А. И. Куприн

Снисходительно блудного сына
Принимала в объятья страна.
Иссякала былая сила
На чужбине у Куприна.

Скуден быт эмигрантских буден.
Сплетни-мухи в сетях паутин:
«О любви снова пишет Бунин.
И по-прежнему пьет Куприн».

Колесом судьба переехала.
Не прижился среди парижан.

И все больше походит на Чехова
Поседевший «татарский хан».

Лик России — на панагии.
В горле — с пашни российской ком.
Волком выл он от ностальгии:
«До Москвы хоть сейчас пешком!»

По кровавому насту с хрустом
Босиком босяком нагим.
Что такое «шестое чувство»?
Любят Родину чувством таким!

Жить надеждой на возвращение.
Даже думать о том не сметь...
Даровали ему прощение,
Дав на Родине умереть.

Даровала грехов отпущение
Благороднейшая страна,
Принимая за укрощение
Возвращение Куприна.

АВГУСТ АЛЕКСАНДРА КУПРИНА

Дни сочатся медом, словно соты.
В слове «август» слышен яблок хруст.
Вновь пришла пора грибной охоты.
Грусть-тоску развеял первый груздь!

Напоследок в росах отразилось
Розовое зарево зари.
Сердце сладкой горечью налилось
И огнем гранатовым горит.

И хотя еще резвятся грозы,
И сквозь солнце ливень льет слепой —
Все печальнее шумят березы
Над седой купринской головой...

Холоднее делается лето.
Август — жизни устье и исток...
Сорвана душа порывом ветра.
И антоновкой лежит у ног.

А. И. КУПРИН И С. А. ЕСЕНИН

Интерес к творчеству А. И. Куприна проявился у С. А. Есенина еще в юношеские годы. Об этом сохранилось свидетельство его друга Николая Сардановского, который вспоминал: «Любили мы в то время читать произведения писателя А. И. Куприна. Дедушка выписывал журнал «Нива», а к этому журналу приложением было — Полное собрание сочинений А. И. Куприна. Сергей обратил мое внимание на сле-

дующие строки в рассказе «Суламифь»: «И любил Соломон умную речь, потому что драгоценному алмазу в золотой чаше надобно хорошо сказанное слово». Сам Есенин, как видно, очень пристально следил за разговорной речью окружающих...» [1]. В 1918 году Есенин создает трактат «Ключи Марии», в котором упоминает героев рассказа А. И. Куприна: «Соломон, глядя в лицо своей красивой Суламифи, прекрасно восклицает, что зубы ее «как стадо остриженных коз, бегущих с гор Галаада» [2]. Характеризуя ангелический образ, Есенин ссылается на эту библейскую метафору.

В марте 1915 года С. Есенин едет из Москвы в Петроград, где знакомится с литераторами, которых хорошо знал и А. И. Куприн. Среди них были писатели А. М. Горький, А. Н. Толстой, А. М. Ремизов, поэты — А. А. Блок, С. М. Городецкий, В. Ф. Ходасевич, художник Ю. П. Анненков. Друг Есенина М. П. Мурашев в сентябре 1916 года получает от Есенина письмо, в котором поэт писал: «Кланяйся твоим портретам, граммофону и музыкальным моментам» [Т. 6. С. 85]. В комментариях к ПСС С. А. Есенина можно найти такое пояснение «Адресат так прокомментировал эти слова. В кабинете у меня были портреты Блока, Куприна с их автографами... Им то и кланяется Есенин» [Т. 6. С. 400]. «Ратник второго разряда» С. Есенин был назначен в начале 1916 года санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд. Здесь он встретил своего земляка-рязанца Д. Д. Миронова, который закончил Гатчинскую военно-авиационную школу и после аварии лечился в госпитале в Царском Селе. Увидев, что Есенин увлеченно читал рассказы А. И. Куприна, Д. Д. Миронов предложил ему встретиться с любимым писателем, с которым был хорошо знаком. Д. Д. Миронов вспоминал, как «глаза Есенина вспыхнули от восторга. Однако, немного подумав, он ответил с глубокой грустью: «Данил, а ведь это очень неловко» [3]. К сожалению, эта встреча так и не состоялась. Можно предположить, что особый интерес Есенина к купринскому творчеству в то время был вызван тем, что в 1915 году он закончил повесть «Яр», главная героиня которой Лампиада во многом напоминала Олесю из одноименной повести Куприна. Сергей Есенин обратился к теме трагического столкновения «дитя природы» с носителями нового русского мышления и городской культуры, опираясь на традиции, заложенные в купринской «Олесе». Лампиада Есенина и Олеся Куприна — «лесные русалки», образы, близкие по духу и характеру. Как в повести Куприна, у Есенина конфликт вызван тем, что Лампиада не может покинуть мир дикой природы, а ее возлюбленный Карев — не хочет в нем оставаться. Куприн и Есенин опирались на один фольклорный сюжет, построенный на истории любви лесной русалки и молодого охотника, которые обречены на расставание. В повести «Яр» отражена трагедия крестьянской России — жертвы урбанизированного XX века, которая предвосхищает пережитую самим С. Есениным духовную трагедию. Можно отметить сходство в названиях повести Есенина «Яр» и повести Куприна «Лесная глушь». Как отметила О. Е. Воронова: «Исходя из есенинского описания яра как леса, бора, в заглавии повести можно заметить продолжение литературной традиции «лесных названий» — с опорой на прозаические произведения: «В лесах» П. И. Мельникова (Андрея Печерского), «Лес шумит» В. Г. Короленко, «Лесная глушь» А. И. Куприна, «Лесная топь» С. Н. Сергеева-Ценского» [4].

С. А. Есенина — как представителя новокрестьянского направления в литературе — сближал с А. И. Куприным особый интерес к крестьянскому вопросу. В 1918 году Куприн составляет план «беспартийной газеты» «Земля», которая была призвана заниматься вопросами агрономии, селекции, «новейших технологий» землепользования и скотоводства, проблемами сельской школы и медицины, дорожного строительства, просвещением крестьянства. В. И. Ленин принял Куприна и ознакомился с проектом газеты. Трудно сказать, что произошло бы с писателем, если бы после того, как Ленин одобрил эту идею, она воплотилась на практике. Возможно, судьба Куприна сложилась бы по-другому. Но, скорее всего, его решение эмигрировать из России бы не изменилось. Как известно, резкое неприятие политики, проводимой Советской

властью, определило решение Куприна покинуть Россию в 1919 году. Именно в этот период наиболее ощутимо проявляется и «крестьянский уклон» Есенина в отношении революции. Разочарованность Есенина ее результатами нашла отражение в его имажинистском творчестве. Есенин признавался в 1920 году: «История переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал...» (Т. 6. С. 116).

В эмиграции А. И. Куприн внимательно следил за тем, что происходило в России. Его возмущал разгул безбожия, который стал следствием Октябрьского переворота и атеистической пропаганды, проводимой большевиками. В статье «Христоборцы» (1920) Куприн выразил свое возмущение тем, что в Советской России «нынешние демагоги усердно вырывают Бога из народного русского сердца» [5]. Упоминая поэтов- богоборцев В. Князева и В. Маяковского, писатель цитировал строки из стихотворения «Твердь, твердь за вихры зыбим» (1919) поэта-имажиниста, близкого друга Сергея Есенина, Анатолия Мариенгофа: «Другие виршеплеты в хромых, дергающихся, эпилептических стихах издеваются над телом Христовым, над фигурой Распятого, над Его муками и над невинной Его кровью.— И кровь, кровь твою // Выплескиваем из рукомойника...» (Т. 9. С. 208). Куприн подчеркивал, что «русский человек в эпоху кровопролития отворачивается от лица Бога...» (Т. 9. С. 208). Подтвердить правоту этого заявления можно и цитируя С. Есенина, который в поэме «Инония» (1918) восклицал: «Тело, Христово тело, / Выплевываю изо рта» (Т. 2. С. 61). При этом А. И. Куприн проницательно отмечал характерную черту русской души, которая ярко проявилась у Есенина: «Но мне кажется почему-то, что многие из них — (какой краской ни мажься, а они все-таки русские),— богохульствуя днем, вечером, при отходе ко сну, крестят изголовье, а потом тщательно закрещивают мелкими крестами все дырочки между собой и одеялом» (Т. 9. С. 209). А. И. Куприн оказался прав. Не случайно С. Есенин, отдавший в свое время дань богоборчеству, в октябре 1925 года исповедально признавался: «Ты прости, что я в Бога не верую — / Я молюсь ему по ночам» (Т. 4. С. 280).

С. А. Есенина сближало с А. И. Куприным проникновенное чувство патриотизма, которого поэт не видел в творчестве своих собратьев-имажинистов. Критикуя их за это в статье «Быт и искусство»(1921), Есенин приводил пример из рассказа А. Франса «Жонглер Богоматери», переведенного на русский язык А. И. Куприным: «У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова... У Анатоля Франса есть чудный рассказ об одном акробате, который выделывал вместо обыкновенной молитвы разные фокусы на трапеции перед Богоматерью. Этого чувства у моих собратьев нет... » (Т. 5. С. 220).

Среди литературных критиков, писавших о творчестве А. И. Куприна и С. А. Есенина, были Р. В. Иванов-Разумник, А. К. Воронский, В. Львов-Рогачевский, В. А. Устрялов... В статье В. А. Устрялова «Есенин» (К трехлетию со дня смерти), опубликованной в харбинской газете «Новости жизни» (1929), были противопоставлены «Бунины, Куприны, Мережковские, Зайцевы», которые «очутились по ту сторону революции», и Есенин, который «захвачен революционным циклоном» [6]. Несмотря на то, что у Куприна и Есенина судьбы складывались по-разному, они обращались в своих произведениях к одним темам. Куприн и Есенин внесли весьма значительный вклад в Лениниану, оба отозвались на смерть Вождя революции. В своих размышлениях о роли Ленина Куприн и Есенин вступали в своеобразный диалог-полемику. Куприн считал, что Ленин не был великим человеком: «не гениален, он только средне умен. Он **не пророк**, он лишь... тень лжепророка. Он **не вождь**...» (Т. 9. С. 8). Есенин в стихотворении «Капитан земли» (1924) изображает Ленина как гениального человека, который повернул ход мировой истории: «Еще никто / Не управлял планетой / И никому / Не пелась песнь моя / Лишь только он / С рукой своей воздетой / Сказал, что мир — / Единая семья» (Т. 4. С. 214). При этом Куприн и Есенин были против обо-

жествления Ленина и слепого поклонения ему. Куприн в очерке «Рака» (1924) иронизировал над стремлением превратить умершего Вождя в мумию, для чего его соратниками был построен мавзолей. Есенин в поэме «Возвращение на родину» признается: «Конечно, мне и Ленин не икона» (Т. 2. С. 92). Куприн в очерке «Ленин» (1924) цитирует пророческое предсказание Вождя: «На белом фронте мы победили, но на крестьянском всегда будем биты» (Т. 9. С. 8). В есенинской драматической поэме «Стране Негодяев» об этом сказано так: «И в ответ партийной команде, / За налоги на крестьянский труд, / По стране свищут банда на банде, / Волю власти считая за кнут» (Т. 3. С. 75) В «Стране Негодяев», написанной Есениным во время его путешествия по Европе и США, выражены тревожные мысли поэта о судьбе России, попавшей под власть Негодяев. То, что волновало Есенина в это время, отразилось в его письме А. Кусикову от 7 февраля 1923 г.: «Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что ждет меня, так и возвращаться не хочется... Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть...» (Т. 6. С. 154). Ненависть А. И. Куприна к тем, кто встал во главе Советской России (особенно Троцкому), отразилась в публицистике, пафос которой оказался во многом созвучен тем настроениям, что нашли отражение в есенинской «Стране Негодяев». Один из главных ее героев с символической фамилией Чекистов ненавидит Россию и заявляет: «Жили весь век свой нищими / И строили храмы Божие... / Да я б их давным-давно / Перестроил в места отхожие» (Т. 3. С. 57). В Чекистове, настоящая фамилия которого Лейбман, мы узнаем одного из тех циничных «христоборцев», о которых писал Куприн. В комментариях к ПСС С. А. Есенина отмечается, что «ряд исследователей считает прототипом комиссара Чекистова — Троцкого (Бронштейна) Льва (Лейбу)...» (Т. 3. С. 553).

Создавая проникновенный цикл стихов «Любовь хулигана», посвященный Августе Миклашевской, Есенин опирался на традиции купринской прозы о любви. В первую очередь здесь вспоминается «Гранатовый браслет». А в подтексте «Персидских мотивов» Есенина проявляются мотивы «Суламифи».

Размышляя о том, что сближало А. И. Куприна и С. А. Есенина, отметим еще одну творческую параллель. В есенинской поэме «Черный человек», первый вариант которой был создал во время заграничного путешествия в 1923 году, лирический герой ведет диалог с демоническим двойником, который обличает его во многих грехах. Есенин поднимает в поэме вечную тему продажи души дьяволу за успех и известность. В рассказе А. И. Куприна «Скрипка Паганини» (1929) перед гениальным скрипачом, который в миг отчаяния взывает к нечистой силе, предстает черт, с которым музыкант заключает контракт, заложив душу за скрипку. Сергей Есенин, как Паганини, мог бы вполне стать героем одного из рассказов или романов А. И. Куприна. Как мы убедились, А. И. Куприна и С. А. Есенина волновали одни и те же проблемы. Этим и объясняются творческие параллели, отмеченные нами в данном исследовании, которое имеет дальнейшие перспективы.

Примечания:

1. *Сардановский Н. А.* «На заре туманной юности» / Сергей Есенин глазами современников.— Спб. 2006.— С. 106.

2. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений в семи томах, М., 1995—2001. Т. 5. С. 205. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием тома и страниц в скобках.

3. См.: *Блудов Ю. В.* Военные университеты С. А. Есенина 1916 года глазами современников-рязанцев // Современное есениноведение. Рязань.— 2008. № 9.— С.139.

4. См.: *Воронова О. Е.* Проза Сергея Есенина: Жанры и стиль.— Дисс... канд. филол. наук. М., 1985. С. 105—106.

5. *Куприн А. И.* Полное собрание сочинений в 11 томах. М., 2006—2007. Т. 9. С. 208. Далее цитируется это издание с указанием тома и страниц в скобках.

6. *Устрялов Н. А.* Есенин (К трехлетию со дня смерти) // Русское зарубежье о Есенине. М., 2007. С. 349.

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: ПОВЕСТЬ

Игорь Карлов
(г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт)

ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННАЯ ПОВЕСТЬ ИМЕНИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС, ПРЕЗИДЕНТА СССР ГОРБАЧЕВА М. С.

(Глава из повести)

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Наш постоянный автор.

Ниспосланная на землю капсула с Роговской диатрибой оказалась настолько мощно заряжена сарказмом, что превратилась в настоящую бомбу. Сардонический фугас со всего маху ударился о скрипучие доски пола общежития, прошил межэтажные перекрытия, проломил и сам фундамент здания, прошел через глинистый пласт почвы и вкатился, наконец, в какое-то подземное озеро, где соглашательской кистеперой рыбой плавал Чернышев.

От неожиданного вторжения испуганное ископаемое рванулось в сторону, попыталось скрыться в толстом придонном иле, но, оглядевшись и удостоверившись, что немедленного взрыва не последует, забулькало примиряюще: «Да чего вы завелись, мужики? Общего у нас гораздо больше, чем различий. Давайте спокойней. Сядем с пивком, поговорим ладком. Так-то оно лучше будет. Правда же: давайте возьмем пивка, тараночки, вот все и обсудим. Без нервов, без надрыва. Давайте, давайте! Что такое? Пива нет?.. Ну, конечно, извечное наше «Пива нет!» — Чернышев принялся тоскливо метаться в мутноватой воде от берега к берегу.— Сколько себя помню, столько помню и это: «Пива нет!» Отец мой пытался уразуметь смысл бумажки с таким объявлением на закрытом наглухо павильоне «Пиво — воды»; старший брат изучал эти слова, начертанными фломастером на картонке; для меня их старательно вывели выжигательным аппаратом на красивой фанерной табличке; а сын мой, наверное, уже в букваре прочтет: «Пи-ва не-ет». Надпись эта мистическим образом проступает у нас повсюду, словно «мене, текел, фарес». Вот почему же у нас никогда пива нет? Ну, почему? Я правда не понимаю. Ведь «Пива нет!» у нас не реже пишут, чем «Вперед, к победе коммунизма!» Получается, воюют две надписи: «Вперед, к победе коммунизма!» и «Пива нет!» А в войне вывесок всегда побеждает та, что короче, доходчивее, насущнее. Сперва дайте людям пива, а тогда уж стройте социализмы, коммунизмы, что хотите стройте, но только сначала дайте людям пива!»

В ответ мужики скосоротились как по команде: ну, пошел рубить правду-матку! Однако усмехнулся каждый со своим отношением — кто сочувственно, кто иронич-

но, а кто возмущенно. Рогов, например, не мог взять в толк: «Причем тут пиво? Что, нельзя подождать с пивом до окончательной победы революции?! О каком пиве вообще можно говорить, когда, в самом деле, идет война, только это война не вывесок, как полагает наш лабазник, это война идей». Иммануил закатил глазки в притворном смирении: «Как ни прискорбно, идея революционного служения изжила себя. Победила идея приватности. Аминь!» Саша в ответ вспылил (впрочем, больше из духа противоречия, чтобы только не соглашаться с вызывавшим гадливость тартюфом): «Но послушайте! Идея нерушимости прав индивидуума не отменяет идею социальной справедливости! Уверяю вас, что за частым частоколом частной жизни рано или поздно захочется нам увидеть величественные стены замка справедливости!» Шамсутдинов поддержал Рогова и Сашу: «Я тоже считаю, что социалистическая идея окончательно не погибла! Она отошла на заранее подготовленные позиции». Видя, что против них действует целая коалиция, Чернышев и Иммануил наперебой заклекотали обеспокоенными воронами, стараясь заклясть контрагентов.

Водяной воронкой журчали голоса спорщиков, затягивали медлительным водоворотом. Очень хотелось узнать, что там — с обратной стороны их разговоров. Рогов тихонько и неглубоко нырнул в омут смысла, но обнаружил лишь пустоту, зыбкую, зябкую пустоту. Разочарованный пловец попытался подняться на поверхность. Бесполезно: вязкая жижа уже не отпускала. Конвульсивные рывки наверх, к воздуху, нисколько не приближали спасения, лишь отнимали силы. Асфиксия мутила разум, лишала воли, обездвиживала тело. Непреодолимый смертный ужас охватил слабевшего с каждой секундой утопающего...

Очнулся Рогов оттого, что почувствовал чью-то сильную руку на своем плече.

— Ты чего, земляк? Чего ты стонешь-то? Э-э! Да ты кемаришь! — Чернышев, тряся Рогова, чуть присел и внимательно заглянул ему в лицо.— Сон страшный увидел? А я-то думаю: чего он все молчит!

Рогов встрепенулся и, полуслепой со сна, испуганно оглядываясь, часто-часто заморгал. Взоры всех собравшихся были обращены к нему, и первое, что почувствовал спасшийся из пучины своего сновидения бедолага,— теплое, искреннее участие окруживших его людей. Все разглядывали Рогова с веселым недоумением, но без издевки, без пренебрежения. Особенно внимательно, с какой-то даже тревогой смотрела ему в глаза Маша; Рогов поразился тому, какой глубокий, всепонимающий и всепрощающий у нее взгляд. Да и лица ее женихов, ее отца показались настолько доброжелательными, что Рогов невольно улыбнулся им. В ответ на эту кривую глуповатую улыбку не до конца проснувшегося человека сгрудившиеся вокруг Рогова мужчины недружно и негромко хохотнули.

Чернышев предположил:

— Да ты, парнишка, никак пьяненький! А что? Мысль неплохая,— Чернышев вытянул из кармана кошелек.— Что, женишки непутевые, скинемся? Художник! Сгоняешь за выпивкой? Не в обиду: ты же помоложе всех получаешься. Сгоняешь?

Пожалуй, так и следовало бы им завершить этот странный день. Пожалуй, Чернышев, привыкший незамедлительно (хотя и грубовато) переводить решение любых вопросов в практическую плоскость, угадал единственно правильный выход из нелепой, угнетающей ситуации, в которой по легкомыслию оказались незадачливые искатели руки и сердца дочери Виктора Алексеевича.

Именно Чернышев, кутила Чернышев, тот самый Чернышев, который числился завсегдатаем нескольких городских ресторанов, лучше других был осведомлен, что человек с человеком сходится не по принципу лотереи, а по определенной логике, покуда не разъясненной широкой общественности в научных терминах, но четко прослеживаемой в повседневной практике. Чернышев первым подтвердил бы: есть своя закономерность в том, кто, с кем и зачем сталкивается на жизненном пути. Есть своя закономерность и в том, что любая компания, сколь бы случайной и разношер-

стной она ни казалась, неизбежно в более или менее полном составе окажется за одним столом. И неизбежно в центре того стола возникает бутылка водки.

Самые досадные ошибки и самые жгучие обиды забываются за таким столом. Смущение после самого сумбурного разговора, после самого нелепого происшествия без остатка растворяется в пол-литре. Самые сложные темы становятся понятны, самые бредовые прожекты представляются реалистичными, а самые извращенные порывы кажутся извинимыми после появления на общем столе бутылки водки.

Вот стоит она на потертом шпоне, на корявом горбыле, на чуть потрескавшейся полировке, на праздничной плюшевой скатерти, на мятой тряпице, а то и на газетке; плотно стоит, основательно, этаким центром застольной вселенной... В резком световом потоке свисающей на длинном проводе лампочки-сироты, в приглушенном старомодным абажуром сиянии домашнего уюта, в лучах парадной хрустальной люстры бутылка искрится небывалым бриллиантом, отбрасывая вокруг колеблющиеся блики. Пьянящая самим видом своим чуть маслянистая влага за толстым стеклом переливается ртутью, жидким серебром, а там, где широкими полосками клея прихвачена этикетка, расплываются радужные пятна.

В обманчивых всполохах водки мерещится какая-то загадка, к постижению коей приближается каждый пьющий с каждым наполненным стаканом на протяжении веков... Но глубока утробно булькающая тайна. Не стаканами ее черпать. И вот уже падают под стол отгадчики, вот уже катаются по полу пустые бутылки, словно стреляные гильзы. По мере осушения мистический сосуд превращается из алмаза в обычную стеклопосуду с заранее известной залоговой стоимостью, в тару, с которой теперь столько возни: собирать, споласкивать, тащить в приемный пункт (еще работает ли?!), стоять в очереди, обменивать на копейки...

Нескончаема битва между водкой и людьми. У коварной водки много союзников: бормотуха, колыхающая подобные водорослям мохнатые подонки, мутная сивуха-самогонка, лосьоны-одеколоны — презренные парфюмерные перебежчики. Но водке все мало: она открывает границы бесцеремонным интервентам, призывает на подмогу бренди из Болгарии, псевдоитальянские псевдоликеры, заграничный «питьевой» спирт... Агенты водки прячутся в тюбиках с клеем «БФ», маскируются под лекарства, разлитые в пузатые пузырьки (вот, тоже, двурушники: всем своим аптекарским видом стараются показать, что не имеют никакого отношения к горячительному, а на самом-то деле — о-го-го!). А тормозная жидкость? А стеклоочиститель? А бензин, наконец?.. Все это, конечно, уже не искрится, не манит невысказанной тайной, но валит людей не хуже водки.

А люди... Что люди?.. Люди слабы и наивны, им все кажется, будто победа будет за ними. Очертя голову они снова и снова наполняют свои стаканы, самоотверженно опрокидывают их содержимое внутрь себя, поначалу стараются держаться молодцами, но постепенно лишаются сил и рассудка, снопами валятся наземь. Какое-то время лежат недвижно, словно трупы, словно увечные или контуженные.

Но баталия-то ненастоящая, вроде мальчишечьей дворовой забавы, которая завершается не иначе как героическим кувырканием всех участников на вытоптанном пустыре. Сошедшиеся в финальной схватке сопливые воины один за другим покиношному оседают наземь и замирают, лежа вповалку. Их тельца непроизвольно подрагивают от перенапряжения; их сердечки бешено колотятся, едва справляясь с пульсацией разгоряченной крови, бьются о ребра с такой силой, что, кажется, вот-вот разнесут грудную клетку вдребезги. Однако лежать надо смирненько, учащенное дыхание нужно изо всех сил (до спазмов, до удушья!) сдерживать, плутовски подрагивающие веки необходимо смежить, хотя бы неплотно. Конечно, если уж совсем одолело любопытство, то неписаные правила разрешают разок-другой оглядеться, только не размыкая слезящуюся сеточку полуприкрытых ресниц и со стоном, как бы в предсмертном бреду. И хитрющие улыбки, нечаянно проступающие на довольных

чумазых лицах, следует прятать, чтобы кто-нибудь, кто может наблюдать за происходящим сверху — не то из открытого окошка в соседней рабочей общаге, не то из бездонной голубизны летнего неба — оценил бы достоверность славной игры...

Над пустырем, оглохшим от исступленных выкриков и несмолкаемой трескотни игрушечного оружия, повисает тишина... Но вот, отражаясь эхом от стен окружающих зданий, по-петушиному вспорхнул чей-то задорный фальцетик: «Хорэ, пацаны!» — и войнушка окончена. Застывшие в картинных позах игроки начинают шевелиться, переговариваются, встают. Удовлетворенная добросовестно исполненной ролью детвора отряхивает запылившиеся шаровары, трико, облепленные травяной трухой, и разбегается по домам, чтобы в другой раз снова сойтись в потешной схватке... Взрослые же ведут невсамделишную войну с водкой, причем делают это с таким же ребячьим азартом.

А уж мужчинам, собравшимся в тот день в комнате на четвертом этаже рабочего общежития, было просто необходимо дать водке решительное сражение, по-настоящему эпическое, такое, о котором со смаком рассказывали бы через годы, такое, последствия которого полностью заслонили бы собой цель появления здесь непрошеных гостей. Конечно, и Чернышев, и Саша, и Рогов, и Иммануил, и даже Шамсутдинов, хоть он не пьет, предпочли бы накиряться вдрязг, только бы не объяснять никому (а первым делом — себе), отчего вдруг каждого из них переполнило противоестественное, но непреодолимое желание взять в жены незнакомку. Проще было бы уйти в запой, пропасть в хмельном чаду, кануть в череде безобразных дебошей, чем внятно изложить, зачем они с таким упорством, несмотря на необъяснимое томление и смутные страхи, стремятся возложить на себя отцовские обязанности по отношению к чужому ребенку, имеющему родиться в ближайшем будущем.

Пока же ясно одно: нутро нестерпимо саднит, а потому надо срочно прижечь его спиртом, продезинфицировать как следует. И где только угораздило так сильно, до кровянки, травмироваться? Наверное, в тамбуре на входе в общежитие. Там еще крюк болтался, длиннющий железный крючище, которым запирают двери на ночь, крюк настолько ужасающего вида, что сгодился бы пыточных дел мастерам. Об этот гак, видно, душа ненароком и тесанулась... А кому-то, возможно, разворотила грудь бензопила марки «Баба Дуся». Та, если заведется, не только черепную коробку вскроет своим визгом, но и всего тебя может распластать надвое, от затылка до копчика. После подобного повреждения душе уж точно не удержаться в теле, и вот она, тяжеленькая такая, сочно чмокнув, шмякнулась на пыльный кафель вестибюля.

Волоча за собой душеньку, оставлявшую влажный быстро испаряющийся след, поднимались женихи по заплеванной лестнице, тащились по немытому коридору и как будто даже измызгали психею на коммунальной кухне и в общем сортире. Этакими-то, по дороге собравшими всю грязь мира, явились они к Марии, предстали друг перед другом и вынуждены были наизнанку выворачиваться да каждому под нос совать самое заветное: «На, пощупай! Вот оно, естество мое. Вот я с чем живу, вот я с чем сюда пришел». Ох, как стыдно им было сейчас за свою душонку, неприбранной выставленную на всеобщее обозрение!

Каково, скажем, Рогову раскрывать сердце коммуниста в присутствии классового врага — Чернышева? Чего стоило склонному к исихазму Шамсутдинову пуститься в откровения, да еще с людьми, стоящими на социальной лестнице ступенькой ниже? Легко ли было Саше выдать на позорище грезы беспросветной своей любви? Чем грозило Иммануилу раскрытие замысла о сектантском поселении?..

Те заветные мечтания, которые лелеял в сосредоточенной тишине мнительный отшельник рассудок, теперь впервые были высказаны вслух — без обиняков и для чужих ушей. А будучи высказанными, самые что ни на есть задушевные задумки предстали настолько примитивными, нелепыми, идиотскими, аж тошно стало. Как это часто происходит, высокая путеводная идея, зародившаяся из мучительной суеты

жизни и выношенная вопреки всем ударам судьбы, в тот самый момент, когда она была, наконец, оглашена для града и мира, предстала плодом размышлений неразвитого инфантильного сознания, возвышенно-сентиментальной утопией, позором своего создателя.

Но и отмолчаться оказалось невозможно! Даже ясно понимая убожество или преступность своих намерений, присутствующие обязаны были без утайки объявить их перед лицом изысканнейшего собрания неудачников, пьяниц и психов. Почему так получилось? Зачем это делалось? Они сами не вполне отдавали себе отчет, однако странным образом завязавшаяся беседа с первых слов пошла так, что каждый выкладывал всю подноготную, в ответ ожидая от других подобной же откровенности. Группа неврастеников словно под гипнозом исполняла отвратительный духовный стриптиз.

Под взорами бесцеремонных созерцателей оголенная душа зябко подрагивала, еле слышно попискивала, как, по рассказам бывалых людей, пищат поедаемые устрицы. И любой-то мог ее, голубушку, грубо выковырнуть из раковины, сжать лапищей, поднести к самому лицу и долго рассматривать с видом пресыщенного ресторанного критика. Затем — две-три пометки в блокнотике, и придирчивый осмотр продолжается: предмет изучения отстраняется на расстояние вытянутой руки и то разглядывается на просвет, то отводится в тень... Ну куда вы тянитесь грязными руками?! Чего хватаете?! Ведь она и так еле жива! Где теперь отмыть душу от ужасных пятен? Как лечить ее от синяков? Сколько времени придется прятать ее в полуподвале одиночества, прежде чем она сможет вновь предстать перед миром? Да и оправится ли она вообще после содеянного насилия? А вдруг станет отныне ныть-побаливать к перемене погоды, подобно застарелым ранам и переломам?..

Насколько же глупо все получилось! Просто зло берет!.. Да, прав Чернышев: необходимо хорошенько дерябнуть, чтобы алкогольной анестезией купировать душевные конвульсии... Или хотя бы по стопке опрокинуть, а там разыграть комедию: притвориться окосевшими до невменяемости, покуролесить чуток, да и разойтись по одному, без объяснений, без прощаний, без новых встреч. Тогда появляется шанс остаться в памяти окружающих не неприлично разоткровенничавшимися прожектерами, но слегка подгулявшими безобидными чудаками.

И вот незадачливые женихи готовы кривляться, словно коверные, лишь бы дезавуировать пафос только что отзвучавших пылких речей. Сейчас каждый из них старался опередить других и лично осквернить руины воздушного замка своей мечты, той крепости, того дворца, того узилища, которое возводилось долгой и напряженной работой трудолюбивого интеллекта, а разрушилось с ошеломляющей легкостью от первого же стороннего (кстати, не слишком критического) суждения. Каждый торопился как можно скорее и злее насмеяться над своими развенчанными фантазиями, поскольку от косого взгляда чужака (не говоря уже о взгляде чуть насмешливом) душа, окончательно заледеневшая на сквозняке бессмысленных в своей прямоте разговоров, непременно займется гангреной и начнет гнить, разлагая человека изнутри; если же поторопиться и собственной рукой ввести себе вакцину издевки, есть надежда спастись, избежать полного распада личности. Ну а решиться на болезненную прививку самоиронии гораздо легче подшофе.

Да и Виктор Алексеевич не отказался бы хлобыстнуть водочки. Он пришел к твердому убеждению, что без бутылки никак не разобраться в диковинных порядках, заведенных горожанами. В ту самую минуту, когда автобус со звездообразной отметиной на стекле, скрежеща, вкатился на улицы областной столицы, крестьянин нутром почуял, что попался в западню, из которой без повреждения ума не выбраться. И весь следующий день знатный бригадир напоминал себе муху, залипшую в меду: тягучая сладость непонятного, враждебного уклада засасывала с садистской медлительностью. Некоторое время Виктор Алексеевич пытался трепыхаться, жужжать по-

своему, по-деревенски, но только глубже погружался в приторную трясину; стало ясно, что вскоре не окажется ни сил, ни воли, чтобы шевельнуть онемелой от перенапряжения лапкой или отяжелевшим крылышком. Товарищу Володину, славившемуся в своем колхозе непреклонным нравом и рассудительностью, предстояло навсегда застыть в медовом болоте всяческих несуразностей, раздражая своим неэстетичным видом брезгливых городских лакомок. С приходом же подозрительных кандидатов в зятья абсурд происходящего достиг апогея, а угроза полной потери рассудка обрела черты суровой реальности.

Поэтому (напоследок, пока в здравом уме) не грех было устроить хорошую попойку. Смейся, не смейся, а бутылка, если и не помогает реально разобраться в хитросплетениях развилок горестного дольнего пути, то, по крайней мере, избавляет от растерянности, тревоги, подавленности, коие подстерегают всякого смертного на житейских перекрестках; пусть ненадолго, но избавляет. Когда же на горьком опыте убедишься, что твоя стезя — вся, вплоть до незначительнейшего, анекдотического поворотца — заранее предначертана трансцендентным фатумом, не внемлющим ни горячим мольбам, ни прекраснодушным пожеланиям, ни логическим доводам, то вновь устрой хорошую попойку, созови самых экспансивных собутыльников, ни на миг не сомневающихся в том, что управляют строптивой судьбой по личному произволу, и попробуй зарядиться их бесшабашным энтузиазмом. А коль скоро надсадный разгул не разубедит в том, что роковая предопределенность участи стала твоим проклятием, тем более стоит устроить хорошую попойку!

Возможно, так все и вышло бы. Уже зависла в комнате напряженная пауза, подобная томлению природы перед приближающейся грозой, тревожное затишье, однозначно свидетельствующее: бури не миновать. Уже в глазах Чернышева разгорался жгучий красноватый огонек, тот самый, который невзгоды да годы раздувают во всепожирающее пламя алкоголизма; уже Иммануил, пытаясь сдержать змеившуюся на губах мефистофельскую улыбку, нервически потирал ладони, спрятанные в складках балахона; уже Шамсутдинов деловито оглядывал помещение на предмет наличия чистых стаканов; уже заерзал на своем месте Рогов, соображая, какой взнос в складчину он может себе позволить, чтобы избежать перерасходования столь необходимых для продолжения революции и столь скудных денежных средств; уже Саша приподнимался со стула, чтобы бежать за выпивкой. Возможно, так все и вышло бы.

Но их остановила Мария. Не позволила закончить день великих откровений пошлой пьянкой. Заговорила в первый раз за время мучительной для всех собравшихся беседы; неожиданно подала голос, повергнув в оторопь мужчин, почему-то считавших ее пассивной слушательницей, заранее согласной на все; откликнулась на отзвучавшие речи своеобычным женским эхом.

Парадоксальным образом муторный сюрреалистический фарс, разыгравшийся перед ней сегодня, вызвал у Марии сугубо интимные переживания, острый приступ рефлексии над тем, что быть женщиной — значит быть желанной, необходимой для многих. Девчонке на пороге взросления столь щедрый подарок судьбы мог бы вскружить голову, но Марии Викторовне опыт подсказывал: на самом-то деле женская манкость является, скорее, половой повинностью, налогом на естество. Привилегии женщине дарованы иные, от века и вовек никому более недоступные. Вот, скажем, право выбора. В жизни все устроено настолько хитро, что наружно представляется, будто выбирает не женщина, будто выбирают ее; но глаза говорили Маше обратное: она видела перед собой пятерых мужчин, пришедших сюда не только без каких-либо ухищрений с ее стороны, но даже сверх ожидания, и теперь покорно ждавших ее решения; и пусть ждут, и пусть изводятся в сомнениях, пока господыня определяет участь холопов... Впрочем, величайшая женская прерогатива, конечно, не в выбраковке представителей противоположного пола. Женщине дана уникальная способность увеличиваться и продолжаться, длиться в пространстве и времени. Она

постоянно дробится в том, что производит на свет, и постоянно соединяет дробность в целое своей любовью. Сия сокровенная тайна органически недоступна мужскому пониманию. Лишь складывая вместе свои куцые представления о действительности, лишь сливая воедино свои неразвитые эмоции, мужчины могли бы приблизиться к тому, чтобы разгадать женщину. Наверное, для такой попытки и собралась здесь нынче пятерка случайных гостей.

А Мария с их приходом впервые осознанно почла себя Невестой. Неожиданно высветился потаенный смысл этого древнего слова, этимология его раскрылась настолько наглядно, что мимолетная радость лингвистического открытия сменилась оторопью, а затем и неотступным суеверным страхом, поскольку языковое изыскание, чисто умозрительное по первому впечатлению, на деле оказалось определяющим для судьбы исследовательницы. Действительно, собираясь замуж, мало кто станет размышлять о том, что «невеста» — значит не ведающая своей доли; приговоренная к торжественному и красочному погружению под рыдания родни и заунывные песни в омут безвестия; обреченная навсегда кануть в неизвестности во имя торжества непостижимого для людей хода вещей. «Невеста» — значит утратившая связь со своими, не имеющая известий от родных и не подающая весточки о себе. «Невеста» — значит неведомая, входящая в чужой дом; девственница, не изведанная еще ни одним мужчиной; девица, которая должна бы привнести в новую семью благодать телесной и духовной чистоты, но также способная замарать всех грязью разврата; дева, во власти которой либо изменить к лучшему, либо дотла разрушить привычный родовой уклад; девушка, соблазняющая на познание, но одновременно и пугающая инородностью стоящих за ней миров.

Мария чувствовала себя целым созвездием смыслов, зодиакальной Девой, озаряющей земную обыденность. От непередаваемого космического ощущения кружилась голова, замирало сердце, а руки и ноги холодели и плохо слушались. Но, скрывая волнение, она, как Неизвестная с картины, взирала на сидящих перед ней посторонних мужчин, чувствуя необъяснимую власть над ними. И даже отцу, и даже себе самой в этот час она представлялась Незнакомкой, ибо ей высшими силами поручено явить миру нечто небывалое, нечто сказочное, то, что вот-вот начнется, непременно начнется, с нее начнется! Каким-то чудом она, вчерашняя деревенская простушка, раньше остальных (хотя и наполовину пока) допущена в грядущее! Оно лишь только близится, каким оно окажется — Марии тоже не дано знать досконально, однако представить себе его черты она уже в состоянии, ибо будущее произрастет из нее, станет частью ее плоти и духа.

Но не только животворное воодушевление испытывала сейчас Мария. Упиваясь своей исключительностью, она одновременно полной чашей черпала и горечь неприкаянности. Именно болезненное сознание фатального одиночества избранницы дало женщине право апеллировать к присмиревшим посетителям, и монолог ее был монологом гостьи из незнаемого мира, медиума, наделенного способностью перекинуть мосток из нынешнего вечера в завтрашнее утро. Закуковала Машка вековечной отшельницей кукушкой, кого обнадеживая, кого повергая в трепет, и если первый звук клича ее доносился из дня минувшего, то ответный всхлип плача ее слышался отголоском дня предстоящего.

Она говорила и говорила, ни к кому конкретно не обращаясь, но непостижимым образом каждый, склоняя слух к зегзице, понимал, что вразумляющее причитание адресовано персонально ему, каждый, внимая утомительной перекличке двух минорных нот посвиста пророчицы, открывал что-то для себя и в себе. То, во что в тот вечер посвятила Мария засидевшихся визитеров, словно бы сопровождало их на протяжении всей последующей жизни; то, что услышали они тогда, позже — отрывками, искаженным эхом — многократно встречалось им и в телевизионных дебатах, и в проповедях с амвона, и в легковесных газетных статейках, и в заумных книгах, и в

правительственных указах, и в митинговых речах, и даже, вроде бы, однажды случайно мелькнуло перед чьими-то глазами в заголовке брошюрки, на обложке которой было означено: «Володина М.В. Автореферат диссертационной работы на соискание ученой степени кандидата философских наук...»

Впрочем, уже на следующий день никто из присутствовавших не смог бы достоверно и полно воспроизвести обращенный к ним монолог. Приговоренные отныне к пожизненным каторжным работам в рудниках мировой гармонии, они пытались припомнить прорицание общежитской Кассандры, но тщетно: в памяти всплывали лишь фрагменты ее почти надрывной декламации под музыку высших сфер, разрозненные обрывки, касавшиеся личных обстоятельств каждого. Вот если бы удалось сопоставить впечатления всех искателей недостижимой целостности бытия, тогда обозначились бы общие очертания клубящегося оттенками смыслов облака фраз, скользнувшего однажды из распахнутого окна казенной комнаты в сгущавшиеся августовские сумерки и растворившегося в задумчивой прохладе. Если бы удалось...

Что же за отповедь дала царевна, томящаяся в коммунальной темнице, горе-спасителям? Что поведала залетным витязям, не способным ни разбудить горячим поцелуем, ни ободрить добрым словом, ни вдохновить самоотверженным подвигом? Совсем не то, что они рассчитывали услышать, совсем не то, что, как представлялось им, должно бы волновать незамужнюю женщину на сносях.

А она вдруг пустилась в вспоминания о переезде в город, о первых своих днях вдали от родного дома... Насколько же едким показался бензиновый чад после деревенского приволья! Марии чудилось, что какой-то озлобленный до невменяемости экспериментатор ставит над ней чудовищный опыт: с палаческой медлительностью впрыскивает в вены дозы ядовитого кумара, который засоряет легкие, заражает кровь, зачумляет мозг и душу. Однако понемногу девчонка (куда тут денешься!) научилась дышать парами отработанного топлива и вскоре уже не могла обойтись без глотка отравленного воздуха, как и все городские людемашины, подпитывающиеся выхлопными газами друг друга...

Наверное, с полгода прошло, прежде чем Мария заметила: а ведь город не только отравил, но еще и оплодотворил ее. Это открытие оказалось настолько ошеломляющим, что потрясенное до самых основ сознание отказывалось отвечать на насущнейшие вопросы: произошедшее — благо или зло? наказание или награда? спорадический казус или фатальная закономерность? Да и статочное ли дело, чтобы сквозь пелену смертоносного дурмана вдруг робко дохнула зарождающаяся жизнь?.. Неискушенная деревенская головушка пошла кругом.

Если верить рассказчице, безуспешные попытки перекинуть шаткий мосток логики над пучиной житейского сумбура доводили ее до полного отчаяния. Бедняжка уже окончательно впала в какое-то полуобморочное состояние, когда нежданно пришло избавление — помимо ее воли и без всякой связи с попытками разобраться в удручающем абсурде сущего. Спасение было явлено, словно ниспосланная свыше милость: смятение, клокотавшее в девичьем сердечке, вдруг сбежало с легкостью вскипевшего молока, а на донышке оплавленной души внезапно обнаружилось смирение. Ранее раздражавшее своей абстрактностью понятие «ход вещей» обрело магическую власть над Марией, она отдалась этому непостижимому ходу вещей, приняла его как часть своей личной судьбы и стала жить дальше, просто жить, без опостылевшего поиска объяснений, без ежедневных доказательств головоломных теорем, но, правда, и без спасительной защиты аксиом. Маша просто смирилась. Смирилась с тем, что несет бремя. Бремя урбанизации. Почему именно она, Мария Володина? почему она одна за всех? — разбираться бесполезно и бессмысленно. Важнее внутренне сосредоточиться, настроиться на то, что произойдет, когда она разрешится от бремени... Кто появится тогда на свет? Как это будет? Страшно! Интересно...

Обращаясь к своим эксцентричным гостям, Мария пыталась предостеречь каж-

дого по отдельности и всех вместе: что-то непременно должно перемениться, что-то вскоре стронется с места — навсегда и невозвратимо,— ибо зародилась и вот-вот проклюнется новая жизнь. Новая жизнь... Она не нуждается ни в чьих визах, не согласуется ни с чьими сроками; она не ждет подходящего случая; она вершится безоглядно и самовольно. Всякой твари остается лишь подстраиваться под мерную поступь наступающего будущего, дабы под его пятой не оказаться растертой в неосязаемую дорожную пыль, не рассеяться прахом, вздымаемым чудовищными каменными стопами.

Приходится постоянно примеряться к тяжким шагам неведомого — эта простая мысль, доступная пониманию существа, обитающего на Земле хотя бы второй день, почему-то никак не укладывается в голове человека разумного, обживающего планету десятки тысяч лет. Попробуйте сказать кому-нибудь: мол, всем нам надо жить по-новому. Вероятнее всего, вам с самодовольным ржанием ответят: «Все! С понедельника начинаем новую жизнь. Бросаем пить и курить, начинаем делать зарядку». В лучшем случае вас поймут с общеэкономической точки зрения, заведут речь об интенсификации производства, хозрасчете, щекинском методе и прочей муре. Более развитые индивиды переведут разговор в общественно-политическую плоскость, заявив, что безоговорочно поддерживают проведение перестроечных преобразований.

А вот Виктор Алексеевич... Тот, услыхав слова о новой жизни, и вовсе воспринял их исключительно в прикладном плане. «Во! Это же колхоз наш так называется!» — только и смог помыслить крестьянин, и перед глазами его, словно въяве, предстал межевой знак на обочине сельской дороги — сваренная эмтэсовскими умельцами жестяная конструкция, долженствующая представлять исполинский колос. Надо полагать, подобные колосья являются порождением снов волостных счетоводов и агрономов: созрей такой урожай на наших скромных почвах — оказались бы с избытком перекрыты все планы сдачи зерна государству... В реальности же сказочные злаки не колосятся; зато существуют две вполне прозаические, зато абсолютно настоящие вещи: карточка партийного учета, куда уже внесен выговор за срыв поставок сельхозпродукции, да ток, на котором воробьев больше, чем жита. Так что остается с грустью рассматривать неуклюжую композицию из металла — памятник невыполненной Продовольственной программе, покрытую пятнами ржавчины и облезающей желтой краски стелу, на которой синими буквами с потеками начертано: «Новая жизнь».

Володин сейчас так натурально все это увидел, что в комнате его больше не было — он уже спускался с невысокой насыпи к лесополосе, чтобы поискать грибов. Уже очи его заливала бездонная синь осенеющего неба, слепил светозарный августовский полдень, а ноздри дразнил воздушно-мясистый, с ломкой корочкой запах свежевыпеченного хлеба, разлившийся по округе из пекарни соседней Малевки. В ушах стояло завывание ветра между жестяных остинок придорожного указателя да громоподобное громыхание плохо приваренных листов железа, за которым слов дочери уже не расслышать.

А речь Марии между тем становилась все более взволнованной, временами срывалась на нервическую патетику вконец растерявшегося оратора. Да и как сохранить самообладание перед лицом изломов каверзной судьбы? Живет себе обычный, ничем не примечательный человек, допустим, деревенская девушка, безмятежно резвящаяся на лоне родной природы. Она, эта девушка, для космоса не значительнее какого-нибудь электрона, надежно вмонтированного в оболочку своего атома; мирно крутится девчушка по собственной микроскопической орбитке, и во всей вселенной царят покой да гармония. Но вот девушка всего-навсего переселяется в город, переезжает на ничтожнейшее по галактическим меркам расстояние, перемещается по планете, может, на тысячную долю градуса, и сколько же происходит странного, мисти-

ческого, пугающего... Та же самая пылинка, что была неразличима даже под микроскопом, та же наимельчайшая песчинка мироздания стронулась с места под едва уловимым дуновением ветра перемен — а в результате трепещут горы от чудовищных обвалов, почва покрывается тенетами разломов, твердь земная содрогается от тектонических сдвигов... Что за сила делает столь малое столь грозным? И как нам жить в мире, самые основы которого подвержены постоянным потрясениям? И возможно ли сохранить себя там, где нет ничего прочного, устойчивого, где ни в чем не прослеживается очевидных соответствий, где причина и следствие могут оказаться разделены веками, разнесены по разным континентам?

В этом зыбком мире немыслимо точно определить и зафиксировать, в какой момент, каким образом ветхая обыденность принимается приуготовлять суровое, величественное празднество обновления. Впрочем, мало кому приходит в голову вести подобные заметки. Большинство по школярской привычке заполняет свой Дневник Наблюдений за Природой небрежно, урывками, не вникая в суть происходящего. Нас хватает лишь на то, чтобы констатировать: незнакомая, точнее сказать, чуждая нам реальность исподволь вытесняет привычный уклад, пусть не блистающий роскошью, зато изученный до малейших тонкостей, до анатомических подробностей, до умилительных частностей, а посему сердечно близкий. Незаметно уходит в небытие то, с чем мы давно сроднились, без чего все окружающее кажется нам пресным, тусклым, неуютным; притом мы-то остались прежними, в нас пока ничто не изменилось. Пока! Но срок приходит... Поначалу мы только присматриваемся к новому, сознаем его; потом постепенно привыкаем к нему, соглашаемся с ним, принимаем его; стремимся сообразовываться с ним и сами меняемся, не можем не меняться. Однако ровно в тот момент, когда мы, подстраиваясь под новизну, отваживаемся на перемены, то, что считалось передовым, актуальным, современным, по какому-то непостижимому умом закону вдруг начинает устаревать, деформироваться, распадаться.

Человечество никогда не поспеет за извечным и неуловимым вселенским перерождением, как Ахиллес никогда не догонит черепаху. Никогда! Не дано того роду людскому. Если же высшие силы кому-то и даруют счастье заприметить чудо явления миру *неведомого*, всякое новшество непременно истолкуют превратно, в меру своей испорченности и ограниченности.

Наугад раскройте том хронографа — на любой странице прочтете подтверждение этому приговору. Вот бюргеры времен Реформации слушают проповедь Лютера. Готовы ли они принять щедрую благостыню от Мартина-философа? Способны ли воспринять и оценить все богатство «Тезисов», весь блеск их мысли, всю мощь веры в Бога, переплавившейся в веру в Человека? Стремятся ли почтенные филистеры вслед за вдохновенным богословом к смирению и сокрушению сердца? Смешно спрашивать! Движет ими ненависть к тому, против чего восстал разгневанный августинец, и вот, протестуя вместе с Лютером, стали они протестантами, стали лютеранами, всем своим католическим опытом въехали в ересь, проскочив мимо указанной им стези, ведшей в царство христианской свободы... А молоденький офицер Бонапарт? Мог ли он надеяться, что порывы обновляющей кровавой бури над Францией вознесут его на тулонские высоты? А непобедимый генерал Наполеон? Мог ли ждать, что путеводный свет, который не застили ему ни пыль дорог Европы, ни альпийские метели, ни песчаные бури Египта, окажется не сиянием золотого венка триумфатора, а бликами московского пожара и льда Березины? А заносчивый император всех французов? С вожделением разглядывая в кабинете своего дворца модель Земли, мог ли предположить, что на глобусе означены не только покоренные столицы, но и острова его грядущего позора?.. Или вот: розовощекий юноша-комбайнер вступает в жизнь, а за плечами у него написанное на «отлично» выпускное сочинение «Сталин — наша слава боевая, Сталин — нашей юности полет» и орден Трудового Красного Знамени за ударно проведенную страду. Кто бы мог ожидать, что через четыре десятка лет

бывший ставропольский механизатор возьмет в руки штурвал великой страны? Кто мог представить себе, что главный советский коммунист станет покровителем диссидентов и кумиром западного мира? Самому изощренному прорицателю не разглядеть такого будущего в самый прозрачный хрустальный шар... Конечно, нельзя поручиться, что Маша, излагая изумленным слушателям наиболее глубокомысленные свои пассажи, использовала именно эти исторические примеры, но суть ее рассуждений сводилась к тому.

В изменяющуюся реальность мы попадаем с разбегу и вязнем в ней, как телега, провалившаяся с укатанной колеи в трясину. «Вот занесло!» — думаем мы. А это настало то самое «новое», к которому так стремились, к которому так долго ехали, трясясь на ухабах повседневности! Оказывается, «новое» представляет собой довольно унылый пейзаж — однообразную низменность, испещренную бесконечными кочками и черными глубокими лужами, заболоченную равнину, обрамленную по горизонту рахитичными елками. И хорошо, если только так, если за чахлым ельником, подсвеченным тревожным багровым заревом, не крадутся оголодавшие волки — соседи по «новому», его исконные обитатели и, пожалуй, истинные хозяева.

Неопытность по бодрому своему невежеству рассчитывает вломиться в грядущее под треск и сверканье фейерверка эмоций, под «Брызги шампанского», окатывающие хмельной прохладной волной бесшабашного ритма. Опыт, оглядевшись в пресловутом будущем, обнаруживает, что опьянение игристой новизной как-то незаметно выветрилось, а осталась (и, похоже, навсегда) лишь головная боль... В чужом пиру похмелье... Как же это обидно! А еще обиднее, что тот краткий миг, когда ты по необъяснимой милости судьбы оказался сотрапезником избранных на роскошном пиршестве жизни, бездарно упущен, что твой единственный тост, которым ты собирался поразить все застолье, так никем и не услышан: ты только лишь поднялся с места, стараясь придать своей широкой улыбке выражение почтительного дружелюбия, а соседи по столу уже опрокидывают бокалы, и вместо ободряющих глаз ты видишь лишь кругляшки стеклянных донышек, отсвечивающих прозрачным равнодушием.

А ведь мы так старательно готовились к торжественной встрече будущего! Наши сердца напряженно замирали в ожидании начала грандиозных преобразований, подобно солдатам парадного расчета, которых миг тревожного счастья между «Шагом...» и «...марш!!!» превращает из зеленых новобранцев в матерых служак. С восторгом ждали мы сигнала к началу перемен, со сладострастием предвкушали встречу с небывалым! Предвкушали... Однако оказывается, что за предвкушением беспромежно следует послевкусие. А где же сам чаемый вкус?! Мы мечтали упиваться вкусом новизны, наслаждаться экзотическим букетом до самозабвения, но ощутили лишь полынную горечь разочарования. Запертые по чьей-то злокозненной прихоти в незнакомой комнате казенного дома, мы томимся, не в силах осознать всей унизительности своего отрезвления, не в силах подобать нужных слов, чтобы ободрить товарищей по несчастью... Мария, может быть, ты способна развеять гнетущую тоску? Может быть, тебе дарована власть оживляющим словом смягчать коросту, теснящую наши души?

Марии же впрямь почудилось в тот миг, что она обрела чудесную способность: дай ей волю, и она своею молвью растопит льды полюса, успокоит огнедышащий вулкан, заговорит ураган... Дочь крестьянскую так долго изводили пыткой молчания, что, начав говорить, она все не могла остановиться. Подобно сказочной царевне, освобожденной из заточения в каменной башне одиночества, она торопилась выговориться, развеять по ветру снедавшее ее беспокойство; но и уже избавившись в откровенном разговоре от застоявшегося, парализующего уныния, продолжала дозволенные речи, рассказывая теперь не о себе, а о тех неуклюжих и забавных мужчинах, что сидели перед ней с понурыми головушками. В словах Марии, словно в волшебном зеркале, отразились их образы, и со стороны они сами себе показались похожими на

грубо сделанных марионеток. Комната общежития превратилась в вертеп, где разыгрывалось кукольное представление: вот смастеренные из папье-маше волхвы несут к колыбели Младенца дары, кои столь же ничтожны, сколь дешев материал, из которого изготовлены фигурки: засохшие благовония, самоварное золото, дребезжащие битые стекляшки. Однако, приблизившись к яслям, узрев ясное личико лежащего в них, устыдились они убогих, как их собственные жизни, даров, поняли ничтожество свое рядом с чудом рождения, захотели убежать, закрывая лица рукавами.

А вот Мария не только приняла, но и по-женски оценила свершившееся на ее глазах скромное приношение — не ей, конечно, даже не ее будущему ребенку, а волшебству обновления и продолжения жизни. И оценив искренность проводивших скудный обряд жрецов, Маша по-другому взглянула на них, таких милых, несмотря на нескладность,— с явной симпатией, хотя и не без доброй иронии. Пожалуй, она даже жалела их, ибо уже постигла то, во что им лишь предстоит быть посвященными: жизнь опрокинет все расчеты, развеет все надежды и двинется своим путем, ни с кем не советуясь, никого не торопя, никого не поджидая.

Разборчива была невеста, да не держала обиды на искателей ее руки и сердца, пусть даже изначальные намерения их, цель их прихода в девичью светелку вполне могли показаться оскорбительными. Нет, Маруся не сердилась на своих напыщенных кавалеров, поскольку видела, что теперь, прилюдно исповедавшись и выслушав ее ответные откровения, они больше не походят на заигравшихся паяцев. Маша только хотела дать понять Шамсутдинову, Саше, Иммануилу, Рогову и Чернышеву (ни одному из них не отдавая предпочтения и вместе с тем ни одному не отказывая во внимании), что, дерзнувши спасать кого-то, надо бы самим избавиться от неуверенности, нерешительности, терзающих сомнений и страхов.

Впрочем, в словах Марии слышалось не осуждение — сочувствие, ведь в своих случайных визитерах хозяйка смогла разглядеть главное: они стремились чуть более логичным сделать мир вокруг, добавить щепотку здравого смысла в бурлящий котел экзистенциального абсурда. И это все, что знала, что хотела знать о них Маша, и именно этим знанием пришедшие к ней возвышались. Они догадывались, что покинут четыреста первую комнату совсем не такими, какими переступили ее порог. Придя сюда по причинам туманным, морочным, надуманным, они в итоге пришли к лучшему в себе; сейчас не осталось в них ни жадности, ни заносчивости, ни слабости, ни расчетливости... Правда, если бы Мария не оценила их, вряд ли сами они заметили и запомнили в себе хорошее. А ведь оно существовало, это хорошее.

Оно было рядом, вокруг, оно осязалось в воздухе, его флюиды по разнонаправленным кривым распространялись в помещении и, похоже, воспринимались не только людьми. Сказанное Марией по-особому резонировало тут, в скверно обставленной каморке с облезлым абажуром. Чья-то скособоченная тумбочка; на ней — оглушительным тиканьем напоминающий вздохи задыхающегося астматика будильник, столь несоразмерно громоздкий, что вполне мог бы послужить башенными часами; тяжеловесный стол с оббитым лаком на кончиках ножек, там, где часто шаркали тряпкой, моя пол; матово поблескивающие металлом сиротские кровати, заправленные заштопанными покрывалами; захватанный коврик на стене, на котором пораженные всем происходящим три богатыря выкатили из орбит мохнатые глаза,— вся эта рухлядь обретала сугубую значительность, оказывалась не фоном, но сутью монолога о новизне и изменчивости. Какой-нибудь колченогий стул вдруг переставал быть чиненой мебелью, виделся предметом с авангардного полотна, где намеренно нарушены представления о пропорциях, смещен привычный угол зрения. И старомодный репродуктор на стене, и полинявший ситцевый полог, отделявший жилую часть комнаты от подобия прихожей, и похожий на колумбарий обедневшей аристократической фамилии шкаф... Они отныне будут резкими мазками вписаны в общую картину мира каждого из собеседников Марии, композиционно соотнесутся

с историей его жизни, займут место в биографии. А в иконописной перспективе окна, обрамленного крестами распахнутых рам, теплое небо сочилось благоволением к человецам.

Умиротворение, разлившееся в зеленой от насыщенной голубизны выси, милостиво изливалось на землю, заполняло, обволакивало шумливые кварталы, один за другим затихавшие в преддверии ночи. Отходя ко сну, город, как набегавшийся за день ребенок, долго копошился под пуховым одеялом летнего вечера, испускал гудки машин, стук каблуков и шарканье подошв по асфальту, звуки плевков, запахи отработанного топлива и тлеющей листвы.

А за городской окраиной, робко вторгшейся в природу, разметались на жестком ложе усталые поля да настороженные перелески; чуть поодаль ворочалась в полузабытьи большая ленивая река; погружались в дремоту совсем уж неблизкие степи и горы, нескончаемая тайга и непролазные топи, великие озера и стылые пустыни, и вечные льды, и безмерные океаны.

Еще дальше клонила изъеденный оспинами сонный лик желтушная Луна, а там — и скарлатинный Марс, и гипоксимичная Венера, и звезды, такие далекие, что не разглядеть их как следует, не поставить точный диагноз... Говорят, в момент окончательной сборки вся эта насквозь больная галактика, тогда еще добротная, легкая на ходу, как новенькое велосипедное колесо, гипнотизирующее ослепительным блеском никелированных спиц и обода, была посажена кустарем-изобретателем на ось. И поныне расшатавшаяся, тронутая ржавчиной Вселенная «восьмерит» вокруг чего-то надежного, но невидимого. Иногда можно даже расслышать, как посвистывают стершиеся подшипники, как побрякивает приводная цепь нашего мира — когда в большой компании малознакомых людей в разгар шумной болтовни все вдруг одновременно смолкнут, потому что каждый задумается, что бы еще приятного для других показать в себе,— вот тогда и слышно.

Прежде (в отсталой и реакционной Российской империи) наши легковерные предки, не усвоившие научного мировоззрения, в такие минуты говаривали: «Тихий ангел пролетел». В советские времена все стали учеными... Не в том смысле, что все занялись научной работой, но все оказались ужасно образованными, подкованными в любых вопросах бытия, главное же — наученными жизнью. В советские времена завести речь о бестелесных сущностях мог либо диссидент, либо провокатор, потому что каждому было понятно: единичные пролеты посланцев небес, коль иной раз и случаются, то не у нас, а на далеком от всепобеждающего материалистического учения Западе. Жизненная практика, которая, в полном соответствии с доктриной Маркса, стала для нас важнейшим критерием истины, убеждала советского человека, что летать могут лишь физические объекты: «кукурузники» санитарной авиации, космические аппараты, работающие для нужд народного хозяйства, оберегающие покой Родины стратегические бомбардировщики на боевом дежурстве...

Незримых хранителей окончательно упразднили, зато на вахту заступили архангелы в погонах. Поэтому в советские времена, если среди общего веселья или делового разговора внезапно и разом затихали оживленные голоса, стали судить так: «Милиционер родился...» Когда в прокуренной кухне «хрущевки» неожиданно захлебнется искрившаяся искренностью беседа, когда в самый разгар неформальной полемики дипломированных советских интеллигентов почему-то вдруг запнутся азартные спорщики, когда в шумном, пусть и безалкогольном, пусть и талонно-карточном, пиру после удачной остроты либерально-демократического вольнодумца зависнет завистливое молчание,— тогда, чтобы разрядить драматизм возникшей паузы, обязательно кто-нибудь хитро подмигнет: «Мент родился». И после этих слов невольно почувствуешь себя под охраной, и подумаешь: «Хорошо, что пока не под стражей!» И невольно вспомнишь тех, кого уже взяли под стражу...

Так дело и шло: стоило советскому человеку погрузиться в задумчивость, нена-

долго выпав из ритма всеобщей кипучей работы, как одним милиционером становилось больше. Гражданин Страны Советов опять недоумевает: «Почему это у нас столько милиции? Не многовато ли?» А правоохранительные органы уже выписывают служебное удостоверение очередному сотруднику. Какой-то замкнутый круг получался (порочный круг!) А уж в эпоху гласности, ознаменовавшейся массовыми приступами мыслительной деятельности, личный состав милиции не только количественно увеличился, но даже перешел в иное качество, получив в свое распоряжение резиновые дубинки, слезоточивый газ, защитную амуницию, спецавтомобили для разгона бунтующей толпы,— все то, чего ранее мы, законопослушные «совки», и в глаза не видывали, считая атрибутами исключительно эксплуататорских государств капиталистического мира. В общем, в годы перестройки наше бытие значительно усложнилось, предопределив (опять-таки в полном соответствии с марксовой теорией) многократное, болезненное, на грани распада усложнение сознания.

Однако вот именно сейчас здесь, на четвертом этаже рабочего общежития, угнетающая сложность бытия почему-то не ощущалась.

Мария говорила, ни к кому не обращаясь, словно бы сама с собой, словно бы забывшись беспокойным неглубоким сном, но все сказанное ей неожиданно оказалось настолько ясно, близко каждому, будто это были его собственные мысли. Впрочем, когда твои мысли высказывает кто-то другой, их великую простоту, как выяснилось, невозможно вместить! Слова Марии... Не слова даже, ибо слова превратились в ненужную частность, чуть ли не в помеху, а аморфные сгустки смысла, распространяемые мягкими, слегка припухшими складками ее губ, замедленными движениями ресниц, бархатными низкими тонами голоса, витали в комнате, отскакивая от стен, иногда ложась кому-то на сердце, иногда не касаясь ничьего слуха.

Но, не заботясь о том, Мария щедро дарила себя пришедшим к ней. Она знала, что должна это сделать, как распустившийся бутон знает единственное предназначение — дарить порывам теплого весеннего ветра аромат цветения, не заботясь о том, наделен ли кто-либо на Земле талантом, услышав изысканное благоухание, прослезиться от нахлынувшего счастья. Не в силах женщина забыть, к чему призвана природой, не в силах утаить от вселенной переполняющую ее красоту. На память о своем кратком свидании с миром женщина непременно должна оставить ему (даже такому бесталанному, грубому, неказистому) блеск своих глаз, цвет своих волос, запах своей кожи, музыку своего голоса, прихотливый узор своих чувств, волшебство своего продолжения. И сейчас Мария одаривала людей надеждой и утешением, любовью и пониманием так же, как через несколько месяцев дарует человечеству своего первенца.

Речь ее транслировалась репродуктором распахнутого окна — в бездонное небо... Спортсмен-радиолюбитель в городе Благовещенске случайно поймал эту взволнованную волну и безотрывно работал на прием до конца передачи, удивляясь своей вине в горе обиженной людьми и обидевшейся на судьбу женщины. А потом отправил давнему знакомому, которого, впрочем, знал лишь по общению в эфире,— коротковолновику из Веллингтона — странный текст: «Старина! Мы напрасно ловим сигналы SOS: мы не можем спасти ничьих душ, потому что не спасли свои собственные...» Приняв сообщение из России, меланхоличный веллингтонский радиолюбитель хотел было переправить его дальше, но, подумав, рассудил, что дальше, похоже, уже некуда... Почему-то в тот вечер он дольше обычного засиделся в любимом баре, задумчиво клубя трубочный дым над стойкой, разглядывая сквозь витрину крупные зимние звезды, ворча про себя, что, пожалуй, так ничего и не понял в жизни...

А в комнату Марии через открытое окно тянуло хорошим, терпким, дорогим табаком — кто-то курил этажом ниже, переживая за свою, тоже нескладную, долю. Легкий запах тлеющих табачных листьев бередил грустные мысли о том, что вот уже кончается лето... Кончается лето, и, значит, впереди теплохладный сезон разочарова-

ний, предваряющий лютую стужу, которую парным августовским вечером и представить себе невозможно, но которая непременно ударит, и удар ее не все смогут перенести... Кончается день, и пора дать себе отдых... Кончается время, которое для чего-то было отпущено всем им, притаившимся здесь, по сю сторону разверстого оконного проема... Кончается время, и пора перестать надеться на чью-либо помощь... Кончается время: бесполезно и глупо молить о продлении.

И хотя между присутствующими уже давно установилось молчание, казалось, что их разговор продолжается. Эти... как бы помягче сказать... своеобразные люди, собравшиеся в этом необычном месте, молчали — каждый о своем и, все-таки, все об одном и том же, о том единственном, в чем можно быть уверенным до конца и неизменно: в нашем страннейшем из миров у каждого своя странность. Все мы (а в России в особенности!), как говорят, с отклонениями, абсолютно все, так что само понятие нормы, похоже, уже утрачено. Если же доведется по какому-то поводу начать чередить, показывать окружающим свою эксцентричность, то такого накуролесим, такое чудо чудное учудим, до такой свистопляски дойдем, что только другое, еще более экстравагантное, чем у нас, оригинальничание заставит остановиться и смиренно созерцать чужое чудачество.

Так и теперь. Идя на свидание со странной женщиной, не то избранной, не то отверженной, странноватые женихи могли бы ожидать от нее либо заискивающей покорности, либо агрессивной надменности. Но тот тихий, почти отстраненный разговор, который повела Мария, оказался неожиданностью для всех, даже для отца ее. И ведь Маша не отвергла пришедших к ней, не погнушалась ими; однако и не приняла безоговорочно, не признала достойными — это она-то, деревенщина, безмужняя залетчица! Но вот не дала играющим в благородство городским неудачникам возможности возвыситься за счет своего ребенка, от неискреннего самоотречения их отказалась, поскольку настоящее возвышение им только еще предстояло познать, ибо оно скрыто глубоко в человеке и не измеряется ни милостыней, ни доброй услугой, ни благодеянием. Напротив, лишь возвысившись духом, поняв, что есть воистину добро для тебя самого и для ближнего твоего, получаешь право принести себя в жертву.

Ни одного из незваных гостей Мария не пустила в свою жизнь, и всякий понимал: нет у него права упрашивать женщину раскрыться перед ним. Ей идти собственной дорогой, вести за собой дитя... И, возможно, следуя за матерью, чадо ее, которое еще до рождения оказалось в эпицентре стольких страстей, на перекрестке стольких судеб, войдя в возраст, достигнет небывалых высот... Сейчас каждый в комнате искренне и бескорыстно хотел, чтобы Машин первенец вырос бы великим человеком... Или, хотя бы чуть более успешным, чуть более удачливым, чем все они. Сейчас любой согласился бы работать до изнурения, терпеть лишения, расстаться с самым дорогим ради триумфа этого ребенка, триумфа, будто бы кем-то уже обещанного. И если бы мальчишке удалось (ах, если бы ему удалось!) в будущем прославиться и их прославить, как гордились бы они, что помогали становлению выдающегося деятеля современности! Словно настоящие отцы гордились бы!

Впрочем, тягучие секунды негостеприимной тишины, одна за другой падая на темя тяжелыми, палаческими каплями, возвращали от бесплодных мечтаний к безотрадной действительности. Ясно же, до рези в глазах, до ломоты в висках ясно: явит Машин ребенок пример исключительной личности или станет лишь одним из малых мира сего, еще более мизерабельным, чем собравшиеся здесь мужчины,— все равно для них нет места подле него. Он ни единой чертой не будет похож на тех, кто ныне пытается заглянуть в завтрашний день не рожденного пока младенца; ни единым изгибом своей судьбы не повторит маршрут их блужданий, не прислушается к их советам, не воспользуется их помощью... Приговор окончателен, обжалованию не подлежит: рядом с ним, как и рядом с Марией, нет для них места.

Одно было утешение: Мария не погнушалась своими шальными визитерами,

следовательно, понимала их существование как необходимость. И это неожиданно оказалось чрезвычайно важным для них, пожалуй, это оказалось важнее всего. В сердцах, раскалившихся, словно безостановочные плавильные цеха, в грудных клетках, чьи своды покоробились от непрерывной работы вагранок сомнений и того гляди обрушатся, вдруг потянуло освежающим сквознячком. Там, где грохотали вагонетки, загружающие в пылающие печи лом чужих идей и слов, где чревовещательно гудело адское пламя, где заполошно орали сновавшие повсюду микроскопические на фоне домен черные человечки, вдруг зависла пауза, означавшая, что сейчас произойдет нечто важное. И правда: из огненной летки мартена уже изливался белый от жара, дрожащий, как мираж, поток металла. Этой плавке еще предстояло много терзаний: она пройдет многократную лихорадку закалки, ее будут неистово колотить молотом... Но именно она и именно после мытарств превратится в стальной стрежень, в несущую балку каркаса будущих побед.

Вот ведь насколько все измелилось за, может быть, час с небольшим пребывания в общежитии посторонних: направляясь сюда вальяжными гарун-аль-рашидами, теперь они готовятся бежать, будто ватага оконфузившихся оборванных дервишей... И как тут не вспомнить бабу Дусю, горой стоящую на страже воспрещающих предписаний: похоже, не следовало им, посторонним, ломиться в закрытую дверь. Послушай они старуху — самим проще было бы! Однако посторонние никогда не соглашаются признать себя непричастными хотя бы к чему-то, творящемуся на белом свете, никак не могут подавить мучительные приступы любопытства, упорно срывают предупредительные таблички, влезают, куда не положено...

Да вот взять хоть сегодняшний пример! Бесцеремонные посетители сначала вломились в Машину комнату, а потом уже разобрались, что это, скорее, трансформаторная будка, наполненная пугающим гулом чудовищного высокосферного напряжения... И что им делать? Как поступить: спасаться ли бегством, стоять ли неподвижно? Какому богу молиться, чтобы избежать испепеляющего разряда гневной верховной правды?

Час назад, решительными шагами направляясь к общежитию, все эти мужчины неизвестно почему рассчитывали услышать здесь одно-единственное проникновенное женское слово, без которого не прожить. И что же? Оказалось, слова невесомее листьев, готовых в любую минуту с обидным равнодушием покинуть родную ветку ради сомнительной чести истлеть в грязи при тщетной попытке укрыть землю от холодов... Прорываясь всеми правдами и неправдами мимо бабадусиной вахты, самоуверенные прожектеры надеялись обрести в заповедном девичьем царстве верную, преданную помощницу. И что? После разговора с таинственной затворницей их планы облачными плотами уплыли в вечернее небо... Стоя на пороге четыреста первой комнаты, холостяки-неудачники мечтали о заверениях в любви. Ну, и? Едва переступив заветный порог, они вмиг уразумели, что даже из жалости не удостоят их счастьем нежного признания... А вот то, что Мария, мистическим образом приобретшая в их глазах черты идеальной подруги и жены, советчицы и наставницы, то, что она с ходу не выгнала пришельцев, подарила несколько минут тишины на исходе августовского дня — вот это неожиданно наполнило значительностью их существование.

И потому души удостоенных аудиенции кавалеров согревались каким-то новым, неизвестным им прежде чувством. Наверное, в ту пору они и полюбили Марию, полюбили по-настоящему, еще сильнее, чем ее не рожденного сына. Полюбили как свою Прекрасную Даму, как воплощение Вечной Женственности, полюбили навсегда и безнадежно.

Трудно было поверить, что Она пребывает в обветшалом казенном доме, что Ее сердце бьется под стареньким застиранным халатиком, но пришедшие к Ней уверовали. Трудно было постичь, что предстоящая здесь реальная и ничем не выдающаяся женщина суть воплощение мудрости и трепетной доброты, самозабвенной, почти

болезненной любви и неотступной заботы, но стремящиеся к смыслу постигали. Трудно было вместить, что скоро в муках, в крови придется Ей доказывать всему миру свое святое предназначение, но ищущие истины пытались вместить...

Хрипы карикатурно огромного будильника, напоминавшего мультяшную бомбу с часовым механизмом, провожали в небытие мгновения вечности. Упорно глядели в пол, не хотели поднять багровые от стыда лица оконфузившиеся женихи. И все казалось, что сейчас сюда ворвется яростный, неистовствующий Одиссей, законный супруг и настоящий отец, ворвется и мощной рукой восстановит справедливость, обратит в бегство разоблаченных самозванцев, рассеет сомневающихся, изощренным разумом направит течение жизни в единственно верное русло, и все, даже наказанные, обретут счастье... Но не распахнулась дверь, не скрипнула половица под запыленными сандалиями. В общежитских коридорах никогда не раздаваться шагам царя Итаки... Так стоит ли тебе, фабричная Пенелопа, год за годом, век за веком ждать возвращения хитроумного мужа? Нуждаешься ли еще в нем ты, давно привыкшая все решать сама? Да и не ошиблась ли ты в своем благоверном? А вдруг под личиной великого героя скрывается легкомысленный выдумщик, бражник, ходок и задира? Или, может быть, таким он и дорог тебе?..

Александр Мальцев
(п. Бор Рамонского района Воронежской области)

У КОЛОДЦА С ЖУРАВЛЕМ
Повесть

Родился в 1948 году в селе Лесополяна Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. Работал в Воронежской области учителем, директором школы. Служил в органах МВД. Публиковался в журналах «Подъем», «Север», региональной печати, коллективных сборниках. Автор четырех поэтических книг. Живет в поселке Бор Рамонского района Воронежской области.

ХУТОР

...где-то здесь в лозняковой низинке у ручья с сильным своим дымным запахом стояла банька по-черному. Тропинка выходила на дорогу с колодцем обочь и журавлем рядом...

Хутор из детства — мираж в пустыне, летучий голландец в море, легендарный град Китеж со своими подводными звонами колоколов где-то там, на северо-западе Руси. Жив он, по-моему, только в моей памяти. Жив ликами знаемых мною много лет назад, жив запахом баньки по-черному у ручья на переходе, жив улицей с тогдашними, крытыми соломой избами со скрипучими дверьми, лавочками под окнами, деревенскими мальвами в палисадниках. Еще много чем. И уйдет он окончательно в небытие по-китежградски вместе со мной. Так устроен мир на этой земле. Отживет травинка свое лето, отрадуется жизни и на вечный покой. А чтоб не так трагично выглядела действительность, прикроет снежок землю на долгие месяцы — оно потихоньку и забудется.

Андреевка начинается и кончается Избищами. Избище, утверждает этимология,— место, избитое копытами животных до непригодности быть пастбищем. На востоке селение Избище Семилукского района. От него деревенские подворья тянутся по широкой луговине километров двадцать до другого Избища на западе, завершаясь хутором Афонино в Нижнедевицком районе. Поэтому, где «голова», где «ноги» у этого поселения, понять трудно. Однако — кладбище расположено в семилукском Избище. А оно, как правило, всегда в конце села. Там вся Андреевка и покоится. Только если кто случайно где-то приотстал или затерялся, а так — все там.

Несколькими домишками поднимается хутор Афонино из луговины к просто теперь уже остановочной площадке «Избище», потому что станцию, на радость врагам нашим, разорили ельцинские «опричники». Волокли они КамАЗами рельсы, щебень, оборудование, ну да бог с ними — проживем и так,— обнадеживают местные старики.

Луговина дальше раздваивается. Вправо небольшое пустое селеньице в одну улицу Малиновка, обросшая дубовым лесом с сорванным прудиком в низинке. При всех властях без электричества, оно и сегодня остается притягательным местом для

дачников. Оба облесенные ответвления луговины рельефно выравниваются, завершаясь полем.

Километров через десять по луговине на восток — центр. Когда-то здесь было правление колхоза «Звезда». В этом колхозе от самого его основания трудился мой дед. Позже — дядя, остальная малознаемая Андреевская родня. Еще школа, магазин, местная власть и начало асфальтированной дороги на Курбатово. Мне приходилось бывать в «центре». Почему кавычки? Потому что раньше все жители говорили: не в магазин пошел или в правление — в центр пошел. В сельской администрации еще помнит моего деда местный глава. «А-а-а, он жил на Коммунаре, я еще пацанчиком тогда был...».

Деревня эта ничем не отличалась от других деревень России. Как солдат в окоп, хоронилась она от ветров в складках холмов. Тянулась, располагая жилье, как Бог на душу положит: к соседу поближе жались отроду пугливые, нахраристые друг от друга подальше, повольготней, с расчетом на сыновей. В иных местах от избы до избы двести, а то и триста метров! Привольно, сосед соседу не указ, мордоваться за межу из поколения в поколение не надо, спорить, кому, где стог сена скотине на зиму поставить, колодец вырыть, еще чего. Иные же всю жизнь мордуются, но друг от друга — никуда! Парни этого бока брали жен с того, а парни с того шли за ними на этот.

Внутри бывшего храма без креста и колоколов дизель крутил генератор. Грохот мотора, многократно отраженный от стен и устремленный к куполу, резонировал и превращался в вибрирующий визг. По ночам казалось, что звук исходит с небес. В нем моей фантазией переплетались крики ночных птиц, странные плачи и скрежет зубовный.

— Ба, там черти? — спрашивал я, свесив голову с печи.

— Бог с тобой, касатик, что тебе взбрело-то! Ты спи, спи,— шептала бабушка.

КОРНИ И ОТРОСТКИ

Все так же куры в подклетях кладут свои непорочно-белые яйца, шелестят листья дерев, пасутся коровы, лают собаки, и жизнь за окном напоминает прожитую. Только напоминает, на самом же деле за окном совсем другое.

Километрах в двух с небольшим гаком от остановочной площадки, в прошлом, напоминаю, станции, в самой луговине, как я уже говорил, на улице «Молодой коммунар» жил дед мой по матери Макар Павлович с бабушкой Мариной Андреевной, в девичестве Карповой. Название улицы произошло от названия колхоза. Их было в Андреевке около десятка. Потом их слили в один и назвали «Звезда», а названия колхозов оставили улицам, да отдаленным селениям вокруг. Мне захотелось переощутить дух моего детства, дух этого села, лучше понять свои начала, понять мотивацию своих поступков в жизни.

Вспоминают моего деда местные жители — коих осталось не то что совсем, а очень мало — великим трудягой и выдумщиком. И все из-за экзотики: использовал корову не только по прямому назначению, но и как лошадь, запрягая ее в маленькую тележку собственной конструкции; сенца подвезти с покоса, еще по какой нужде. До меня трудно доходит даже сейчас, когда я крепко в возрасте, что дед мой, во времена моего пацанинства, был не только дедом, но и мужиком в расцвете мужичьих сил со всеми остальными при этом необходимыми требами. Для меня он, уже с момента моего рождения, был просто дедом.

С рождения я принимал окружающее данностью неизменной. Только потом-потом в сознание мое войдет: у дедушки, оказывается, был отец, и у его отца тоже

был отец, и был тоже дедушка, что его дедушка мальчиком перенял отцовы привычки, круг мужичьих дел и его сноровку. И так из поколения в поколение передавалась и приумножалась опытом наука сеять хлеб, выращивать скот, рубить избы и сажать деревья. То были времена, когда жизнь и ее уклад не менялись веками, жилось людям просто и по-земному уютно. Без противоречий сын сменял отца. Проблем принятия и отрицания жизненного уклада не существовало. Это где-то там, в Москве да Питере, в Англии да Германии, во Франции да Америке роились и делали большие открытия большие умы. Деревни же там и там жили спокойно и без больших перемен. И мое понимание вещей происходило по мере взросления постепенно.

Перенимать от отца мне пришлось совсем иное. Отец мой отрицал, или делал вид, что отрицает основу устойчивости жизни на земле — *веру в Творца,* и делал что-то не то — совсем не то. По своей воле или по указке других — ни он сам, ни я так и не узнали. Не узнали мы и механизма подчинения чужой воле. И жизнь его и моя потекла совсем отлично от прежней дедушкиной, но и дедушка не воспользовался опытом предков. Прежний опыт имел природное происхождение, а природу решили покорять. Для этого нужен был новый опыт, опыт покорения, а прежний опыт сожительства с природой стал не нужен.

Принимал дедушка присягу на верность царю, а большую часть жизни жил при новой власти, которая, как многие до нее и после нее, думала и обещала быть хорошей. И как потом дед не переиначивал, выходило: он Иуда и клятвопреступник, но тот и другой не по своей воле. А, значит, люди на земле стадны. И он вместе со всеми стаден. Куда их кто не направь, туда и бегут все табунно. Вслед за отцом и своим дедом дед мой пахал землю, и пахал бы он ее до конца дней своих...

* * *

Моя мать и я его внешне собой повторили. От отца мне достались пальцы рук, суровое выражение лица, да наклонности к музыке и маранию бумаги. Это не философское и общеизвестное «во мне живет Христос», а родовая обыденность.

Родившись в 1895, он дожил до 1990 и — поразительно: как! Со слов бабушки, любил дед деревенские гульбища. Трезвым с них никогда не приходил. Домой его приносили мужики упившимся до бесчувствия. Отоспавшись, как нигде не был, принимался за дела. Ничего у него нигде не болело, не требовало дополнительных вливаний. Краснощекий, голубоглазый мужик с узкими усами не больше ширины носа, по моде того времени. Сам дед, по своей детскости, многого в голову не брал. Перед войной кто-то из мужиков отдал ему долг флягой денатурата. Дед, широкая душа, собрал соседей. Обсев флягу, мужики не встали, пока все литры этого средства для розжига примуса или керогаза не прикончили.

Однажды отец и сыновья в поддатьи затеялись шутить-бороться и сломали отцу руку. Наутро за столом стали думать, как быть дальше. Отец, выслушав сыновей, подвел итог: «Глядите, ребят, как лучше...». Добрейшей был души человек. Это было видно родовым, наследственным.

Выпивши, отец любил поговорить, имея собственные «государственные» суждения. Однажды нашел я его на подворье плачущим. Опершись подбородком на черенок вил, лил он слезы. И вот о чем: скосил сосед купленное у него на корню сено, а потом и отаву, хотя про отаву договора не было. Раскурил я тогда по его просьбе сигарету, но он, так и не сумев «затянуться», выплюнул жвачку. Уже тогда, при его жизни, начинал я понимать, что прожил он жизнь, не выходя из детства. Бабушка рассказывала: когда дело повернуло к колхозам и все стали сбывать имущество, дед мой по дешевке купил конную косилку, ветряную мельницу, рушку. Тут же из соседей создал объединение — «обчество», как он сам его называл. Но из грязи в князи не получилось, кто был ничем, тот ничем и остался.

...Вечером в сенях загремели дверью. Впотьмах загалдели голоса. Найдя, наконец, на ощупь входную дверь, мужики ввалились растоптанными валенками, драными полушубками, шапками в трухе сена, бородатыми лицами с запахом табака-самосада. Они щурились у порога после темени сеней от света керосиновой лампы. Озираясь по сторонам, виновато прятали они глаза от детей за столом под лампой, от распахнутого удивлением взгляда хозяйки, от строгого на непрошенность взгляда хозяина. Пришли «властя». Пришел комитет бедноты. Совсем скоро его мужики поднатореют в деле хождения по чужим дворам, в деле бесцеремонного влезания в чужие жизни и прятать глаз не будут. Смотреть на сельчан будут с открытым презрением, находя свои действия справедливыми и правильными. А пока, еще причастные к Божьей вере, кучкуются они у входа, опасливо поглядывая на хозяина. В них, в их душах была жива еще совесть: ощущение греховности и неправедности затеянного дела, жив еще страх испортить жизнь свою безрассудством.

Так, наверное, дикарь будет долго разглядывать скрипку, не понимая ее предназначения. Грубым людям в руки случайно попал самый дорогой на свете инструмент, инструмент — мечта человечества, напрямую связывающая власть и людей с Богом. Пользоваться инструментом никто не умел, и за годы властвования никто так и не научился.

— Доброго вам здоровьичка,— дурашливо потянул распевом член комитета, мужик по подворью «Катях», первый весельчак и кутила деревенский,— а мы вот... Но даже он не нашелся, как и чем закончить — сегодня и здесь «в гости» никак не клеилось. Мужик быстро сник, и, несмотря на богатый опыт общения, еще не знал как себя здесь и сейчас повести дальше. Вошедшие, поворотившись к образам, потянули было по привычке руки к шапкам, но «Вожак» — так за глаза называли председателя — громко крякнув, ожег их взглядом и сдвинул брови. И мужики опустили руки, потому что власть на Земле вообще и на Руси в частности — понятие особенное, связанное не только с волей Бога, не только с насилием, не только с безусловной правотой меч носящего, но и с проявлением, в силу положения, и особенного ума, властной вседозволенности. Власть утеряла изначальную сущность служения «за прокорм», позабыла о своем единственном праве — умереть в минуту опасности за содержащих ее. Она обособилась и возвеличилась огромным двором, величественным церемониалом. Она присвоила себе божественные черты и, боясь потерять их, при любой форме правления ищет пути сохранения достигнутого. Даже из мужицкой среды недавно свой в доску мужик, обретя знаки достоинств, резко меняется. Он «моет» ноги своим «апостолам», апостолам, возводящим его, дающим ему властное преимущество над другими, забывая напрочь о тех, кому он должен служить, кто его кормит. Вот почему мужикам достаточно было намека Вожака, а Вожаку достаточно было намека над ним стоящих.

За столом восьмеро — мал, мала меньше — ждали, когда их мама поставит на стол чугун с картошкой. Они уже представляли: как и когда каждый из них протянет руку за картофелиной, как торжественно очистит ее и макнет в горку соли, как в полной тишине и серьезности будет вкушать дар Божий, памятуя прочтенную отцом молитву. А перепуганная мама с чугуном в руках стыла у печи. Председатель комитета бедноты громко произнес странное слово: «экспроприация» и, взяв у перепуганной матери чугун с картошкой, передал его Катяху. Катях, свершая освященное властью государственное дело, понес чугун с чужим ужином домой, переступив сразу несколько заповедей Христовых. Вожак же, молча провожаемый настороженными взглядами, прошел в «святой угол». Сдернув с гвоздей образа, он кинул их на пол, закрепляя начатое экспроприацией бесповоротно.

Как натаскивают собак на агрессию по отношению к чужаку, так Вожак натаскивал свою ватагу на агрессию по отношению к сельчанам, преступая нравственный закон и божьи заповеди. Под сапогами звонко лопались стекла, с треском ломалось

сухое дерево, но никакая кара на его голову не рушилась. Маленькие заплакали тревожно и отрешенно. Их детские головки не вмещали происходящего. Они плакали так, как плачут взрослые во времена великих бедствий и потерь.

А дедову душу пронзила сильная и, почему-то, визгливая — как железом по стеклу — боль. Он понял, тогда он ощутил нутром: ни в вере, ни в Боге, ни тут,— в своей избе, ни там — на земле и на небе, ни мысленно, ни в деле — себе не хозяин. Началась коллективизация.

В ней заключалась суть перемен. Она разумела обобществление скота, орудий труда, образа мысли, обобществление образа жизни, земли и еще чего-то того, что не возможно было осмыслить сразу. Но поняли люди главное: если чья-то голова возвысится над толпой, ее отсекут! Потому высокие от рождения виновно гнули головы до уровня толпы.

И дедушка, и бабушка, и их дети после раскулачивания жили в сарае рядом с заколоченной избой. Вожак еще не раз приходил экспроприировать то чугун, то деревянную поварешку, то что-то из тряпья. Со временем люди «пообвыкли» и относились к его набегам так, как их предки к появлению татарских баскаков.

Дедушкина семья в то интересное на события время считалась ячейкой общества, строящего коммунизм, но он об этом не знал. Не потому, что не слышал, а потому что слова эти были ему не по уму. Он слышал звуки этих слов, встречал их в газетных текстах, но мозг его на них не отзывался. Не знал он и о том, что низшим проявлением свободы является произвол, а высшим — Царство Божье. Что он на белом свете к чему-то ближе, но, в тоже время, от чего-то дальше. Что можно жить так, и, что можно жить совсем иначе.

И в колхоз он пошел не коммунизм строить, а за своими лошадьми приглядывать. Так до войны с германцем и пропригляд ывал. Говоря современным языком, он хорошо инвестировал колхоз за охапку соломы, которую надо было еще спереть — так до сих пор говорят местные о краже. Может потому при случае упивался он до безобразия. Дожив до горбачевских преобразований, все пытал меня: «...а можа, оно как при Столыпине, землицу-то нам теперича отдадут?». Но его жизни на российские преобразования не хватило.

Воевал дед, защищая Сталинград, поваром. Там попал в плен, но прежде встретился с братом Павлом. Из плена бежал, пришел домой и сразу устроился разнорабочим на железную дорогу. Коней его в колхозе к тому времени, видно, уже не было. Освоил он на железной дороге новое, хотя для моего понимания странное дело,— чистить колодцы. Даже мне запомнилось обилие казенных домов, как их тогда называли — казарм, через каждые три, пять километров вдоль железнодорожного полотна. В них жили и несли службу железнодорожные обходчики. Возле казарм колодцы. Вот их то и чистил дед до пенсии.

Рассказывал: однажды мужики уронили в колодец на него бадью. Сочтя, что пришибли мужика и ему конец, присели рядом помянуть душу очередного грешника, (почему-то при жизни о грешности вспоминают мало) чтоб потом уж думать, как доставать тело и расхлебывать случившееся. Дед, очапившись, услышал приятное и знакомое для души бульканье, закричал им из колодца, что сначала нужно достать бадью и его, а уж потом разливать...

После его смерти вспоминали железнодорожники, как в споре грузили ему на спину прогон рельса и он, где-то около полутонны веса, нес рельс на своих плечах. В глубокой старости мучили его висюли грыж на груди и в паху. Дурь просто так, ведь, не проходит. Жил он, как мог,— с душой простецкой и наивной.

Я плохо помню, но, наверное, по моей просьбе он сделал мне лыжи. Это были две плохо оструганные, заостренные топором доски. Мне они, по-моему, так и не послужили. Руки ему Господь пришил грубовато. Или деду не сиделось, и все он делал на скорую руку от нужды. Сложенная им печь занимала много места и при рас-

топке всегда сильно дымила. Слаженные им сараи снову хилились, двери пели на все голоса и цепляли за землю, везде были подпорки и соломенные затычки.

В нескольких шагах от его двора в ложбинке располагался старый, обомшелый, рубленый из осиновых и дубовых плах колодец. Рядом с возвышающимися бревнышками сруба лежал большой камень. На него ставили вынутое из колодца ведро с водой. Ее черпали и доставали из глубины сруба с помощью журавля. Журавель — это врытый в землю деревянный столб с развилкой-рогатиной вверху. В развилке крепилась на оси жердь. К длинному концу жерди вязали веревку для ведра, на короткий конец вешали груз. Он-то и пособлял поднимать ведро из колодца. А под окнами, в палисаднике дедушкиного дома, росли мальвы — цветы неповторимо-нежных оттенков!

Деревню схоронила политика. Сначала одна власть, потом другая. А может сроки ей, этой деревне, на земле вышли? Жилья и построек давно нет. Мне же все кажется, что совсем недавно дядя Михаил подкатывал ко двору на «Люсе». Люсей тогда называли дальнего родственника американского автомобиля «Форд»,— полуторатонный грузовичок с полудеревянной кабиной, деревянными порогами и бортами. Пока дядя обедал, я крутил руль и оглашенно орал: «Би-би-и-и...».

Бабушка Марина померла в семьдесят пятом. Деду было восемьдесят. Бабушка давно болела, жила с дочерьми. Дед привык жить один. Он держал корову — сам кормил-поил ее, сам доил-цедил, сам ел и делился молоком с государством. Корова утром тянула небольшую двуколку на опушку леса. Там он косил сено, а выпряженная корова паслась. В «обедах» дойка, обед. Потом корова шла дощипывать траву, а дед сгребал и укладывал на двуколку сено. Вечером запряженная корова везла деда и сено домой, чтоб на следующее утро повторить всю благость жития сначала.

Когда бабушку снесли на погост, дедушка, сложив клешнястые, растоптанные работой руки на костыле, долго стоял у холмика. Потом горестно вздохнул и негромко произнес:

— А видная баба была.

Может, это и было то, чего она ждала до конца дней своих. Но в деревне любились, рожали и растили детей, строили по заведенному образцу жилье, пахали землю, выращивали хлеб без высоких слов. Дед в этой деревне родился и вырос, прожил жизнь и помер. Он и помыслить не смел нарушать заведенный порядок.

Задушевно на досуге беседовали с соседкой через дорогу, родственницей Акарачихой. Акарачиха раскуривала козью ножку — свернутую из газетной бумаги цигарку со свойским табаком самосадом так, что щеки в беззубом рту сходились, басовито передавала деду бабьи новости. Больше их передать ей было некому. Улица катастрофически быстро пустела. Народ «уходил», молодежь в селе не оставалась.

Как-то летом, по ошибке, залетели в пустующий на подворье улей, пчелы. Дед, растопив дымарь, восторженно пособил заблудшим обрести дом. Потом, с гудящими под рубахой пчелами, сев рядом со мной на дрова, попросил раскурить сигарету и, пуская дым под рубаху, приговаривал:

— Худая снасть, Шашок, покою не даст.

Утром, несмотря на дедовы старания, пчелы улетели. Дед сокрушенно размахивал руками:

— Эх, мать-и-так, не углядел! — вроде как корова в огород зашла.

«Нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме». Эту сказку ежедневно повторяло радио, а дедушка, как мог, втолковывал ее глупому телку возле лохани: — Ты,— говорил он,— больше на сенцо налегай, а молочко мы сдадим государству. Глядишь, и заживем, как радио обещает... Слова ради слов, кучерявая замысловатость теряла человека, слова теряли смысл, от несбыточности их опускались руки.

К тому времени он позабыл давние обиды обобществления: своих коней, загуб-

ленных в колхозе плохим уходом, рушку и конную косилку, просторную избу. Все это потерял он в одночасье. Семья его маялась в тесноте, голоде и холоде. Но и это не все — дед стал сторонником этой власти, находя ее правление справедливым. Он не заметил, как время сгладило, оптимизировало взаимоотношения людей. Образ государства (государства ли?), как Царствия Небесного, был всегда в умах людей необычайно притягателен, и будет притягателен во все времена. Перенести Царствие Небесное на землю в разных формах, в разных местах на земле пытались, но всякий раз не хватало «чуть-чуть». Этим чуть-чуть и было то, чему учит Христос.

Уже когда ему было за девяносто, деда забрали дочери к себе доживать. Последний раз виделись после моего возвращения гостем из Украины. Живущий в Украине один из многочисленных сыновей моего деда Тихон выгнал там из конфет самогон. Времена были горбачевские; ни «жратвы» в магазинах, ни сахара, ни самой водки. Передал я деду поклон сыновний и гостинец. Дед покричал тетке, чтоб принесла стакан. Плеснул и, откушав, еще раз — теперь уже на вкус — убедился, что сыну живется хорошо. В свои девяносто пять он был в своем уме, мог себя обслуживать. Только бесконечно сокрушался по своему жилью, своей корове, которую лет пять назад сдали на мясокомбинат. «Взыграло конфетное пойло, вот и понесло деда»,— подумал я тогда. И только спустя годы понял его правоту. Укоротили тетки мои, его дочери, ему жизнь своей любовью — вырвали мужика с корнем из привычной среды обитания, подсадили поближе к печке, да к ведру пахучему, и завял мужик.

— Расскажи,— попросил я тогда,— дедушк, о своем солдатстве.

— А что об нем рассказывать-то. Призвали в четырнадцатом году. Служил в Москве. Присягу давал царю-батюшке верой и правдой ему служить... «И когда дед присягал царю,— отвлекло меня размышление под дедов неспешный рассказ,— почва для перемен уже была взрыхлена и удобрена. И тогда большинству мыслящих людей того времени, с противоположных позиций, виделась одна и та же стихия темной крестьянской массы — как огромной силы заряд, склонный к анархизму. Что этот огромной силы заряд, повинуясь некому знаку свыше, в безудержном порыве обратится в дикий бунт, лишенный всякого смысла. И те, и другие по-разному видели решение вопроса, но те и другие радели о своем благе, называя его общим...».

— Как привезли,— стали вновь доходить до меня слова деда,— как переодели, стал думать о службе. Понравилось мне как трубач на трубе трубит. Подхожу к унтеру — так, мол, и так, хочу на трубе трубить. Чего надоть-то? Сговорились. Как свечерело, отдал я припасенную водку унтеру. Смешной был унтер,— дед хохотнул, склонив голову набок.— Как честь, бывалыча, отдает, ножкой бьет и рукой по заднему месту себя хлопает. Пошли мы с ним в овраг. Раза три, лебо, ходили. Выучился я побудку играть, еще чего и — трубачом служба пошла.— Рассказывая, дед прихлебывал, как чай, из граненого стакана конфетный самогон — подарок-гостинец от сына.

Я ни разу не слышал от него ни ругани, ни грубости, ни иных богопротивных слов. К концу лета он захандрил-занедужил, перестал принимать пищу, убрались висюли грыж, обрезалось лицо. Так смерть не спеша вынимала из тела его светлую настояще русскую душу. Осенью Макара Павловича схоронили.

Умер дедушка, когда эти, думая, как те, до них, зная, как те, что и как лучше для народа, сменили флаг и герб. С новой силой зазвучали догматы «старой веры», разрушающие начала Царствия Небесного внутри слабого: купи и продай. Затаенный дух корысти, пришедший на смену наивным, хаотично надерганным из Книги книг постулатам, прикрытый именем свободы, покажет себя невиданным разграблением одного из самых богатых государств мира. Пошлость толпы, ее дух грабежа быстро разложил и нравственность: философию, религию (да, да!), поэзию. Успокоив свою буржуазную совесть приобщением к духу черни, великие отказались от величия. Будущность человеческого духа сегодня под сомнением — *Главное* подменили суетным, повседневным. Хотя,— Россия и так из века в век приносит себя в жертву зав-

трашнему дню, забывая о том, что жить надо сегодня. И дедушка жил готовностью начать жить сегодня, но не выходило. Потому и прожил он жизнь свою не на «бело», а на «черно».

Возле отца, из восьмерых его детей, остался на всю жизнь в Андреевке один Михаил, которого я, не знаю почему, называл Крестным. Крестный жил неподалеку еще в одном ответвлении луговины. Хату с садом на склоне помог ему купить отец. Михаил был башковитый и, когда пацаном поступил в Воронежский железнодорожный техникум, отец поимел на сына большие надежды — половина деревни работала в колхозе, половина на железной дороге. Колхозники железнодорожникам завидовали. Но эти надежды не сбылись. Михаил приглядел в соседнем селе Князеве Марию. Ему стало не до учебы, и осел он, выучившись на шофера, в родной деревне плодить потомство.

Мужик он был крупный, ширококостный и сильный в отца. Подтягивая песни на вечеринках, густо басил, а в сильном подпитии, топчась неуклюже, пытался плясать. Свел меня Господь с Крестным после смерти его жены Марии как-то в вагоне поезда. Дядя Михаил не охал, не ахал, а шутил, называя жизнь досужей штукой.

— Поди, тяжело в деревне одному-то. Невестенку еще не присмотрел?

— Моя невеста давно уже ждет меня *там,*— махнул он неопределенно рукой...

Вскоре, после нашей встречи, ушел Михаил к невесте своей *туда*. Говорил он, как и все, говором андреевским.

О говоре особо бы поговорить — да что я знаю, кроме эмоционального. Говор этот еще называли гончарихинским, а саму Андреевку часто Гончарихой. Видно в каком-то из ответвлений протяженной на много километров луговины были и есть близко залежи гончарной глины. Или из-за ручья-речушки Гончарки. Вот вам и свои гончары, и свои кувшины из глины, имевшие спрос, говорят, даже в Индии, и не забытое названия села в прошлом.

Дедушкин отец Павел Семенович умер в тридцать седьмом, пряча в погреб от Вожака мешок зерна. Он ничего не знал о различии и превентивности государственного права над личностным. Прорвалась, как тогда говорили, «грысь». Старушки пошептались, похныкали, повздыхали у гроба, каждая думая о своем, помочили платки слезами.

Деревенская плакальщица затянула было привычное: «Ох, ды на кого ж ты нас...»,— поворотив души присутствующих к небесам, от чего аж мороз ударил по коже, но на нее зашикали, прожгли взглядами «из-под тишка» и она смолкла, испуганно озираясь. Люди привыкали понимать взгляд, не пользуясь словом. Жизненные перемены происходили так стремительно, что физиологически человека на осмысление не хватало, и он, под воздействием защитной реакции, выпадал из действительности, продолжая существовать в прежних понятиях. Пугало незнанье: как новые «властя» отнесутся к плачу по покойному и, исходя из того, что покойному уже не помочь, а им еще жить, решили хоронить молча. Слава Богу — покойничек пожил, и хорошо пожил, дай Бог каждому! Мужики просунули под гроб полотенца и снесли покойного на погост, а дедушка с семьей осел в родительской избе. Как говорили и говорят даже теперь о вернувшихся в родные места: сел на корень. Потом прилетел вражий самолет с крестами на крыльях и сбросил одну-единственную бомбу. Вместо заколоченной избы деда долго потом зияла пасть воронки, обросшая разнотравьем.

Война затребовала — как и многих мужиков этой деревни: правых и неправых, судей и судимых — Вожака на фронт. Перед войной организовал он снятие церковных колоколов. Погиб, говорила казенная бумага, смертью храбрых в первом же бою. Но известие о гибели не вызвало даже христианского сочувствия и сожаления. Никто в деревне не нашел в его гибели трагизма. «Бог прибрал за грехи»,— единодушно

порешила деревня. «Каждое преступление мстит за себя на земле»,— скажет в свое время великий Гете.

Мой пра-пра-прадед Семен Стефанович, отец моего прадеда Павла, имел шесть детей, и каждый оставил в народе о себе памятное. Кирил зарубил топором покушавшегося на честь жены односельчанина — старики даже сейчас передают байки о красоте необыкновенной женщины,— отсидел за это два года. Иван был известным хлебопеком, и только ему доверяла деревня выпечку куличей на Пасху, да пирог на праздник. Федор — тем, что многодетен, Трофим и Андрей погибли на войне. Прадед Павел тоже не оплошал — кроме моего деда Макара, его дети: Егор — в 1944 погиб на фронте в поездной аварии; Павел проехал по фронтам на своей полуторке от Сталинграда, после упомянутой встречи с братом Макаром, до Берлина; Варвара жила в Андреевке; Марина в Малиновке с поэтичным Егором Андреевичем. Их сына Ромку и сегодня деревня помнит как безвинно убиенного. Наткнулся я как-то на узелок с поздравительными открытками. Егором Андреевичем написанные тексты были особенны — отличались витиеватым узорочьем предложений, фантазией и подчерком; Анна вышла замуж за Чикова Илью Леонтьевича. Запомнил его потому, что любил он с моим отцом попеть на два голоса русские и украинские народные песни, поговорить о житьи-бытьи. Дети Ильи Леонтьевича и Анны Павловны живут теперь в селе Стрелица. Но о многих из них ничего не знаю. Жизнь наша так устроена: пока были живы те, кто о них что-то знал, мне было не до этого...

Теперь же воспоминания все чаще и чаще приходят ко мне долгими ночами, когда тишина жилья сгущается до звона. А во тьме, там — во тьме за окном, тяжело возится ветер. И каждый звук отчетлив и обнажен. Они приходят. Они непрошенно врываются в сознание прожитым. Они обостряют сожаление о безвозвратно ушедшем. Они напоминают о греховном болью души. Они приходят радостью повтора счастливых минут. Желание же кому-то рассказать похоже на сохранение памяти об унесенном вечностью, об ушедшем.

Сам Семен Стефанович посадил сад, который позже назовут Акарачихиным. Сын его, Трофим Семенович, сад унаследовал. В жены, как это было принято, взял местную Татьяну, по случайности тоже Семеновну. В таких деревнях распространено поветрие на имена. То Семены, то Василии, то Митрофаны. Сегодня в остатках деревни все больше Василии из сороковых и начала пятидесятых, и все почти Митрофанычи.

Татьяна Семеновна с войны Трофима ждала всю жизнь. Как и большинство солдатских вдов, много курила. Народ дал ей подворную кличку — Акарачиха. Я кушал яблоки из Акарачихина сада.

КАРПОВЫ

Тетка вела меня от дома к дому, стучала в двери и окна: «К нам наш приехал, собирайтесь у отца... к нам с Родины приехали... к нам...». Я и сейчас не могу вспоминать это без волнения.

Бабушку все, и я тоже, звали Маришей. Ее настоящее имя — Марина — узнал взрослым, войдя, как говорят, в ум. На бабушку конституцией тела и чертами лица похожи моя дочь и внучка. Она не знала букв и не умела читать, но хорошо шила, обшивая нас и деревню.

Ее брата Семена Андреевича во времена коллективизации тоже раскулачили. Местная сельская гольтепа сочла его богатым и, пользуясь случаем, вытряхнула мужика и семью детьми на улицу, ограбив дочиста. Семен Андреевич быстро сообразил про холодные края, и пока местные опричники не одумались, исчез вместе с женой Ириной и детьми.

Говорят, когда жена Семена Андреевича проходила по деревенской улице, мужики, глядя ей вслед, шеи выворачивали. Беленов Агап, двоюродный брат Семена, открыто грозился, то ли в шутку, то ли всерьез, отбить у него жену. Каштановые косы Ирины вызвали подозрение у комбедовцев во время обыска. Они предположили, что в них спрятано золото и вознамерились углубить обыск. Решительный взгляд Семена Андреевича и топор в его руках заставили комбедовцев отказаться от своих намерений. Где-то в начале пятидесятых в Андреевку пришло от них письмо аж из Киргизии...

Я ездил туда в семьдесят шестом посмотреть. Село Аларча, куда с вокзала тогдашней столицы Киргизии подвез меня троллейбус, оказалось почти в центре тогдашней столицы Киргизии города Фрунзе.

Первый дом тетки Полины. Она меня, как и я ее, увидела впервые, и наверно поэтому долго разглядывала, ища знакомые черты. Потом вдруг как-то разом засуетилась, несмотря на ночь за окном: «Пойдем скорее к нашим, вот радости-то всем будет!». «Наших» оказалась целая улица. Тетка вела меня от дома к дому, стучала в двери и окна: «К нам родные приехали, собирайтесь у отца... к нам с Родины приехали... к нам...». Я и сейчас не могу вспоминать это без волнения.

Во дворе у небольшого, но аккуратного дома под осенней яблоней мы поджидали остальных. При свете лампочки над входной дверью разглядывал я подметенный двор, аккуратно расставленные грабли и разнокалиберные лопаты под небольшим навесиком, собачью будку в дальнем углу двора с высокой двухскатной крышей и резным балкончиком над лазом-входом, столик со скамьей у забора.

Полина Семеновна тем временем нашептывала: «Папа наш в первую мировую войну попал в плен к немцам. Оттуда привез привычку вставать и ложиться в одно время, пить кофе по утрам, жить строго по часам,— видимо, способствовали тому большие карманные часы со среднее блюдце, которые я успел разглядеть в его руке при появлении.— Там же освоил столярное дело. Вся мебель в его доме и в наших домах сделана его руками...»,— горделиво закончила тетка Полина, из чего я сделал вывод о глубочайшем почтении к родителю.

Прихожая, она же гостиная, она же кухня и зал с большим столом, диваном и резным кухонным шкафчиком на стене.

Только теперь и именно тут я понял причину раскулачивания Семена Андреевича афонинскими мужиками. Такой роскоши, как в его избе в Афонино, сотворенной его умелыми руками, мужики нигде и никогда не видели. Я потянулся было к газетам на журнальном столике. Полина Семеновна опять же шепотом предупредила: «У папы в одной стопке читанные газеты, в другой нет. Посмотришь, сложи все на место».

Собравшиеся родственники — молодежь и солидные тети и дяди с любопытством меня разглядывали так, будто во мне и через меня могли увидеть то, о чем неоднократно и много слышали здесь, среди чужого по духу и вере народа. Многие из женской части этого большого некогда семейства Карповых избрали родом деятельности педагогику. Кто-то дослужился аж до министерства образования в Москве.

Ждал расспросов. Семена Андреевича более всего интересовали поля, дороги и оставшиеся вокруг Андреевки села. Вспомнил; где, за какими лесами были его посевы, что он сеял там, а что там, где какие были балочки и неудобь, где и куда ведут дороги, какие уже давно должны быть заасфальтированы, по его мнению... У него от этих воспоминаний так загорались глаза, что передо мной невольно распахивался тогда тот живой крестьянский мир, который мы потеряли, распахивалась та хлеборобская душа с трагедией ее отрыва от родных мест, от унаследованного дела предков.

Пожил Семен Андреевич хорошо. Примером всей своей жизни показал он своим потомкам, что значит держать собственную судьбу в узде. Потрудился и повидал много, дотянув почти до ста лет. Одна печаль: схоронен на чужбине где-то в девяносто пятом. От него я узнал, что его и бабушкин отец Андрей Игнатьевич тоже был

раскулачен, что умер в тридцать третьем от голода после Троицы. Ближайшей родней Карповых по бабушке остались в Афонино дети Никанора Антоновича, сына бабушкиного двоюродного брата Антона Игнатьевича, по подворью Зот. Жил он, говорят, за высоким забором подворья, а как — один Бог ведает.

Все думаю: не очень ли долго пришлось ждать вам, дорогие близкие и дальние родственники,— когда появлюсь на свет Божий я, когда выведу вас из небытия забвения хотя-бы вот так, дав возможность прозвучать вашим именам? Ведь передают же батюшке в церкви бумажку с упоминанием только имен. Считается, этого достаточно. Господь точно знает и отличает о ком идет речь. Слово, как материальное продолжение мысли, имеет и передает конкретный образ от передающего через посредника в храме послание Богу. И не потревожил ли я вас своим вмешательством в ваш вечный покой?

Австралийские аборигены верят — их предки живут в живущих благодаря особой дощечке-амулету, который они берегут и передают из рода в род, называя его чурингой...

* * *

Проемы окон избищенского вокзала заложены кирпичом. Вокзал кажется уснувшей пушкинской головой из «Руслана и Людмилы» на плечах перрона, заросшего теперь кудрями бурьяна и кустарника. С торца вход. Дверь выбита, пол выломан. Со стен свисают остатки проводки. Старые и новые надписи. А куда ж нам без надписей, показателей грамотности населения,— им даже стены и заборы отдали на земле. «Хочу бабу от двадцати до сорока»,— выцарапано навечно, скорее всего куском железа. Телефонный номер и подпись хотельца: «Юра». И еще много каких автографов и просто свидетельств — здесь был или были... подписи и даты.

ПОМНИТСЯ

Но время размывает и эту границу, подводит к краю бытия земного. И тогда во всю мощь звучит в теле человека музыка бездны. Нет матери, нет отца... и люди, усомнившиеся в Божьем, остаются на земле без присмотра. Чур, меня, чур,— ограждает человек душу свою от напастей...

Лет пять мне было, когда тетка Рая взяла меня с собой в Андреевку «папашку» попроведать — дедушку Макара, значит. Рано утром с зевками и утренней дрожью вошли в вагон. Освещался он несколькими керосиновыми фонарями над дверными проходами. В его многочисленных углах таилась тьма, сильно пахло «курным» углем. Не прохладно, а холодно в вагоне было до «сучьей дрожи». Станция Нижнедевицк, откуда мы отправлялись в гости, была и есть крайняя граничная точка воронежской области на западе. Видно, здесь вагоны ночью отстаивались. Но и, как не крути, это место моего рождения.

— Чур, чур — не я,— звучит памятью детства, звучит далеким эхом русское языческое божество границ. Оно навсегда засело в языковой и генной памяти. Чур! — и замри. Ты огорожен, ты — вне. Как бы ни хотели тебя тронуть — не могут.

— Чур, я не играю,— звучит из детских игр...

— Чур! — от рождения охраняет, оберегает граница Родины. В минуту торжества, в минуту печали добавляется к слову «Родина» высокое слово «Мать» и вместе они обретают мощь и широкое звучание.

— Чур! — место рождения со своими оврагами, перелесками, полями, домами, лицами соседей, своим небом и солнцем... О, если б можно было провести границу вокруг души, спасти ее от греха!

— Чур,— и: прапрабабушки, прапрадедушки, знаемые и незнаемые, светлыми тенями уже скользят меж деревьев, слышатся во вздохах высоких трав, в шуме ветра, видятся в плясе огня, книжками на полках, живы в преданиях...

— Когда тебе приспичило появиться на свет,— говорил дедушка,— темень стояла — глаз коли. Как во времена потопа лил дождь, и на дороге — ноги не вытащить! Запряг я тогда с «обчественного двора» кобыленку и повез. Мамка твоя охает, телега вязнет, лошадь не везет... Так было дело! — задумчиво поглаживая мои вихры, вспоминал дед.

— Чур! — бабушки, дедушки пылинки сдувают, упасть не дают, души не чают: балуют игрушкой, сладостями, полны умиления и радости. Эта граница падет первой, успев смутно задержаться в памяти. И только потом, в зрелости осмыслится глубоко и с грустью — так на земле чередуются поколения.

— Чур! — остается последняя засечная черта: отец и мать...

Слово «мама» соткано из звуков, впервые произносимых еще ничего не понимающим младенцем. Проснувшись в своей люльке, он судорожно вытаскивает ручонки из пеленок, колотит сжатыми кулачками воздух, морщит личико и закрытым ротиком тянет: м-м-м. А потом, разомкнув губки и пуская пузыри голода: а-а-а! На зов, на крик малыша спешит она. Губки слепо ищут заветное и, найдя, с причмокиванием, вздохами облегчения тянут, тянут соки жизни — материнское молоко. Она клонит к нему голову и тихой улыбкой рафаэлевой Мадонны излучает радость, бесконечную радость материнства. Ребенок, не выпуская соска, устало засыпает. Он ощущает толчки ее сердца, ее дыхание: она тут, она рядом и причин для беспокойства нет. Малыш судорожно втягивает в себя воздух, успокаиваясь от своих еще не осмысленных переживаний и страхов, чмокает уже во сне губками. Ее тихий ласковый голос убаюкивания услышится потом в шуме ветра, в шорохе листвы и, спустя много-много лет, будет опьяняюще кружить голову воспоминанием: где и когда слышалось это?..

Лежу с открытыми глазами. В тревожном шуме ветра слышатся зовущие голоса. Явственней других — мамин. Она зовет меня к себе по имени. Так давным-давно она звала меня с порога. Солнце тогда светило ярко-ярко и радостно, дни были длинными-предлинными, а ночи — почему-то короткими, ноги же быстрыми, плоды сладкими, мысли легкими. И ветер не шумел так тревожно за стенами.

От матери и отца берешь начало жизни. От них все, чем располагаешь на земле: черты лица, походка, цвет волос, цвет глаз, голос, интонация, говор, наклонности и привычки. От них на всю жизнь! Но время размывает и эту границу, подводит к краю бытия земного. И тогда во всю мощь звучит в теле человека *музыка бездны*. Нет матери, нет отца... и люди, усомнившиеся в Божьем, остаются на земле без присмотра. Чур, меня, чур — ограждает человек душу свою от напастей.

На склоне лет мама, как и все мамы, долгими вечерами рассказывала мне о прожитом. Рассказы ее имели свое особое значение, значение прожитости: бесконечно светлые детские хлопоты, тряпичная кукла, дорога в школу, война, работа...— вариант раз и навсегда. Это ее, а точнее — это их неповторимое ощущение земной жизни. Оно ушло с Ней и с Ними, чтоб никогда уже не повториться. А слова о коммунизме, которыми успели пожить несколько поколений, а миллионы успели отдать за них жизнь,— позабыты. Был ли в этом прок и смысл? Ведь уроки чужой жизни не впрок. Это частности уже совсем иной жизни. Они не могут научить потому, что даже похожее проживается всякий раз по-своему. Они только напоминают события как вариант.

В Избище вокзала я не увидел. Стоял длинный приземистый железнодорожный вагон без колес с множеством надписей у лючков и решеток на немецком языке. Из трубы на крыше клубами вываливался дым, растекаясь в чахлой растительности за «вокзалом». Так же, как и в вагоне поезда, на улице сильно пахло курным углем. Через поле по «косовой» тропке пошли к деду.

Невозможно привыкнуть к неоглядному простору зимнего поля. Восторг и трепет охватывают человека при виде бесконечного снежного блеска равнины — под солнцем ли, под таинственной луной ли, когда ночной морозец бодрит, а голоса и скрип снега под обувью редких путников разносятся далеко окрест...

Я и до этой поездки неоднократно гостил у бабушки с дедушкой. И на печи у них спал. Дедушка тогда поднимался «ни свет, ни заря»,— так говорила бабушка,— шарил на столе «серники», шуршал коробком. Спичка, прошипев серой, загоралась и из тьмы проступала его фигура. Большие мохнатые тени жутко вползали на стены. Проступал большой стол под керосиновой лампой. В углу над лавкой отсвечивали стеклом и сусальным золотом образа. Резкий запах серы растекался по избе.

Я тогда с трудом понимал, что дедушка — мамин папа, что бабушка — мамина мама. И дедушка, и бабушка, и мама, и папа мне виделись так, будто они не рождались, а такими были и будут всегда. Мироустройство казалось простым и понятным: с ограниченной территорией, с ограниченным кругом лиц. Значительно позже, прочтя горы книг, понял, что жизнь отца, жизнь матери, жизнь дедушки — это и есть мое. Это я своим рождением обязался в себе нести жизнь отца, а отец нес в себе жизнь своего отца... это и есть *мои* нашего рода. Потеря моего и моих страшнее смерти потому, что от них и у них взял я себя взаймы, и долг мой вечен и неоплатен.

Дедушка, с горящей спичкой в руке, снимал с лампы «пузырь». Подожженный фитиль выбрасывал длинный коптящий язык пламени. Дедушка прилаживал «пузырь» на место. Пламя выравнивалось, наполняя жилье запахом керосина и желтого света. В углу возле лохани поднимался телок. Повернув голову к свету, он, пережевывая свою жвачку, долго смотрел огромными глазищами на лампу. На пол шуршала струя. Дедушка, подхватив посудину, ладил ее поймать.

После событий коллективизации, при случае, дедушка упивался деревенской сивухой до бесчувствия. И никогда не молился. Мама с папой тоже не молились и икон, в отличие от дедушки, в доме не держали, поэтому я так и не узнал: что такое вера, что такое молитва. И это, несомненно, было волей Божьей. Наверное, обращение к Богу в этих условиях было бы кощунственным.

Дедушка у раскрытого зева печки ломает через колено прутья хвороста. Сухие хворостины звонко щелкают, сырые гнутся. Он заталкивает хворост в топку печи и, подложив бумажку, поджигает. С треском ворчит огонь. Телок, не переставая жевать, переводит взгляд с лампы на дверку печи. Пробившись сквозь щели, отсветы пламени пляшут на стене и в глазах животного.

Дедушка сдвигает на плите кружки и бросает на огонь куски кизяка. Клочья едкого дыма, приглушая свет лампы, стелятся на полу и поднимаются к потолку. Зябко и неуютно на печи. Я кутаюсь с головой и засыпаю...

Возвратившись, мы ожидали в этой вагон-приспособе под вокзал поезд. На лавках у стен сидели люди. Много людей. Пламя из железной печки через плохо прикрытую дверку косо высвечивало сомлевшую женщину на лавке с ребенком на руках, большую потемневшую от старости корзину с вещами рядом. В вагоне жарко натоплено и сильно накурено. Свет от керосиновой лампы на стене едва пробивал синеватую пелену махорочного дыма. Мужик из дальнего темного угла басисто «гнал» байку: «Заходит, раскудрит-твою-железо, в наш вокзал царь наш Петр со свитой. Проездом на Воронеж тут оказался, и удивляется, раскудрит-твою-железо: ну и избища у вас тут! Так, вот, с тех пор, раскудрит-твою-железо, название станции и пошло».

Избище — был один из глухих железнодорожных полустанков. Мимо днем и ночью шли поезда. Иногда поезд останавливался и, громко закачивая воду паровым насосом в котел, ждал встречный. Дядька в форменной фуражке шел вдоль состава с молоточком на длинной ручке — где-то постукивал, куда-то заглядывал. Проходил встречный поезд. Далеко-далеко высокий семафор поднимал «руку». Ревел гудок. Паровоз окутывался паром. Выбрасывая в небо столб смеси дыма и пара, состав ухо-

дил за семафор. Я никогда не был за семафором, а поезда шли и шли за семафор. Однажды, когда очередной состав остановился в ожидании встречного, я решил уехать туда, за семафор.

Снял меня с тормозной площадки дядька в фуражке с красным верхом.

— Ты куда ж это собрался? — спросил дядька.

— За семафор,— ответил, показывая рукой на семафор, я.

— За семафором переезд, но поезда там не останавливаются,— сказал дядька в фуражке с красным верхом.

Так закончилось мое первое путешествие к недосягаемому и потому загадочному, и потому необыкновенно притягательному. Именно оно, не пережитое, держит человека на земле, определяет цели и мотивы порой самых загадочных поступков, одухотворяет и обожествляет мир и мироустройство. Здесь берут свое начало сказки и необыкновенные музыкальные мелодии, высокие стихотворные строки. Горе тому, кого не снимут с поезда, и он доедет до переезда и увидит — нет тут ничего из того, что приходило фантазиями, не давало спать, увидит те же стальные рельсы и привычную обыденностью даль.

* * *

Стану я иногда вот так возле железнодорожного полотна, посмотрю в одну сторону на убегающую блестящую сталь рельсов, в другую — и понесет меня то в недавнее прошлое, то в далекое...

На запад железной дорогой через Курск можно добраться до матери Руси Киева, на восток через Воронеж до Москвы. На сохранившихся постройках в Воронеже и на станции Нижнедевицк видны еще металлические пластинки с датой — 1895 год. Наверняка и в других местах железнодорожной ветки есть казенные старинные строения. Постройки эти больше порушены или заброшены. Дата — год завершения строительства ЮВЖД. Дирижировал процессом строительства дороги незаслуженно запамятованный Сергей Витте. Это он без связей, с одним голым дворянством, благодаря только своей светлой головушке, поднялся при царе Александре Третьем до директора департамента железных дорог в Министерстве финансов, предварительно пройдя железнодорожную науку от проводника, кассира, стрелочника, станционного дежурного, помощника машиниста в Германии до начальника движения Одесской железной дороги при Александре Втором. Наверно и вот тут постоял он, наблюдая за работой рабочих — все может быть...

Вправо полотно дороги сильно поднято, а место в несколько километров названо жителями Выемкой. Прикрою глаза и вижу мужиков, везущих землю в тачках, мастеровых и начальство вижу. На подъем полотна нанимались Андреевские, Ореховские, Ольшанские и Лесополянские мужики. Они взвозили по дощатым настилам землю в тачках наверх. Там высыпали. Родилось и навсегда осталось название — насыпь. За насыпью Круглый лес, говорят, а за Выемкой земляники видимо-невидимо! Но эта часть железнодорожного полотна была пущена в эксплуатацию в середине тридцатых при Советской власти, а до этого оно проходило где-то на километр южнее, у расположившегося в ложбине села Мисеевка. Вокзал же был построен в самом начале тридцатых. Видно, проектирование переноса полотна севернее вызвалось очень глубокими впадинами с крутыми откосами у самого полотна.

Многие мисеевские пацаны были моими одноклассниками. Колоритного мисеевского учителя начальных классов Сабынина Николая Ивановича до сих пор помнят приезжающие в заброшенное село местные. Вспоминают: был учитель Николай Иванович и председателем местного народного суда. После обсуждения недостойного поведения сельчанина, зачитав решение суда, поднимал здоровой рукой и ронял он на стол отсохшую после ранения на фронте руку, добавляя,— Решение окончательное, обжалованию не подлежит!

Радует и поднимает дух наличия мощи и таланта таких людей на Руси! Вот Иван Беленов — дедов односельчанин — становится за дирижерский пульт, вот царь Александр Третий, в качестве ответа на каверзный вопрос австрийского посла, завязал узлом и бросил на тарелку стальную вилку, вот дед мой после Сталинграда бежит из немецкого плена, вот Столыпин организовал переселение крестьян в Сибирь, открыв крестьянский банк, вот дед Семен бежит в Киргизию, чтоб не попасть в холодные края, вот Витте в очередной раз спасает Россию — Портсмутским миром заканчивает войну с Японией. Это недавнее прошлое так звучит во мне невидимыми колоколами.

Выхожу я теперь из своего дачного домика на простор за железнодорожную лесополосу и гляжу окрест. По дальним холмам зелень леса, высокое — то голубое и солнечное, то серое и хмурое — небо над полями. Через ближнее поле в луговину сбегавшая когда-то от станции косовая, давно запахана и никто ее больше не протаптывает.

Когда-то, в той жизни и той реальности, тропка ручейком сбегала от полустанка. Вела она через поле, через шелест на ветру: то кукурузы, то подсолнечника, то пшеницы. По таинственным поворотам сказочным клубочком разматывалась под ногами идущего и неожиданно вливалась в деревенскую улицу крыш, окон, печных труб, крылечек, лавочек, сараев, колодцев. Отовсюду плыли запахи! На всю оставшуюся жизнь сохранятся они во мне памятно ароматом жженого кизяка, печеного хлеба, молока. Гомон детворы мешался с коровьим ревом, козьим блеяньем, квохтаньем кур, которые бочком зарывались в пыль на дороге. Потревоженные приближающимися шагами, они очумело схватывались с места и, бестолково хлопая крыльями, неслись к своим дворам. Разморенные солнцем, в траве блаженствовали псы. На звук шагов они поднимали морды и, после ленивого «гав», в изнеможении опускали носы в траву.

Нет дедова дома внизу, нет и колодца. И дома Акарачихи напротив нет. И всего-то на улице за дедовым поместьем один дом жилой. Коля в нем живет. Молодым уехал на Север рыбу ловить. Да так заловился, что и жениться не успел. А теперь, говорит, ни к чему. Дальше, через большой разрыв, дом Василия Константиновича, еще на этой стороне дом, теперь уже покойного, Ивана-Гвоздя...

Цел пустой дом с надворными постройками покойного дяди Михаила. Растет на этой улице бурьян выше роста человеческого, да слышатся иногда проклятия изредка наведывающихся сюда некогда местных жителей в адрес разорителя России «царя» Бориса. В безветрии тишина здесь стоит до звона...

А я стою на перекрестке трех дорог, любуясь раскинувшимися далями, да слышу, как из-под земли призрачные колокольные звоны доносятся, и в одном нахожу для себя утешение: вижу я все это глазами отца и матери, глазами дедушек моих и бабушек. Не потерять бы только мое, думаю! Ведь через мою память и их жизнь продолжается.

Кстати: в 1859 году в селе было 365 дворов, в которых проживало 3450 человек. В 1900 г. в селе было 5292 жителя, 869 дворов, 1 общественное здание, 2 школы, водяная мельница, 2 рушки, маслобойный завод, 6 мелочных, 2 винные лавки, 2 ярмарки. В 2007 г. численность населения села Избище составляла 152 человека. Хорошо, если на сегодня осталось человек 30 — 50. Хватимся вот так, а вместо нас, русских, будут по России разгуливать полукровки «аевы» (отзвук тех фамилий), как во времена Батыева нашествия...

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкортостан)

ДУМЫ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

Старый Макар завозился на кровати. Открыл глаза. Тяжело вздохнул. Опять не спится. В избе темно. Он покосился на окошко. Там, за ним, чуть светлела полоска. Опять завздыхал. Сны какие-то мимолетные. И почему-то бабка Марья в них: молодая, красивая и стоит, смотрит, ни слова не скажет. С укором смотрит. А почему? Сколько спрашивал, она молчит, а потом повернется и уходит. Видать, зажился на этом свете. Давно уже пора за порог, а все колготится. Видно, много грехов накопилось за долгую жизнь, поэтому Боженька не забирает. Здесь оставил, чтобы помучился...

— Эх, ты бы сказал, в чем я провинился,— посмотрев на потолок, забормотал дед Макар.— Все уж давно там, а я небо копчу. Пора бы с моими встретиться, а ты не пускаешь.

— Спи, а то я скажу, в чем твоя вина и быстро отправлю в дорогу дальнюю,— донеслось из другой комнаты.— Сам не спит, и нам не дает.

Дед Макар присел на кровати. Опустил худые ноги. От пола потянуло холодом. Вздохнул. Пожалел сына, когда он приехал весь побитый, виноватый. Полжизни прожил, промотался, а не увидел ее — эту жизнь, и ребятишек не родил, и дом не поставил. Перекати-поле в жизни. Пожалел на свою голову. Принял сына. Первые дни все делал, что попросишь, ни в чем не отказывал. Чуточку оживел, в город смотался и оттуда бабу за собой приволок. И снохой не назовешь, так — приживалка. Такая же, как сам. Отъелись, отоспались, а теперь никакого житья от них не стало. Впору, хоть выгоняй. Да разве выставишь за дверь — все же сын, родная кровинушка. Вот и приходится терпеть...

Дед Макар сидел на кровати. Ноги озябли, а печка теплая. Он потрогал кирпичи. Теплые. А из щелей в полу сквозит. Крысы источили и полы старые. Потянулся, схватился за край ватного одеяла, укрыл ноги. Сколько говорил сыну, чтобы полы перебрал, а он отмахивается. Видите ли, некогда ему. А что некогда, если толком-то не работает. Ни в одной бригаде не задерживается. Отовсюду выгоняют. В глаза выговаривают, что лодырь. Может, оно и так — лодырь. С малых лет работы чурался,

все бегал от нее, как черт от ладана. Всю жизнюшку пробегал, всю страну исколесил вдоль и поперек, себя искал или от работы бегал — непонятно, а потом прикатил, ни копья за душой, ни порток запасных. Да еще бабу с собой приволок. Поспать, пожрать и выпить не дура, а работать — Боже упаси! Здоровье слабое, а у самой рожа блестит, как начищенный самовар, и поперек себя шире. Эх, жизня-жизня...

Дед Макар взглянул на темное окно. Запотело. Видать, под утро похолодало. Что поделаешь, весна — она капризная, как своенравная девка. Днем жаром пышет, а ночью в ледышку превращаешься. Старый Макар поелозил по кровати. Хорошая кровать, добротная. Отец на свадьбу подарил. Так и не признался, где ее достал. Кованая, вся узорчатая и в завитушках. Красивая, а какая крепкая — страсть! Всю жизнюшку простояла и ничего с ней не случилось. Сначала бабка спала, а потом, когда ее не стало, сынок глаз положил, хотел вместе со своей зазнобой спать, а дед Макар не разрешил. Негоже, чтобы на ней спала чужая баба, хоть она и сыновья. Вот не будет его, снесут на мазарки, тогда хоть забирайте, хоть продавайте или выкидывайте — ваше право, а сейчас, пока живой, дед Макар решил сам на ней спать.

Всякие мысли в бошку лезут. Старый Макар прислушался. Казалось, в доме тишина, а в то же время, размеренно тикают ходики, а вот шумнуло, наверное, дом проседает — старый, что уж говорить, а может, на улице шум раздался. Кто его разберет в глухой ночи. Темные ночи, тягучие, как само время. А разве время тягучее? Наверное, для каждого человека по-своему тянется. А здесь не успеешь оглянуться, глаза открыть, смотришь, уже день на дворе, а там и ночь наступила и опять думки и думки одолевают. Чего только не передумаешь темными ночами. Это молодые поспать любят, а старики уже вполглаза дремлют. Не успеешь глаза закрыть, а, кажется, будто выспался. И начинают мысли в башке крутиться. И чем больше думаешь, тем больше их становится — мыслей-то, как ком снежный нарастают. И от них на душе тяжелее становится, словно каждая думка грузом на душу ложится. И не сдвинешь их никак, они к земле давят. Видать, время подходит.

Дед Макар взглянул в темное окно. Там за окном огород. Уж давно пора картоху посадить да всякую мелочевку, а у них еще невспаханная земля. Соседям стыдно в глаза смотреть. По улице идешь, на огородах бабьи платки виднеются, да мужики землю копают, грядки делают, а у них все позаросло сорняками. Зеленым ковром стелется березка. Все заполонила, все заплела. Потом замучаешься косы выдирать. Сыну говорил, а он все рукой машет, все морщится, а его баба, вообще, фыркнет, в избу зайдет и быстрее на диван валится. Устала, бедненькая. Устала за столом ложкой махать, как веслом на речке.

А начнешь сына стыдить, он набычится, исподлобья посмотрит и начинает сваливать на другого брата, на Петруху. Он, сволота этакий, совсем про деревню забыл. Забыл, что здесь отец живет и брат старший. Мог бы приехать да помочь. А как приедет, ежли за сотни верст от родного дома обитает. Ездил, когда поближе жил, а сейчас перебрался за тридевять земель, не то, что приехать, порой дозвониться не может. А старший, Валерка, пользуется этим. Каждый раз носом тычет, всякий раз на братишку сваливает, а сам лентяйничает. Хоть бы башкой подумал, что зимой жрать станут. Вот и получается, что не на кого надеяться. Мужик в доме, а помощи никакой.

— Эх, сынок, сынок,— почесывая заросшую щеку, пробормотал дед Макар.— Думали с бабкой, что на старости лет подмогой станешь, а ты...

И махнул рукой.

И опять думки за думками... Когда бабка Марья была жива, младшенький сынок, хоть редко, но все же приезжал. Бывало, прикатит с женой и ребятишками, а бабка-то нарадоваться не может. И баба у него хорошая. Заботливая — страсть! И за ребятишками ухаживает, и за Петькой, как за дитем, смотрит. Чуть ли не с ложечки кормила. И уважение было к родителям. А как же! Все помочь норовила, как возле печи, так и на огороде. И не гляди, что городская. Все умела делать, никакой работой не гнуша-

лась, а что не понимала, так спрашивала. За все бралась. Все в руках горело. А вот у старшего, у Валерки, бабы не держались. Все какие-то шалопутные попадались. Одна гуляла, другая в рюмочку заглядывала, а третья — лентяйка, как сам. Наверное, каждый человек по себе вторую половинку ищет или судьба так распределяет. Хорошему человеку — хорошую бабу, ну, а плохому — что останется...

А бабка Марья спала и видела, что младшенький с женой приехал. Все ждала его. Телеграмму принесут, что они едут. Вот уж радости у бабки! И наварит, и напечет, а потом все в окошко поглядывает, все ко двору выходит и на дорогу смотрит. Ждет. А появятся, не знает, куда посадить сыночка с женой. За стол усядутся, она полный стол приготовит, сама примостится на краешек табуретки, подопрет ладошкой щеку и глядит на них, насмотреться не может, и слушает, а сама сидит, улыбается... А вечером, когда все улягутся, она с Петькиной женой, Катюшкой, усядутся на кухоньке, дуют чай из самовара с карамельками да сушками, а сами шепчутся, не могут наговориться, все друг дружке секреты рассказывали. Одна душу изливает, а вторая слушает, советует, словно мамка родная...

Дед Макар завздыхал, вспоминая свою бабку. Что ни говори, а хорошая баба ему досталась. Всякое в жизни случалось. Иногда казалось, бабка слишком перегибала палку, особенно, если лишку выпивал и начинал куражиться. Пьяному ничего не говорила. Стащит одежку, толкнет на кровать и спи, давай. А вот утром зудела. Нет, не кричала, как другие бабы, а спокойно говорила, но так, что готов был из дому сбежать — совестно становилось... Нет, даже не то, что стыдно, а вот здесь начинало свербеть, в груди болеть и так сильно, так мучительно, что он только кряхтел... Дед Макар кашлянул, потирая грудь. Правда, снесли на мазарки старуху, и словно кусок по живому отрезали.

— Батя, что тебе неймется? — недовольно заворчал старший сын, когда дед Макар сунулся на кухоньку, чтобы воды попить и случайно звякнул кружкой.— Шляется, шляется всю ночь по дому, как ненормальный. Ни себе, ни людям покоя нет. Поспать не даешь.

И зевнул: громко, протяжно, потягиваясь. А чуть погодя, снова захрапел.

Дед Макар опять взглянул в окошко. Так, едва заметный рассвет. Еще темно, но внутри этой темноты стали просматриваться едва заметные дома, кусты над дорогой, а там сарай чернеет. Эх, глазами бы все переделал, а руки и ноги чужими стали. Давеча вышел во двор, хотел навоз вывезти, взялся за вилы, разок-другой подцепил, охнул и ноги подкосились. Едва с земли поднялся. Так стрельнуло в спину и куда-то еще, аж дух занялся и в глазах потемнело. Сына покликал, чтобы помог до избы добраться. Валерка вышел, глаза дерет. Видать, опять к подушке прислонился. Стал ему говорить, что произошло, а сын матюгнулся, махнул рукой, опять обозвал полоумным и хлопнул дверью. Видать, снова спать отправился. Так и пришлось самому чуть ли не на карачках до крыльца добираться. Эх, жизня-жизня...

Руки болят. Боль, как казалось, по рукам стекала в опухшие шишкастые пальцы и в самых кончиках собиралась, аж зудело в них, видать, выход искала. Дед Макар присел на табуретку возле окна. Рядом с окошком тумбочка, а на ней лежали очки и пожелтевшая газета. Сколько уж времени лежит, а читаешь, как новую. А в тумбочке стопка писем — это бабка собирала. Бывало, вытащит письма и начинает перечитывать. Медленно читала, по слогам. Остановится, взглянет поверх очков на деда Макара, слушает ли, и опять читает. Видать, тоску унимала... Сколько лет прошло, уж давно младший сынок перестал письма слать, а у деда Макара рука не поднималась выбросить их. Жалко, все же память о сыне, а возьмешь в руки, сразу свою бабку Марью вспоминаешь, как сидела, перебирала, читала... Здесь, в тумбочке, все их с бабкой богатство. Несколько значков, грамоты за хорошую работу, фотографии сыновей, внука и внучки, три снимка с бабкой — это фотограф снимал для районной газеты. Там она строгая, брови к переносице и смотрит сурово, словно сказать хочет,

а не задержался ли ты, Макарушка, на белом свете, а не пора ли ко мне перебираться, я жду тебя, дожидаюсь, а ты до сей поры небо коптишь...

Всякие мысли в бошку лезут. Жизнь-то долгая была. Всего насмотрелись в ней — в этой жизни: и хорошего, и плохого, и веселого, и слезливого... А теперь все эти мысли наружу вылезают. Вроде спать улягешься, глаза закрыл и, кажется, что все — уснул, ан нет, словно шилом ткнули — это какая-нибудь думка появилась. Глаза откроешь и начинаешь ее со всех сторон рассматривать, да в башке мысли шевелить. Вроде бы думка ушла, опять глаза закрыл, и не успеешь понять, спал или нет, как снова шилом ткнули. И опять лежишь, таращишься в ночную тьму, а сам перебираешь мысли, раскладываешь по полкам. И так до утра...

Вон, Валерка храпит, аж стены трясутся. И баба его, Анька, от него не отстает. Спят-посыпохивают, и никаких забот. Странно живут — одним днем. Не думают, что с ними завтра будет. День прошел, ну и... Дед Макар нахмурился. Может, сейчас дети такие — безголовые? А как же Петька... Он же ухватистый — страсть! Все на лету схватывает. И жинка его — такая же. А Валерка не думает. И баба его — лодырь. Вот тебе и родные братья, а такие разные.

Дед Макар прислушался. Заскрипела кровать. Валерка закряхтел. Поднялся. Зашлепал по скрипучим половицам. На двор сходил. Вернулся. Громыхнул крышкой на ведре. Звякнула кружка. Звучно попил воды. Опять закряхтел. Вернулся в комнату. Завалился на кровать. Недовольно забубнила его баба. А потом притихла. А вскоре и Валерка захрапел: густо, протяжно, переливчато.

Вот жизнь прожил, а наступает ночь, и начинают в башке всякие мысли крутиться. Никакого покоя от них. Все Валерку уговаривал, чтобы на кладбище сходить, ни разочка не был, как в деревню вернулся, а он, как обычно, отмахивался. Успеем проведать, уже никто не спортится, как он говорил. И дед Макар не удержался. Пока они дрыхли, собрался, взял батожок и направился за деревню. Там, среди березок, кладбище было. Сколько лет ему — не помнил. Казалось, всегда тут стояло. Зашел. Заблудился среди могилок. В одну сторону ткнулся, в другую, все не туда попадал. Потом стал по тропкам ходить, на кресты и памятники смотреть. Памятники стоят, а на фотографии уже не разберешь, кто находится. Повыцветали они под солнцем да морозом, ветрами выдуло и дождями намочило и осталась от человека лишь пустая рамочка. Ладно, если надписи сохранились, а ежели исчезли, тогда почитай, что и человек исчез, и имя его позабудется. Сравняются могилки с землей и все, и никто уже не вспомнит, что здесь лежал человек, что жил на свете. Как бабка Марья говорила: «Ибо прах ты, и в прах возвратишься...»

Ходил дед Макар по кладбищу. Многих знакомых повстречал. Многие уж давно здесь лежат, вон какие могилки запущенные, а здесь недавние, даже фотокарточки красивые — это Танька Малуева, а там Иван Тихонин, гляди ж ты, уже многих снесли на мазарки, а он все живет, все небо коптит, а когда его Боженька заберет к себе — не может сказать. Наверное, много грехов накопилось за долгую жизнь, а может, не все переделал, что было задумано,— кто знает... Поэтому не забирают туда, а бабка-то ждет. В коротких мимолетных снах приходит и манит за собой, к себе зовет, он бы давно ушел к ней, но, видать, грехи не пускают...

Дед Макар устал от жизни. Понимал, что сыну в тягость. Не нужен ему. Все бубнит, всем недоволен. А начни сыну указывать, сразу в кошки-дыбошки. Не нравилось, когда носом тычут. А как же сына не тыкать, если ничего не хочет по дому делать. Живет словно квартирант со своей бабой. Утром поднимутся, сразу за стол и метут все подряд, что ни поставь. А она же — баба! Она же — хозяйка и не дело, когда старик за плиту встает или возле печки крутится. А они нажрутся и уходят по делам, как говорят. Вечером пришли, как были в грязной одежке, так и бухнулись за стол, и даже руки не помыли. И скорее за куски хватаются, словно у них отнимут. Опять нажрутся и быстрее на диван. Все, их не трогать. А если сунешься, начнешь

говорить, что нужно сделать по дому, что во дворе или огороде, так кроме рыков да матюгов ничего не услышишь. Квартиранты в жизни. Эх, жизня-жизня...

Дед Макар чертыхнулся и тут же оглянулся на дверь. Из комнаты раздавался громкий храп. Опять посмотрел на окно. Казалось, долго просидел перед окошком, а за ним рассвет словно застыл. Скорее бы засветлело. Развидняется, тогда можно выбраться на улицу и посидеть возле двора. Устал за ночь в избе. Не спится.

— Скорее бы к одному концу,— пробормотал дед Макар.— Устал жить. Наверное, все люди на том свете отдыхают. А как же иначе? Конечно, отдыхают! Не успеют народиться, а Боженька всякие препятствия ставит, и с каждым разом все труднее и труднее. А если не осилишь, в канаву скатишься — и затолкают тебя, затопчут такие же, кто в этой канаве оказался. А другие идут по дорожкам, несут свой груз, что Боженька на спину положил. Кряхтят, но вперед идут. Чуют, если остановятся, враз в канаве очутятся, потому что другим нужно давать дорожку. Вот так и плюхаются всю жизнюшку, через все препятствия перебираются. И поэтому устают от жизни. И чем больше груза, тем тяжелее к порогу идти. А доберешься, хочется побыстрее сбросить груз, что на тебя с рождения взвалили, перешагнуть через порог и уйти туда, где тебя ждут-дожидаются, а там уж отдохнешь от этой тяжелой жизни.

Дед Макар взглянул в темный угол, где едва заметно мерцала лампадка. Невольно перекрестился, натолкнувшись взглядом на лик святого. И завздыхал. Он уж давно готов уйти к своей бабке. Давно приготовился. Даже одежка смертная в узелочке лежит. Как шкафчик откроешь, она на самом виду. Дед Макар не боялся ее — смерти, давно готов порог перешагнуть. Все там будем. Вот сказали бы ему или знак подали, что прямо сейчас ложись на лавку, и все, тебя заберут. И он бы улегся, не раздумывая. Там бабка ждет, а здесь никому не нужен...

Дед Макар качнул головой. Нужен, когда деньги есть... Вон вчера, едва получил пенсию, Валерка сунулся и стал выпрашивать деньги. Видите ли, своей бабе шубу захотел взять, пообещал ей, говорит. Это ж сколько зверей нужно убить, чтобы для такой бабищи шубу сшить. Уйму! И дед Макар отказал сыну. Вот шлендает по деревне в фуфайке, и пусть шлендает. А тот сразу взъерепенился. Стал говорить, что они его поят-кормят, все по хозяйству делают, а от него никакой отдачи, никакой помощи. Ага, отдай пенсию, а вечером на бровях вернутся. Им деньги на выпивку нужны, а не на шубы. Не успеют получить копейки на работе, сразу в сельмаг бегут, набирают бутылок и гуляют всю ночь или у дружков остаются, а утром, опухшие, расползаются по домам. А потом, когда закончатся деньги, деда Макара начинают трясти. Многие в деревне пьют, даже бабы, да не каждый похмеляется...

Завздыхал дед Макар. Покачал головой. Нахмурился, взглянув в сторону комнаты, откуда доносился храп. Потом опять глянул в окно. Зачернел сарай. Вот уж изгородь видна. А вдалеке промелькнул луч света. Видать, машина проехала. Эх, сынок, сынок... Опять закрутились думки деда Макара. Уж полжизни прожил сынок, а все какой-то неприспособленный. Все легкие пути ищет в жизни. Каждый год, как он перебрался в деревню, приходится с ним ругаться, чтобы хозяйством занимался. Земля стоит. Пора картоху сажать, грядки делать, а он не шевелится. Ладно, прошлый год сосед помогал. Правда, уплатить пришлось, а куда же денешься. Огород вспахал, да еще со своей бабой пришел, сажать помогли, а Валерка на крыльце сидел, все командовал, чтобы получше пахал и рядки поровнее делал, будто из своего кармана платил.

Слишком часто Валерка стал заглядывать в рюмку. Схлестнулся с соседом. Такой же алкашонок. Вот и пьянствуют. И его баба, Анька, с ними сидит, тоже рюмки опрокидывает. Странные времена пошли... Раньше, если лишнего пьешь, по собраниям затаскают, а если не исправляешься, отправят лечиться, а некоторых даже в тюрьму сажали. А сейчас, если взглянуть, всем наплевать на народ. Пусть пьют, пусть травятся и подыхают, меньше заботы и никого лечить не нужно. Кто захочет жить,

тот не станет пить, а кто будет в рюмки заглядывать, тот подохнет. А с другой стороны, если посмотреть, как тут не запьешь, если в деревнях никакой работы нет. Вот многие и слетают с катушек. С горя, от безысходности. А другие делают все, чтобы людей споить и в могилу свести. В магазин зайдешь, и глаза разбегаются. Все полки заставлены сверху донизу. Пей — не хочу. И люди пьют. Многие. А если денег маловато, в аптеке настойки продаются. Всякие. Торгуют дрянью, от которой люди умирают. И получается, что человек за свои деньги смерть для себя покупает. Такого нигде не увидишь — только у нас. Эх, беда, беда...

Дед Макар завздыхал. Вон, Иван, что напротив живет. Страсть, какой работящий был! Все в руках горело. Ох, мастеровитый! А потом работы не стало. Он помыкался, помыкался, и в город ездил, думал, устроится, но и там работы не нашел. Хотел еще куда-то поехать, да не получилось. Баба заболела. Не мог одну оставить. А денег нет, чтобы ее лечить! С горя стал прикладываться к рюмке. Сразу собутыльники нашлись — такого добра возле каждого магазина хватает. Только помани, а желающие всегда найдутся. Жену похоронил и вообще с катушек слетел. Все из дома пропил. Голые стены остались. А дочка стала по клубам ездить. Такого на себя понавздевает, что титьки наружу торчат, того и гляди вывалятся. От отцовских рук отбилась, а к другим прибилась, или прибрали — кто ее знает, и мотается по рукам от одного к другому — мужиков ублажает. А кто виноват, что сосед спился, и дочка по рукам пошла? Жизнь сделала такими и люди, кто к краю подталкивал.

Весна, а у него конь не валялся, как бабка Марья говорила. Дед Макар выглянул в окошко. Глаза бы не смотрели на огород. Запыхтел старик. Многие картоху посадили, всякую мелочевку на грядках, а они до сей поры телятся. Сынок со своей бабой, Анькой, выспаться и вволю нажраться не могут, когда трезвые, а про пьяных и говорить не хочется... А ему одному не совладать с огородом. Раньше-то полегче было, когда бабка была жива. Все успевали вдвоем. И на время не смотрели. День год кормит. Вся силушка ушла, когда бабки не стало, а к себе Боженька не забирает. Вот и приходится мучиться на этом свете...

Дед Макар поднялся. Прислушался к громкому храпу. Вздрогнул, когда заорал петух. Чертыхнулся. Вышел. Зябко повел плечами. На веранде набросил на плечи потрепанную фуфайку. Ткнул ноги в галоши и спустился по ступенькам. Собака, заметив его, гавкнула и тут же осеклась, спряталась в конуру, когда старик погрозил шишкастым пальцем. Скрипнув калиткой, вышел и уселся на скамейке возле двора, поглядывая по сторонам.

— Здоров, Макар,— донесся голос.— Что вышел-то? Все равно скотинку не держите.

— Здоров будь, Климка,— старик махнул рукой соседу.— А что, нельзя со двора выходить? Хочу на тебя посмотреть. Давно не видел.

Не удержался, съязвил дед Макар.

— А, ну гляди, гляди,— закивал головой сосед,— только дырку не просверли своим взглядом. Хе-х!

И, кашляя, засмеялся.

— Язва ты, Клим,— буркнул дед Макар.— Как с тобой бабка уживается. Другая бы давно кочергой да по хребтине, а твоя...

— А моя такая же, как я — тоже язва, да еще какая,— захекал, затрясся старый Клим.— Поэтому и терпит,— и тут же.— Слышь, Макар, а что картоху не сажаете?

Дед Макар чертыхнулся.

— Что-что...— заворчал он.— Валерка говорит, нечего сажать, силы тратить, когда можно в магазине купить. Он силушку не хочет тратить, а деньги готов направо и налево пускать, которых у него и нету. А как же, Климка, без огорода-то? Беда! На магазин надейся, а сам не плошай. Правильно говорили, как потопаешь, так и полопаешь.

— Твоя правда, Макар, как потопаешь, так и будешь зимой кушать,— закивал головой старый Клим.— И что надумал?

Дед Макар взглянул на небо. Чистое, ни единого облачка. Над речкой поднимался туман и надвигался на огород старика, все больше и больше скрывая землю в белесой мгле, словно хотел скрыть заросшую сорняками землю. Дед Макар горестно покачал головой. Разве так можно, чтобы землю неухоженной оставить. Такого же никогда не было. Чем больше за землицей ухаживаешь, тем больше она отдает. А надеяться, что Валерка в магазинах понакупает,— это бабка надвое сказала. Сегодня есть в магазинах, а завтра не будет, и что тогда? С голоду помирать или на власти надеяться, что завезут или помогут? Ага, завезут... Власть план выполняет на водке и алкашах. Чем больше пьют, тем больше денег. В этой жизни надежда одна — на себя и все на этом. Человек живет, пока занят работой. Да, так и есть. А если посмотреть на землю, она как и человек. Каждый год за ней ухаживают, пашут, сажают, боронуют, рыхлят, сорняки полют. Осенью соберут урожай. Перекопают, чтобы она по весне стала мягкой. А весна приходит, и не узнаешь землицу-то. И твердая, словно за ней не ухаживали, и сорняки недуром лезут. Значит, земля просит, чтобы за ней поухаживали. И снова приходится пахать, бороновать, полоть, чтобы осенью собрать урожай. И так каждый год. И получается, что человек, как пуповиной, связан с землей. Пока он работает на земле, он будет жить, потому что земля силу дает...

— Что молчишь, Макар? — отвлек от думок голос соседа.— Кричу ему, кричу, а он в небо уставился и что-то там рассматривает. Не иначе, свою Марью высматриваешь. Хе-х!

И тоненько засмеялся.

— Глянь, Климка, какое чистое небо,— завздыхал дед Макар.— Погода хорошая будет. Сажать пора, чтобы земля не застаивалась, чтобы своего хозяина знала. Нет, это земля — хозяйка, а мы — детишки ее. И мы не должны забывать свою мамку-кормилицу.

Дед Макар поднялся. Зашел в сарай, потом появился, держа в руке лопату, и, отмахнувшись от сына, который вышел на крыльцо, позевывая, старик открыл калитку, по тропке добрался до огорода. Постоял, осматриваясь, а потом всадил лопату и стал выворачивать пласты земли.

— А ты, Валерка, можешь покупать в магазине...— приговаривая, он копал.— И еще раз в магазине, и все запасы делай там, а я уж свое стану выращивать, покуда ноги держат.

И копал, изредка поглядывая на чистое небо.

Знал, что бабка Марья с небес на него смотрит и радуется...

Вадим Кулинченко
(г. Балашиха Московской области)

РАССКАЗЫ

Вадим Тимофеевич Кулинченко, капитан 1 ранга в отставке, ветеран-подводник, участник боевых действий (Израильско — Египетская война 1967 года, боевая служба в Средиземном море на атомной подводной лодке «К-131»). Публиковался во многих центральных, региональных и флотских газетах и журналах.

В ОККУПАЦИИ

Первого июня получил письмо с малой Родины, города Острогожска Воронежской области от товарища, который на год младше меня. Письмо пришло в символический День защиты детей. Оно напомнило мне наше детство, когда Острогожск был оккупирован фашистскими войсками, и мы, шести-семилетние пацаны, переживали ужас этого времени. У меня уже правнучка старше того возраста, и воспоминания о той поре только вызывают страх — не дай Бог им, нашим правнукам, пережить такое.

Товарищ пишет о том, что в городе уже мало осталось наших ровесников, а мужского пола почти нет.

— Вот,— пишет он,— пошел к двоюродному брату в гости, который с 1933 года рождения, но еще в памяти, хотя и не ходит, как ты. Невольно вспомнили о начале войны, и что нам пришлось пережить в 1942 году, когда фашисты оккупировали наш город. Воспоминания тяжелые, поэтому мы и редко обращаемся к ним...

Это случилось через год после начала войны, в такой же летний жаркий день. Уже во всю полыхало пламя войны. Фашисты, потерпев поражение под Москвой, повернули на юг, и Воронеж, как и Острогожск, в один миг из тыловых городов стали фронтовыми. Жизнь в них и до этого была не сахар, а тут превратилась в ад.

В городе шли слухи о приближении вражеских войск, но никто не ожидал, что оккупация случится так быстро.

Нашей семье, раненому отцу, которого мама привезла из Вологды, куда после ранения в голову под Ленинградом он был вывезен из блокадного Питера, райкомом партии была выделена подвода с двумя лошадьми для эвакуации. Загрузив кое-какой скарб и посадив нас с братом, которому было три года, а мне шел седьмой, в подводу, рано утром пятого июля 1942 года тронулись в путь. Старые дедушка и бабушка пошли нас провожать. Наверное, это нас и спасло.

Мы далеко не успели отъехать, когда в девять часов немцы начали бомбардировку города. Основной их целью был мост через реку Тихая Сосна, по которому отходили отступающие наши войска. Но бомбы падали кругом, появились трупы убитых женщин и детей. Нам чудом удалось спастись и вернуться домой, где нас ждал полный разгром. На наш дворовый участок упало две бомбы — одна в конце сада, а другая недалеко от дома, выворотив с корнем яблоню и образовав огромную воронку. Дом был полуразрушен, но пригоден для жилья. Но главное, мы остались живы. Но как после этого не верить в судьбу?

А шестого июля в город вошли немецкие танки. Началась оккупация города, которая длилась 228 дней, а мы, все его жители, жили в постоянном страхе. Кое-кто сегодня говорит, что это немного. С этим можно и согласиться, но прожить эти дни в постоянном страхе, это стоит многого.

Город стал наполняться различными войсками. Я отлично помню, что мы, выселенные в сарай, пережили, как их называла бабушка, «непрошенных квартирантов», немцев, венгров (мадьяр), румын, а на улицах я даже наблюдал итальянцев с перьями на шляпах. И у каждого из них были жесткие требования к жителям, основное из которых было — за неповиновение расстрел.

На третий день оккупации вся наша семья пережила стресс. По доносу соседки, как я узнал позже, на отца, что он коммунист, его забрали полицаи. Два дня мы жили в постоянном страхе, что его расстреляют или повесят. В городе на площади уже стояли виселицы с повешенными коммунистами и просто жителями. Но и тут судьба улыбнулась нам. На третью ночь кто-то постучал в окно. Это был отец. Ему удалось бежать из концентрационного лагеря, который был на торфяниках, а отец отлично знал эту территорию еще по довоенной работе. Отца спешно отправили в деревню к тетке, где он и прятался до конца оккупации. Но эта история требует отдельного рассказа.

К слову, в Острогожском районе немцы организовали 14 концентрационных лагерей, в которых содержалось 100 тысяч советских военнопленных и местных жителей, строящих железную дорогу на Сталинград, так называемую «Берлинку». Это одно из белых пятен Великой Отечественной войны. Сколько погибло там наших людей, одному Богу известно. Их хоронили прямо у насыпи. Сегодня эти места позабыты, и поисковики, которых показывают по ТВ, не знают об этом. Их больше привлекают места больших сражений, но были и «тихие места», где решались судьбы войны.

О «Берлинке» я впервые услышал от своего друга Ивана Черкасова в конце 90-х годов прошлого века, который был на девять лет старше меня и которого 15-летним пацаном схватили и отправили строить «Берлинку». Но ему с тремя такими же ребятами удалось бежать, когда их везли в концлагерь, поэтому и остался жив. Потом он еще сражался с самураями... Да, трудная судьба досталась нашему поколению.

Я увлекся своими воспоминаниями и забыл о письме товарища. В нем он делится своими впечатлениями о жизни в оккупации. И хотя мы жили в одном городе и в одно время, но воспоминания у нас разные, но в основном не радостные.

...Вспомнили ребят,— пишет Володя Котов,— Масюкова Толю и Рымарева Валю, рождения 1931 года, которые жили рядом с нами на Новой Сотне (слобода города) и они всегда брали нас с собой. По наши меркам, они были уже большими.

За нашими домами было небольшое озеро, в котором до войны красноармейцы купали своих коней, а рядом были склады, где немцы организовали скотобойню. Водоем мы называли Зарой. Рядом с ним немцы соорудили выгребную яму, куда вывозили весь ливер убитых животных. Фрицы ливер не ели, а выбрасывали в яму. Там всегда толпились ребята с сумками и ножами. Немец вываливал в яму с подводы ливер, и тут же ребята бросались к яме, кромсали ливер, прятали в сумки и бежали с этим «богатством» домой. В этой яме всегда стояла вонючая жижа...

Позвольте отвлечься на свои воспоминания:

— Наша семья также жила в слободе Новая Сотня, тоже недалеко от скотобойни, только с другого края. Наш дед был еще крепким мужиком и немцы привлекали его к работе на скотобойне. За дедом приходил полицай и отводил его туда. Естественно, там ему поручалась самая грязная работа, за которую его «награждали» цыбаркой (большое ведро) крови животных. Бабушка разливала эту кровь по противням, она застывала, ее резали на кусочки и жарили. Это был деликатес. А в это время наша мама, ей было всего 29 лет, выменивала последние вещи на какое-нибудь зерно и картошку в окрестных деревнях. Это было опасно, но голод не тетка!

Еще до оккупации жители города жили впроголодь, а в оккупации вообще стало туго — магазинов не стало, а базар совсем оскудел...

Возвращаюсь к письму товарища:

— Как-то в августе месяце пришли мы за ливером, меня брат к яме не подпускал, я стоял на подхвате. Приехал немец, открыл короб и вывалил ливер. Стал смотреть, как пацаны кромсают отходы. Потом схватил одного пацана и кинул в яму. Лето, жара — в яме черви плавают, кишки плавают и пацан бултыхается, кричит, а немец смеется.

Ребята вытащили пацана из ямы, я его хорошо знаю, отмыли в Зарее, успокоили.

На следующий день привозит немец ливер, высыпает в яму. Смотрит, но никто из ребят не бросается за ливером. Фриц недоумевает. А ребята постарше кинулись на него и столкнули в яму. Немец толстый, барахтается в яме, кричит, а ребята смеются. «Киндер,— вопит,— помоги выбраться!» Пожалели ребята фрица. Подали ему колючую проволоку, он не дурак, обмотал проволоку клеенчатым фартуком и кое-как выбрался сам. Расплата не замедлила свершиться.

Ночью мадьяры и полицаи устроили облаву по домам на пацанов старше десяти лет, стащили всех на конюшню и до крови перепороли шомполами... И все равно народ ходил к яме. Жить-то надо было, надеялись на наших...

У меня на тот момент иные воспоминания:

— Пока мама наша крутилась, добывая кое-какую еду, бабушка ни на шаг не отпускала нас от себя, так что мы не могли участвовать в «походах» к выгребной яме. Довольствовались тем, что дед Фатеевич иногда приносил с бойни.

Как-то мама пошла на рынок — базар и не вернулась. Ее не было двое суток. Представляете наше состояние. А тут еще поползли слухи, что немцы окружили базар и держат людей для каких-то целей. А там была наша мама!

Потом узнали, что людей ждали для машин-душегубок, которые следовали из Харькова по железной дороге. Но слава советским летчикам, которые разбомбили этот состав, а партизаны довершили его разгром. Продержав людей двое суток и не дождавшись машин, людей отпустили. Акция уничтожения жителей Острогожска была сорвана.

А каково было нам, детям, которым бабушка и дедушка ничего не могли объяснить, где мама? Вот так и ходили в оккупации наши родители по лезвию бритвы — ведь для оккупантов жизнь аборигенов ничто, тем более фашистам, для которых все мы были недочеловеки. Мы, дети, не понимали происходящего, но подсознанием чувствовали, что происходит что-то страшное.

Возвращаюсь к письму своего товарища, нашел эпизод, когда он увидел эсэсовцев. Здесь надо признать, что память нам стала изменять. СС действительно носили черную форму, даже полевые, например танковая дивизия СС «Мертвая голова», но Володя почему-то вспоминает их в серой форме. Это могла быть полевая жандармерия:

— Видел эсесовцев, но у них была не черная, а серая форма, мышиного цвета. Рядом со школой квартировал немецкий врач-хирург, а у него был денщик всегда веселый, Ганс. Как-то я катался на санках в яру возле школы. Он поймал меня, ему нужны были санки, чтобы подвезти к дому бревно. Ганс заставил меня тащить санки, а сам шел впереди, насвистывая. Не доходя школы, только он вышел за угол хаты, как вдруг перепуганный бросился ко мне. Думаю, чего он перепугался? А он мне — киндер, шнель бегом нах хаузен! Я выглянул из-за угла, вижу стоит легковушка, а возле нее немцы в серой форме. А Ганс мне: СС. Пух-пух и тебе капут! Шнель домой! Так я увидел СС...

Да, подумал я,— кого только из оккупантов не было в Острогожске. Но долго они не продержались.

Но не только голод подстерегал детей военной поры. Масса военных случайностей могла стать и становилась причиной бед. Один случай из моей детской жизни:

— Советские войска окружили Острогожск, но еще не вошли в город. Немцы, находящиеся городе, пытались вырваться из кольца. Их танки метались по улицам города из одного конца в другой, пытаясь нащупать брешь в наступающих войсках. Город бомбили и обстреливали. Жители прятались в погребах. Подвал и погреб — понятия разные. Мы из нашего маленького погреба решили перебраться в подвал к соседям напротив, где уже собралось много семей с нашей улицы. С тех пор я верю в смысл мудрых слов — «На миру — и смерть не так страшна!». Когда мама меня и трехлетнего братишку повела туда, в конце улицы появился немецкий танк, а улицы в районном городишке узкие, танк быстро приближался. Мы засуетились и растерялись. Я и мама успели перебежать дорогу, а Вова остался на другой стороне улицы. Нас как будто парализовало. Маленький брат плакал, махал ручонками, а на нас надвигалась махина фашистского танка. И вот он, чуть не задев нас, промчался мимо, громыхая и зловонно воняя выхлопными газами. Тогда все обошлось, видимо, потому, что танкисты были озабочены своей судьбой. Будучи уже взрослыми, мы рассуждали с братом: что стоило тогда немцам дать очередь из пулемета или чуть-чуть вильнуть машиной, и... нас нет! И таких случаев во время войны была масса, в большинстве заканчивавшихся печально и для взрослых, и для детей.

Оккупация — ад не только для основной массы населения, но для детей особенно. Это, как часто повторял мой покойный отец, первым бросившийся в горнило войны, он был «политбойцом», понятие и термин замалчиваются до сих пор — «Кому война, а кому и мать родна!» В оккупации люди понимали цену друг другу, цену тем, кто живет рядом:

— Зимой 1943 года, когда группировка немецко-венгерских-румынских и итальянских войск попала в окружение (Острогожско — Россошанская операция 13—17 января), началось паническое бегство оккупантов из города Острогожска. Немцы не оставляли склады, а, подорвав их, подожгли. Один из таких продовольственных складов был на нашей улице. Люди, измученные голоданием, бросались в огонь, чтобы добыть кое-чего съестного. Устремилась в огонь и моя мама. Я стоял у самого огня, а она выбрасывала мне куски сала, сыр, макароны и снова бросалась в горящие развалины. Я пытался это богатство снести домой, но по дороге все отбирал боров-сосед, который и при немцах жил неплохо. Он держал лавочку и, наверняка, прислуживал оккупантам. Эта подлость отложилась во мне на всю жизнь. Уже в 60-е годы прошлого столетия, приезжая в отпуск в родные края, я всегда при встрече с ним высказывал ему свое презрение. К сожалению, такие, как он, безбедно жили при оккупантах, не получили по заслугам и после нашей Победы... а их потомки хорошо живут и сегодня. Изворотливость их кредо жизни. Почему это так, я понял, прожив большую, нелегкую жизнь. Опыт дает истинное понимание жизни, но не жизненные блага. Добро и правда побеждают только в сказках, а в реальности зачастую наоборот.

Последствия оккупации, да и всей войны в целом, продолжались и после Победы. Хотя это была уже пора надежд, но поесть досыта нам суждено было еще не скоро.

Растущий детский организм требовал пищи. Поесть вдоволь хлеба было постоянным желанием. Мало кто сегодня помнит голод 1946—47 годов, особенно из жителей больших городов, которые властью «родного» правительства снабжались за счет деревень и малых городов. Провинция снова выручала страну. А мы, 10—12-летние, считали за лакомство лепешки из желудевой муки. Желуди собирали в лесу, дуба достаточно в Воронежской области, и сами мололи на муку. До сих пор помню лиловый цвет этих лепешек....

Впервые я поел конфет в 1950 году, и то не шоколадных, когда уже работал в бригаде грузчиков, возившей товары из Воронежа в Острогожское отделение ТОРГа

(торговое государственное предприятие). Мы, дети войны, рано созрели для труда. Учеба была для нас роскошью, к которой мы стремились, не взирая ни на какую усталость.

Пребывание на оккупированной территории долго «икалось» для детей военных лет и после нашей Победы. Пришло время поступать в институты и училища, и мы были вынуждены отвечать на позорную графу анкеты — был или нет на оккупированной территории? Страна делила своих детей на два сорта, подозревая тех, кто испытал вражеское рабство, в чем-то неблаговидном. Не унизительно ли это?

Все было. И бедная Россия (имею в виду весь Союз) испила полную чашу горести той страшной войны. Но, судя по всему, не извлекла печальных уроков той трагедии. У нас осталась одна великая Победа — это похвально, но тернистый путь к ней почему-то не очень афишируется, а это неправильно.

Поэтому у нынешнего поколения вырабатывается инстинкт — была Победа, а остальное не так важно. «Победителей не судят» — очень страшное заблуждение! Но очень трудно перебить обух плетью — трудно переубедить тех, кто видит в войне способ наживы. Для них страдание детей пустой звук. Никогда богатый не услышит бедного — это постулат истины. Для богатого слезы бедного — это деньги. Нынешняя действительность — подтверждение этому!

Читатель моложе меня, возможно, удивится моим не радостным детским воспоминаниям, и будет прав по-своему. Не испытав ужасов страшной войны и видевший ее только в кино, он ищет в ней романтику. В кино мы больше видим героизм наших бойцов, нашу Победу, но за кадром остаются страдания простых людей, мучения детей и стариков, а это и есть настоящие будни войны, о которых общество почему-то считает неэтичным рассказывать, а тем более показывать. А это, на мой взгляд, самая действительная пропаганда против войны. Американцы не испытывали ужасов оккупации за всю свою историю, поэтому они так лицемерно и цинично относятся к оккупации других стран своими солдатами. Любые иностранные солдаты, будь то и миротворцы, чужие солдаты и положительных эмоций они не вызывают!

Этот короткий рассказ не отражает всех аспектов оккупации, но что это страшное зло в истории человечества — факт!

ТАНК

Виктору Афанасьевичу уже за восемьдесят, но у него часто встает перед глазами, а иногда и снится, тот безымянный фашистский танк на узкой улочке небольшого городка Острогожска в далеком январском 1943 году. Водитель танка мог легко раздавить трех мирных людей — его, тогда ему было семь лет, трехлетнего братишку Вову и их маму, которой было всего 29 лет.

Мамы, Анны Леонтьевны и брата уже нет в живых, а он еще живет, вспоминая кошмары далекой войны. Так распорядилась судьба.

Всю жизнь Виктора Афанасьевича мучает вопрос: почему тогда это громадное, смердящее выхлопными газами чудовище не уничтожило их? Уже в зрелом возрасте они с братом не раз обсуждали этот вопрос, не приходя к однозначному выводу. И всегда эти страшные воспоминания для них оканчивались одним предположением, что людская логика не предсказуема.

Детская душа впечатлительна, и часто страшные ситуации, происходящие с детьми, остаются в их памяти навсегда. Виктор помнит те январские дни 1943 года более отчетливо, чем августовские 1942-го, когда оккупанты почти без единого выстрела заняли родной город. Полугодовая оккупация заставила быстро повзрослеть. Этому способствовали полуголодная жизнь, постоянные тревоги за маму....

Однажды она пошла на базар и не вернулась. Ее не было три дня, а когда она вернулась, рассказ был страшен. За это время плакали не только они, но волновались

и дедушка с бабушкой, которые не могли объяснить детям, что происходит вокруг. Их выгнали из дома в сарай, и они не могли даже приблизиться к дому, где обосновался немецкий офицер с денщиком. Денщик травил их овчаркой, если они приближались к дому.

А с мамой тогда произошло следующее: городской базар, а это около тысячи человек, был оцеплен гитлеровскими солдатами. Ждали машины — душегубки из Харькова. Машины следовали по железной дороге. Продержав людей более трех суток и не дождавшись машин, их отпустили. Благо было еще тепло. Продержаться три дня и три ночи помогла людям взаимовыручка. Но что чувствовали люди морально?.. Рассказ матери был о переживаниях. Она все время думала о детях, а они о ней.

Уже будучи взрослым и изучая историю Острогожска — Россошанской операции, Виктор нашел объяснение тому случаю. Машины-душегубки действительно следовали по железной дороге в Острогожск, но советские летчики разбомбили эшелон, а партизаны довершили дело.

Судьба благоволила к семье Виктора. Отец Виктора, забранный вначале полицаями, сумел бежать из концентрационного лагеря, и теперь благополучно дожидался в деревне освобождения. Виктор вспомнил, как радостно они встретили отца, который, сражаясь под Ленинградом, был очень сильно ранен в голову, но сумел выкарабкаться из когтей смерти. Месяц был без сознания, три месяца не говорил.... Эвакуированный из блокадного Ленинграда в Вологду, сумел дать об этом весточку в еще свободный Острогожск. И мама ринулась к нему. Через все фронтовые дороги привезла домой. Врачи говорили, что он долго не протянет, а он прожил еще более сорока лет. Такова была тяга к жизни.

Отец еще с трудом говорил, а тут оккупация города. На следующий день после оккупации его прямо из-за стола взяли полицаи. Он был коммунистом, а кто-то донес, что он вернулся. Его спасло то, что, брошенный в лагерь, который располагался на торфяных разработках, он отлично знал эту местность, и ночью ему удалось бежать. Когда он ночью появился дома, Виктор помнит этот радостный переполох, его тут же отправили к тетке в дальнюю деревню, где он просидел в подвале долгие месяцы.

Освобождение города шло не сразу. Чувствовалась какая-то напряженность. Исчез куда-то немецкий офицер со своим денщиком. Начались бомбежки, теперь уже своими самолетами. Опустели улицы, люди прятались в своих погребах-подвалах. Так было и с семьей Виктора. Но у них был погреб небольшой и холодный, находиться в нем долго было нельзя. Через улицу наискосок стоял большой дом Минковых с большим подвалом. Ночью дедушка пробрался туда и, вернувшись, сказал, что там собралось много соседей и приглашают их. «На миру и смерть красна,— добавил он.— Мы с Саней (так звали бабушку) пойдем сейчас, а ты, Анна, собирай детей и топай за нами». Мама согласилась, но сказала, что пойдет с началом рассвета.

Утром мама вручила Виктору узелок с одеждой, сама взяла узел побольше, и, держа Вову за ручку, повела детей на улицу. Улица была пустынной. Мама перешла с Виктором на другую сторону улицы и, оставив его с узелками, хотела вернуться за Вовой, чтобы перенести его. И тут тишину улицы оборвал страшный рев, из проулка вырвалось железное чудовище — огромный фашистский танк. Он быстро надвигался, комья грязного снега летели из-под его гусениц, а главное — этот страшный рев. Виктор с мамой оцепенели, а на другой стороне улицы громко заплакал Вова. Мама застыла в ужасе. Улица была неширокой, танк мчался по середине. Что стоило ему чуть вильнуть в сторону — и людей не стало. Мог и пулеметчик нажать на гашетку, и пулеметная очередь скосила бы людей, которые стояли в оцепенении, ожидая самого страшного... Но танк промчался мимо, обдав их смрадом выхлопных газов.

Скинув оцепенение, мама бросилась к Вове. Прижав его к груди и подтолкнув Виктора, забыв про узелки, они бросились к дому Минковых. Только попав в подвал,

они перевели дыхание. Вова стал успокаиваться, а у Виктора продолжал стоять в глазах страшный танк со зловещим крестом на броне...

Все обсуждали происшедшее, никто не рисковал выходить из подвала, и только старый дедушка пошел за их узелками. Его долго не было, все стали волноваться, пока через полчаса не послышался его голос: «Люди, выходите! Наши пришли!»

Во дворе стоял наш боец в белом маскхалате, который приветствовал выходящих словами: «Выходите, люди, на свет божий! Город наш, и фрицы больше сюда не вернутся».

После этого Виктору еще многое пришлось пережить. В послевоенные годы, когда в голод и желудевые лепешки были в радость, пришлось пережить гибель товарищей на боеприпасах, оставленных войной. Мальчишки — любопытный народ. Все это оставило неизгладимые следы в памяти. В зрелые годы во время службы подводное столкновение тоже прибавило седых волос. Но случай с танком остался в памяти Виктора Афанасьевича особой меткой...

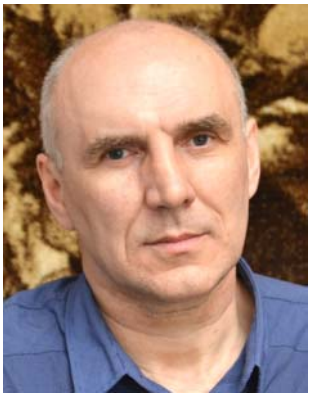
Совсем недавно тот случай с танком возник в памяти, когда на обычной дороге под колеса самосвала едва не попал мальчишка такого же возраста, как он в те страшные дни. Виктор в силу своего возраста и болячек теперь с палочкой ползает, как черепаха, стоял у обочины дороги и смотрел на мальчугана, который не спеша переходил дорогу. И тут на полном ходу, газуя, показался самосвал. Виктор понял, что может случиться беда. Что он мог сделать?! Он только успел громко, командирским голосом крикнуть: «Беги, пацан!» Мальчишка оглянулся и стремглав бросился с дороги. А у Виктора зашлось сердце и дрогнули ноги. Он как будто вновь очутился в том страшном 1943 году....

Как-то на уроке мужества в школе ученик шестого класса спросил его: «Вам не было страшно, когда служили на подводной лодке?»

Тогда он, не раздумывая, честно ответил: «Да, было!»

И это правда. Не боятся только дураки! Но страх взрослого и ребенка — это разные вещи. Взрослый видит страх с размышлениями, а ребенок воспринимает его мгновенно, и он откладывается у него навсегда. Кто испытал страх в детстве, может помнить его всю жизнь, особенно в экстремальных условиях.

Пусть наши дети будут счастливы и не испытывают страха в детстве. Война — это сплошной страх, пусть он минует людей, а новое поколение о войне пусть узнает только из книжек, а не в реальной жизни. Детство без страха есть предпосылка достойной жизни.



Юрий Жекотов
(г. Николаевск-на-Амуре)

АМУРСКИЕ ПРИВИЛЕГИИ

Трудился электриком в леспромхозе, главным зоотехником совхоза, директором коррекционной школы-интерната. В настоящее время работает учителем в школе. Почетный работник общего образования РФ. Член Союза писателей России. Лауреат нескольких международных и всероссийских литературных конкурсов. Печатался во многих журналах. Автор пяти книг прозы.

Точно уже не помню, с какого конкретного дня, но тянется мое знакомство со Славкой Бурляковым из богатого на приключения и происшествия детства. Никогда в закадычных друзьях мы с ним не значились, но кучковались в одной ребячьей ватаге, объединенной по месту проживания в портгородке. Частенько под впечатлением просмотренного фильма или прочитанной книги наша дворовая компания делилась на две противоборствующие стороны, которые вступали между собой в отчаянные баталии: сражались на замастряченных из подсобного материала «мушкетерских саблях времен Людовика XIII», «пополняя индейские племена Сиу и Апачей» устраивали стрелковые дуэли на самопальных луках и томагавках (слава богу, обошлось без серьезных травм), зимой и летом гоняли мяч на спортплощадке, которую в нынешнее коммерческое время занял магазин.

Славка в юные годы проявлял атаманские задатки, выделялся среди нас, тогда всех без исключения сорвиголов, особой отчаянностью и безбашенностью: в городском парке палил по мишеням из самодельного пугача зарядами из серы и проволоки; дрессировал отловленную им гадюку, собираясь превратить ее в танцующую факирскую змею; как-то без всякой страховки забрался по балконам на четвертый этаж многоквартирного дома, чтобы помочь товарищу попасть в собственную же квартиру...

Но молодо-зелено, укатали сивок крутые горки, вправили нам учителя из школы № 13 и сама жизнь мозги на место, остепенились ребята из дворовой компании, позаканчивали техникумы-институты, обзавелись семьями, поразъехались...

Со Славкой, извините, нынче Владиславом, а для кого уже и Владиславом Павловичем, пересекаемся мы и теперь. При встречах обязательно «здоровкаемся». А если никто не несется галопом, разрешая постоянный круг важных жизненных проблем, то, бывает, перекинемся парой-тройкой фраз, так, ни о чем, о сущих пустяках, но обязательно расспрашиваем друг друга о друзьях детства, о тех, кто выпал из кругозора: как там у них, все ли срослось-сложилось?

А тут столкнулся я с Владиславом нос к носу накануне Дня рыбака, и, понятное дело, слово за слово, завязался у нас разговор о рыбной ловле. Товарищ оказался докой в обсуждаемом вопросе, освоил рыбацкое дело от и до, и выяснилось, что нынче в свободное от работы время пропадает на Амуре.

Бурляков так мастерски и заразительно разглагольствовал о превратностях рыбацкого дела, в таких живописных деталях и подробностях поведал о некоторых сво-

их открытиях, сделанных на реке во время хода лосося, что ненароком обмолвился и я, что тоже не против был бы забросить сетку: «А то, что получается?! Я в третьем поколении нижнеамурец, можно сказать, абориген здешних мест и должен по всем понятиям быть с рыбой на «ты». Но вот не сложилось. С удочкой еще куда ни шло, а мой рыбацкий опыт на «красную» рыбу просто смехотворен. А ведь одно дело — приобретенная с рук горбуша или кета, а другое — сам процесс!»

Завернул я так беседу, скорее всего, поддавшись эмоциям, ради поддержки разговора и где-то в порядке самокритики, как местный житель, не освоивший настоящих амурских привычек. Но только заикнулся на счет порыбачить, как сразу встретил заинтересованный отклик и полную душевную поддержку приятеля:

— А почему бы и нет! Чего там: посидим, молодость вспомним! У меня возле поселка Субботино конкретное «нагретое» место!

— Замечательно,— без особого воодушевления заметил я, не ожидая такого резкого перехода к практическому решению рыбацкого вопроса, и заявил с некоторой неопределенностью: — Вот с работой надо бы уладить...

Но Бурляков вцепился в меня мертвой хваткой, проявив настоящие рыболовные качества, где главное, чтобы добыча заглотила наживку, подсела на крючок, а вывести ее на бережок — это уже вопрос второстепенный и легко решаемый, тут, где надо, дай чуток слабины, а в остальном все наматывай и наматывай на себя лесу.

— В субботу работаешь? — начал допрос Владислав.

— Да, да! В школе уроки,— даже где-то обрадовался я найденному поводу увильнуть в сторону, сойти с крючка. При этом разочарованной гримасой и выдохом с сожалением, показывая некую свою обреченность.— Вот же собирался! В кои-то века! Хотел поддержать компанию, но не сложилось. Может, как-нибудь в следующий раз...

— А в воскресенье? — проявил настойчивость приятель.

— В воскресенье?..— задумался я, и когда неопределенную паузу тянуть уже было невозможно, вынужденно признал легко проверяемый и давно сложившийся режим работы отечественных учреждений образования.— В воскресенье школа не работает.

— В субботу вечером рванем! С ночевкой,— подвел итоги нашим недолгим сборам Бурляков.

«Вот же заикнулся, а теперь идти на попятную, отказываться от своих слов — было бы выглядеть в глазах товарища несерьезным человеком»,— сокрушался я, не высказывая свои мысли вслух. Но делать нечего, я еще раз обреченно вздохнул и включился в обсуждение нюансов, связанных с организацией грядущей рыбалки...

На всякий случай перед самым расставанием поинтересовался у приятеля:

— У тебя лицензия до какого срока?

— Какая еще лицензия? На отлов горбуши, что ли? Да чтобы я лицензию?! — завелся с полуоборота Бурляков.— На родной реке?! Ни в жизнь! Это кто же на меня ограничения наложил?! По какому праву?! У кого я еще должен разрешение спрашивать? Из принципа не буду!

Конечно, после таких заявлений Бурлякова мне, как законопослушному гражданину, не помышляющему идти ни на какие нарушения, надо было сразу откланяться и делать ноги: «Извините, но такая рыбалка чревата всякими последствиями. Нет тут вам никакого моего согласия...»

Но эта же дружба с детства! И хранятся у нас до плешей во всю голову перед ней какие-то непонятные обязательства! Присутствует вдобавок в человеке некоторая черта или свойство характера, когда он, не желая обидеть, подвести сотоварища, отказывает себе в праве категорически мыслить, уже и сам обрекает себя быть втянутым в сомнительное предприятие. А Бурляков еще и подначил, резанув по живому:

— Что-то я тебя не узнаю! Ты чего межуешься-то? Ты кого боишься? Мы у себя дома! Что, был-был герой, да спекся?!

— Да в принципе-то я не боюсь,— «поддавшись на провокацию», захорохорился и я, выказывая тем самым поддержку доморощенной «пугачевщине»...

— Ну, так я за тобой в субботу заеду, часикам к семи,— пообещал напоследок Владислав.

В угоду дружбе детства как-то рассорился я со сном в оставшиеся дни до рыбалки. Выползли из дремучих глубин подсознания страхи и переживания: «Это как же так, в одночасье заделался я махровым браконьером?.. Узнают на работе, это что же будет...». В последнюю ночь перед рыбалкой все-таки сморило ненадолго...

Сколько ниточке ни виться, а с печальным концом придется мириться! Сколько вору ни воровать, а расплаты не миновать! И поделом.

В большом зале суда, набитом до отказа возмущенной толпой, со скамьи подсудимых я что-то мямлил невразумительное себе в оправдание.

— Ну что, попался?! Позор ему!.. Да это же перевертыш!.. Вшивая интеллигенция!.. Хамелеон!..— раздавалось из зала, который не скупился на скорые обличительные вердикты, напрочь забыв добрые слова.— Как он ловко маскировался!.. Закрался в наши ряды!.. Враг народа!..

Долгое время никак не пытавшийся успокоить зал, и даже покровительствовавший его оголтелости и кровожадности, устремив на обвиняемого суровый безапелляционный взгляд и всем своим видом утверждая неотвратимость скорого сурового наказания, наконец, взял слово главный судья. Указав на меня своим праведным перстом, он обратился к собравшимся:

— Что будем с ним делать?

Лишь ненадолго стихнув, вновь накалился страстями зал:

— Нечего с ним церемониться!

— Нельзя такое больше терпеть!

— К высшей мере!..

— Понятно, что высшая! А какая? — уточнил слуга Фемиды.

— Пули еще на него тратить?! Четвертовать к едреной фене! — тут же выкрикнул какой-то особо справедливый заседатель.

Публика в зале тут же одобрительно закивала головами: — Четвертование! Четвертование...

Не дождавшись чтения приговора судьей (а чего там, и так понятно!) два бугая, подхватив меня под белы рученьки, повели из зала прямиком к месту казни. Кто-то особенно «сердобольный» и «жалостливый», в глазах кого приговоренный, то бишь я, наверное, выглядел этаким счастливчиком и везунчиком, злобно бросил мне в спину:

— Это он еще легко отделался!..

После такого безрадостного сна без всякого воодушевления и настроения, пакуя рюкзак, я обреченно думал, что втягиваюсь в большую авантюру, переступаю опасную черту, делаю шаг в бездну... Но, как подневольный и загипнотизированный, не мог повернуть дело вспять, принимал грядущее, как злой рок, как неизбежное, а в назначенный срок сгреб вещички и направился к выходу, в последний раз сиротливо окинув взглядом квартиру: вернусь ли, нет ли, пусть не богатая обстановка, но все оказывается такое симпатичное, привычное... Можно сказать, родовое гнездо. Все же теперь потеряешь, и было бы из-за чего... обидно... и грустно...

В тот вечер, выйдя из дома, я на всякий случай огляделся у подъезда: может, уже, кому следует, догадались и устроили засаду, чтобы пресечь на корню преступные поползновения, или установили слежку... но ничего такого подозрительного не заметил. Скорее всего, будут брать с поличным...— мелькнула мысль, и я поплелся к автомобилю.

В отличие от меня на улыбчивом лице Владислава не было и намека на какие-то

угрызения совести и терзания души. Небрежно сунув мой рюкзак в багажный отсек автомобиля и с шумом прихлопнув крышкой, будто выстрелил из стартового пистолета, он по-гагарински скомандовал:

— Поехали!

За окном мелькали очертания такой привычной и размеренной жизни, за которую уже невозможно было зацепиться и откуда меня резко вырвали и увозят в тартарары. Необъезженные и непослушные мысли катались кубарем, таранили друг друга, бились о черепную коробку: рушилась вся моя будущность, перепутались и ломались грандиозные планы, «вживую» горели несостоявшиеся перспективы...

Словно несовершенный робот, словно заводная, но малофункциональная машинка (куда направили — туда и пошел), бестолково суетился я на берегу, делая все невпопад, больше путаясь под ногами у рулившего процессом Владислава. Рассудок же все скребла и занимала одна мысль: «Скоро все закончится! Нас неминуемо настигнет справедливая кара!..»

Бурляков, по-видимому, списывая мою нерасторопность на отсутствие всякого рыбацкого опыта, лишь незлобно подшучивал и в итоге по моим способностям при постановке сети отвел мне место на веслах, указав курс на возвышавшуюся над окружающими деревьями ель. И я во всю мощь своих рук включился в рыбацкую эпопею, борясь с небольшим течением, греб на природный ориентир, словно желал вырваться из вражеского плена и спрятаться под его вечнозеленой кроной.

А между тем сетка была благополучно натянута. Створы определены. И все нам пока сходило с рук... А потому устал бояться и я, стали постепенно улетучиваться куда-то мои страхи.

Оглядевшись по сторонам, заметил, что жизнь продолжается, причем наполнена разнообразными явлениями. Щедрое солнце на прощание богато дарило летнему дню аметисты и сапфиры, оттопырь только карманы, да подставь рюкзаки — насыплет всем желающим сокровищ до самых краев, в каждую складку-прореху, в любую емкость-посудину. Видно, дождавшись урочного часа, массово полетел в сверкающее царство мотыль-поденка. То ли лишь забавы ради, то ли в погоне за легкокрылыми мотыльками-бабочками, завыпрыгивала из воды, подставляя чешуйчатые бока закатному солнцу, рыбная мелочевка — чебаки да пескарики.

Так уж, наверное, устроен человек: все время находится в поисках смыслов жизни — никак не может найти золотой середины и хрупкого равновесия. Радость без меры и долгую удачу начинает воспринимать как должное и обыденное: что имеем — не храним, потеряем — плачем; долгое же пребывание в состоянии угнетенности и подавленности в итоге порождают у него сопротивление и бунт: не верь судьбе — спасение в борьбе... И так любые наши чувства, хочешь не хочешь, но когда-нибудь одни из них обязательно ослабевают, и на смену им приходят противоположные...

— Для снятия стресса! — вытащил Владислав из багажника широко известную стеклянную емкость, наполненную прозрачной согревающей жидкостью.

— Да уж,— буркнул я, еще без особого энтузиазма и оптимизма. Но товарищ, держа бутылек в вытянутой руки — «большое» лучше видится на расстоянии — тут же закрепил свою недавнюю мысль новым аргументом:

— Все лучшие лекарства на ней настояны! А для наших северных параллелей без нее никак нельзя! От ревматизмов всяких и для расширения сосудов!

— Давай по одной,— согласно махнул я рукой.

— За День рыбака!..— прозвучал тост.

Первая ломоносовская норма обожгла дыхание, прокатилась по горлу и ухнулась с горки, как в пропасть, а вторая уже не сгинула совсем, отозвалась, загорячила кровь, осветлила ум...

— Сегодня негласный закон: рыбинспекция нас, рыбаков, не трогает — тоже

чтит праздник! — припозднился с ободряющей новостью для моих недавних терзаний товарищ, но тут же внес поправку: — Но это только наши местные охранники понимают. В это же лето пришлых контролеров понаехало. У них другие законы и порядки. Макли свои наводят. Но ты не дрейфь, если что, отобьемся!

— А кто дрейфит? Я, что ли?! — неожиданно заартачились-забравировали во мне ломоносовские миллиграммы.

— А помнишь, как ты хмырю с межрайбазы, Прыщем его, кажись, звали, рожу начистил? — неожиданно вспомнил приятель подробности моей далекой биографии.

Мое лицо, наверное, на короткое время превратилась в обескураженную физиономию: не путает ли меня с кем-то Владислав? Может, кто другой тогда в детстве отличился? Во всяком случае выпал из моих прошлых мысленных записей тот день. Но память же имеет такие свойства — тут же нашел я себе в оправдание: кому-то дано помнить все перипетии юных лет в мельчайших подробностях, у кого-то былое воспоминается полосами «просвет — туман — просвет...», а у иного полная «амнезия» — начисто стираются все детские годы. А потому, чего тут ломаться, набивать себе цену... Если товарищ помнит, то так оно и было. Не стал я отнекиваться, отчего-то даже размял-потер тыльную часть правой кисти, будто после той давней драки еще побаливает какой-то суставчик и, осознавая, что в глазах товарища я наверняка сейчас выгляжу геройски, этаким авторитетом, признал, смакуя слова:

— Нельзя было тогда не ввязаться! Получил этот гад по полной! И было за что!

Владислав смотрел на меня с явным одобрением, а я, самовоодушевляясь, «рос» в собственных глазах. И уж ответный вопрос, так поворачивался разговор, был за мной. Поинтересовался у приятеля первым, что вспомнил из детства:

— Слав, а тогда, помнится, ты гадюку тренировал — танцевать ее пробовал научить, кажется. Получилась что-нибудь у тебя или нет?

— А куда она денется! Наши змеи лучше всяких факирских кобр могут плясать! Такая музыкальная и талантливая оказалась гадюшка! Вприсядку по кругу ходила и даже подпрыгивала! «Барыню» или «Камаринскую» легко выдавала! — не моргнув глазом, на полном серьезе, и пойди догадайся, а вдруг и в самом деле не врет, заявил Владислав.

Владислава потянуло на воспоминания. Он травил байки... Разинув рот и забыв про всякие недавние страхи и браконьерские заморочки, я слушал и, где нужно, вставлял свое правдивое слово... Нашлись еще тосты и поводы... Спиртное бродило по своим законам, вытаскивая из закоулков мозга всякие интересные мысли. Набирая обороты, закрутилась карусель разговора, но все больше сводился он к одному и тому же: мы еще не выпали из обоймы! Мы еще такое могем!..

— Молодец, что вытащил меня на рыбалку! — искренне подвел я первые итоги амурского вояжа.

— Да ты же нашенский! Местный! Давай еще по одной за Амур! Вон он какой! — обвел рукой сотоварищ необъятные просторы реки.

— За Амур! Святое дело! — поддержал я Владислава...

— Первый тайм,— после тоста в честь великой дальневосточной реки, не закусывая, Владислав неожиданно затянул песню,— мы уже отыграли!

— ...и одно лишь сумели понять! — я вовсе не солист — не песенник, но не растерялся, без предварительной спевки, с ходу поддержал товарища...

Надо же, и оказалось: большинство слов этой замечательной песни Александры Пахмутовой и Николая Добронравова мы помнили и исполнение выдали подобающее... Не хуже, чем Александр Градский, наверное... Да кто нас осудит, кто заругает, от души ведь пели, дурака не ломали, а потому без всякой внутренней фальши. И настроение самое расчудесное! Как здесь не спеть?!

— Чтоб тебя на земле не теряли, постарайся себя не терять...— тянули мы вместе, обратившись к могучей реке. И мудрый Амур прекрасно нас понимал, не глушил

песню, а даже аккомпанировал, давал с малой волной нужную мелодию, которая только подчеркивала всплески наших рыбацких душ...

— Не пора ли нам проверить сеть? Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть! — после музыкальной паузы вернулся к рыбацким заботам товарищ.— Рассчитывать, правда, на удачу особенно не приходится, я уже тут неделю караулю — красноперка и конек залетают поодиночке, а горбуши хотя бы хвост словить — пусто. Затягивается ход, где-то в морях краснорыбица еще гуляет. Но придет время — попрет валом!

Видно, время пришло! В награждения за долгие ожидания с самого края сети Владислав вынул две горбуши. А потом пошло — поехало! Освобожденная из капроновых ячей рыба-серебрянка одна за другой плюхалась в лодку... Даже ночью поблескивали рыбины чешуей, прогибались упругими телами, искали возможность вернутся в родную стихию...

— Ну, ты и фартовый! — восторженно сделал вывод приятель в отношении моей случайной для рыбалки персоны.— Во прет-то! Ну ты даешь! Угадал! Выехал под самый ход!

Здорово мнить себя фартовым! А в принципе: кто бы сомневался! Может, я залог рыбацкой удачи, талисман успешного лова, ко мне рыба сама в руки идет?! Всякие другие мысли, что вроде со мной такого раньше не случалось, и нет никаких предпосылок думать о своей особой везучести, я уверенно гнал прочь. Чего тут сомневаться и голову ломать, со стороны то виднее! Может, я до сих пор не те ставки в жизни делал, не развил — не использовал как следует свой дар и предназначение! Может, мое дело рыбалка, обниматься и миловаться с рекой, бесконечно встречать утренние и вечерние зорьки!..

После первой проверки сети затаренный под жвак мешок с рыбой мы спрятали в прибрежных зарослях, так, на всякий случай, чтобы не иметь при себе никаких улик. И, видно, сторожились не зря.

Мы только собирались продолжить разговор за жизнь, как заслышали шум мотора. Показавшийся вскоре катер держал курс прямо на нас. Однако метров за тридцать от берега лодка остановилась.

— Пришлые! Ищут, где бы поживиться,— каким-то внутренним чутьем определил Бурляков, и вдруг сорвался с места, подошел к самой кромке воды, присел, выкинул коленце, привстал, прихлопнул в ладоши и, выбросив руку вперед, запел частушку:

Коли не было б воды,
Не было б и сетки!
Все инспекторы на речке
Сплошь марионетки!

Конечно, если задуматься на трезвую голову, то частушка прозвучала каверзная и никуда негодная. Но где ее тогда было нам взять на рыбацком берегу — эту трезвую голову! Не существовало тогда для нас ни цензоров, ни редакторов! Это был смелый шаг! Дерзкий вызов от имени всего нижнеамурского рыбацкого сообщества! Товарищ бросил перчатку! Но, оказалось, никто не спешил ее поднимать. Инспекция, или кто там был в лодке, ни бе ни ме ни кукареку, ни в зуб ногой, ни назад — ни вперед, чего-то выжидая, застыли на месте.

Владислав же поймав кураж: вот мы — молодцы какие, обвели вокруг носа охранную службу! Да вдобавок сразили, укололи, и все нам нипочем! — выдержав лишь небольшую паузу и повторив нехитрые телодвижения — кульбитцы, запел новую частушку:

Рыбинспектор, как жар-птица,
Ему дома не сидится!
Голова болит с утра...

Тут товарищ, не сумев сходу подобрать нужную рифму, на пару секунд замешкался...

— Там извилина одна! — неожиданно для себя выручил я Владислава, из солидарности отчего-то также невзлюбив рыбоохранную службу, вслед за приятелем пустился во все тяжкие, обнаруживая тем самым, что, оказывается, во мне до поры до времени спал самый злостный браконьер.

Хотя, если по правде разобраться, чего там придираться, обвинять рыбинспекцию, они те же люди, что и мы,— рыбаки, о двух руках и двух ногах, выполняют свои обязанности. Не было бы рыбной охраны, так такой разгул был бы на реке, и еще неизвестно: осталась бы там хоть какая-то рыба!

Охранники, или кто там был в лодке, наверное, покрутили пальцем у виска в наш адрес или просто отсмотрели бесплатный концерт, но с нами выяснять отношения не стали, предпочли ретироваться.

Для нас же, полных сил продолжить концертное выступление, такой демарш добровольного зрителя был полной неожиданностью. Вдобавок, прямо таки чувствовалось, что муза — вот она, рядом витает и с нами нынче запанибрата, потому вдогонку уходящей лодке раздался еще один разительный куплет:

Я русалочку словить
В сеточку пытался,
Рыбинспектор проезжал —
Только хвост остался!..

— Да ну их! Давай лучше споем нашу любимую! — предложил Владислав, когда объект для критики отгудел-отзвучал на широкой амурской дороге.

— Давай! — свел я брови, напряженно вспоминая: «Какая же эта наша лучшая песня?»

— Первый тайм...— завел товарищ.

— Мы уже отыграли!..— подхватил я.

На весь этот рыбацкий день сроднились мы с рекой, на своем генно-аборигенном уровне отстаивая право на лов рыбы. Не терзая больше душу напрасными сомнениями, находил себе я оправдания: «Мы здесь, можно сказать, в научных целях, для исследования процесса рыбалки. Наши предки рыбачили, отцы и деды, а мы чем хуже? Не на продажу же. Для себя. Покушать, угостить, знакомых-родственников. Не разбогатеем, не озолотимся. Лишь возьмем свой пай с высокого замеса, где стараются не для кого-то, а для всех, для народа. Ведь у нас здесь, на Северах, на Нижнем Амуре, никаких больше привилегий перед жителями других губерний, кроме двухэтажных снегов, жгучих морозов и лососевой рыбалки».

На всякий случай, если вдруг нашим выездом на Амур заинтересуются рыбоохранные органы, то воспринимайте это мое признание как явку с повинной. А повинную голову меч не сечет!

Хотя чего это я? Владислав какой год держится на одних принципах и не сдается! В общем, не будем мы проявлять малодушие. Такое наше будет последнее слово: все это сочинено только для красного словца, так, чтобы себя потешить. Вся эта история про рыбалку — один лишь художественный вымысел! Сами же понимаете: чего только не придумаешь за долгую зиму, ожидая короткого северного лета. Хотите, у Владислава спросите, он подтвердит, расскажет все как надо — правильно, а больше никто с нами не рыбачил, нет больше свидетелей. То есть этих. Как их? Во, вспомнил — героев рассказа.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ФЕОФРАСТ В ТРАМВАЕ*

Когда мне в прошлом уже приходилось размышлять над этим предметом, я нередко с удивлением задавал себе вопрос: почему же это в нашей Элладе, несмотря на одинаковый климат и одни и те же условия воспитания для всех эллинов, существует такое различие в характерах людей... После того как я со всей тщательностью сравнил людей добродетельных и порочных, я счел нужным описать, как те и другие ведут себя в жизни.

(Феофраст, «Характеры»)

Природа познается в развитии, а характер человека в поступках и беседах. Однако желательно, чтобы этот познаваемый гражданин не был вашим сослуживцем, тем более начальником, подчиненным, родственником, врачом, а пуще всего — не был бы другом. Такой идеальный кролик встречается только в трамвае; он и развивается, то есть движется вместе с вагоном, он совершает определенный набор поступков. Часто он и беседует, ибо провинциальный трамвай маршрута «Кольцевой» не метро столичных и университетских городов, где кролики закрываются от досужего любопытного глаза вечерней газеткой (ныне — «Московским сексомольцем» и «Масонскими новостями») или самоучителем тамильского языка или иврита; все равно чем, лишь бы одурманить на время вынужденного общежития свой мозг и застраховать себя от случайно-любопытной деревенщины, не понимающей, что подземка вовсе не поезд дальнего следования.

У нас в трамвае не читают, это вовсе не в характере его общительных и дружелюбных обитателей. Даже если вы не оригинал, утром подсаживающихся в вагон большого кольца и до темноты не покидающей любопытной машины, все равно ежедневно, по будням, от получаса до полутора вы проводите в одном или нескольких трамваях четырнадцати городских маршрутов. Поэтому-то суждение о человеческих характерах формируется у горожанина именно в нем, в трамвае. Нигде кролик так не естественнем, гол, лишен защитных очков, газет, одежки, должности (особенно за забором, за дверью кабинета с тамбуром и преданной секретаршей — цербером), как в нашем трамвае. Наконец, вы можете надеть темные очки и жадно рассматривать в упор трамвайную публику. Это предосторожность, а заодно спасает вас от подобного же встречного изучения со стороны случившегося рядом собрата по коллекциониро-

* Трактат «Характеры», принадлежащий древнегреческому эссеисту Феофасту (Теофрасту — по другому написанию), стоит у истоков обширнейшей европейской литературы «бытоописания нравов и характеров». Мы сочли возможным наше вúдение таковых качеств отнести к «лихим девяностым», ибо никогда так характеры не обнажаются, как в эпохи общественной и душевной смуты...

ванию психологических типов. Ибо людей в темных очках у нас по привычке опасаются и избегают.

Итак, милости просим на мой любимый маршрут большого кольца.

* * *

Ирония — это качество, весьма неодобрительное в трамвае, уличающее в неблагонамеренном отношении к усредненному пассажиру, а иронизирующий — вот какой человек. Он чаще всего в очках, правда, не темных, а с каким-то зеленоватым оттенком. Трудно понять, что он хочет сказать своими ироничными словами, ведь народ в вагоне прежде всего ориентируется на интонацию голоса, но ответ на свои сомнения в обыденной жизни ищет в выражении глаз. Трамвайная публика — чудом сохранившаяся чистая раса наивного и потенциально доброжелательного русского человека. (Не следует, что иронизирующий обычно из осторожно диссидентствующей интеллигенции, из «наших»). Даже если он и не таков в обыденной жизни, но в трамвайный вагон входит точно таким же, каким его предок сошел с последней в городе конки.

Ирония же происходит от скептического мировосприятия. Раньше скептиков было мало и их считали неопасными чудаками, у которых жены слишком легкомысленны, а теперь стало много, почти все стали скептиками, их считают завистниками, не имеющими родственников или просто блата на службе, в администрации района, в суде, словом — везде.

Сам же иронизирующий тем плох, что иронизирует он постоянно и постепенно разучается любой другой интонации, то есть становится специалистом иронии, а, как говаривал Козьма Прутков, всякий специалист подобен флюсу — он всегда односторонний.

* * *

Никакая другая черта характера не вызывает столько отвращения в людях, независимых от перцепиента льстивости, но в тоже время столь потребна в зависимом общении, как льстивость. Для трамвая льстивость необязательное качество. А льстец — вот какой человек. Он есть самый сознательный мерзавец. Сознательный потому, что лесть редко бывает врожденным свойством, но благоприобретается родительским воспитанием соответствующего образца. Это и не условный инстинкт, ибо последний можно выработать лишь незамедлительным закреплением в виде раздачи корма или лакомства, в то время как лесть приносит только долгосозревающие плоды. Значит лесть для поддержания своей сущности требует умственного принуждения. А раз так, то она есть сознательное действие. Мерзавцем же льстец считается и является таковым по той причине, что лесть развращает и потому делает, в свою очередь, мерзавцами всех тех людей, которые ранее, с детских лет, в ранг таковых вроде бы и не готовились. То есть лесть разрушает личность, а поскольку льстец преследует своими действиями конкретную для себя выгоду, то он льстит людям, имеющим возможность вознаграждать. Такие же люди обычно поставлены над многими другие. Становясь мерзавцами с помощью льстецов, они приносят всеобщее бедствие. Высшая цель льстеца — усыпить и скинуть. К этому он стремится всю свою сознательную жизнь.

Льстивый человек, в силу своей профессии, в каждом видит потенциальный объект для лести, поэтому он обычно полагает необходимым лучше пересолить, нежели недосолить — особенность ремесла. Поэтому в трамвае льстец не толкается, не раздражается, охотно пробивает чужие абонементы, а выходя из заплеванного, промороженного и дребезжащего вагона, не применет сказать водительнице: «С большим удовольствием проехал в вашем трамвае, сударыня!»

* * *

Пустословие начинается как глупость, продолжается как маска, а заканчивается языковой стороной демагогии или демократии; кому как нравится. Своего рода эротическое извращение — женское пустословие. А пустословный — вот какой человек. Если он необратимо глуп, то повторяет все что услышал от мамы, папы, в общей бане, на работе, по «тельавивенью» и по телефону. У него хорошая слуховая память.

Пустословие как маска опасна, особенно для доверчивых и наивных людей. Таких пустословцу в маске легко одурманить. Пустословец — демагог, это профессиональный актер. О женщинах умолчим; у каждого пола свои недостатки. Пустословный человек чаще всего утомителен, но поскольку жертва избирается из воспитанных людей, то последним приходится слушать до конца и притом с вежливой улыбкой самурая, вынимающего из своего живота меч после харакири; неприятная операция, но отказаться от нее уже нельзя. Очевидно, с некоторым любопытством на пустословного можно смотреть через толстое, звуконепроницаемое стекло: у него такая прекрасная, отработанная артикуляция губ, жесты рук изящны и округлы.

В трамвае пустословы терпимы. Еще терпимее, когда ты лежишь на верхней полке неспешного пассажирского поезда дальнего следования. Заснуть мешают толчки на стыках рельс, читать — глаза болят, думать неохота, курица и домашние котлеты съедены, а тот внизу соловьем безмозглым разливается. Одна интонация бархатистая вылечивает от дорожной немощи.

Пустословие сродни гипнозу: оно полезно, но только в клинических случаях, когда человек специфически болен. Самый великий пустослов нашего времени — лучший немец, американец и израильтянин, предатель всех времен и народов — муж ныне покойной Раисы Максимовны...

* * *

Неотесанных все мы любим страстно, ибо где еще как не в разговоре с неотесанным, да в кругу порядочных слушателей, можно продемонстрировать свое *comme il faut*? Неотесанный же, бедняга,— вот какой человек.

В гостях, где он первый раз и совершенно случайно, так что компания совсем не его круга, развеселившись, рассказывает байки, которые заканчиваются словами: «... И вот учительница говорит: дети! Водород взрывается в колбе со звуком пу-у-у-у-к!»

Он же публикует в местной рекламной газете объявление: «Где можно купить балалайку?» — И потом полтора месяца показывает всем друзьям, знакомым и полузнакомым напечатанный для него ответ, извещающий, что в ТОО «Сирена» (ул. Барона Врангеля (б. Перекопская), 77 «а», тел. 92-33-12) имеются в продаже импортные трехструнные балалайки «*Casatshok*» тайваньского производства по цене от 120 $.

Впрочем, неотесанность — признак девственно-нетронутой, здоровой народной натуры. В трамвае от него тот вред, что наступает на ноги отесанным пассажирам и не гасит боль извинениями. Польза же от пребывания неотесанного в вагоне — чисто эстетическое наслаждение зрителей при виде грубого, но натурального, не искусственного предмета, например, свежего тамбовского окорока, особенно если рядом на витрине тараканится пластмассово-белковый датский сервелат.

Неотесанность — амплуа коверных клоунов.

* * *

Угодливость или услужливость может быть вредной или полезной в зависимости от того, кому и от кого она направлена. И пословицы, которым нельзя не верить, о том же говорят. Угодливый же — вот какой человек.

Когда в недавние еще времена периодических табачных кризисов вы обегали в

понедельник полгорода и, отчаявшись найти себе хоть какое-то занятие, подходили к табачному киоску и вместо киоскерши видели записку: «Ушла в О.М.Р.П.», то сразу успокаивались и возвышенно думали, что табачница ушла в Общество международной родительской помощи. А тут подходит угодливый и по своему почину дает обидную для романтическо-возвышенной души расшифровку: «Ушла в отдел местного рабочего питания» или что-то в этом роде.

Вред от угодливого в его надоедливости, польза — в определенном удобстве; не надо отлавливать вечно глухих старух и допытываться как найти нужный номер дома. Угодник-профессионал неприятен всем остальным кроме обхаживаемого. Это сложное качество человеческого рода, очень часто бескорыстное. Угодник также отличается от расчетливого льстеца, как веселая и добрая б... от валютной проститутки.

В трамвае угодливый всегда полезен, ибо здесь он выступает любителем. Профессиональные же качества угодливый проявляет в более достойных, официальных местах. Любопытна их встреча в вагоне 13-го маршрута: угодник-профессионал наслаждается действиями угодника-любителя. Что заставляет его задуматься. И на том спасибо.

* * *

Отчаянность не следует путать с отчаянием. Отчаянный с отчаянием пытается понять, почему был в свое время введен ГОСТ 6649-53 «Булка городская» вместо ОСТ 5109, 5140 и 5141 в разделе «Булка французская»? Точно также он ломает голову: термин «брокер» удачние издавна практикуемого «маклер»? Отчаянный же с отчаянностью — вот какой человек.

Он либо от природы безрассудно смел, либо его нервная возбудимость (большое содержание адреналина в крови) превозмогает сознательную, воспитанную осторожность.

В житейском понимании отчаянный чаще всего глуп, нежели умен; чаще невоспитан, чем воспитан до уровня среднего обывателя. Можно сказать, что подобно женщине, он живет более сердцем, чем умом. Умный и воспитанный отчаянный, притом психически идеально уравновешенный,— это на один процент прекраснейшей души человек, а на остальные девяносто девять исключительное в своем роде, затаенно-коварное, дальновидное чудовище. Патологически несовместимые качества.

В трамвае отчаянных не наблюдается; в детстве они ездят на «колбасе», между вагонами и на крышах. В зрелые годы они либо БАМ строят, либо на отсидке находятся, а в новейшие времена сплошь на «мерседесах» мчатся в неоглядную даль. Женщины во все времена их любят страстно, но с недоверием.

* * *

Тупоумие всегда врожденное, потому и число тупоумных статистически определено, а сам носитель этого порока — вот какой человек.

Если он когда-то в несчастливую пору своей жизни лечился в психоневрологическом диспансере, потом, как водится, его периодически вызывали повестками на осмотр, а еще позже, лет через пять-шесть, его по ошибке вызовут совсем уж напрасно, то на извинения регистраторши (мол, могли и не приходить, просто ваш начальник должен был по повестке позвонить им в регистратуру...) он с гневом ответит:

— Мой начальник цеха не унизится до того, чтобы звонить в ваш диспансер!

Мораль такой репризы: можно и пить из колодца, и плевать в него, а заодно и на самого себя.

В трамвае тупоумный сторона страдающая. Он не может сообразить (в недавние времена), почему в трамвае можно компостировать троллейбусный абонемент, если нет трамвайного, но почему нельзя использовать дорогой пятикопеечный автобусный? Это выше его интеллектуальных возможностей сообразить, что автобус при-

надлежит пассажирскому автотранспортному предприятию, а механизмы на электрической тяге — коммунальному хозяйству города. У кого денежки у того и девочки.

По моим наблюдениям, более всего тупоумных встречается в среде демократической интеллигенции, мастеров производственного обучения в профтехучилищах и школьных преподавателей труда — практиков. Может быть это и не так, а если так, то разве их вина в этом? Очень похожи на тупоумных унтер-офицеры, но это всего лишь следствие уставной дисциплины.

* * *

Крохоборство противоположно безудержной щедрости, а поскольку в наши прагматические дни последнее чаще всего есть род лицемерия, то по логике вещей получается, что крохоборство противостоит лицемерию, а значит является качеством скорее положительным. Сказанное — достойный пример того, как из верных посылок могут следовать ложные выводы, ибо крохобор — вот какой человек.

Крохобор прежде всего жертва одностороннего воспитания. Его так сильно муштровали в детстве по части аккуратности, экономичности и мелочной бдительности, что в переломном возрасте случилось пересахарение. Сахар же вкусен и полезен лишь когда кладется пропорционально объему и качествам продукта.

* * *

Крохобор и домашние шлепанцы подбивает подковками, чтобы «сносу им не было», а потом раз в год нанимает за немыслимую сумму халтурщиков для переукладки изгвожденного паркета.

В «офисе» начальник-крохобор пилит и пилит несчастного, опоздавшего на минуту, но и в голову ему не приходит выяснить: почему Н. с обеда приходит на час позже, а К. уходит на час раньше? То есть крохобор чаще всего вредит самому себе.

В трамвае пожилой крохобор похваляется своей догадливостью. Войдя в вагон, он вынимает из кармана записную книжку, а из нее пачку проколотых абонементных талонов и полоску чистой бумажки. Последнюю крохобор компостирует и по полученному образцу ищет талон с аналогичным абрисом проколов. Когда его начинают укорять и стыдить старушки (по всей видимости из бывших коммунисток), он весело и с прибаутками объясняет, что-де совесть дело наживное, а у него за неделю экономия на бутылку «Русской» набегает! Совесть — богатство, а мы люди бедные...

Не следует путать с крохоборами мелочных изобретателей и детей-коллекционеров гвоздиков, пуговиц, вкладышей от жвачек и прочей мелкой дряни.

Плюшкин — гений крохоборства (Гоголь был злой человек), но его последователи никогда не соберут ему на памятник: они отделаются позеленевшими копейками и пятачками советского еще, а то и царского чекана.

Кстати, о мелочных изобретателях; все же, по здравому разумению, они близки к крохоборам. Лет десять доводилось ездить на службу за Носково на третьем номере трамвая мимо Комбайнового завода (ныне АООТ «Рашель-фармер» — мастерская по производству кос и серпов). Так аборигены маршрута не раз указывали на невзрачного гражданина, работавшего уже четверть века на комбайновом рядовым технологом. Все эти двадцать пять лет он приходил на службу на полчаса раньше и по лично разработанному графику обходил участки цехов. Усевшись ровно — по звонку — за свой стол, 15—20 минут, пока женщины причесывались, оформлял рацпредложение, которое в обеденный перерыв сдавал в цеховой БРИЗ, что гарантировало «десятку за инициативу». Складываясь друг с другом, инициативные десятки в стабильных советских рублях постепенно одели-обули всю семью, построили двухэтажную дачу, купили кооперативы дочери и сыну, кирпичный гараж, в который вскорости въехали «Жигули» последней по тогдашнему времени модели. Правда нелюбящий крохобо-

ров бог наказал: одну рядовую «рацуху» заприметил матерый заводской изобретатель Волков и такую панаму из нее соорудил на предмет изменения всего техпроцесса изготовления комбайновых шнеков, что потом два года он сам и руководство завода отходили от кассы с разбухшими карманами. Здесь технолог сорвался, мертво запил, был уволен и изгнан женой из дома. Но на его счастье, пришли новые, крохоборско-меркантильные времена. Он одумался, вовремя и в нужных местах побегал с трехцветным флагом, а при раздаче должностей победившей демократией получил высокий пост заведующего городскими общественными туалетами, которые он тотчас сделал платными. Купил «Мерседес» и был восторженно принят супругой. Неисповедимы судьбы человеческие!

* * *

Все мы суетимся, но настоящий суетливый — вот какой человек.

Ему всю жизнь снится один и тот же сон: спешащий человек в великой спешке по спешно построенной дороге спешит на наспех собираемое соревнование по сортировке пшенично-гороховой смеси.

Спешат обычно либо кипучие бездельники, либо деловые люди. Все остальное население сидит в пивных либо отдает почести спешащим, рассевшись вокруг арены, на которой первые суетятся, суетятся, суетятся... А зачем? — Сёрен Кьеркегор остроумно заметил: хочется неудержимо хохотать, когда суетящемуся человеку падает на голову черепица с крыши, ибо его спешка в жизни не продолжила ни на секунду отпущенной длительности ее.

В трамвае суетливый безусловно вреден: не стоит на отведенном месте, а без толку мечется по вагону, толкая пассажиров и наступая им на ноги. Суетливого никогда не перепутаешь с услужливым, но часто такой неспокойный пугает народ; думают — вошел контролер. Не место таким в общественном транспорте.

* * *

Любимый сюжет великолепных советских фильмов 50-х—60-х годов: взбесившийся академик в восемьдесят лет бросает свою почтенную Эсфирь Исааковну, что шла с ним рука об руку с народовольческих времен, и влюбляется в семнадцатилетнюю студентку Шурочку (Впрочем, партком и президиум Академии восстанавливают статус-кво, а Эсфирь Исааковна утешает Шурочку и поит ее чаем со свежей мацой и малиновым вареньем). Еще умные древние греки указали на это опасное свойство стариков молодиться, назвав его *опсиматией*. Это явный признак сексуальной инфантильности, а сам опсимант — вот какой человек.

Он полагает: я почтенен духом, но молод телом (в то время, как все нормальные старики считают наоборот) и объясняет этот геронтологический эффект правильным режимом жизни. Поэтому опсимант очень бережет себя.

В день получки и накануне больших революционных, новодемократических и старорелигиозных праздников он пьет с молодыми подчиненными, а когда компания расходится, то с сожалением в голосе говорит:

— Эх, ребятки, жаль что у меня на сегодняшнюю ночь ангажирована девочка, молоденькая такая, лет девятнадцати, студенка... а то бы сводил вас на одну хатку. Смак! Три подруги там — на любой вкус, пальчики оближешь!

Когда же чувствует по ухмылкам самых непочтительных, что не верят, то, придя в свою старохолостяцкую квартиру с текущими трубами и поблекшими обоями, мучаясь и страдая желудком, до двух часов ночи пьет крепчайший чай и читает без очков старые газеты, чтобы утром появиться на работе с желтым лицом и синяками под глазами. Однако побрит он тщательно, а остатки волос на темени и висках зачесаны в игривую спираль.

Вообще такой человек любит подстригать волосы в носу, а на базаре покупает подозрительные корневища жень-шеня и золотого корня у восточного человека в оранжевой бараньей шубе. Разумеется, они поддельные.

Для трамвая молодящийся находка. Никто так лихо не вскакивает с места, чтобы уступить его красотке, бабушке с неподъемной сумкой, на худой конец — мамаше с наглеющим уже в три года младенцем.

Опсимант в руководстве — раздолье для карьеристов.

* * *

Нечистоплотность или антигигиеничность — качество исторически относительное. То, что считалось чистоплюйством пятьдесят лет тому назад, сейчас — нечистоплотность. И так везде, во всем, всегда. А нечистоплотный чаще всего — вот какой человек:

— У нас нет дома ванны, а все ближлежащие бани перепрофилировали под ночные массажные заведения.

— В столовой своего учреждения он ест сальными ложкой и вилкой, потому что в кухонной моечной вторую неделю нет горячей воды.

— На работе он ходит в запачканных до колен грязью брюках, в немыслимо заляпанных ботинках, ибо на улице осень, грязь на асфальте взбухла, а в учреждении щетки для чистки не предусмотрены дисциплинарным уставом.

— И так далее до бесконечности. Натуральный же нечистоплотный выявляется в мелочах: ковыряет пальцем в носу, не чистит под ногтями, волосы грязны и всклокочены.

В трамвае нечистоплотный плюет на пол, аккуратно выворачивает для чистки от слипшихся крошек брючные карманы и с наслаждением ссыпает весь годовой сор на пол. Зимой он раскрывает рот и с тупым упорством шумно дышит в стекло, оттаивая пятачок. Зачем ему видеть тысячу раз виданное? — Он и сам не знает.

* * *

Болтун — находка для шпиона! Многие еще помнят плакаты с этим лозунгом, а болтливый — вот какой человек.

У обычного, нормального человека слух связан с языком через обдумывающий мозг. У болтуна же по необычайному капризу природы барабанная перепонка и основание языка связаны натянутой струной, так что все слышимое тотчас воспроизводится языком. В этом вред болтуна для человеческого общества, ибо редко кто из людей терпит подле себя стократный усилитель собственной речи.

Болтун полезен только в одном случае: когда в квартире, где собрались гости, погасло электричество (например, самый пьяный согнул хозяйкину вязальную спицу узкой буквицей «U» и со смехом вставил ее в розетку). Поскольку все говорящие и поющие приборы тотчас умолкли, а сами люди с изобретием телевизора разговаривать разучились, то именно болтун восстанавливает общий звуковой фон; не хлопать же крышкой о кастрюлю?!

В трамвае болтун — находка для общительного пьяницы, скучающей девушки на выданье и ... для настоящего шпиона. Вообще говоря, все шпионы гнездятся в трамваях Большого кольца; больше им в «закрытом» городе податься некуда.

* * *

Новые времена махрово распушили такое человеческое качество, как бессовестность. Это то, что мы осуждаем в других людях, но тайно стараемся вырабатывать в себе, а бессовестный — вот какой человек.

С точки зрения официанта: когда на поданный счет с рублями (ранее с копейками) клиент и расплачивается с точностью до рубля (ранее — до копейки).

С точки зрения шофера: человек, попавший под колеса его машины.

С точки зрения основного наследника: все остальные родственники покойного и так далее.

Верх бесстыдства, когда некто пьет за счет другого, а под конец, расцеловавшись, просит сотню-другую «до четверга».

Бессовестная женщина — это та, которая, встретив на бульваре любовника, прогуливающегося со своим сыном, тетешкает последнего: «Ули-ули-гули! Вот и женишок для моей Иришки растет!»

В трамвае бессовестный это не безбилетник даже, это человек и понятия не имеющий о нынешней цене билета. Это ему незнакомо. Никакие теории не заменят практику, а практики покупки трамвайных абонементов у бессовестных нет. С бессовестными часто путают пенсионеров, входящих с передней площадки, а также грубых, необразованных людей, не уступающих места старушкам, беременным и инвалидам войны, труда и межнациональных конфликтов.

Бессовестный, как правило, человек жизнерадостный и крепкого, неугасимого здоровья.

Кстати по поводу ныне совершено забытого правила входа в транспорт с передней площадки. Отменено оно явочным порядком напрочь. Однако память о некогда бытовавшем порядке в народе жива. Один мой приятель, десятью годами старше, даже опаздывая на работу, стремится войти в заднюю дверь трамвайного вагона, ибо памятны 15 суток принудработ за попытку войти в переднюю дверь в год запуска первого (советского) искусственного спутника Земли, то бишь в пятьдесят седьмом.

* * *

Наследием предыдущего проклятого прошлого (предыдущего — в отличии от недавнего 1917—90 гг., также ныне отнесенного к категории «проклятого») считается суеверие. Это когда люди были наивными и пугливыми, беззащитными перед воздействием климатических неурядиц. Сохранилось суеверие и поныне, а суеверный — вот какой человек.

Если он напился невзначай и попал в вытрезвитель, то в следующий плановый запой он выберет для священнодействия распивочную в противоположном конце города. Это чистое суеверие, ибо вытрезвители имеются в каждом районе, даже в противоположно расположенном.

Суеверный зашел в магазин (во времена уравнительного распределения) и случайно «напал» на дешевую полукопченую колбасу. В то время, как обычный человек возьмет полкило, кило на крайний случай, суеверный же купит разрешенные два килограмма, затем снова отстоит в очереди, опять купит два кило и устроит скандал, когда продавец опознает его в третий заход и откажется взвешивать колбасу. Это тоже суеверие, покупать четыре кило колбасы, ибо хотя в следующий раз он ее встретит нескоро, но как же он не бережет свой и домочадцев желудок, питаясь несвежей, третьесортной, почти несъедобной колбасой?

Темный суеверный не садится в трамвай 13-го маршрута и просто в вагон с инвентарной цифрой «13». Просвещенный же суеверный не садится в номер седьмой (несчастливое число у греков) и в тот же тринадцатый. Впрочем, когда они опаздывают на поезд, свидание, работу, домой — после работы, они едут в этих самых номерах, но только не произносят их вслух и молчат на вопросы неграмотных: «Че, это тринадцатый? А? Оглох что ли?!».

Суеверный все время боится, что вот-вот в вагон войдут контролеры, поэтому жмется к двери и вглядывается во входящих на остовках женщин, отыскивая также

контролера: женщина лет 40—50-ти, в драповом пальто и без сумки. Последнее особенно его настораживает, суеверный выпрыгивает из уже тронувшегося трамвая, в то время как вошедшая, отнюдь не контролер, спокойно пробивает абонемент и садится. Ее сумку держит стоящий рядом супруг, интеллигентный школьный учитель.

Суеверие вредно, от него идут многие хлопоты.

* * *

Недоверчивость не похожа внешне на осторожность также, как грубая самомнящая женщина не похожа на умную и дальновидную любовницу, то есть все дело в эффекте приятного или неприятного впечатления, а недоверчивый — вот какой человек.

В общественном туалете недоверчивый прежде всего убедится в работоспособности смывного бачка. Здесь недоверчивость еще граничит с осторожностью. Но бывает, что недоверчивость граничит с глупостью. Если такой человек на почте запутается в бланках и индексах, а вмешавшийся со стороны спросит: «Вам, наверное, бланк для заграничной посылки нужен?» — то недоверчивый с признаком глупости закричит на все помещение: «Что я, шпион что ли, за границу посылать!?» А когда ему резонно заметят, что не только одни шпионы за границу посылают и не одни диверсанты за границей живут, тот возразит, что он грамотный и достаточно читает газеты и смотрит телевизор, чтобы знать кто там живет.

Чистопородный недоверчивый даже летом, в сорокаградусную жару, требует подогрева пива, не доверяя словам буфетчицы, что оно «и без того кипит».

Недоверчивый отрицает все слухи. Иногда это приносит ему добрый результат. Так недоверчивый тридцать лет хранил облигации послевоенных займов, не веря скептикам что-де все пошло прахом, а потом регулярно, в известные дни, стоит в очереди в сберкассе и выходит с очень довольным лицом.

В трамвае недоверчивый сам пробивает абонементный талон, хотя бы для этого ему нужно протиснуться с полвагона через спрессованную толпу. Поэтому недоверчивый в часы пик — истинный бич божий для пассажиров. К тому же он входит в трамвай всегда с передней площадки первого вагона и выпытывает у водителя номер трамвая и возможные отклонения от маршрута; номерным знакам и объявлениям по внутренней трансляции он не верит.

* * *

Вестовщичество в корне изменило свою суть с античных времен до наших дней. Если раньше это было связано со злой магией накликания беды на чужую голову, то теперь это благодушное изобретение слухов, а сам вестовщик — вот какой человек.

Он читает газеты и делает далеко идущие выводы, то есть, говоря языком ученым, экстраполирует события. В этом смысле он сродни Норберту Винеру, отцу кибернетики, который подошел к идее своего учения (правда, двадцатью годами раньше основу кибернетики, как всеобщей организационной науки, разработал русский марксист А. Богданов...) также рассматривая экстраполяцию — в техническом ее приложении. Так что основной творческий метод вестовщика непорочен. Напрашивается вывод: порочен сам вестовщик, поскольку делает неверные выводы из верных посылок.

Вестовщик предрекает на очередных выборах в Госдуму победу красно-коричневых фашистов и Нины Андреевой, погашение долгов «МММ» обязательствами госбанка, войну с казанскими татарами, Китаем, США, Канадой, ЮАР, островом Занзибар. Он пророчит исключение России из Международного валютного фонда и, как следствие, исчезновение из продажи на ближайшие пять лет соли, спичек, подсолнечного масла, соленых огурцов, а также экзотических колониальных фруктов и овощей.

Вестовщик по своей прихоти разводит и женит киноактеров и певиц из оперы и эстрады, государственных деятелей и продавщиц соседного универмага.

Чаще и охотнее всего вестовщик предрекает ухудшение погоды и вообще всемирной экологии из-за «спутников», испоганивших всю земную атмосферу.

Вестовщика можно понять. Это просто неудавшийся оратор, политик и дипломат. Без ума, конечно. А имеет все внешние атрибуты соответствующего таланта: безудержная словоохотливость дергает и дергает его за язык.

Трамвай — общественная трибуна вестовщика. Он с нее вещает и доволен, ибо из трамвая на ходу не выйдешь, вот и публика не расходится во время лекции.

Лично я люблю вестовщика в трамвае. По крайней мере это лучше чем пьяный матершинник или рассуждения интеллигентных дам о правильности курса реформ Гайдара-Явлинского-Боннэр.

* * *

Бесстыдство — обезьяний порок, но если для нашего прородителя он естественнен, то для *homo sapiens* — это отвратительный атавизм. Он не менее противен, нежели другие атавизмы: хвостатость, сплошной по телу волосяной покров (как у моего бывшего начальника Велимира Семеновича Танкерова), борода у женщины, женские груди у мужчины, отсутствие последних у женщин... Все одинаково вызывает неприязненное чувство и от бестыдных людей сторонятся, а сам он — вот какой человек.

На службе бесстыдная женщина всегда стремится отпечатать свои бумаги вне очереди. Поэтому она отзывает в сторону секретаршу и по секрету сообщает ей доверительно, что-де начальник по-рассеянности потерял где-то подготовленные ею к отправке в министерство отпечатанные документы. Она же хочет выручить их директора и просит ее, секретаршу, заново и срочно отпечатать с черновика эти самые 50 страниц. Но чтобы начальник («А он у нас человек хороший, совестливый») не испытывал неудобства, пусть она сделает это незаметно для него и отпечатанный документ отдает ей.

Бесстыдный человек способен отнять конфету у ребенка, копейку у цыганки, надежду у падающего, посох у слепого... Словом, перечислению нет конца. Для бесстыдного не существует очереди (см.выше), порядка, но одно он свято чтет: субординацию и чинопочитание. Это только помогает ему чувствовать себя на верху безудержного бесстыдного чувства безнаказанности. Однако бесстыжие очень многим нравятся. Бесстыжая женщина привлекает мужчину доступностью, а бесстыдный мужчина покоряет женщину своим суррогатом смелости и мужественности, вседозволенности и житейской практичности. Словом, бесстыдство заменяет в глазах женщины все те качества, которые ее традиционно гипнотизируют и зачаровывают; как удав кролика.

Многие полагают, что бесстыдство только рядится в тогу естественности поведения. Они не правы. Как и все другие спекулятивные качества человека, бесстыдство хотя и вырабатывается в человеке искусственно, но становится качеством естественным. Это означает, что бесстыдный не считает, будто он отклоняется от каких-либо общепринятых норм морали и поведения.

В трамвае бесстыдный способен украсть передаемый абонементный талон, но пробивать для себя он его не будет, спрячет впрок, а постарается в сутолоке украсть еще и передаваемый пробитый талон. Вообще говоря, в трамвае трудно разобрать: кто бесстыдный, а кто нет.

* * *

Бестактность случается от двух причин: от невоспитанности и от чрезмерного воспитания, сам же бестактный — вот какой человек.

Воспитанный бестактный — кандидат в бесстыдники, невоспитанный же есть жертва среды. Тот и другой могут сознавать и несознавать свою бестакность. Но что

особо удивляет — любой из них всегда тактичен с начальником и только совсем уж бестактный одинаково равно ведет себя в любом присутствии. Такому лучше совсем рта не раскрывать и работать ночным сторожем.

Особенно досадлив тот бестактный, который, сидя за праздничным столом, рассказывает какую-нибудь байку и обязательно скажет, обращаясь к хозяину дома: «Да-да, Петр Карпыч, это случилось именно в тот день, когда я утром встретил вас выходящим из вытрезвителя»... Бестактный — горе в людском собрании, конфуз для родственников, умной жены и взрослых детей.

Бестактный, попросив у вас закурить и получив сигарету, тут же не применет заметить: «Ты, дорогой мой, никогда не бери сигарету из пачки руками, а предлагай пачку, чтобы я сам мог взять. Может у тебя сифилис и ты заразишь человека...»

Кстати, бестактный, встретив приятеля, просто неработающего в тот день по болезни сослуживца, не удовлетворится ответом, что-де болен, а станет допытываться: чем болен, не заразен ли воздушно-капельным путем... Даже у женщины.

Бестактная женщина (как правило, одинокая и неврастеничная), кошка которой воспитывает двух народившихся котят, на вопрос добродетельного соседа, взявшегося пристроить одного котенка,— «А как же второй?» — обязательно ответит: «Это не вашего ума дело».

В трамвае бестактный уступает место молодящейся старушке, чем приводит ее в кислое негодование. В остальном бестактный так же трудно отличим в трамвае от обычного человека, как и бесстыдный. Все подобные качества нивелируются в общественном транспорте.

* * *

Пожалуй, грубость по всем оценкам самая противоречивая черта характера человека, ибо в производственной среде грубость считается признаком деловитости и энергичности. На женскую душу и сердце мужская грубость производит самостимулирующий эффект. В то же время грубость в принципе нетерпима в светском общении, в педагогике и пр. Сам же грубиян — вот какой человек.

Он не употребляет слов вежливого общения. Если жена, любовница, подруга поженски бездумно пожалуется ему (дескать, старшая сестра недовольна ее новой прической, платьем, туфлями...), он тотчас взбеленится, подойдет к несчастной сестре и грубо отзовет ее в сторону:

— Эй, ты, слышишь, отойдем, поговорим!

А услышав в ответ на обвинение, что имевший место разговор дело родственное, тут же, ухмыляясь и приглаживая гребешком волосы, ответит, что еще неизвестно кто кому здесь больше родственник.

Раньше грубияны ходили в смазных сапогах с галошами и играли на гармошках. Теперь же по большей части они носят темнозеленые фетровые шляпы с маленькими полями, играть сами не умеют, зато пьют много водки и самогону, но встречаются и вовсе не пьющие. Последние чаще всего хамы-максималисты; их ничто не излечит. Грубиян обычно хорошо ладит с начальником, особенно на грубых физических работах, поскольку здесь начальники верстаются из таких же грубиянов.

В новейшие времена грубияны из молодых отрастили себе огромные морды и животы, носят разноцветные цирковые спортивные костюмы китайской фабрикации, на голове — синей картуз с утиным козырьком и надписью «555», а занимаются мелкой спекуляцией.

«Интеллигентный» грубиян — законченный тип хама и подонка. Его обычно терпят, не желая связываться; в силу своего происхождения он обладает большой свирепостью, наглостью, физической силой и поддержкой собратьев-грубиянов. Он опасен, как опасен зверь. Интеллигентность же приобретает, как правило, на отсидке в лагере строгого режима.

Подлинный бич божий — грубиян в трамвае. От него даже и уйти нельзя. Приходится терпеть. Испытывать наслаждение — это смотреть, как в трамвае 3-его или 9-го номера грубияна «окучивают» еще более грубые или не грубые, но сильные люди. Грубиян смиряется только перед силой, ибо он зверь.

* * *

Приверженность к олигархии — свойство очень многих людей; оно воспитывалось исторически. Сам же приверженный к олигархии в обыденной жизни (в общественной, политической, гражданской, социальной — все это многословно и многократно описывается и списывается в толстых и тонких книгах романов, повестей и пр.) — вот какой человек.

Он водит пятилетнего сынишку по зоопарку, показывает на зверей в клетках и объясняет, подбирая соответствующие содержанию объяснений тон речи, выражение лица, позу: это, сынок, обязьяны — несерьезные животные; вот пресмыкающиеся, гады, хорошо во всякой жизни устраиваются! А это? Это-о... Ишь ты, табличка какая: «Дружное семейство льва и волков» (небойсь, завхоз деньги на клетку волкам пропил, а серых подселил ко льву!). Видишь, сынок, вон лев сидит, мясо кушает. Он везде главный зверь, начальник! Смотри, кость обгрыз и волкам передал. Те и рады костям, а у льва еще полтуши осталось телячьей; сейчас отдохнет и продолжит завтрак.Так, сынок, и в жизни должно быть: начальник — лев, ближние подчиненные — волки, а все остальные — мелкие зверушки.

Сам приверженный к олигархи жизнь свою не мыслит без льва-начальника. В этом смысле он велик и жалок одновременно: велик своей верой в строгую регламентацию мирозданья, а сочувствие вызывает неумением прыгнуть в части должности и оклада выше своего шестка. Жены чаще ими недовольны.

В трамвае приверженец олигархии, если при нем чемодан, всегда пробивает положенные по инструкции три багажных абонементных талона, даже в нашем городе, где это отродясь не принято. Кроме того, он пугает и раздражает пассажиров, одергивая бабок, расшумевшихся по поводу нищенски малых пенсий и бесконечно растущих цен. Таким людям наиболее сложно жить в период переходных эпох, когда в государстве нет твердой руки. Люди это чаще хорошие в соседском общежитии.

Ворчливость есть признак добродушия или вечного недовольства; в последнем случае она сближается с брюзгливостью. А ворчливый — вот какой человек.

Он ворчит на работе, в семье и даже наедине с самим собой. Ворчливые пожилые женщины общаются, преимущественно, со своими котами и собаками, которым импонирует такое внимание.

Ворчливому достаточно самого малейшего повода. Это своего рода глухая словесная лавина, которая не может не обваливаться в положенное ей время. Причина ворчливости, как ни странно, кроется в неуверенности — младшей сестре робости. Человек, будучи наделен очень подвижным языком и в то же время сомневаясь в своем праве и способности громко излагать то, что он думает и считает нужным сообщить другим людям, после длительной борьбы искушения с робостью приходит к компромиссу: становится ворчуном. А поскольку ворчливого никто не слушает, то и ему становится безразличным: слушают его или нет. Так и привыкает ворчать, даже находясь в одиночестве. Правда, в последней ситуации ворчливого не следует путать с самоговорящими тихими идиотами; у них это болезнь, недуг, ворчливый же — жертва неуместного сочетания черт характера.

Добродушные ворчуны безвредны, даже оригинальны и полезно смягчают напряжение чрезмерной в ином сообществе деловитости и прагматизма. Вечно же недовольные или брюзги надоедливы и утомительны, но и они не из тех, кто кусает явно или изподтишка.

В трамвае ворчливому раздолье. Раньше, когда в вагонах были кондукторы, то ворчуны сплошь недовольствовались тратой государственных средств и малой механизацией в транспорте. С заменой же живых людей на бездушные компостировочные автоматы они чуть не со слезами стали вспоминать старушек с билетными сумками через плечо.

Постоянный объект их ворчливости: скорость движения (то малая, то чрезмерно высокая), неровная работа мотора, пробки в пиковые часы, искры на стыках рельс или на контакте пантографа с проводом и т.п.

Ворчун в трамвае такая же неизбежная фигура, как, скажем, бравый полковник в очереди на приобретение акций в конторе «Русского дома селенга» (в эпоху его расцвета).

Вред от них небольшой, да и то чисто клинического характера.

* * *

Назойливость человека — это не назойливость комара; комара можно прихлопнуть, а человека приходится слушать и даже со зверской гримасой доброжелательности, поскольку назойливый почти всегда вежлив, кроме того он — вот какой человек.

Назойливый, не понимающий своей настырности, образуется примерно так. Он проходит мимо газетного киоска и видит совершенно случайно, по ошибке выставленный на витрине киоскершей номер порнографического журнала, особо популярного в данный сезон среди школьников, импотентов и сексуально-озабоченных демократов. Задыхаясь от восторга и волнения, он ощупывает карманы, находит бумажную мелочь и покупает номер, заплатив положенные 35 рублей. Выждав календарный месяц, он уже со специальной установкой подходит к киоску, искательно улыбается и спрашивает очередной номер. Киоскерша понимающе улыбается знакомому клиенту и достает требуемое из-под прилавка. Непонимающий достает четыре десятки и вручает продавщице. Та кладет их в ящик стойки и еще раз улыбается. Клиент не уходит и выжидательно смотрит на киоскершу. Та гасит улыбку и раздраженно бросает на прилавок пятерик.

Еще через месяц назойливый непонимающий подбегает к киоску, но не находит ни улыбки, ни номера. Продавщица сквозь зубы сообщает, что-де журнал в их киоск более не поступает (А он сам видит, как рядом старшие школьницы любознательно рассматривают только что купленный свежий номер). Он огорчается, но тем не менее каждое 10-ое число задает утомленной назойливостью киоскерше свой глупый вопрос. И так будет длиться до тех пор, пока редакция журнала не уедет в Нью-Йорк или Тель-Авив, либо к власти в стране не придут коммунисты или фашисты.

Так формируются непонимающие назойливые, мешающие деловым людям работать.

Понимающий назойливый чаще всего добивается своего, особенно если попадет на человека со слабыми нервами, не выдерживающим болтовни.

Называют еще и третий тип — назойливых языком. Но это большей частью женщины, не столько назойливые, сколько обыкновенные болтушки.

В трамвае назойливый пристает к вам, интересуясь нужной ему остановкой. И хотя вы объясните, что сами едете до конечной и скажете, когда будет нужная тому остановка, назойливый еще раза три напомнит, а выходя из вагона, опросит и других пассажиров.

* * *

Тщеславие — тень от фальшивого венка лавра, так что обладателя такого качества собственно следует пожалеть, но характер тщеславного столь отравлен ношением обманной тени, что мы уже не задумываемся о предтече, а ненавидим несчастного носителя отвратительного порока. Сам же тщеславный — вот какой человек.

Наиболее распространенный тип тщеславного — средний начальник. Такой вызывает к себе строптивого подчиненного, публично обидевшегося на него, и, увещевая, говорит: вы, конечно, понимаете, что к старшему по должности необходимо чувствовать так сказать, ну ... почтение что ли какое! Так говорит еще малоопытный в деле тщеславия молодой и зарывающийся начальник. Он прям и бьет не в бровь, а в глаз. Более опытный склоняется к спеси. Высокопоставленный опытный тщеславец придает своему качеству характер величественности, то есть в передаче своего сияния тщеславия он использует посредников.

Отвратительнее всех бесчиновный тщеславный; он зол как собака, спесив как начальник. Это чистое отродье славного тщеславного племени.

В трамвае тщеславный ездит по необходимости, считая этот вид общественного транспорта низким для себя. Однако если выхода нет, то он все же входит в вагон, проходит и усаживается на боковое (слева) одиночное сиденье, чтобы не иметь соседа. Если же левый ряд полностью занят, то проходит в угол передней площадки и отворачивается к окну. Он молчит, абонементы никому не пробивает, делая вид, что не замечает протянутой руки. Он неприятен.

* * *

Скаредность — гипертрофированная бережливость. Сам же скаредный — недостойный потомок порядочных родителей — вот какой человек.

Он жаден до неразумения. Если в здоровом коллективе некто из сослуживцев не успел сходить пообедать в перерыв и прямо от задержавшего его начальника входит в комнату, где закусывает булочкой скаредный, и, не в силах побороть реакцию на выделение желудочного сока, просит отломить ему кусочек, тот, пугаясь, быстро запихивает булочку в рот, с трудом прожевывает ее, давится, обижается и говорит: но я же сам не обедал. При таком раскладе он может потерять друга; повторяем, в жадности скаредный неразумен.

Скаредный осторожен до нелепости. Если некто просит у скаредного-книгособирателя дать почитать на пару дней 3-ий том полного собрания сочинений Густава Эмара или Шолохова, обещая полную сохранность («Даже дышать буду не на страницы, а отворачиваясь в сторону!»), тот с самым ласковым и понимающе-усталым видом объяснит просителю следующее. Дескать, он и не сомневается в порядочности и бережливости своего давнего приятеля, но вдруг, не дай бог, пожар или дом («Он ведь блочный у тебя?») обрушится. Значит я останусь без 3-го тома? Какая же тогда цена будет собранию сочинений?..

Если скаредный маленький или средний начальник, то он подбирает на учрежденческой помойке выброшенный старый шкаф и волочит его в свой отдел. То же самое он призывает делать и подчиненных. У такого начальника постоянно на рубль пятаки делаются и никогда наоборот.

Понятно, что в трамвае скаредный ездит без билета и другим то же самое советует. Кроме того, он иногда делает целый круг на трамвае кольцевого маршрута без надобности, теряя час-полтора, зато от всего сердца радуется: на один абонемент весь город объехал!

* * *

Когда речь идет о черте характера — подлости, то наиболее педантичные различают два подвида этой черты: подлолюбие и подлокорыстие. Поскольку оба родственные эти понятия непосредственно связаны с сеятелями подлости, то их носитель, подлец — вот какой человек.

Подлолюбец и подлокорыстный — это любитель и профессионал подлости, поэтому их особенности в отношении к подлотворению и определяются этими статусами.

Подлолюбец жить не может, не делая гадостей. Это его театр, искусство, самовыражение, услада, альфа и омега бытия, жизненная потребность. Делать подлости — это его эйфория. Поэтому-то подлолюбец обычно не пьет, не курит, слабо интересуется женщинами; разрядку он находит в другом.

Подлокорыстный творит гадости в силу своей профессии. Поэтому он может восемь часов в день (с перерывом 48 минут на обед) быть подлецом, а остальное время суток, выходные, отгулы, праздники и отпуска использовать по-своему, то есть и не быть подлецом. Как и в любой обычной профессии, подлокорыстный может работать «без любви и без ненависти». Такой страшен в служебное время, но является вполне нормальным, даже доброжелательным человеком после «работы», то есть когда он утомился совершать неприглядные деяния или это не гарантирует корысти. Но трудоголик-профессионал подлокорыстия много страшнее подлолюбца, ибо использует свой страшный опыт в любых ситуациях, где сверкнет золотая или серебряная монета, а то и на медяки разменяется.

Стандартная шутка подлолюбца: звонить по телефону или писать анонимные письма и называться доброжелателем. Иногда он бросает из окна на тратуар вслед проходящим людям мелкие монетки и наблюдает, как те их ищут и поднимают под смех дворовых зевак. Имеются у подлолюбцев и другие интересные занятия.

Любимые же методы работы подлокорыстного — подсиживать начальника, выживать подчиненного, подкладывать свинью коллеге.

Как правило, профессионал много тоньше и умнее любителя, иначе он бы не сумел жить своей работой, а переквалифицировался в обычного, малоинтересного человека с какой-нибудь малодоходной профессией.

В трамвае подлолюбец нарочно неправильно называет остановки старушкам, детям и слабосильным интеллигентам, то есть от кого нельзя получить по шее. Подлокорыстный же кладет пробитый абонемент в карман, а передавшему отдает завалявшийся в том же кармане старый, пробитый другим номером. После чего быстро уходит в противоположный конец или вовсе на остановке переходит в другой вагон.

В новейшее время, подлость — основа жизненного успеха.

* * *

Бахвальство и высокомерие — это два варианта выражения чрезмерно развитого самомнения. Носитель таких занимательных качеств — вот какой человек.

Бахвальство усматривается у человека, самомнение которого, в силу врожденного добродушия и склонности к фантазированию, выливается в грезы о собственной значимости. Напротив, высокомерный человек чаще туп и нехудожественен, так что его самомнение выражается надутыми щеками, бессмысленно-серьезным выражением глаз, бледностью стиснутых губ. В эпоху американизации отечественной жизни такой человек постоянно жует жвачку, вырабатывая квадратность от природы мягкого, бесформенного славяно-татарского подбородка.

Бахвальный чаще хвастается преосуществлением естественных человеческих стремлений к успеху у женщин, физической силой, бескорыстием, силой воли. Высокомерный роняет сквозь зубы о своем уме, значимости и общественной полезности.

В трамвае бахвальный человек кричит на весь вагон, что он ездит без билета уже третий год и впредь не собирается платить из ухарства и озорства. Высокомерный платит, молчит и торчит как пень на самом проходе. Не вздумай его толкнуть: обольет презрительным взглядом.

* * *

Трусость — преувеличение обычного страха, а трусливый — вот какой человек.

Он боится: физической боли, ответственности, большого и малого ума, смелости,

собак, сиамских котов, коров и быков, лифтов, пьяных, миллиционеров, высоких людей, мышей, крыс, тараканов, пить холодную и горячую воду, водку, есть несвежую селедку и черствый хлеб, лазить по деревьям... Словом, он боится всего.

Его жалеют, а женщины не любят (если только он не богат).

В трамвае трус боится: контролеров, особенно здоровых и грудастых баб с бляхой на безымянном пальце, быстрой езды трамвая на спуске, сквозняков, соседей в грязной рабочей одежде, толкучки в час пик, обледенелых ступеней и т.п.

Это противоречивая натура. Бог ему судья.

* * *

Злоязычие происходит от бессильной злобы, когда злоба не может выхлестнуться через дела (нет власти), через каверзы (нет изобретательности ума), через кулаки (нет силы). Тогда злоба выходит через язык. Сам же злоязычной — вот какой человек.

Он прислушивается к общему разговору, а в удобный момент вставляет холодную, едкую фразу, так, что разговор тотчас иссякает.

Злоязычный всегда найдет к чему придраться: погода, политика, внешность, голос, запах, пение птиц, лай собак, распоряжение начальника и поведение подчиненного.

Мужчины чаще всего злоязычат по поводу чужих жен, начальства, политики и экономики; то есть там, где все себя считают специалистами. Женщины же — по поводу поликлинник и больниц, врачей-гинекологов и педиатров, а также чужих опять же жен, магазинов, очередных любовниц начальников и чужих мужей.

Безотносительный злоязычный теряет почву под ногами и вырождается в злого ворчуна.

В трамваях водится классический тип злоязычного. Он язвит в адрес водителя за неверный ход машины и набирается слухов о внеплановом повышении цен. Каждое злое слово его радует.

* * *

Маршрут замкнулся.

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

БОЛЬ СОЛДАТА

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Только под вечер дед Наум вернулся домой.

Был он худ и сморщен. Одет в изжеванный пиджачишко защитного, по его мнению, цвета и в линялые, прежде синие брюки, с пузырями на коленях.

Нетвердые шаги довели деда Наума до тумбочки с узорчатой бумажной салфеткой. Она стояла в изголовьи кровати, застланной по-солдатски «конвертом».

Дед привалился к жесткой подушке, подумал вполсилы: сколько годочков ему уже настукало? Пятьдесят пять, угадал правильно. И полулежа отстегнул медали. Поднес их к близоруким глазам, будто уверялся в полной сохранности своих реликвий. «За отвагу». «За боевые заслуги». «За оборону Сталинграда». И ему казалось, что вместо медалей он видит старшину Коркина с разодранным в крике ртом. Видит, как этот крепыш в заляпанных глиной кирзачах вымахнул на бруствер траншеи, замер там на какое-то мгновение и побежал, оскальзываясь, вместе с другими автоматчиками по вспаханному дождем полю. А он, Наум, прильнул к станкачу, наслаивает очередь на очередь и за грохотом пулемета не слышит невнятного бормотания «Юнкерса». Не слышит... И перелом жизни, по самому хребту. Контузия оглушила его, одарила немотой и дрожью пальцев. И, значится, по прибытии домой, в Киренск, ружье на гвоздь, а в тайгу лишь за кедровым орехом.

Со временем речь и слух вернулись к нему. Живи и радуйся! Но как жить, чему радоваться, когда по зловредным языкам растекается молва, что беспрестанная дрожь его пальцев вспоена не взрывной волной, а милашкой-граммуличкой. Обзаведись даже медицинским справочником, не докажешь молве свою правоту: пущена неведомо кем, сила в ней убойная, и излету ей нет. Вот и бубни, принимая стаканчик, про «жизнь огорченную». Даже сегодня, в День Победы, в день рождения своего, когда притертый к графинчику на праздничном столе, он полнил рюмочку, не обошлось без этого. А отвратная же работа — оправдываться, виноватить бомбу и, горячась, под ухмылки и реплики собутыльников реабилитировать сподручницу-белоголовку.

— Я это... с ней накоротке, паря. Не наркомовская норма... это... меня шибает по пальам-гулянцам. А контузия, мать ее!..

— Конечно, контузия, дед Наум. Конечно!.. Если трахнуть разок бутылем по темечку, будет тебе и контузия.

— Ну и дурак ты, Васька! — Дед Наум за рюмку, как за последнюю обойму. А медали его — усердно позванивать, словно вели перебранку с насмешником.— Иди в военкомат. Там тебе майор Степанов растолкует, как справно воевал сержант Гольдин, Наум Давидович.

Васька тыркнул деда Наума в ребро, сказал назидательно:

— Сержант Гольдин, как мне известно из особых источников, справно бегал от фрица. До самой Москвы. Чтобы на октябрьские покрасоваться на параде. У Сталина на виду.

— Про Сталина не скажу. Чего это ему уличать меня на параде. А вот насчет «бегал»... Тебя бы, дуролома, не на танцы-гулянцы, а туда, в сорок первый.

— Сам сиди там. И не высовывайся.

Васька любил представлять себя стратегом, умеющим разбираться в оперативных оплошностях начального периода войны. За эти ошибки он и кроил деда Наума, будто именно он, сержант Гольдин, личной волей своей разоружил старую линию укрепрайонов, передвинул ее к новым границам, к неподготовленным для обороны рубежам, и тем самым дал возможность немцам докатиться до белокаменной.

Дед Наум скорбел от таких слов. Не Главком, пулеметом командовал.

— Смотри сюда, Васька! — Он хлопнул себя по груди.— Вот! Это... «Отвага». Не за красивые глаза, да! Мне ее тогда, в отступлении... А медаль образца сорок первого года... Эх, ма! Не твоя даровая брызгалка — «Двадцать лет Победы...»

Дед Наум гневно подрожал руками у лацкана чужого пиджака. И сорвал бы медальку, родом из 1965 года, если не привитое с измальства уважение к награде.

— Не кипятись, отец.— Васька отвел его руки к графинчику.— Прими стопоря. Полегчает...

Может, и впрямь полегчало деду Науму от привычной рюмочки. Может, полегчало от столь же привычного перезвона медалей. И он, закусив маринованным грибком, повторил:

— Иди в военкомат, дуролом. Там тебе растолкуют.

— А мы и без военкомата. Здесь. Возьмем да проверим Наума Давидовича.

Васька провел зажелктым от табака пальцем по медалям деда. Но они глухо молчали. Не отзывались переливчатым звоном на странную ласку.

— Ишь ты, здесь,— дед Наум выволокся из внезапного недоумения.— Войну, что ль, организуешь? Ну и Гитлер!

— Войну — не войну. Но маленькое сраженьице гарантирую. Понимаешь...— Васька привлек деда Наума поближе к себе.— К нам, понимаешь, комбинатчикам бытобслуги важнец-бумага пришла. Из Иркутска. Будем шить шубы из собачьего меха.

— Ну и шейте. А сражение твое причем?

— Не допонимаешь! Материала-то нет! Жди его с нарочным. Когда еще прибудет. А план уже спустили. Дошло? Не-а? Да что тут непонятного? Этот «материал» бегает по нашим улицам в неограниченном количестве. Бери тулку и устраивай себе великий отстрел собак.

С некоторой брезгливостью дед Наум высвободился от Васькиного захвата.

— Ты это брось! Не на танцах-гулянцах, паря.

— Э-э, выходит, слаб ты на кишку, сержант Гольдин, Наум Давидович.

— Я бывало на медведя ходил.

— А кто у нас не ходил на хозяина? Поговори, так каждый, оказывается, ходил. Включая и безногого Силыча.

— Да ведь это... ноги свои он потом захоронил. Под Берлином. А медведя мы с ним...

— Ладно, отец. Медведя... Чего же ты тогда собак испугался? Блохастые твари, заразу разносят, гигиену нам разрушают. Пристрелить их — это чистый навар для общества.— Васька обернулся к соседу по столу.— Правильно, а? Петро!

— Сто процентов,— отозвался Петр. И тут же, залив свои «сто процентов» горячительным градусом, добавил: — Но не на его двор твои уговоры. Руки у него трясутся.

— Это ты брось! — возмутился дед Наум.— Я на фронте, когда затишье, в снайперы перебирался из максимистов.

— Вот и покажи нам, отец,— горячо сказал Васька,— сержанта Гольдина. Любо посмотреть на него в справном состоянии. А дедом Наумом потчуй посля, за белой-разливной, картошкой в мундире и малосольной кондевкой.

У Наума Давидовича подсластилось под сердцем. Он себе летуче понравился: этакий живинький, бравонький, легкий на подъем. Встал над столом, уронив вилку с фаянсовой тарелки на пол.

— Ну как?

— Огурчик!

Солнце стлалось у самого горизонта. Полыхающее, высвечивало дальние пятистенники.

Они завернули к Ваське, за ружьями. И направились к стародавней помойной яме, облюбованной бродячими собаками. Как мнилось деду Науму, и собаки должны были воспользоваться выгодой от повсеместного пиршества. Однако не домыслил: отбросов сегодня куда больше, чем обычно. Вот бездомное племя и не растеклось по задворкам, а стягивалось сюда, к мусорной куче, на дурманные запахи.

Васька торкнул деда Наума локтем в бок.

— Сколь ходового материала, а?

Дед Наум, ощущая сосущую пустоту под ребрами, взвел курки. Взгляд его остановился на каком-то чахоточном кобеле.

Но Васька удержал дедовы стволы крепкой рукой кожемяки.

— Ты на шкуру глаза разувай. На шкуру. А у этой твоей псины — шкуры, как от козла молока. Вон, погляди, правее. Ценная шкура пасется.

— Сучку нельзя! — мотнул головой дед Наум.— Рядом с ней — ишь ты! — сосунки балуют.

— Ты это брось, отец. Сосунков жалеть, доху не кроить.

— Сучку нельзя!

— Э-э, дед Наум,— с сожалением протянул Васька.— Выдохнулся из тебя сержант Гольдин. Слеза в глазу, слюна во рту, в душе маразм да трусость.

— Не шали! Я тебе не мальцы-гулянцы, окстись, пакостник...

Дед Наум вновь поднял двустволку. Притер ее к плечу. Охватил прыгающим пальцем спусковой крючок. Повел ружьем вдоль добротной шкуры, вывел к вопросительно повернутой к нему мордашке. Выцелил зрачок. Но этот зрачок, живой, с материнской теплынью, затянутый мутной поволокой, как бы наплывал, разрастался в озеро, полное добра и света. И мушка отказалась служить, запрыгала, точно контузия, искалечившая его, затронула и ее тоже. Неприятная оморочь окутала его мелким ознобом, предрекая нечто уже знакомое, и оттого страшное. Что? Дед Наум не успел осмыслить это «что», как гуттаперчевые пробки, исчезнувшие из ушей, снова заполняют их, пресекают потявканье щенков и злое урчание облезлого кобеля. Последнее, что он услышал, это:

— В Ташкенте ты воевал, дед Наум, а не...

Выстрела он не услышал. Но увидел, как пламя вырвалось из Васькиного ружья, и мохнатая тунгусска дернула головой, вываливая из расколотого черепа серых мозговых червей вперемежку с кровью.

— Не балуй! — вскричал дед Наум, не слыша собственного голоса.

Тулка, выбитая из рук Васьки старым солдатом, воткнулась стволами в помойную яму. Васька шагнул было к ружью, но, растеряв в резком движении всю свою хмельную отвагу, нерешительно оглянулся. На него угрюмо смотрел сдвоенный зрачок «бельгийки». Дед Наум, бывший сержант Гольдин готов был стрелять.

...В День Победы, в день собственного рожденья, когда весь Киренск в этот вечерний час хороводил в пиршеском раздолье, дед Наум сидел дома один, присло-

няясь к жесткой подушке. Наушники, подвешенные над изголовьем кровати, были для него немы. Хриплому голосу московского диктора не удавалось пробить пробку глухоты.

Дед Наум вновь пристегнул к изжеванному пиджачку, защитного, по его мнению, цвета свои награды и, поднявшись с одеяла верблюжьей шерсти, медленно пошел к двери, так и не услышав желанного перезвона медалей. Пошел на улицу, туда, где в зарождающихся сумерках дожидались его осиротевшие щенки.

А вдогонку, когда он захлопывал за собой дверь, пулеметными строчками ударило из наушников:

«Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папиросы».

Но эти пулеметные строчки были выпущены уже после боя, просто ради того, чтобы салютовать победе. И они прошли мимо деда Наума, бывшего сержанта Гольдина, пулеметчика-максимиста.

Евгений Скоблов
(г. Москва)

МАРШ В МЕТРО

Наш постоянный автор.

Снова метро. Я люблю перемещаться по столице в подземке. Мои приятели — автомобилисты посмеиваются надо мной, дескать, насколько могли бы расшириться границы моей личной свободы, управляй я автомобилем... по широким проспектам Москвы. Но я непреклонен. Дело даже не в бесконечных пробках и времени, потраченном в них, других автомобильных «заморочках», связанных с парковкой, штрафами и прочей ерундой, а в том, что когда уже много за пятьдесят, садиться за руль, тем самым перестраивая свою жизнь под новые колеса, на мой взгляд, просто неразумно.

Мне нравится отдыхать в пути, а точнее, активно отдыхать, будь то автобус, купе вагона поезда дальнего следования или вагон метро. Активно, значит, заниматься чем-то, на что не хватает времени дома: читать, например, смотреть фильмы с экрана гаджета, может быть даже, делать заметки в творческий блокнот. Однажды я сделал наброски целой главы для детской повести в жанре фэнтези за несколько поездок в метро. В моей «путевой» сумке всегда имеется очередная интересная книга, которую всегда хотел прочитать, да все никак не получалось...

Сегодня я без труда отыскал свободное место в достаточно заполненном вагоне и, хотя ехать недалеко (от «Пролетарской» до «Баррикадной»), уселся поудобнее, достал книжку и очки. Когда читаешь в метро, до нужной станции добираешься гораздо быстрее. Проверено! И сейчас, читая старую советскую фантастику, я словно возвращаюсь в далекие шестидесятые прошлого века... из светлого будущего, а именно: из декабря 2019 года. И знаете что? Это — прекрасно! Произведения той эпохи, в основе своей гуманистические и заряженные энтузиазмом и позитивом, привлекают, притягивают, заставляют думать и мечтать. Искусственный интеллект, каким его представляли в середине прошлого века... обмен разумом, полеты в другие галактики, гипнотические сны, переносящие в разные пространственно-временные измерения...

Стоп. Что-то меня отвлекает. Нет, не отвлекает, а раздражает. Прокрадывается, заползает в мое сознание через слух. Нечто такое, что мне неприятно и что отвергает все мое существо. Я поднимаю глаза от книги и вижу напротив меня улыбчивого парня, впрочем, уже и не парня, а молодого мужчину, одетого, как парень. Одежда модная, но слегка поношенная (может быть, из секонд-хенда), как и его рюкзак, который он зажал между коленками. Капюшон куртки, который он, очевидно, носит постоянно, сейчас откинут, густая светлая челка накрывает лоб, достигая бровей. Взгляд светло-серых глаз сначала блуждает по пространству вокруг и, наконец, замирает на мне. В руках он держит смартфон, из динамика которого достаточно громко, так, что слышно мне через проход, несмотря на гул движущегося поезда, звучит музыка. Это хорошо известная у нас, а еще лучше — в Германии, строевая песенка, начинающаяся со слов: «Вен ди зольдатен дурш ди штадт марширен...», которая исполнялась под оркестр в составе воинских подразделений... в том числе и СС.

Я вдруг понимаю, что оставшиеся четыре перегона до «Баррикадной» я читать уже не буду.

Парень-мужчина, глядя в мою сторону, продолжает нахально ухмыляться. Он

понял, что «достал» меня, и мы с ним на одной волне, хотя и по разные стороны. Собственно, этого результата он и ожидал. Видимо, я ему сразу чем-то не понравился, и этот цирк он устраивает специально для меня. Я мельком оглядываю пассажиров рядом — никакой реакции. Кажется, что никто ничего не замечает, хотя я не сомневаюсь, что музыка очень хорошо слышна в радиусе нескольких метров как минимум. Людей немало, но никто не смотрит в сторону человека, слушающего — специально не в наушниках, а через динамик — фашистские марши в московском метро.

Между тем, он включил следующий трек — раздается очередной марш, очень популярный в Третьем рейхе «Lore, Lore, Lore...». По всему, у него целая подборка, а может быть, и ВСЯ память телефона заполнена этой и подобной хренью... типа речи фюрера на каком-нибудь нацистском «Съезде Великой Германии»...

Я чувствую, как что-то внутри меня зашевелилось и медленно поползло из области сердца все выше и выше. И вот оно уже в голове. Потом снова в сердце. Поскольку из глубин памяти всплывают кадры из документального фильма Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». Впервые я посмотрел его по телевизору, будучи еще подростком, года через два после выхода на экраны. А потом еще и еще раз, когда появлялась такая возможность. В новом времени я его относительно недавно пересмотрел в интернете... 1933 год, нацисты приходят к власти в Германии... Фюрер принимает парад... Сожженные в печах концлагерей... документальные свидетельства зверств фашистов, архивные фотодокументы... Уничтожение миллионов людей... бомбардировки... пожарища... Нюрнбергский процесс... колонна пленных немцев на улицах Москвы, за которыми следуют поливальные машины и... вот эти марши...

Этот подонок, а теперь — отныне и навсегда — я его считаю только таковым, не дослушав до конца, включает следующий марш истинных арийцев, как мне показалось, сделав звук чуточку громче. Интересно, он собирается заниматься этой демонстрацией (лично для меня, в этом сомнений нет) до тех пор, пока я, опустив плечи, не выйду на своей станции? Сам он, судя по всему, скоро выходить не собирается.

«Станция "Китай-город". Платформа справа»,— раздается из динамика. Народ выходит и заходит, но никто не обращает на нас внимания. «Нас» — это потому, что и он, и я понимаем, в чем проблема этой незапланированной совместной поездки. И мы продолжаем упорно смотреть друг другу в глаза, только он при этом улыбается, а я нет.

Потому что теперь мне вспомнился художественный фильм 1976 года «Горячий снег» по роману Юрия Бондарева. Как раз тот эпизод, где командир батареи лейтенант Дроздовский, которого играет Николай Еременко, отдает приказ красноармейцу Сергуненкову (его роль исполняет Александр Кавалеров) «уничтожить гадину» — немецкую самоходку, пулемет которой не дает нашим бойцам поднять головы из окопа. И Сергуненков, обреченно взяв противотанковые гранаты, обращается к своему товарищу-ездовому напоследок: «А ты, Рубин, коней мучить будешь — на том свете найду...» Задачу он выполнить не смог, его срезает пулеметная очередь...

Тем временем со смартфона звучит очередной марш. Он знаком и мне, это «Хорст Вессель» — марш штурмовиков СА, позже ставший, по сути, вторым гимном фашистской Германии

26 июня 1941 года мой дедушка, тридцати шести лет отроду, получил в военкомате винтовку и ушел на фронт красноармейцем. Маленький тихий служащий из Конотопа, которому *«однажды прекрасным утром постучалась в окошко небольшая, казалось, война...»,* он очень пригодился там, на передовой, поскольку в совершенстве владел немецким языком. Дедушка начал свою войну в 1941-м и окончил 9 мая 1945-го, отвоевав (как я узнал из открытых архивов Министерства обороны в интернете) на Втором Украинском, Четвертом Украинском, Воронежском и Западном фронтах. Бог уберег его, и он вернулся с орденом Красной звезды и медалью «За боевые заслуги». И... он сделал еще одно главное дело своей жизни. Мои бабушка и папа, которому тогда было девять лет, как члены семьи красноармейца, воюющего в действующей армии, получили право на эвакуацию из Конотопа, который в скором времени заняли фашисты.

«Следующая станция "Пушкинская",— раздалось из динамика.— Осторожно, двери закрываются».

Мне показалось, что он сделал музыку еще громче, наверное, прочитал что-то новое в моем лице и теперь наслаждался эффектом и своей безнаказанностью. В самом деле, что ему может сделать лысеющий дядюшка — очкарик в нелепой кепке? Да ничего! А на любые слова у него, разумеется, заготовлен ответ. Поскольку он всего лишь безобидно слушает музыку, что не запрещено законом. И ему совершенно наплевать на то, что это кому-то может не понравиться. Кому не нравится, пусть не слушает. Или ездит на личной машине.

У меня, само собой, другой взгляд на ситуацию. Он сформировался еще тогда, когда я услышал первые аккорды «Wenn die Soldaten». И даже не взгляд, не мнение, а решение, которое по ходу движения трансформировалось в призыв к действию. Вот... и строки из Высоцкого вспомнились: «*...Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие, как часовые...».*

Все, пора. Если не сейчас, то никогда. Если не я, то никто. Родина-мать зовет...

Я, намеренно изображая старичка, который не без труда приподнимается со своего места (отчасти так оно и есть) встаю, снимаю очки и вместе с книжкой укладываю в сумку. Надеваю перчатки. Кажется, что все эти действия тянутся медленно, как в замедленной проекции. На деле, всего десяток-другой секунд. Поезд уже начинает замедлять движение, приближаясь к станции «Пушкинская». Я делаю один шаг, но не в сторону дверей, а прямо к человеку, который слушает сам и заставляет слушать других фашистские марши... в моем метро. В моей Москве. В моей России.

И он ничего не успевает, поскольку расслаблен, самоуверен и самодоволен. Ничего опасного он не ожидает от дедушки, который может лишь кривиться, если ему что-нибудь не нравится. А зря. Поскольку если ты, парень, делаешь кому-то вызов, заявляешь о себе, то должен быть готовым ко всему. Рядом с любителем нацистской музыки стоит юноша в наушниках, с другой стороны — дама, из уха которой тоже торчит, но беспроводной наушник, и она с кем-то ведет торопливую беспрерывную беседу.

Я резко хватаю своего оппонента за белокурую шевелюру, чуть притягиваю к себе и, что есть сил, всаживаю правое колено в его лицо. Все происходит молниеносно, пожилой мужчина, дремлющий рядом, даже не пошевелился. Удар вышел очень сильным, я попал где-то в область челюсти, и парень поплыл. Глаза закатились, помутнели, из носа закапала кровь.

Когда мне было шесть или семь лет, этому приему научил меня папа. За последние пятьдесят лет я его не применил ни разу. Но вот, пригодился... Смартфон, выпавший из его рук, валяется в проходе и молчит, очевидно, сбились настройки. Поезд уже на «Пушкинской».

— Извините, товарищи,— обращаюсь я ко всем и ни к кому конкретно,— концерт окончен.

Мой враг все еще не очухался, что-то бессвязно бормочет, размазывая по лицу кровавую слизь. На меня с изумлением глядят студент и дама, поперхнувшаяся на полуслове, но они не в силах даже пошевелиться, поскольку все произошло слишком быстро. А может быть, они испугались меня? Мало ли что...

Уже покидая вагон, предварительно совершенно случайно наступив на смартфон, я услышал за спиной женский визг:

— Позвоните машинисту! Вызовите полицию! Тут страшная драка!

Крики раздаются тогда, когда пассажирская масса, сгрудившись на перроне «Пушкинской», уже ввалилась в вагон.

Сердце бешено колотится, норовит выскочить из груди, и, хотя за мной никто не гонится, я быстренько, насколько позволяют силы, взлетаю вверх по лестнице перехода на «Тверскую». Уже около эскалатора я на всякий случай снимаю куртку, сворачивая ее подкладкой наружу, и поворачиваю кепку козырьком назад. Это на тот случай, если по горячим следам будут ловить пожилого хулигана — нарушителя общественного порядка на Московском метрополитене имени В. И. Ленина.

Сергей Москвитин
(г. Ленск, Якутия)

«ЕСЛИ Б ВЫ ЗНАЛИ, КАК ХОЧЕТСЯ ЖИВОПИСАТЬ!»

Сергей Владимирович Москвитин родился в 1967 году в городе Дальнереченске Приморского края. Окончил Казанский авиационный институт. Работал журналистом в газете «Ленский вестник». 17 лет руководил литературным объединением Ленского района «Фламинго». Член Союза журналистов, Союза писателей России. Публиковался во многих журналах, автор 25 книг. Главный редактор альманаха «Вилюйские зори», издаваемого в Мирнинском районе (Якутия).

ФОМИЧ И ВАСЬКА

Якутский мороз крепчал. Ожидающих на остановке было всего трое, это значит, автобус придет еще не скоро. Фомича охватило тоскливое чувство беззащитности перед жестким, неумолимым натиском холода. Старые вышорканные ботинки «капитулировали» первыми, превратившись в колодки для пыток. Пальто моды еще самых застойных времен продувалось насквозь. Уже в который раз за последнее время Фомич вспомнил свои теплые унты, которые утащил и пропил внук Серега.

Внук рос беспутным и вряд ли бы сумел окончить школу без дедовой помощи. Фомич, проработавший в этом учебном заведении четверть века учителем истории, русского языка и литературы, уговорил бывших коллег натянуть внуку тройки по трем предметам, которые тот прогуливал. Вся надежда была на армию, но и она не сумела вправить мозги пустившемуся вразнос оболтусу. После службы Серега окончательно сел на дедову шею. На работе внук нигде больше месяца не задерживался, расчетные деньги пропивал в компании друзей, столовался за дедов счет, а в последнее время повадился таскать из его дома вещи. И даже унты не пожалел.

Похлопывая себя по бокам и пританцовывая от холода, Фомич с надеждою глянул уже в который раз в конец улицы, не покажется ли из-за поворота огонек долгожданной «единички». К тому времени, когда заветный «пазик» вынырнул из туманной морозной мглы, на остановке у главпочтамта скопилось уже десятка полтора основательно продрогших горожан, а Фомич продрог до такой степени, что с трудом заставил закоченевшие ноги вскарабкаться в автобус. В салоне заиндевевшего от дыхания пассажиров автобуса было не так зябко, и пока «единичка» доехала до автостанции, старик слегка отогрелся. Финальный марш-бросок до дома он, конечно же, сделает бодро, по-молодецки, а уж потом отогреется чайком.

Погрузившись в морозную мглу, Фомич что есть силы припустил домой. Шагов за сто от дома услышал рядом с собой жалобный писк безнадежно замерзающего существа. «Котенок, что ли? — шевельнулась внутри сострадательная мысль.— Околеет ведь, ежели не подобрать». Не раздумывая более, Фомич сунул закоченевший комочек за пазуху и прибавил шагу.

Вот и дом! Облако морозного пара медленно и нехотя растворилось в теплом

квартирном воздухе. Фомич вытащил притихшего на груди котенка и пустил на пол. Когда рыжее существо застучало обмороженными лапками-ледышками, Фомич цокнул от удивления: надо же, как сильно ноги себе обморозил малыш! Выживет ли? Интересный какой: месяц-полтора от роду, рыженький, а глаза голубые. Кто же это его в такой мороз на улицу выставил?..

Встрепенувшись, скинув с себя верхнюю одежонку, старик бросился спасать малыша. Набрал в таз холодной воды, сунул туда кошачьи ноги. Котенок, похоже, полностью доверился человеку и не сопротивлялся. Наверное, понял, что все страшное уже позади.

Фомич жил бобылем давно, схоронив супругу. Бодрый не по годам, щуплый и абсолютно седой, он и на восьмом десятке предпочитал вести тихую, неторопливую холостяцкую жизнь вдовца. Готовил себе сам, время от времени стирал вручную заношенные до дыр майки и рубашки, наводил как мог порядок в доме. И мастерски пек блины. Взрослая дочь Марина навещала старика часто, приносила ему книги, журналы и газеты, пила чай с блинами, делилась новостями, сокрушалась по поводу беспутной жизни сына Сережи, который «никак не может порвать с плохой компанией друзей»; иной раз готовила отцу что-нибудь вкусненькое, а потом убегала обратно к себе. А Фомич снова оставался наедине со своими мыслями и думами. Его это вполне устраивало, он привык. Жизнь в одиночку позволяла старику всецело предаваться своему любимому занятию. На протяжении всей сознательной жизни Фомич писал стихи. Писал талантливо, чему, несомненно, способствовали врожденное умение образно мыслить, богатая на события жизнь, два высших образования и почти полвека работы учителем. Районные газеты публиковали его стихи охотно, республиканские удостаивали такой чести редко, а центральные не публиковали вовсе, безответно и безрезультатно поглощая многочисленные послания провинциального поэта. И все же одним единственным стихотворением Фомичу удалось проникнуть в московский альманах, вот только было это давно, еще в шестидесятые.

О том, чтобы издать собственную книжку стихов, старик начал помышлять не так давно. Лишь назревавшее 80-летие заставило Фомича крепко призадуматься, что же будет с чемоданом рукописей, столь дорогих ему, выстраданных бессонными ночами стихотворений, басен и поэм? Неужели после него эта куча исписанных, отпечатанных на видавшей виды старенькой машинке листков — итог всей его жизни — окажется где-нибудь на мусорной куче? Неужели? Спохватившись, Фомич начал лихорадочно приводить в порядок свои залежавшиеся бумаги, перетряхивать в сознании старые, еще недостаточно зрелые, на его теперешний взгляд, стишата; переписывать, перепечатывать, исправлять... Этой работой он и занимался последние несколько лет. Вчерне рукопись будущей книги уже была готова, оставалось лишь начисто перепечатать все ее страницы.

Рыжий котенок, которого Фомич с первых же дней окрестил Васькой, шел на поправку. Как это ни удивительно, Марина приняла непосредственное участие в его излечении. Побывав у ветеринара, принесла Ваське чудодейственную мазь, обработала и перебинтовала ему задние ноги. Через какое-то время Васька стал смело опираться на самую безнадежную, казалось бы, лапу. Вот только обмороженный хвост отвалился. Два-три звенышка на месте разрыва со временем затянулись кожицей, а кожица обросла шерстью. Через пару месяцев после спасения подросший и окрепший Васька начал ловить мышей и, похоже, окончательно выбросил из своей кошачьей головы приключившуюся с ним трагедию. По-хозяйски важно, вперевалочку ходил он по двухкомнатным «апартаментам» Фомича, и при этом хвост-коротыш его забавно двигался из стороны в сторону, как гузка у гуся. Кот и Фомич жили дружно, душа в душу и даже научились понимать друг друга с полуслова. Встанет, бывало, Фомич у электроплиты, прислонившись к батарее отопления, и призывно похлопает себя по бедру:

— Васька, Васька!

А Васька уже понял, ему дважды повторять не надо. Сжавшись пружиной и понимающе муркнув, прыгает к старику. Знает, что Фомич обязательно подхватит его на руки, а потом приласкает и приголубит. Васька же, пристроившись на руках у Фомича, благодарно урчит и аккуратно, щадяще запускает от удовольствия свои коготки в предплечье Фомича. В такие минуты старик и сам испытывает своеобразное наслаждение. Много в нем еще осталось неистраченной любви и нежности, потребности дарить тепло своей души. Раньше, когда он учил ребятишек, все было замечательно: дети охотно впитывали в себя флюиды его учительской доброты. Флюиды, которые за долгие годы сознание Фомича привыкло вырабатывать, тратить и восполнять. Так, наверное, привыкает организм донора производить кровяные тельца.

На заслуженном отдыхе первое время ветерану было тяжело, но он сумел перебороть в себе чувство невостребованности, увлекшись стихотворчеством.

Весна наступила для Якутии удивительно рано. Мартовское солнце подогрело на крышах снежные покровы, и они, ощетинившись частоколом сосулек, стали сползать вниз. Почернели дороги и сугробы, потяжелели шубы на плечах у ленчан. И заголосили во сто глоток по ночам мартовские коты.

Зов природы пробудил в Ваське доселе неизвестные ему инстинкты. И если раньше он робко и ненадолго решался покидать теплый и уютный мирок Фомича, то сейчас стал проситься во двор регулярно. Его исследовательские отлучки становились все продолжительнее, и вот однажды он не пришел ночевать. Перед тем как лечь спать, Фомич раза три звал кота с крыльца, выкрикивая в темноту двора призывные «Васька, Васька!» и «кыс-кыс-кыс!». Зато утром гулена, продрогший и осунувшийся, уже ждал Фомича на крылечке.

— А-а-а, вернулся, бесхвостый,— несказанно обрадовался Ваське Фомич,— ну входи, входи.

Сразу же с порога Васька запросил есть и с превеликим удовольствием впился зубами в огромный кусок минтая, который не пожалел для него Фомич.

Насытившись, Васька блаженно растянулся на кресле и выключился из этого мира чуть ли не на весь день. А на ночь глядя снова ушел гулять. Отныне он редкий раз оставался ночевать дома. Чем теплее становилась погода, тем большую часть суток кот проводил во дворе. Вскоре Фомич выяснил причину его похождений. Это была огромная, раза в два больше самого Васьки, пушистая черно-белая кошка. Фомич удивился ее необычному окрасу. Черные и белые шерстинки на ее теле располагались не пятнами, как обычно, а вперемешку, примерно так, как выглядят соль и перец, когда их перемешают для строганины.

Кошка важно и кокетливо шла по узенькой дорожке торца заборных досок, а Васька покорно сопровождал ее сзади. Казалось, что он, бесхвостый, без ума от большого пушистого хвоста своей подруги и готов последовать за ней хоть на край света, лишь бы его королева позволила ему, бесхвостому, это делать. Залюбовавшись парочкой, Фомич, однако, спохватился:

— Васька, пойдем, я тебя покормлю!

Голодный Васька в ответ понимающе муркнул, но подруга его, оглянувшись, властно мяукнула жениху:

— Не с-мяу-у-у-ть!

И Васька покорился. Лишь много позднее, вволюшку нагулявшись со своей красавицей, он пристроился перед кухонным окном Фомича, которое выглядывало на проезжую часть, и жалобно заканючил, чтобы хозяин пустил его в дом и накормил.

Апрель пролетел стремительно. Сугробы осели, растеклись лужами по обочинам дорог. По ночам еще примораживало, и стремительно проносящиеся мимо дома Фомича автомобили звонко хрустели корочками льда на лужах. В последний апрельский денек Фомич встал поздно, ибо перед тем как лечь, по обыкновению засиделся

за своими стихами, а ночью ему долго не давала покоя бессонница. Внук Серега вчера заявился пьяный, ударил и обматерил кота. Его задевало, что дед дарит свою любовь не ему, родному внуку, а какому-то подобранному коту. Обиженный Васька пулей вылетел во двор и больше не появлялся.

Фомич прошлепал на кухню, к умывальнику, поставил на плитку чайник, раздвинул занавески окна. Утро выдалось хмурое. Два пятна на обочине дороги привлекли его внимание. Это было какое-то знакомое цветовое сочетание: бледная рыжина и соль с перцем. Недвижимо вытянулся перпендикулярно дороге, распластавшись на комковатой, промерзшей за ночь земле, Васька, а в метре от него в такой же позе, на боку, вытянув лапы, его пушистая подруга.

— Что это, почему спят так близко к дороге? — екнуло сердце у Фомича и как-то неприятно вдруг опустилось, похолодело все внутри, когда он сообразил: да их же машиной сбило!

Напялив кое-как второпях куртку и ботинки, старик выбежал наружу. Он отказывался верить в догадку, но безжалостная действительность подтвердила ее. Шерсть окоченевших трупов «поседела» местами от холодного инея. Ошибки быть не могло, это его любимец Васька, ведь у распластавшегося на обочине кошачьего трупа тоже нет хвоста. Это его Васька, это его Бесхвостый, это его ставший уже родным и близким кот, а рядом — его подруга!

Мимо безразлично проносились один за другим бесконечные автомобили-преступники...

Всхлипнув, Фомич подобрал с мерзлой обочины оба застывших тельца и пошел во двор. Он оцепенел от горя и соображал мучительно медленно. Где-то здесь, за дверью, была штыковая лопата. Копать сейчас, конечно же, будет трудно, но он как-нибудь справится. Взяв лопату, Фомич, тяжело ступая, заковылял в дальний угол двора. Слез, сбегавших затейливыми дорожками по его морщинистым щекам, он не чувствовал.

Николай Макаров
(г. Тула)

ИГРЫ XXII ОЛИМПИАДЫ

40 лет назад,19.07.1980 — 03.08.1980, в Москве проходили Летние Олимпийские игры 1980 года (официальное название — Игры XXII Олимпиады).

Это — первые в истории Олимпийские игры на территории Восточной Европы, а также первые Олимпийские игры, проведенные в социалистической стране.

Часть соревнований Олимпиады-1980 проводилась в других городах Советского Союза, а именно: парусная регата стартовала в Таллине; предварительные игры и четвертьфиналы футбольного турнира состоялись в Киеве, Ленинграде и Минске; соревнования по пулевой стрельбе прошли на стрельбище «Динамо» в подмосковных Мытищах.

Игры также известны тем, что более 60 стран бойкотировали Олимпиаду в связи с вводом в 1979 году советских войск в Афганистан. Некоторые спортсмены из стран, бойкотировавших Игры, все же приехали в Москву и выступали под олимпийским флагом. Предыдущим был бойкот 29 африканскими странами Олимпиады-76 в Монреале, а следующим стал бойкот Советским Союзом и еще 13 странами летних Олимпийских игр в Лос-Анджелесе в 1984 году.

Мне тоже пришлось — нет, конечно же, не участвовать в этих Играх,— а быть непосредственным свидетелем эстафеты Олимпийского огня по территории Московской области.

Участники Эстафеты — элита советского спорта (не ниже кандидаты в мастера спорта СССР) — пробегали свой этап в один километр (плюс-минус) не понарошку, а в полную силу. Не то, что накануне Зимней Сочинской Олимпиады: будь чинушей разного разлива или плати бабло, и протелепайся с факелом десяток метров.

16 июля 1980 года эстафета Олимпийского огня прибыла в Тулу.

17 июля 1980 года эстафета Олимпийского огня прибыла в Подольск Московской области.

18 июля 1980 года эстафета Олимпийского огня финишировала в Москве.

...Начало июля 1980 года.

Два раза большая часть личного состав 51-го гвардейского парашютно-десантного полка (в то числе и врач 1-го батальона гвардии капитан медицинской службы Н. Макаров) выдвигалась в район реки Лопасня, что недалеко от города Чехова (город образован из рабочего поселка Лопасня), где на берегу оной реки по двое суток полк стоял лагерем.

Эти дважды по двое суток личный состав полка тренировался по обеспечению движения эстафеты Олимпийского огня. Первый день солдаты и офицеры стояли в оцеплении по обе стороны старой Московской дороги от Серпухова до Подольска

(70 километров); во второй день — по обе стороны новой трассы (М2) от Подольска до МКАД (16 километров). Одним и тем же составом 70 и 16 километров — улавливаете разницу.

В таком же порядке мы стояли в оцеплении и в те торжественные дни (да, да — для нас это были настоящие торжественные моменты нашей жизни). В первый день Эстафеты (не тренировки) штаб 1-го батальона располагался аккурат около очередного километра — зоны передачи Олимпийского огня. Кавалькада машин впереди бегущей спортсменки, кавалькада сзади. На одной машине — запасной факел на случай какого непредвиденного случая: с факелом ли, со спортсменом.

К отметке передачи огня симпатичная девушка подошла шагом, подняла свой факел к поднявшему свой факел визави, новый факел зажегся, и спортсмен отправился отмерять свой километр. Организаторы Эстафеты старались чередовать этапы: этап бежит девушка, следующий — юноша; и наоборот.

Мы — офицеры штаба батальона — окружили спортсменку, все старались подержать факел, сфотографироваться с ним, получить автограф. В какой-то момент девушка (забыл, забыл ее ФИО) потеряла из виду свою догоревшую бесценную ношу и чуть ли не плача просила вернуть ей факел. С ним уже фотографировались солдаты взвода связи и взвода снабжения батальона. Мы не стали больше испытывать ее терпения, отдали факел. Тем более, ей пора было садиться в подъехавший автобус, забирающий спортсменов.

Во второй день — 16 километров — мы стояли чуть ли не плечом к плечу вперемешку с милиционерами. И зрители — не разрозненные зеваки предыдущего дня, а многочисленные группы людей обретались вплотную за нашими спинами. Поэтому во второй день обошлись без автографов, без фотографирований. Главное, чтобы не украли у спортсменов факел, оставленный им реликвией на память.

А у нас остались фотографии и воспоминания о тех незабываемых днях — днях Эстафеты Олимпийского огня 1980 года…

Людмила Попова
(г. Москва)

ЛЕНИН ВОЗВРАЩАЕТСЯ
(Отрывок из книги)

Людмила Александровна Попова – член Академии российской литературы, член Союза российских писателей, член редколлегии международного журнала «Новые Витражи». Работает переводчиком в Главном управлении по работе с иностранными дипломатами при МИД России. Автор ряда книг. Регулярно печатает свои произведения, а также переводы произведений современных французских писателей в журнале «Новые Витражи». Дипломант международного конкурса «Созвездие духовности» 2017 и 2019 годов.

Люди — порочные существа. Есть старинная восточная легенда про мудрого правителя, который на спор доказал своему визирю, что все его подданные — обманщики и пройдохи. Знаете эту легенду?

— Нет. Расскажите!

— Правитель одной восточной страны поспорил с визирем, доказывая, что люди коварны и не достойны доверия. Визирь, напротив, был уверен, что люди в основе своей добры и отзывчивы. Тогда правитель приказал гражданам до утра наполнить городской фонтан молоком. При этом распорядился, чтобы ночью незаметно для окружающих дно фонтана покрыли белыми простынями. Наутро правитель с визирем отправились к фонтану и увидели, что он наполнен водой. Очень немногие жители принесли молоко, остальные решили: «Пусть все несут молоко, а я вылью в него воду. Никто ничего не заметит...».

— Вот что я вам отвечу на это, молодой человек,— усмехнулся старик.— Сам этот мудрый правитель приучил своих подданных ко лжи и обману. Разве не он постоянно грабил их? Разве не он купался в непристойной роскоши, растлевающей душу, в то время как трудовой народ прозябал в нищете?! Представляю роскошный дворец восточного правителя и убогие жилища его подданных! И зачем, скажите, наполнять фонтан молоком? Глупая трата добра, которое дорого стоит для бедняков. Так что, в итоге, народ поступил мудро. Я одобряю такой поступок.

Старик помолчал, а потом неожиданно спросил:

— Вы верите в реинкарнацию?

— В реинкарнацию? — Молодой человек отпил глоток вина, прежде чем ответить.

— Кажется, вы мне уже задавали этот вопрос... Ну, допустим...

— Так вот, я — реинкарнация Владимира Ленина...

— Я считал вас потомком Ульяновых...

Старик испытующе посмотрел в лицо собеседника. В его глазах мерцал странный свет, а может просто отражался огонь камина.

— Нет, дорогой друг! В меня вселилась душа этого гения. Это ведь больше, чем просто потомок, не так ли?!

«Или он захмелел, или я имею дело с безумцем»,— невольно подумал Макс.

— Вы, конечно, спросите доказательства. Пожалуйста! Я боготворю свою жену, но в семейной жизни случается всякое. Однажды мы сильно повздорили из-за какого-то пустяка. Я вышел из дому и пошел, сам не зная куда, размышляя, что семейное благополучие, достаток и дети – это еще не самое главное в жизни. А что тогда главное? Работа? Но она тоже для того, чтобы обеспечить семью. Неужели мы существуем только для того, чтобы сытно поесть, добротно одеться и обзавестись детьми? Я бесцельно шел наугад, завернул в переулок, увидел книжный магазин. Переступил порог, опять же бесцельно, просто так. И вдруг продавщица улыбнулась мне и сказала:

— Ну, наконец-то! Мы вас заждались. Вот ваши книги!

И указала на аккуратно расставленные на полке томики в строгих бордовых обложках, похожие друг на друга, как монахи буддийского монастыря. Взяла один из них и протянула мне со словами:

— Ведь вы за ними пришли?

Обложку украшал круглый медальон с выпуклым профилем лысоватого человека с бородкой клинышком, над медальоном золотыми буквами было напечатано: ЛЕНИН.

Открыв книгу, я прочитал: В. И. Ленин, сочинения, издание четвертое, 1953 г., том 5, май 1901— февраль 1902.

— Да,— ответил я неожиданно для самого себя,— мне нужны эти книги!

Продавщица назвала цену, и, представьте себе, я нашел в кармане ровно столько, сколько следовало заплатить! Но и это еще не самое удивительное...

Старик замолчал. Помешал поленья кочережкой, от чего золотым фейерверком взлетел сноп искр.

— Самое удивительное ждало меня впереди. Когда я привез книги домой и расставил на полках все 36 томов, мне не терпелось узнать, что там внутри? Вытащил наугад томик, полистал, начал читать статью и вдруг почувствовал, что я ее уже знаю! То есть, прочитав первые страницы, знал, что будет в конце. Меня поглотила эта интересная игра: угадай-ка! Увлекшись, я надолго задержался с книгами, и заглянувшей ко мне жене рассказал, что со мной произошло. Она ответила насмешливо: «Я всегда подозревала, что ты – ненормальный, теперь у меня не осталось и тени сомнения». Старик рассмеялся и продолжал:

— Досконально изучив все 36 томов, я понял ошибки ленинской идеологии, из-за которых его затея провалилась... Самая главная из них знаете какая?

— Нет,— осторожно ответил Макс, пригубив бокал и ломая голову над тем, стоило ли добавлять вина собеседнику? Не вредит ли алкоголь его здоровью? Не бредит ли он?

При этом он вглядывался в черты старика, пытаясь найти сходство с Лениным, образ которого ему был знаком по фото и картинкам. Совершенно ничего общего. Вместо лысины густая щетка седых волос, нос с горбинкой, ярко синие глаза... И ростом выше среднего, а Ленин был, как известно, невысок. Скорее всего, важно не внешнее сходство, а духовное... И вообще, что он, Макс, знает о мире? Вот это было бы действительно безумством — вообразить, что знаешь все. Даже великие ученые остерегаются делать подобные заявления...

Старик между тем продолжал философствовать.

— Человеческая масса подобна потоку воды, которым можно манипулировать, управлять. Самый простой пример: покажите людям дерево и скажите, что оно священно, и к нему потянутся для поклонения. Объявите некоторое время спустя, что это дерево ядовито и опасно, и его срубят под корень и сожгут. Никто не отяготит себя вопросом: как же так?! Так вот,— он многозначительно поднял вверх указательный палец правой руки,— так вот, слушайте меня внимательно!

— Да, да,— поспешно выдохнул Макс, освобождаясь от своих мыслей.

— Главная ошибка Ленина была в том, что он недооценил человеческую психологию. Он полагал, что обеспеченные всем необходимым и хорошо образованные граждане будут старательно трудиться на общее благо. Ничего подобного! Слышите меня? – Ничего подобного! Люди ленивы по своей натуре и не любят трудиться.

— Вы исключаете трудоголиков и талантов?

— С первых дней существования советская власть стала преследовать и уничтожать самых предприимчивых и трудолюбивых крестьян. Колхозы себя не оправдали. Еще Столыпин заметил, что фермеры производят больше и лучше, чем коллективные хозяйства. Сам же Ленин неоднократно отмечал, что русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями. Причиной тому, по его мнению, были царский режим и остатки крепостного права. «Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме», писал Ленин в своей статье «Очередные задачи советской власти». Для этого в СССР организовывались соревнования и прославлялись передовики. Но тех, кто действительно умел хорошо работать и мог этому научить других, убрали. Вторая ошибка: в Советском Союзе трудоголики уравнивались зарплатой с общей массой. Таланты, конечно, поощрялись, поэтому расцвело множество блистательных деятелей культуры и науки. Но это были единицы. А вся советская неконкурентная промышленность из года в год выпускала одни и те же однообразные товары, которые по качеству и эстетике все больше отставали от аналогов, изготовленных в развитых капиталистических странах.

Отсутствие конкуренции — тормоз в экономике. Рекламируемые в СССР соревнования и состязания передовиков со временем превратились в фарс, где «победителей» назначали или вытаскивали за уши. Такие соревнования никого не вдохновляли. Чтобы обеспечить прогресс, нужна или беспощадная конкуренция, как при диком капитализме, или строгий порядок, как при Иосифе Сталине. Капиталистические страны, где маховик конкуренции заставляет максимально выкладывать силы и умение, делают колоссальные успехи. Самая продвинутая капстрана сегодня — США, там новая система порабощения в виде кредитов. Человек может купить в кредит буквально все: землю, дом, машины... Никто не заставляет его, как прежде, трудиться по тринадцать часов в сутки, он сам лишает себя отдыха и сна, чтобы расплатиться за кредиты. Вот в чем секрет неукротимого прогресса капиталистического строя. Так может, капитализм — это лучший государственный строй, ведь он двигатель прогресса? Нет, капиталистическое общество нездорово: в нем небольшая кучка собственников присваивает чудовищные богатства, а трудящиеся, которые создают эти богатства, страдают от нищеты, бесправия и унижения. В то время как производство товаров растет и развивается, баснословно богатеет небольшая группа узурпаторов, а миллионы трудящихся обречены на бедность. Такова ущербная суть капиталистического строя, его неизлечимая хроническая болезнь, подобная злокачественной опухоли, требующая серьезного лечения. Об этом много написано великими мыслителями. Почитайте хотя бы роман Анатоля Франса «Остров пингвинов», одного из таких мыслителей, он не только историю человеческого общества отобразил, но и прозорливо предсказал наше будущее. Поразительно, но даже теракты предугадал! Этому роману нет равных по глубине содержания и изяществу стиля...

Но вернемся к Ленину. Он стремился создать общество, где каждому человеку гарантированы условия для нормальной жизни: работа, отдых, просвещение, культура, забота на случай болезни и старости. Скажите, что в этом плохого? Я уже говорил, что люди очень внушаемы, их, как потоки воды, можно направить в любое русло. Сейчас действует мощнейшая система обработки человеческого сознания, на помощь радио и телевидению пришел интернет, всемирная паутина, в которой человека цепко держат, как муху. С малых лет люди барахтаются в этой пагубной среде. Но пусть сегодня все СМИ успешно внушают, что Ленин — зло, настанет час, когда лю-

ди поймут обман, и с новым энтузиазмом примутся за строительство справедливого общества, поверьте мне! И никто не сможет им помешать! Общество всеобщего благоденствия — это неизбежное будущее человечества на земле!

— И что, опять революция? Ведь миллиардеры не отдадут добровольно свои богатства и власть. Не нарушится ли равновесие в мире, созданное свыше? Я читал о строгом порядке и распределении обязанностей у пчел, муравьев, если его уничтожить, все погибнут...

— А сейчас люди, по-вашему, не погибают? В Латинской Америке, Азии и Африке десятки и сотни тысяч людей ежедневно гибнут от невыносимых условий жизни. Гибнут дети, едва появившиеся на свет. Экологи заботятся о растениях, животных и насекомых, открывают красные книги. Но кто заботится о вымирающих людях, кто призывает не уничтожать их уникальные особенности и культуру?! Если вдуматься, поражаешься чудовищности этого мира: защищать какую-то букашку и закрывать глаза на уничтожение нации, страны. Об этом не положено говорить в «приличном обществе». За последние годы несколько стран подверглись агрессии и превращены в руины. Там орудуют бандиты, процветает работорговля: Ливия, Ирак, Афганистан... Будьте так добры, подайте мне вон ту зеленую книжечку, лежащую поверх газет на журнальном столике! Спасибо. Это роман «Римские призраки» моего большого друга Луиджи Малерба. Позвольте, я вам кое-что зачитаю: «Когда заболели солдаты, которые контактировали с боеприпасами, содержащими обедненный уран, американцы с безнаказанной наглостью заявили, что Ирак тоже пользовался таким оружием... Еще им пришлось сквозь зубы признать, что они сбрасывали в Фалуйя бомбы, начиненные белым фосфором, и то после получения свидетельств от морских пехотинцев и показа по телевидению обугленных тел».

Совсем недавно Украина была культурной и сильной страной, а что там сейчас?! На кону стоит судьба России...

— Откровенно говоря, мне жаль, что Советский Союз, созданный Лениным, разрушен,— вздохнул Макс.— Удивляет, что новое поколение в России хулит все советское, ведь были же достижения, которые следовало сохранить: превосходное образование, воспитание в духе гуманизма, доступное для всех здравоохранение...

— Ах, молодой человек, что видело, что претерпело это новое поколение, чтобы судить о жизни?! Сильные мира сего оболванивают своих бедных собратьев. Пусть почитают хотя бы роман американского писателя Джона Апдайка «Кролик, беги», где реально описывается жизнь простых американцев, которых никогда не увидишь на экране, ибо их жизнь далека от идеала. Нам неустанно демонстрируют жизнь банкиров, мафиози, обитателей Уолл стрит и обслуживающий их шоу-бизнес. Но так живут не все американцы. Послушайте еще одну цитату из «Римских призраков» Л. Малербы. – Старик полистал книжку, нашел нужную закладку и прочитал: — Бертольт Брехт утверждал, что больше вины лежит на тех, кто открывает банки, чем на тех, кто их грабит с оружием в руках. ...Поймите, что банк — это не мирные институты, как думаете вы, нет, это центры криминальной спекуляции, отмывания денег, махинаций во вред вкладчикам.

Вы правильно заметили о воспитании в духе гуманизма. Социалистическая идеология, подобно ювелиру, обтачивала души людей, превращая их в драгоценности. Советские люди защищали свободу и счастье каждого человека на Земле. В любом уголке земного шара это чувствовали и понимали. Благодаря поддержке Советского Союза жители колониальной Африки обрели свободу и независимость, чернокожий африканец Нельсон Мандела вышел из тюрьмы и стал президентом своей страны. Советский Союз постоянно, как маяк в океане, и в шторм, и в бурю указывал верный путь к свободе и независимости. С исчезновением СССР настали мрачные времена... Но нельзя терять надежду, нужно ежедневно сеять здоровые зерна, чтобы получить добрые всходы. Я верю в неизбежность светлого будущего. Об этом говорили на

протяжении веков все лучшие умы человечества. Люблю роман В.Гюго «Отверженные». Высоко ценю этого писателя и вообще французскую литературу за гуманизм. Помните, что преобразило жизнь беглого каторжника Жана Вальжана? — Серебряные подсвечники, бескорыстно переданные ему в подарок. Не читали? Кто не читал Виктора Гюго — много потерял.

— Спасибо, прочитаю непременно. У меня, конечно, не такой жизненный опыт, как у вас. Мое мнение: справедливое общество — это мечта неудачников, которая никогда не осуществится. Пока человек беден, он стремится к справедливости и равенству. Но стоит ему разбогатеть, так он своих собратьев и людьми—то больше не считает! А этот лозунг: «от каждого по способностям, каждому по потребностям», по моему, ничто иное, как поощрение иждивенчества. Более корректно звучало бы: «от каждого по способностям, каждому по труду». Так справедливей... Очень любопытно встретиться с российскими литераторами, послушать, что они думают о сегодняшнем мире. Когда они должны появиться?

— На следующей неделе. Я и сам их жду с большим нетерпением. Вот и узнаем, чему они служат: духу или плоти.— Старик вздохнул: — У меня невеселые предчувствия...

— Предчувствия не всегда сбываются. Может оказаться, что это интересные и симпатичные личности,— попытался его успокоить Макс.

Аркадий МАР
(г. Нью-Йорк, США)

ДЕНЬ БЕГА

Наш постоянный автор, главный редактор газеты «Русскоязычная Америка NY».

Я отложил газету «Советский спорт» и спросил:

— Будешь пить чай?

Дочь на секунду оторвалась от своего альбома, где что-то раскрашивала фломастерами, и мгновенно предложила:

— Пап, давай откроем болгарский конфитюр?

— Ладно,— согласился я.— Только, по-моему, мы с тобой употребляем слишком много сладкого. От этого зубы портятся.

— Правда? — насторожилась Наташка.— А за год, например, сколько зубов может испортиться?

— Не знаю,— растерялся я.— Наверное, один.

— Тогда нечего бояться! Моих зубов на целых тридцать два года хватит.. А с зубом мудрости – на тридцать три.

Я не стал спорить, набрал в чайник воды, поставил на газовую комфорку и открыл банку с конфитюром.

— Что нового в детсаду? — поинтересовался я.

Наташка вздохнула.

— Скукотища одна... Лучше расскажи про свою работу.

— Нашей архитектурной мастерской заказали проект нового стадиона,— похвастался я.— Представляешь, на сорок тысяч мест!

— А зачем нужен такой большой стадион?

— Как зачем! Знаешь сколько людей посещают футбольные матчи, легкоатлетические соревнования, занимаются в спортивных секциях. Да, кстати! В нашей мастерской вывесили объявление. Завтра, оказывается, проводится День бега... А вот и вода закипела. Неси чашки.

Пока дочь доставала из серванта любимые сервизные чашки, я заварил чай.

Наташка осторожно налила чай в блюдце, подула и, смешно втягивая щеки, отхлебнула глоток.

— И что это за День бега? — поинтересовалась она.

— Не знаю,— честно признался я.— В объявлении написано: кто хочет участвовать, просим придти в парк культуры и захватить с собой спортивную форму.

— Вообще-то я больше люблю плавать и нырять,— сказала Наташка.— Навылет, в глубину и спиной вперед!

— И где это ты так научилась? — подозрительно спросил я.

— Разве не знаешь? Возле 45-го дома уже целый месяц как бассейн построили.

— Так поэтому вечером я тебя никогда не могу домой дозваться. Ты понимашь, что можешь утонуть!

— Скажешь тоже. Маленькая я, что ли?

— Все равно! Обещай, что больше туда ходить не станешь. Даешь слово?

— Хорошо, хорошо, даю... Ой, что-то мне больше конфитюра не хочется. И во рту почему-то сладко стало!

— Это пройдет,— успокоил я дочь и поинтересовался,— что ты сейчас делать будешь?

— Наверное рисунок дорисовывать. А ты?

— Смотреть футбол,— и я, включив телевизор, удобно устроился на диване.

«Матч сегодня явно не удался. И московские армейцы, и наши гости, футболисты Азербайджана, двигаются вяло, почти не бьют по воротам. Игра, в основном, проходит в середине поля,— скучным голосом произнес комментатор.— За тридцать семь минут первого тайма практически не было создано ни одного острого момента...».

— Охота тебе смотреть такой скучный футбол,— сказала Наташка.— И потом, давно хотела спросить: те, кто занимается спортом, называются спортсменами?

— Да.

— А кто за них болеет?

— Болельщиками.

— А вот ты, папа, каждый вечер смотришь футбол, хоккей, баскетбол и один раз даже на городки телевизор не выключил. Как ты называешься?

— Я тоже болельщик и очень люблю спорт.

— Но ты им не занимаешься! По-моему, болельщиком должен быть тот, кто сам хоть чуть-чуть занимается спортом!

— Э-э,— сказал я.— Вечно у тебя в голове какие-то фантазии. Подумай сама. Утром отвожу тебя в детсад. Потом на работе весь день стою за кульманом... Нет, слушай, слушай! Из сада тебя забрать, по дороге продукты купить, ужин приготовить и хоть иногда убрать квартиру. А ты спрашиваешь, почему спортом не занимаюсь? И сердце последнее время стало пошаливать.

— Поэтому и стало, что не занимаешься!

Я пожал плечами и прибавил в телевизоре громкость.

«...Итак, прозвучал свисток об окончании первого тайма. На табло у нас по-прежнему светятся нули и хочется надеяться, что в перерыве тренеры внесут коррективы в действия команд и вторая половина пройдет более интересно...».

Изображение на мгновение мигнуло, появилась миловидная дикторша и, почему-то виновато улыбнувшись, произнесла:

— Мы продолжим трансляцию матча минут через двенадцать-пятнадцать. А сейчас предлагаем вашему вниманию документальный фильм «В верховьях Енисея».

— А пойдем завтра на этот День бегуна? — вдруг предложила Наташка.— И спортивная форма у нас есть. Хочешь твои кеды с антресолей достану?

— Хорошо,— согласился я.— Только сейчас ложись спать, уже без четверти одиннадцать.

Наташка закрыла глаза, перевернулась на живот, а я стал досматривать футбол. Второй тайм оказался таким же скучным и счет 0:0 сохранился до конца...

Утром мы отнесли белье в прачечную, потом в сберкассе заплатили за квартиру и Наташкин детсад и поэтому опоздали.

Когда мы добрались до парка культуры, День бега уже начался. Всюду были развешаны яркие транспаранты, эмблемы спортивных обществ и громко играла музыка.

— Как много людей! — удивилась Наташка.— Совсем как на Первое мая или Седьмого ноября!

Действительно, людей было очень много. Одетые в разноцветные спортивные

костюмы, они стояли плотными группами, улыбались, переговаривались между собой.

— А почему у всех номера? – поинтересовалась Наташка.

Я хотел объяснить, но не успел. Музыка стихла и чей-то, усиленный микрофоном голос произнес:

— Товарищи! До старта осталось десять минут. Если есть опоздавшие, просим заявиться и получить номера участников!

— Мы! Мы опоздавшие! — закричала Наташка и потащила меня за собой.

— Наташка,— предложил я.— Давай лучше останемся болельщиками?

Я посмотрел на ее, ставшую сразу какой-то грустной, фигурку и понял, что сегодня мне все-таки придется побегать.

Наши фамилии записали в протокол и выдали нагрудные номера.

— Итак, открываем праздник, посвященный Дню бега! — произнес микрофон тем же голосом.— Еще раз повторяю, протяженность трассы — один километр. Если кто-нибудь из участников почувствует недомогание, усталость, советуем сразу переходить на медленный бег или шаг. Помните, вы бежите километр здоровья!.. Прошу всех пройти за стартовую линию!

Высокий парень в синем спортивном костюме медленно поднял руку, нажал на курок стартового пистолета и со звуком выстрела мы бросились вперед...

Мы бежали по широким дорожкам парка мимо клумб с цветами, мимо шахматного павильона, танцплощадки, мимо застывшей на постаменте, выкрашенной почему-то зеленой краской, скульптуры девушки с веслом, мимо летней эстрады, где по воскресеньям играет духовой оркестр.

Я оглянулся.

Наташка бежала рядом, высоко выбрасывая колени и равномерно работая руками. Она тоже посмотрела на меня и спросила:

— Можешь быстрее?

Я кивнул и побежал быстрее. Сначала мы обогнали двух полных женщин в одинаковых майках с надписью «Адидас», пожилого мужчину в очках, мальчика лет тринадцати в кепке с длинным козырьком.

— Отлично! — радостно крикнула Наташка.— Папа, прибавь еще!

И я понесся изо всех сил...

Вдруг я почувствовал, что ноги стали ватными. Я ловил воздух широко раскрытым ртом, но надышаться почему-то не мог. Я остановился и совершенно без сил опустился на землю.

— Что с тобой, папочка? Ну что с тобой? — сразу подбежала ко мне дочь.

— Ничего, ничего. Сейчас пройдет.

А ко мне уже торопился врач в белом халате. Он быстро измерил пульс, фонендоскопом прослушал сердце и спросил:

— Когда последний раз занимались спортом?

Я попытался вспомнить, не смог и ответил:

— Наверное, еще в школе.

— Так я и думал. А работа у вас, конечно, сидячая?

— Скорее стоячая. Весь день черчу за кульманом.

— Что ж вы, милый мой, здоровье не бережете? Вот и вес лишний набежал. Сбросить нужно. Обязательно сбросить...

...Д-з-з-з-з, – в мой сон неожиданно ворвался какой-то резкий, дребезжащий звук, и я проснулся.

Рядом, на стуле, расставив стрелки на без десяти шесть, отчаянно заходился бу-

дильник. Я накрыл его ладонью, испуганно обернулся. Но Наташка ровно посапывала и чему-то улыбалась во сне.

Стараясь не шуметь, я прошел в ванную — под прохладным душем окончательно проснулся, достал с антресолей старые кеды, надел спортивный костюм и вышел на улицу.

Было еще совсем темно и тихо, только за парком культуры, подъезжая к переезду, подавала голос почему-то осипшая электричка.

Чтобы разогреться, я сначала проделал несколько гимнастических упражнений, а потом, стараясь глубоко и равномерно дышать, медленно побежал.

Ничуть не устав, я добежал до конца дома, повернул обратно и вдруг почувствовал, что за мой локоть ухватилась маленькая Наташкина рука.

— Пап,— спросила Наташка.— Теперь мы с тобой тоже будем спортивной семьей?

Александр Шерстюк
(г. Москва)

Наш постоянный автор.

СКАЛЫ С ОСКАЛОМ
(Из цикла «Сказы-коротышки»)

Наконец опять отпуск. Отпуск мой не в Гуляй-поле, не в Чистополе, не в Крыжополе — в Созополе!

Глянул утром с балкона гостиницы на море — лежит оно ласковое, изумрудное, шепчущее, а над ним *неба синий шелк, никогда не было так хорошо*! А вчера *море на всем побережье плясало поэму балконов*. И *смоковница терлась о ветер*. Кажется, Владимир Владимирович и Федерико Федерикович* именно здесь набирались вдохновения — где теперь пребывает Александр Александрович...

И решил Сан Саныч посмотреть свое излюбленное местечко — где он когда-то, семь лет назад, отдыхал, небольшой полуостров, мыс, сложенный из черных обкатанных морем базальтов. Место малолюдное, расположенное за нудистским пляжем, привлекательное возможностью тихого одиночества и созерцания глыбных образов, созданных природой, запечатления их в цифровой записи. Отправился в поход верхними улицами Ропотамо и Виа Понтика, проходя мимо выросших роскошных домов с бассейнами во дворах и надписями на узорчатых изгородях: «ВЛИЗАНЕТО СТРОГО ЗАБРАНЕНО. ЧАСТНА СОБСТВЕНОСТ».

Но пройти на мыс оказалось проблематичным. Прежняя дорога вдруг оказалась пересеченной железной изгородью с воротцами, застегнутыми на проволочку. За изгородью был замусоренный пустырь, дальше виднелся второй забор, тоже с калиткой и без замка и охраны. Вдали слева был виден дворец. Но дворец-то не интересовал — хотелось увидеть скалы.

Пройдя через условные преграды, отвязав проволочки, Сан Саныч пересек оба пустыря и достиг стороны, откуда через забор уже можно было, хоть издали, увидеть родные скалы, щелкнуть камерой.

И тут... раздался гром. Не гром — громоподобный лай. Обернулся Сан Саныч, а перед ним огромный псина, с полбыка. Делает угрожающие прыжки к носу, рвет землю, лай и рык слились в один сплошной лайк со знаком минус.

Сан Саныч не испугался, нет. Он прекрасно знал, что пугаться бесполезно. Надо застыть, смотреть прямо в глаза, пусть зверь поймет, что его не страшатся. Надо дать ему понять, что он никакого значения в моей жизни не имеет. Ждать, когда пес обрушится. Сразу не обрушился, значит уже не обрушится. Его задача — страшить, задача натасканная. И невыполнимая, пусть он это поймет. А если уж сдуру обрушится, есть выход — схватить тварь за язык. Сан Саныч когда-то читал, что так женщина в Мордовии притащила волка домой, и его забили кольями.

---

* Это русифицированный вариант именования. Федерико Гарсиа Лорка, согласно испанским правилам, унаследовал от отца часть его фамилии — Гарсиа, но имя отца тоже было Федерико. *(Примечание автора.)*

Но вот спешно появился хозяин. Пса малость осадил, незваному гостю что-то стал сердито выговаривать. По-болгарски. Сан Саныч ему по-русски: «Извините, я здесь раньше на скалах отдыхал, захотелось взглянуть». Бесполезно. Беспрекословный жест был направлен за пределы пустыря. Лицо каменное, ни тени улыбки.

Ни тени улыбки!.. Хотя улыбка должна быть вообще иной — ни света улыбки! Но люди все больше привыкают жить без улыбок.

Вечером Сан Санычу рассказали, что полуостров купил русский, скалы наполовину засыпал землей, чтобы участок стал шире, охранник-болгарин наемный.

И вспомнил Сан Саныч, как утром он глядел с балкона своего номера гостиницы, нависшего над морем. Берег под гостиницей скалистый, ломаный, глазу привлекательный, ногам неудобный. Зато удобный чайкам. Одна села на выступ, к ней подлетела другая, пыталась сесть рядом — была изгнана, крыльями и клювом. На скале висели таблички-кенотафы с фамилиями погибших здесь мужчин. Таблички «Частна собственост» не было.

МОЙ ГАЙДАР

С Егором Гайдаром я не был знаком, но прикоснуться довелось.

Находился я какое-то время в Звенигороде, и тут узнаю, что рядом, в селе Дунино, жил Пришвин, сейчас там дом-музей. Пришвина я уважал и решил посмотреть. Пробрался лесом в деревню, несколько км шел через сосняк, стозвонный и корабельный, разбитый на частные гектары с дворцами нуворишей, над высокими стенами с черными железными пиками виднелись только верхи достижений, шел в длинные обходы стен, и вот оно, Дунино. А там тоже не деревня, а сплошной новострой, вместо изб — коттеджи, коттеджи... Надо кого-то спросить, где музей, а некого, людей на улице ноль. Вижу, дом-дворец достраивается, он под горкой, а до него всякие другие модные детали — дорожки фигурные керамические извиваются, при въезде в эту краснокирпичную, почти монастырскую ограду домик охраны готовенький, но еще пустой, стоит, людишки шевелятся. Я — во двор, к людям: как пройти к Пришвину? Да вот, через три дома. Уф, добрался!

В музейном свайном деревянном доме побеседовал со служителями — двумя девушками, научными работниками, готовившими публикацию дневников Пришвина. Несколько томов уже вышло, кажется, 4, а всех, кажется, 18. Труд колоссальный, конспирологический. В бумагах много неразборчивых записей (они в томах так и обозначены — *нрзб*), хранилось это много лет в земле, в закопанных ящиках, такая была эпоха — надо было таить. Я попросил девушек дать мне какие-либо высказывания Пришвина о Пушкине, близилось 200-летие поэта, я готовил выпуск альманаха «Литературный Зеленоград», хотелось что-то новенькое, приуроченное засветить, проюбилеить. Девушки пообещали подготовить, потом прислали, и Пришвин о Пушкине, неопубликованное из дневников 1932—1951, подготовленное Лилией Александровной Рязановой, впервые вышло в ЛЗ-1999.

Задал я девушкам вопрос и о строящемся доме, куда во двор заходил. «Да это же дом Егора Тимуровича Гайдара!» — ответ. Бровь моя поползла к виску: «Как? Почему?» — «Да Егорушка здесь отдыхал в детстве, в пионерлагере. Видать, место понравилось, запомнилось, вот и решил».

Между прочим, было это вскоре после дефолта. Идя к Пришвину, еще по лесу, я на минутку задержался у выезда из одного из многогектарных скитов, у глубокого очистного котлована, из-за угла забора, имея опыт скрытности и неразговорчивости, спросил рабочего (он, к счастью, был здесь один), откуда он, сын трудового народа? «Из Десногорска».— «Да? Так мы ж земляки, я там на Смоленской АЭС был, там шурин мой зубы людям лечил... И что вас бросило сюда?» — «Хорошо платят, точ-

нее, платили. А в Десногорске работы нет».— «А что там во дворе происходит? Столпились люди, вроде разборка какая-то, руками машут...». Мой визави, осмотревшись по сторонам, понизив голос, доверительно, глядя в котлован: «Хозяин приехал. Нам стали платить меньше. Дефолт. Люди недовольны».— «А фамилия хозяина?» — «Сами не знаем, нам не говорят»...

Итак, с Пришвиным я познакомился, портфель его кожаный потрепанный вкусно осмотрел, а вот Гайдара не видел. Но фамилию его здесь в секрете не держали.

И вспомнился мне один документ, который я держал в своих руках и где-то в архиве храню. Собственно, документов было, и есть, два. На одном — решение профкома Института марксизма-ленинизма о выделении научному сотруднику Гайдару Е. Т. на летнее время дачи на Пахре. Второй — решение профкома о постановке Гайдара Е.Т. в очередь на автомобиль «Москвич». Попали эти бумаги ко мне случайно — после того как здание Института марксизма-ленинизма заняло Дворянское Собрание — произошла смена дворянства.

Жаль, Егорушка в новом доме прожил мало.

ВИРУС НЕЗАЛЕЖНОСТИ НЕ ЗАЛЕЖИВАЕТСЯ

Фамилию этого человека называть не буду, достаточно сказать, что она очень украинская и близкая к слову огонь. Ему 84, несколько лет назад переехал из Киева в Москву к дочери, еще шустр, внуки взрослые, самостоятельные, зять подполковник, бывший винницкий бравый парубок, много лет живет в Москве, служит российской обороне. Сам этот пожилой новообращенный москвич (или москаль?) технарь, в Киеве служил чиновником. Но пописывал. Юморески разные, типа народных басенок, несколько автобиокнижек, изданных домашне. Басенки писаны мовой, на русский лучше не переводить — без колорита украинского языка от юмора ничего не останется. Из других книжек одна, о ранней поре жизни, написана по-русски, вторая — по-украински. То есть писатель двуликий — в хорошем смысле этого слова, а чтобы меня поняли правильно — скажу, двуязычный. Один его очерк я отдал знакомому редактору литературного журнала, он напечатал, по этому случаю встретились, сидим, толкуем малость кое о чем.

И вдруг он меня спрашивает: а что, ежели (так и сказал: «ежели» — совсем не по-киевски) он напишет про Матерь Владимирскую — напечатают? История такая: эта икона, святыня России, по преданию написанная евангелистом Лукой, была подарена монастырю в Вышгороде, что под Киевом, потом князь Андрей Боголюбский перевез ее во Владимир. «Получается... что украл?..— осторожно, глядя на мою реакцию, пояснил мой собеседник.— Стоит писать? Напечатают?»

— Писать надо обо всем, что волнует,— ответил я.— Печатать тоже можно все — цензура отменена. За свой счет — в любой типографской забегаловке. Но вы хотите не за свой счет, в журнале. Редактор этого журнала, издающегося в России, давшей вам приют, вряд ли напечатает — идейка ваша дурно попахивает, а редактор все же слышал, наверное, о статье Конституции, запрещающей разжигание розни.

— Но я только процитирую исторический документ — летопись...

— Вы еще не процитировали мне летопись, а уже вынесли приговор — «украл». Этот приговор прямо сочится из вашего замысла. Но ваш замысел — не святой источник. Вы хотите плеснуть свой стаканчик бензина в полыхающее пламя вражды между нашими народами? Вы уверены, что этот русский князь, единоличный правитель в своем Вышгороде, не имел права перенести икону в другое свое княжество? Скажите, он у кого «украл»? У самого себя? Но так не бывает. Тогда ведь церковь не была отделена от государства, все находящееся под дланью князя было в его распоряжении. Сейчас вот церковь отделена, а ваш киевский политический временщик,

фамилия которого происходит то ли от слова «порох» (продукт, требующий особо осторожного обращения), то ли от слова «поросенок» (которым обычно характеризуют стиль поведения), то ли от слова «параша» (концентрат нечистот, символ уголовщины) — ваш временщик пишет письмо константинопольскому патриарху с просьбой разделить церкви,— какого черта он сует свое свинячье рыло в божьи дела?.. Очень странный у вас замысел... Вы же не просто перепишете чью-то фразу, а имея некий генеральный замысел, без чего не бывает писательского творчества. В чем он, этот замысел? В том, что святыня москалей — краденая? И, дескать, не пора ли потребовать ее возвращения?..

...А недолго до этого, прошел всего месяц, у меня был похожий по перекосу случай. Я отдыхал в Болгарии, жил на берегу моря в одной гостинице и купался в одном заливчике с подполковником армии укропских ублюдков, палачей моей шахтерской родины, женщиной жесткой. И тело у нее было деревянное, и взгляд из гранита. Поселившись, она тут же вывесила на балконе жовто-блакитный флаг, будто это не гостиница, а ее киевский штаб, и будто здесь не пляж, а плац. Хозяин гостиницы заметил ей, что делать такой выброс а-ля «слава Украине, героям слава» крайне нежелательно, и она убрала...

...А насчет Матери Владимирской, то не противилась она путешествию в далекий от Вышгорода северо-восточный край, не остановила коней в земле околокиевской, а встали кони как вкопанные в земле Владимиро-Суздальской, где князь Андрей, позже прозванный Боголюбским, получил повеление построить храм, что он исполнил и совершил еще много славных, порой менее славных дел, и там же, в храме, кончил свои дни.

Утверждают, что зачарованные идеями фюрера немки кричали на берлинских площадях: «Хочу иметь ребенка от Гитлера!» Они были поражены вирусом «нехватки жизненного пространства». Этот вирус привел к поражению их зиганутой страны. Миллионы немцев получили жизненное пространство под березовыми крестами. Но сам вирус не погиб.

Зиганутые наперекосяк укропы уже заявили желание, чтобы мы им отдали Кубань — за переселение в этот благодатный край запорожских казаков. Почему бы им не потребовать, чтобы мы отдали им не только икону Владимирскую, но и основанный великим князем киевским Юрием Долгоруким — чего уж мелочиться — градец Москву?

14.10.2018 День Покрова Богородицы

P.S. О том, что вирус незалежности не залеживается и поражает все большее число душ в бывшей братской стране, свидетельствует и такое письмо, полученное мной на днях с Украины:

«...А вообще живем — словно «на земли чуждей». ...Поверите ли — родной дядя, хороший, в общем, человек, меня вдруг выдворил из дома, когда я несколько дней, будучи больна, гостила у него (ездила в Запорожье на лечение позвоночника; можно было не брать койку в больнице, а приезжать только на процедуры). Подумать только: мой родной, любимый и уважаемый дядя, сказал мне, что мой муж — враг Украины и что таких надо давить сапогом и прочее. Вот так. Откуда в нем эта ненависть? Убеждать в чем-то человека, которому за 60, было нелепо. Поэтому, извинившись, что не знала о таком расположении к нам (зачем сразу по моем приезде не сказал? я бы тогда погостила у подруги, например), я поехала к брату — еле-еле добралась, мне было очень плохо после процедур (шейные позвонки), кружилась голова и была сильная слабость. Теперь, наверное, уже не придется к нему ездить. И вообще, дядя мой — человек добрый, отзывчивый,— казалось, как к нему могло прилепиться гнусное убеждение, что члены одной семьи могут быть врагами друг другу? А

очень просто: ОН ДНЯМИ И НОЧАМИ СМОТРЕЛ ТЕЛЕВИЗОР! Спутника у него нет, только украинское ТВ...».

ЭКРАН ДЛЯ ОДНОГО ИЗ МИЛЛИОНОВ

Когда снимался фильм про моего брата, погибшего в 1942 под Сталинградом, оказалось, что мы с кинщиками (слово из говора на моей родине) во многом друг друга не понимаем. Я им дал основу для фильма — изложение фактов, в виде эссе, это уже почти сценарий, только не расписанный по кадрам. Но ведь дальше, казалось бы, дело техники.

Оказалось, не только техники. Оказалось, еще и дело фантазии. Фантазии так называемой художественной, густо перемешанной с реалиями документальными. Благо был бы я посторонний зритель, все принял бы как есть. Но я-то знаю, как на самом деле было, и фантазии режиссера часто шли поперек моего видения.

Во-первых, типаж. Мой брат был рус, даже светловолос. И округл лицом. Достаточно посмотреть на фотографию его 16-летнего, и на сыгравшего его актера-брюнета — небо и земля.

Мишу, как он идет по деревне, еще война не началась, и звонко поет, по воспоминаниям моих сестер, *«Через рощи шумные и поля зеленые вышел в степь донецкую парень молодой»* (пели в нашей семье все, и красиво пели; а песня эта была из вышедшего тогда фильма про шахтеров, и пел Миша как будто про меня, хотя я еще только собирался родиться, а уж в степь донецкую ушел 14-ти лет),— представить могу, а вот этого парня, актера, склада современного, когда народное пение умерло и вымерло,— никак.

Это еще ладно. А вот девушку ему придумали, журналистку. Этого вообще не было! То есть была девушка в его поездной бригаде, кондуктор, они служили в одном депо, эвакуировали их вместе. Когда немецкая бомба вонзилась в Мишу и разнесла его по кровиночке, уцелела только голова, эта девушка взяла себе на память его ремень. Именно от нее семья узнала, уже после войны, как погиб Миша.

Неизвестно, то ли ремень после бомбы тоже чудом уцелел, вероятно, изрешеченный, то ли был еще запасной где-нибудь в раздевалке, это уже не узнать. Надо было девушку расспрашивать сразу, а не через 70 лет искать.

Кстати, странное выражение: «уцелела голова». Когда человек погибает, говорят о головушке пропащей, а тут — жизнь убита, а голова «уцелела». Один из парадоксов языка.

Режиссером была выдумана не только журналистка, но и переписка. Кучку фронтовых треугольников показывают в кадре. Их не было! Куда могли писать хоть журналистка Галя, хоть Миша, если семья находилась в оккупации?! В войну мы получали письма только после освобождения нашего края, только от отца, которому удалось дойти до Берлина.

А подвиг Миши, якобы совершенный и якобы рассказанный в фронтовой газете? Газету эту, с заметкой о подвиге старшего кондуктора Михаила Шерстюка, создатели фильма выполнили даже в натуре, дали экземпляр мне. Зачем? Храню как курьез, но всерьез не показываю никому, конечно. Правда войны и гибели брата самодостаточна, для меня — эпична и не нуждается в подделках.

Далее. Надо было отснять ряд сцен в доме, в котором рос и из которого ушел Миша на войну. Дом деревенский, дом, в котором я родился. Этот дом был самой обычной деревянной крестьянской хатой. Я родился, по рассказу матери, на полу, застеленном охапкой соломы. Рядом, тоже на соломе, находился теленок, которого внесли в избу, чтобы не замерз в сарае, где осталась его мать, ведь зима, март. В подпечье хрюкал поросенок, купленный загодя, чтобы к следующему новому году были

жиры. Ребенка качали в люльке, подвешенной к потолку. По центру комнаты стояла круглая железная грубка с дымоходом из жестяных труб с коленами, дым уходил в печь. И стояла колода с железной рейкой, на которой можно было делать холодную ковку, в основном «жестянку». Еще были услон (лавка, скамейка) и небольшой столик. От ковки стены и вообще все было покрыто ржавчиной.

Так вот, для съемок арендовали не что иное, как дом писателя Телешова, в центре Москвы. Купеческий дом должен был сыграть роль деревенской избы. Хотя съемки шли только изнутри, но ничего похожего на крестьянский быт не было и в помине. Кстати, фамилия Телешов звучит как теле-шоу, что хоть и делает кому-либо честь, но дополнительно подчеркивает несуразность обстановки.

А как фальшива сцена прощания! Она снята в избе. Никогда, поверьте, никогда в деревне не прощаются в избе. Прощаются со своими, отбывающими надолго — не в избе, и даже не во дворе. А все, и убывающие, и провожающие, идут долго по улице, до какого-нибудь приметного места, поворота, а то и вовсе тянутся большую часть, порой и до конца, трехкилометрового пути. Это в мирное время. А уж в войну-то, когда человек уходит на верную гибель!.. Какая фальшь в фильме! Хотя я говорил организаторам съемок: надо отъехать немного от Москвы, найти подходящую избу, там и снимать эту сцену. Но куда там!

И еще одно, казалось бы, малозаметное недоразумение, но это кому как. Вот сидит мальчик лет пяти, изображающий меня. Мальчик-артист, его зовут Антон, играет с кубиками. Перед съемками меня спросили, какие игрушки были у меня в детстве. Игрушки? Да я и слова такого не знал. Не было в деревне в то время, в войну и после, никаких игрушек. Разве недостаточно было, что мы жили и каждый элемент познаваемой жизни, каждый предмет был интересен. А впрочем, вспомнил! Когда удавалось поймать какого-либо жука, чаще всего майского, хруща, серебристопузого, его сажали в пустой спичечный коробок и прикладывали к уху — *слушали радио*. Жук в коробке скребся, усилия выбраться были напрасны, а звук был похож на неразборчивую хрипотцу радиотарелки, нам тогда уже знакомую, в сельсовете висела. А вот кубики… Это ж изделие покупное, городское, при полном безденежье крестьянским детям недоступное и неизвестное.

Ничего этого я объяснить режиссеру не сумел. Я ему годился в отцы, но возраст — слабый авторитет, если люди из разных эпох, из разных миров. Они, распорядители съемок, на меня смотрели, как на инопланетянина, что опять возвращает нас к разнице небо и земля.

…И все-таки, при всем моем ворчании, при каждом просмотре этого фильма, а называется он «Один из миллионов», http://youtu.be/CJsmdnkfkWk,— слезы наворачиваются на мои глаза.

Сергей Криворотов
(г. Астрахань)

КРАСНЫЕ САПОЖКИ

Врач-кардиолог. Литературной деятельностью занимается с 2011 года. Автор свыше 270 литературных публикаций в периодике России и русскоязычных изданиях стран ближнего и дальнего Зарубежья.

Чтобы спокойно подготовиться к экзамену, Анатолий решил в одиночку надолго засесть в читальном зале областной научной библиотеки до самого ее закрытия. В институте сроду не дадут позаниматься, то один знакомый объявится, то другой. А то убедительно соблазнят чем-нибудь особо заманчивым на вечер, прощай тогда настрой на учебу и все его благие намерения! А потом целый семестр существуй без стипендии. А в научке обстановка совсем другая, массивные столы с лампами под зелеными абажурами располагали к серьезным занятиям. Вряд ли там окажется кто-то из его непутевой шатии-братии, значит, и посылать никуда никого не придется. Вот такой имелся у Толика хитрый план.

Однако, и там без встречи со знакомыми не обошлось, точнее, со знакомой. Впрочем, если еще точнее, по большому счету знакомством, даже шапочным, назвать это представлялось большой натяжкой. Просто не раз виденная прежде девчонка с нестандартной, отличной от других и потому запоминающейся внешностью. Анатолий даже имени ее не знал. Конечно, помешать его серьезным занятиям она никак не могла, но пройти мимо и не обратить на нее внимания не получилось.

Прежде всего в глаза бросался необычный цвет кожи. Если бы у коренного жителя Экваториальной Африки убрать черную составляющую природной наружной окраски и оставить только насыщенную до темноты ее синюю часть, пожалуй, могло получиться подобное. Только фиолетово-баклажановый отлив лица и открытых участков тела девушки, приглушенный землисто-чернильным оттенком не имел ничего общего с естественным цветом или приобретенным загаром за много часов под палящим солнцем. Почти агатовые губы, слегка присыпанные серебристым блеском, не являлись результатом наложения чрезмерно темной помады. А сине-черным ногтям на удлиненных тонких пальцах рук, походивших на живущие отдельной жизнью паучьи лапки, вполне хватало легкого покрытия бесцветным лаком.

Спустя лет тридцать любая готтка обзавидовалась бы такому натуральному макияжу, но в то время о подобной разновидности субкультуры будущего никто, естественно, представления не имел. Да и само понятие субкультуры в обиходе отсутствовало, изредка ненавязчиво встречались полухиппи, либо их подражатели, но все они так или иначе вполне вписывались в советские реалии, то есть либо работали, либо учились. Безработицы, как и тунеядства детей цветов на капиталистическом Западе, у нас просто не существовало.

Да и в мелких чертах ее неестественно смуглого лица совершенно не проскаль-

зывало ничего африканского. Ненормально субтильная, просто ходячие мощи, тонкие ключицы выпирали из-под кожи в широком вырезе вязаной кофточки без ворота. Длинные ноги-щепки в ярких полосатых гетрах, беспокойно подвижные, словно готовые куда-то сорваться и бежать в любую минуту, речь торопливая и сбивчивая.

Много позже знакомый Анатолию питерский поэт из Митьков в порыве пьяного вдохновения шедеврально высказался о подобной худышке, пересекшей его жизненный и творческий путь:

Тили-тили-тили-ти,
тоненькие ножки,
тили-тили-тили-ти,
красные сапожки.
Тили-тили-тили-ти,
маленькие тити,
Тили-тили-тили-ти,
что же Вы хотите?!

Странно, в тот библиотечный вечер на нашей героине, одевшейся уже для улицы, оказались именно такие красные сапоги под белой кроличьей шубкой!

При всем том ее внешний облик нельзя было посчитать милым или приятным, как, впрочем, и отталкивающим. Не красавица, но и не уродица какая. Только все отдельные штрихи с линиями сплетались в казавшийся неправильным единый образ. Что-то с нею было явно не так, какая-то искаженная экзотика или уже патология, даже если постараться забыть на мгновение необычный цвет кожи.

Выразительные, влажно блестевшие темные глаза с любопытством сверлили подходивших посетителей мужеского пола, не задерживаясь на женщинах. Некоторым становилось не по себе под столь бесцеремонным разглядыванием странной девушкой. Другие же воспринимали то прямым приглашением к знакомству.

Когда Анатолий столкнулся с ней нос к носу в гардеробе областной библиотеки, то сразу без труда припомнил, где и когда встречал столь не похожую на других то ли тростинку, то ли ожившую мумию. Правда, теперь девчонка выглядела гораздо старше, хотя прошло всего год или два, только ее поразительная худоба оставалась прежней.

В теплое время Толик нередко видел ее по вечерам на лавочках в скверах, всегда в больших компаниях парней. Обычно они занимались распитием дешевого вина из пущенного по кругу стакана под орущий кассетник или шестиструнку в умелых руках местного самородка. Нередко там оказывались знакомые, и его радушно принимали в подобравшуюся бражку. Среди собиравшейся в центре города молодежи многие знали друг друга не только в лицо, но болезненно худая смуглянка раньше не попадалась ему на глаза, иначе бы навсегда врезалась в память, как произошло теперь.

Потом, примечая необычную девушку то издалека, то вблизи, он убеждался, что общительная, бесцеремонная незнакомка всякий раз оказывалась с разными парнями, а пила при том наравне со всеми, будто пыжилась что-то доказать или показать назло другим и самой себе. Нисколько эта шкода ему не нравилась, даже в голову не приходило познакомиться с ней или попытаться увести куда-нибудь в темную аллею, как это делали на его глазах другие. Хотя раз другой Толик ловил на себе ее оценивающий взгляд, похоже, заинтересовать особо не смог, впрочем, ничего для того и не предпринимал. Определенно, их легкая мимолетная антипатия получилась тогда взаимной. Не похожая ни кого девчонка, не слишком удачный эскиз женщины, не соответствовала его вкусу и не только внешне, но не запомнить такую оказалось невозможно.

И вот она предстала перед ним гардеробщицей здесь, в натопленной библиотеке. Молча, с веселым презрением приняла у него зимнюю куртку и волчью шапку, будто это он сейчас в чем-то одалживался у нее. Насмешливо посмотрела так, что все сомнения исчезли, она его прекрасно помнила.

Случилось странное, когда уже после сигнала о закрытии библиотеки на сданный номерок Толик принял назад свою одежду из тонких рук девушки, та неожиданно коснулась его рукава и спросила, не сомневаясь в возможном ответе:

— Проводишь меня, студент? Я живу недалеко...

На просьбу это не походило, скорее приказ, изъявление воли, но отказать он почему-то не смог.

— Придется чуток подождать... Лады?

Когда она отправила последнего припозднившегося читателя, заперла дверь гардеробной и выскользнула в вестибюль к послушно дожидавшемуся Анатолию, на ней уже красовались те самые красные сапожки на каблуках и белая шубка до колен.

Потом, спустя совсем немного времени, они долго целовались в обшарпанном выстуженном подъезде трехэтажной постройки не то сталинских, не то раннехрущевских времен.

Губы ее оказались поначалу такими же холодными, как и пальцы рук.

— Зато сердце горячее,— улыбнулась она в лестничном полумраке на его удивленный вопрос. Единственная электрическая лампочка горела где-то на верхней площадке, и ее слабый свет почти не доходил до них, придавая призрачному лицу девушки загадочный незавершенный вид. Да еще этот собачий холод с улицы, казалось, не только наполнял через разбитую дверь внизу весь подъезд, но и проникал прямо в душу.

Она пылко прижималась к нему всем телом, чтобы уже через минуту нервно закурить длинную болгарскую сигарету, извлеченную из пачки в сумочке. Затем, следуя какому-то лишь ей самой известному ритуалу, настойчиво подносила ее фильтром к губам Анатолия, понуждая присоединиться к важному для нее акту курения. Чтоб не обидеть, он делал вид, будто затягивается, хотя никогда не курил по-настоящему, просто набирал дым в рот, вдыхать его в легкие представлялось ему полным идиотизмом, чем-то противным и противоестественным. Если она и заметила такую уловку в темноте, то лишь хитро улыбнулась на мгновение. Да и то, он не был уверен, что это ему не показалось.

Как бы извиняясь, что не приглашает к себе, девушка пояснила, что живет с довольно строгими родителями. Точно в подтверждение этих слов этажом выше послышался звук отворяемой двери, после короткой паузы недовольный женский голос велел немедленно идти домой. Скорее всего, они забылись и заговорили достаточно громко, чтобы их услышали наверху.

Имя у нее оказалось незамысловатым и одновременно красивым: «Наташа». Именно так назвала ее сердитая женщина, безошибочно определившая присутствие дочери в подъезде, уточнение, что это ее мать, выглядело излишним.

При первых звуках командного родительского голоса девушка испуганно вздрогнула и резко отпрянула. Затем, как бы спохватившись, торопливо поцеловала напоследок, но отстраняясь от его рук, уже на ходу перед тем, как взлететь наверх по ступеням, горячо шепнула:

— Все, все... Пока!..

Именем провожатого Наташа ни разу не поинтересовалась, будто оно представлялось ей совершенно безразличным. Даже номерами телефонов не обменялись. Конечно, Анатолий всегда мог найти ее на работе, там же, в гардеробе областной научки. Но ему совершенно не хотелось никакого продолжения, ни завтра, ни потом. Экзамены висели на носу, получение стипухи на полгода представлялось самым важным. Главное, все с этой девчонкой, жадно и умело целующейся взасос, как опытная

изголодавшаяся по ласкам женщина, показалось не таким, неправильным. После нежданного для него шквала страстных поцелуев от податливых холодных губ он не испытывал восторга. Весь путь до своего дома и позже на следующий день ощущал странную разбитость во всем теле, словно после долгой изнуряющей тренировки в спортзале.

В ближайшие дни ходить в читальный зал уже не требовалось, к экзаменам он готовился дома по раздобытым конспектам и учебникам. А после сессии и вовсе причин к тому не осталось. Видеть же Наташу ему тогда совершенно не хотелось. Снова Анатолий попал в областную библиотеку лишь через несколько месяцев, когда последние необычно жаркие дни весны не отличались уже от лета. Гардероб не работал, его знакомой на месте не оказалось. Спрашивать же о ней он никого не стал.

Раза два, не отдавая себе отчета, зачем так поступает, Толик приближался к ее дому и, побродив вокруг, долго стоял в отдалении, наблюдая за парадной дверью знакомого подъезда. Он и сам не мог понять, в самом ли деле хочет увидеть еще раз необычную девушку? Будто своими торопливыми жадными поцелуями с одного раза она сумела закодировать или приворожить его к себе. Впрочем, он все реже о ней вспоминал.

К этому времени Анатолий познакомился с выпускницей средней школы, они проводили теперь большую часть свободного времени вместе. А через полтора года, незадолго до окончания им мединститута, молодая пара поженилась и закрепила свои отношения ребенком.

Как-то воскресным днем на улице он увидел Наташу в обнимку с двумя развязными парнями. Все трое были явно навеселе и направлялись от ближайшего кафе к поджидавшему их такси. Девушка громко и неискренно смеялась на матерные шутки спутников. Ярко накрашенные губы выделялись алым пятном на темном фоне лица. Такая же субтильная, угловатая, без малейших намеков на округлости, по-прежнему вся неестественно баклажаново смуглая, даже с вызывающе почти кровавым ртом, она выглядела намного старше, уже вполне смотрелась женщиной средних лет, будто не три года, а целый десяток минул с того холодного вечера в темном подъезде.

Даже сохранившаяся внешняя живость представлялась со стороны вымученной и жалкой. Потрепанный вид выдавал не то запредельную усталость торопившейся жить «на полную катушку» быстро стареющей дамы, не то скрытую внутри нее болезнь. Ничего он к ней не почувствовал, даже усомнился, именно ли с ней целовался когда-то или с какой-то другой, очень на нее похожей? Но нет, никого больше с такой внешностью он не знал.

Наташа не заметила его или не узнала, да и не до того ей было. Водитель такси услужливо распахнул дверцу, и веселая компания после нескольких попыток погрузилась на заднее сиденье, чтобы продолжить праздник в другом месте.

После получения диплома Анатолию предстояло пройти годичную интернатуру по выбранной специальности. Несколько месяцев он обучался в кардиологии городской клинической больницы. Там и встретился снова со странной смуглянкой.

Наташу перевели из реанимации, куда доставила скорая помощь в почти бессознательном состоянии. Но уже через двое суток после интенсивной терапии больной стало настолько лучше, что ее без опасений перевели в обычную палату кардиологического отделения.

Не сразу решился Анатолий навестить давнишнюю знакомую. Лечащим врачом Натальи назначали опытного ассистента кафедры, так что никакого отношения к ее дальнейшей судьбе интерн-первогодка не имел. Да и кто она ему вообще?!

Из докладов на утренних пятиминутках он узнал, что у девушки своевременно не оперированный тяжелый порок сердца, она находится в здешней клинике не впервые, все тут ее хорошо знают, и оптимистичный прогноз болезни для нее давно исключен.

Наташа родилась в маленьком селе за сотню километров от областного города. Кроме ближайшего фельдшерско-акушерского пункта, обращаться за медицинской помощью следовало только в райцентр, до которого надо было еще добраться, и не факт, что там нужный специалист мог оказаться на месте.

Родители смирились и привыкли к синеве кожи долгожданной единственной дочки. Только когда ей исполнилось двенадцать, из-за участившихся обмороков отвезли Наташу на обследование в областную поликлинику, где девочку сразу определили в детский стационар. До повсеместно доступной высокотехнологичной кардиохирургии оставалось три-четыре десятилетия. Ультразвуковые исследования еще не вошли в повседневную практику даже в крупных городах. Но рентгена и фонокардиоскопии хватило, чтобы безошибочно подтвердить диагноз врожденного порока, да еще такого сложного, как пентада Фалло.

Хотя сроки для вмешательства значительно упустили, родителям предложили прооперировать Наташу, впрочем, с малыми шансами на полный успех, от чего они сразу категорически отказались.

В последующие годы отец и мать продали дом с участком и перебрались в областной город, чтобы обеспечить больной дочке постоянное наблюдение кардиологов.

Только когда ей исполнилось восемнадцать, Наташа вместе с родителями решилась на помощь хирургов. Но оказалось слишком поздно, изменения в ее органах из-за нарастающей сердечной недостаточности и вызванного ею кислородного голодания сделались необратимыми. При том уровне медицины даже при удачном исходе операция уже не спасала. Ни один специалист не брался предсказать, сколько ей суждено прожить. Финал мог наступить в любой момент. И все же дважды в год она исправно ложилась в стационар для поддерживающего лечения, пока пожилые родители внезапно не скончались от инсультов с разницей в несколько месяцев.

И вот на этот раз она попала в больницу уже с машиной скорой помощи.

Анатолий долго поджидал момент, когда ходячие соседки по палате ушли на обед. Наталья оставалась на строго постельном режиме и в коридоре не показывалась.

Он и сам не знал, какой ожидал найти Наташу, но теперешний вид больной просто ошеломил. Конечно, как он успел убедиться, одно дело знакомый человек вне больничных стен, и совсем другое, когда он внезапно предстает перед тобой в качестве пациента. Но тут оказалось совершенно иное.

Перед ним, полуприкрытая пустым пододеяльником, лежала посторонняя пожилая женщина в больничной рубашке, почти старуха. Он засомневался, а где же его знакомая, может, он как-то умудрился перепутать палату? Но нет, никакой ошибки, та же худоба, контрастный с белизной постели черно-баклажановый цвет кожи... Только волосы почему-то густо осыпаны не то серебром, не то мукой, и на узнаваемом востроносом лице сетка отсутствовавших прежде морщин.

Молча продолжал стоять у входа и неотрывно смотреть на нее, не представляя, чем можно объяснить такую разительную перемену. Его недолгий жизненный опыт не давал совершенно никаких подсказок. Память подсунула лишь виденный в детстве назидательный фильм «Сказка о потерянном времени», в котором старые негодяи волшебством возвращали себе утраченную молодость за счет лентяев-третьеклассников, превращенных ими в дряхлых стариков. И еще смутное воспоминание о лекции по биологии, где студентам рассказали о редчайшем генетическом нарушении, дающим такую же картину, как сейчас перед ним. Память не подвела, он даже вспомнил название — «прогерия», во как!

Многими годами позже при знакомстве с маленьким героем рассказа Бредбери, стареющим с каждым оборотом карусели, Анатолию живо припомнилось жуткое превращение Наташи. И еще раз, когда агенты Малдер и Скалли в «Секретных материалах» попали на судно в океане, на котором процесс старения шел многократно быстрее реальной жизни.

Но сейчас он не сомневался, что перемены во внешности Наташи связаны с ее основным заболеванием, даже если и тут не обошлось без генетики.

— Привет! Я помню тебя...— задумчиво сообщила она, гладя его совсем не старческими глазами, и тут же поправилась: — Вас...

— Я тоже,— поспешно заверил он.— Только, давай снова на «ты», ладно? Что за новости...

Она согласно, совсем не радостно улыбнулась в ответ, сразу посерьезнев:

— Гадство! Как все несправедливо...— пожаловалась больная с отчаянием, и в ее без того влажном взгляде блеснула слеза.

— Что «все»? — попытался уточнить он, подозревая, что подразумевается неэффективность лечения, оставляющего ее один на один с безжалостной болезнью, равнодушие ко всему привыкшего персонала и то, что он явился здоровым и на ногах в то время, как она беспомощно распластана перед ним на больничной койке.

— Ну, жизнь, вся жизнь несправедлива! Понимаешь? — почти выкрикнула она в ответ, в маленькой тесной палате на четыре места в этот момент никого, кроме них, по-прежнему не находилось.

— Поцелуй меня...— неожиданно попросила эта столь быстро постаревшая женщина с жутко знакомым темным лицом под аккуратно уложенными назад седыми волосами. И тут же жалобно, почти шепотом добавила: — ...Пожалуйста...

Не раздумывая, он послушно наклонился и осторожно тронул губами напоминавшую пергамент дряблую щеку.

— Не так! — требовательно выдохнула она с прежним пылом, явственно обдавая запахом ацетона изо рта.

На этот раз, преодолев внезапную брезгливость, Анатолий резко приложился к тут же ответившим сухим губам, и она с неожиданной силой обвила его руками, прижалась плоской грудью, выгнувшись в кровати. Ничего он не чувствовал к ней, кроме жалости, смешанной с отвращением к такому необъяснимому постарению. Это просто лекарство, акт милосердия со стороны врача, опять же — клятва Гиппократа, мать его! Тут же мысленно заверил он себя.

Наташа попросила достать сигарету.

— Тебе же нельзя! — возмутился Толик и напомнил, что сам не подвержен этой заразе.

— Свои ты не куришь! — невесело усмехнулась она и задушевно уверила: — Мне давно все можно... Ну, раздобудь, хоть парочку, чего тебе стоит, а?

Он прошелся до мужского туалета и нашел у больных сигареты поприличнее. Зажигалка у Наташи наверняка имелась своя.

Анатолий присел возле нее на стул, втиснутый между двух кроватей, не зная, что еще сказать обреченной пациентке, и уже собирался было уйти, как она привстала и несмело коснулась его руки своими тонкими леденющими пальцами.

— Можно тебя еще попросить?

— Давай, попробуй,— великодушно согласился он, боясь показаться невежливым.

— Знаешь, я хочу исповедаться...

«Я-то тут причем?!» — чуть не возмутился он, не задумываясь над словами Наташи.

— Моя тетя обещала привести батюшку. Только вот, боюсь, не разрешат... Договоришься с заведующей, чтобы не возражала?

Для него проще всего было бы сослаться на то, что это дело лечащего доктора, он же не имеет никакого отношения ни к палате, ни к ее лечению, так, сбоку припека, интерн на птичьих правах, далеко не самостоятельный врач. Но она надеялась именно на НЕГО!

Только теперь он заметил в глубоком вырезе больничной рубашки маленький серебряный крестик «СПАСИ И СОХРАНИ» на шелковом шнурке, ниже и по центру

от полоски лейкопластыря, перехлестнувшей под остро выпиравшей ключицей пластиковую трубку катетера с резиновой заглушкой. Почему бы не позволить Наташе, если она того хочет, если уверена, что это ей необходимо. Кто может знать, сколько ей отпущено? При любом раскладе недолго... В конце концов, можно посчитать такое психотерапией, лекарством, если не исцеляющим, то способным хоть немного облегчить ей состояние. Хуже точно не будет.

Только вряд ли упертая коммунистка пенсионного возраста, заведующая здешней кардиологией, даст добро на визит священнослужителя. А ну, как узнает тутошний секретарь парторганизации? Еще, не дай бог, не получит очередную грамоту за доблестный труд! Впрочем, какое она имеет право препятствовать, возможно, последнему желанию безнадежной пациентки, которой сама ничем не может помочь?

— Не надо никому ничего говорить, мало ли что ей в голову взбредет! Пусть твоя тетя приводит, только после четырех, когда все врачи разойдутся.

Он высказался и почувствовал облегчение, хоть одной проблемой меньше.

— Ты завтра заглянешь? — робко спросила Наталья напоследок, когда в палату начали возвращаться соседки.

Озадаченный посетитель только согласно кивнул, неужели, к ней никто, совсем никто не ходит? Как же так вышло, что он вдруг самым странным образом оказался для нее наиболее близким человеком? Что за чудеса! Уже потом узнал от лечащего врача, что после смерти родителей из Наташиной родни осталась только преклонного возраста тетка, которая не могла часто навещать племянницу.

Следующим утром на общей с кафедральными сотрудниками пятиминутке дежурный врач доложил, как у больной с запущенной пентадой Фалло вечером внезапно развился молниеносный отек легких. Ее даже не успели перевести в палату интенсивной терапии, чтобы оказать помощь в полном объеме.

Наташа не дожила месяца до собственного тридцатилетия. И мамина сестра так и не успела привести для ее успокоения обещанного батюшку...

Необычный случай Натальи, точнее, болезнь и смерть молодой по возрасту женщины, сделались основной темой в ординаторской, а также для пары клинических и одной патологоанатомической конференций. Обсуждали подробно, особенно поразительно скорое постарение больной. Оказывается, еще в прошлые поступления она сообщила о прекращении менструаций, а гинеколог вместо ожидаемой при таких жалобах беременности обнаружил у пациентки ранний климакс. Высказывались и о вероятности прогерии. Но, при отсутствии генетических исследований, осталось только гадать, действительно ли редкий генетический дефект имел место у несчастной или быстро прогрессирующее постарение объяснялось недостаточностью кровоснабжения всех органов и желез при тяжелом пороке сердца.

Впрочем, выяснение причин могло интересовать в основном кафедральных работников. Анатолий же не видел в том особого смысла. Для умершей это точно уже не имело никакого значения.

Девушка предчувствовала скорый конец и потому изо всех сил старалась жить полной, по ее представлениям и возможностям, жизнью, изо всех сил пытаясь приспособиться к ее необычной быстротечности. Разве можно за то осуждать, кидать в нее камни, тем более, о покойных принято говорить только хорошее или вообще ничего... Анатолий не мог представить, чтобы за отпущенный ей краткий век она могла принести вред кому-то или совершить подлость по отношению к другим.

Тили-тили-тили-ти,
красные сапожки...

Все оказалось предопределено за Наташу с момента появления на свет и даже раньше. Сначала неблагоприятные обстоятельства и далеко не лучшая наследствен-

ность. Затем невнимание медиков без опыта и достаточных знаний. Родители сами решили, как будет лучше то ли для дочери, то ли для себя, разумеется, желая ей только блага. В результате девочке досталось только то, что досталось, намного меньше, чем другим, всего лишь недолгая жизнь, лишенная здоровья. Но зато ее собственная! И она прожила ее, как сумела.

Об этом размышлял доктор Анатолий Иванович, недавно принятый штатным ординатором отделения кардиологии, солнечным воскресным утром неторопливо гуляя с маленьким сынишкой по аллеям парка. Конечно, для его сына, в отличие от Наташи, все складывалось неплохо с самого рождения. Ничем серьезным пока не болел — тьфу, тьфу! Развивается по возрасту нормально, вниманием родителей, дедушек и бабушек не обделен, в общем, ни в чем не нуждается. Только живи и подрастай себе и близким на радость... Но как быть уверенным, что судьба не уготовила где-то впереди неведомую пока, могущую вмиг все перечеркнуть, каверзу? Знать бы заранее, каким он вырастет! Человек лишь предполагает...

«Гадство! Как все несправедливо...» — Анатолий не мог забыть последний вскрик души обойденной счастьем Натальи. Хотелось надеяться, что к нему и его близким это никак не относится, но будущее сына теперь зависело и от него тоже.

Владислава Васильева
(г. Узловая, Тульская область)

ПОКА ИДЕТ СНЕГ

Наш постоянный автор.

Сегодня Петя опять засиделся в гостях у подруги Аньки из соседнего дома. Анька жила с дедушкой и Петька часто к ним ходил. Особенно последний год, когда мама начала жить с Валерой. Вообще-то полагалось говорить «дядей Валерой», но Петька называть его домашним словом «дядя» не хотел. Дома он его никак не называл, вообще к нему не обращался, а про себя — Валера, или просто — «этот».

К вечеру пошел снег большими хлопьями. Петя с Анькой стояли у окна, спрятавшись за занавеской, и смотрели на густо летящий, искрящийся пух. Глаза Аньки расширялись, расширялись от восторга, а потом она повернулась к Пете:

— Ты знаешь что? — горячо зашептала она,— в такую погоду по улицам святой Николай ходит.

Петя улыбался. Сейчас будет очередная волшебная история, Анька мастер на такие штуки.

— Он ходит по улицам, пока снег идет, и дарит детям подарки. И надо брать. Даже если это старая рукавица. Этот подарок принесет счастье. Никто не знает как, но принесет! Говорят, одной девочке подарил, знаешь что?

— Что? — счастливо улыбаясь, спросил Петя. Он любовался своей подругой, Анька делалась прямо красавицей, когда сочиняла свои истории. И в такие моменты сама в них верила.

В кармане звякнул мобильник. У Пети сразу испортилось настроение — мама. Домой пора. Он не хотел идти. Но разве есть варианты?

Застегивая на ходу куртку и жалея, что выскочил из дома без перчаток, он бежал домой по первому снегу. Лицо сразу сделалось мокрым и замерзло от облепившего его снега, но воздух был свежим, ночным, чистым. Жаль, что идти так не далеко.

— Эй, пацан! — послышалось из подворотни. Петя вздрогнул. Он не был трусливым мальчиком, но опасность разговоров с незнакомцами понимал. Из снежной кутерьмы нарисовался старичок. Неопрятного такого вида, с бороденкой, и тоже в не застегнутой куртке. Петя отступил немного, прикидывая уже, как убежать.

— Пацан... Да стой ты! Ты это... подарить хочу кое-что. На вот,— и он полез за пазуху.

Петя отступил еще на шаг, но не убежал. Прикинул, что еще успеет. Да и не догонит его старичок.

А старичок вытащил из-за пазухи что-то маленькое и отчаянно пищащее.

— Вот,— сказал он,— трехцветная. Они счастье приносят.

Петя знал про незнакомцев, обещающих детям котеночка, но как загипнотизированный, глядя на белую бороду старичка, протянул руку.

Дома ссорились мама с Валерой. Чем-то мама опять «этому» не угодила, Петя никак не мог понять — чем. Он знал только, что год назад, когда Валера только поя-

вился, мама была очень счастлива, да и сам Петя тоже. Валера дарил маме цветы, а Пете дарил билеты в кино. А потом как-то незаметно выяснилось, что Валеру все раздражает и они с мамой не соответствуют каким—то Валериным понятиям о достойных людях. А надо стараться соответствовать. Мама очень старалась и Петя поначалу старался. Вот, например, раньше они с мамой очень любили валяться на диване, болтать и смеяться. Но Валера, когда это видел, цедил сквозь зубы: «Мамочника растишь!» А мама думала, что, может быть, Валера прав, может быть, она портит Петю женским воспитанием. И они перестали лежать и болтать. При Валере это делать — крику не оберешься. А без него сразу получалось, будто они что-то воруют. И они перестали.

Сейчас ссора была сильной. Тогда Петя подумал, что надо всех отвлечь.

— Вот,— сказал он, вынимая котенка из-за пазухи,— трехцветные счастье приносят!

Валера взвыл. Он вдруг стал выкрикивать такие слова в лицо Пете, что мама с Петей остолбенели. А потом с криком: «Вот и выбирай!» — Валера повернулся к маме.

На беду трехцветного «счастья», мама не успела быстро заверить Валеру в своей безусловной любви. Тогда взбешенный Валера вдруг кинулся к окну, распахнул его и выкинул пищащий комок прямо в снежную кутерьму. И не успел Петя опомниться, как Валера дрожащими от злости руками схватил большую сумку, всегда стоящую наготове у дивана, кинул туда свои шлепанцы и спортивный костюм, выкрикнув напоследок что-то вроде «А зубную щетку можешь подарить своему мамочнику», выскочил за дверь.

Мама побледнела, она повернулась к Пете, хотела что-то сказать, но только рукой махнула и тоже кинулась на улицу.

Петя постоял. Потом прошел в комнату, включил телевизор и сел на диван. Он старался не думать о том, что он натворил. Что-то ужасное. Котенок, наверное, замерзает сейчас в сугробе. Мама несчастна. А все он... Зачем он вообще взял котенка у старичка? Тот мог бы подарить котенка другому ребенку, и котенок был бы счастлив...

Щелкнул замок входной двери.

— Петечка! — послышался тихий мамин голос. Она его уже год так не называла. Петя выскочил в коридор.

Мама стояла бледная, прижимая к груди торт. А за пазухой у нее вдруг что-то тихо пискнуло.

Этим вечером мама с Петей праздновали уход Валеры. Они ели торт, валялись на диване, болтали, а потом так и уснули в обнимку. На груди у Пети спал свернувшийся в клубок, разомлевший от тепла трехцветный котенок. А снег все шел и шел, и прекратился только к утру.

Александр Ралот
(г. Краснодар)

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

Александр Петренко, псевдоним — Александр Ралот, краснодарский прозаик, публицист и краевед. Автор многих книг. Публиковался в различных периодических изданиях. Член Союза писателей России. Победитель литературных конкурсов. Лауреат литературной премии имени Олега Бишарева. Награжден литературными медалями.

«Где раз поднят русский флаг, там он опускаться не должен»

Николай Первый

Июнь 1844 года. Великобритания. Замок Виндзор

Правитель российской империи, пребывая с официальным визитом в этой стране, чувствовал себя превосходно. Еще бы, ведь его армия и флот в последнее время одерживала одну победу за другой.

— Уважаемые господа! — обратился он к лорду Эбердину и премьер-министру Роберту Пилею.— Вам не хуже моего известно, нынче «Турция — «больной человек». Говоря откровенно, я вам прямо заявляю, что если Англия думает в близком будущем водвориться в Константинополе, то я этого не позволю».*

Декабрь 1851г. Санкт-Петербург. Зимний дворец

Император был не в духе. Подавление венгерского восстания в позапрошлом году, нынешний Государственный переворот в одной из ведущих стран Европы настроения не поднимали.

— Карл Васильевич! — обратился он к министру иностранных дел Нессельроде.— Доложите толком, что там у французов происходит?

Чиновник был готов к этому вопросу. Он открыл принесенную папку и стал читать.

— Луи-Наполеон Третий возглавил государственный переворот. Нарушил присягу, которую давал на верность конституции. Распустил Законодательное собрание и арестовал республиканское руководство.

— Сам хранитель общественного порядка, не желает довольствоваться данной ему властью? — бесцеремонно перебил министра государь.— По всему видать, желает сам стать монархом «божьей милостью»? Срочно сообщите нашему послу Киселеву, чтобы тот как можно деликатнее отговорил Луи-Наполеона от этого.

---

* Дипломатия с древних веков до 1872 . Том 1. « Переговоры Николая I с Англией по вопросу о разделе Турции».

Некоторое время спустя самодержец понял, что посол со своей задачей не справился, да к тому же австрийский министр Буоль писал: «Признать Луи-Наполеона императором, увы, придется. Однако следует дать понять ему: монархи других великих государств не считают его равным себе, ибо новоиспеченный французский король не наследственный, так как актами Венского конгресса далекого 1815 года династия Бонапартов была исключена из престолонаследия!»

— Я так понимаю, что нам придется отправлять «императору Луи-Наполеону» аккредитивные грамоты и поздравительное письмо?

Министр кивнул.

— Тогда соблаговолите начать послание следующими словами: «Государь и добрый друг». И ни в коем случае «Государь и дорогой брат». Мы, «божьей милостью» правители, обязаны показать: узурпатор никакой нам не брат!

* * *

Через несколько дней из Парижа от Кисилева поступило сообщение: «Австрия и Пруссия во изменение достигнутых договоренностей обратились к Наполеону Третьему со словами: «Дорогой брат». А Российская империя обрела сильного врага, войска которого располагали средствами ведения войны, изготовленными по самым передовыми технологиям того времени.

Гавайские острова. Гонолулу. Резиденция короля Камеамеа Третьего

— Дорогой посол! Вы же прекрасно знаете, как я отношусь к вашей великой стране. Не скрою, мне и моим подданным было бы легче жить, если бы над нашими островами гордо реял флаг Российской империи, но, увы. Тем не менее, я пригласил вас,— король выдержал театральную паузу,— чтобы сообщить весьма конфиденциальную информацию. Англия и Франция ведут усиленную подготовку к военным действиям против России. Мне неизвестно, когда именно они начнутся, но что война будет, не подлежит сомнению.

Спустя некоторое время послание на американском китобойном судне отправилось в далекий путь. В Россию. В министерство Карла Васильевича Нессельроде.

Перу. Порт Кальяо

Трехмачтовый фрегат «Аврора», ведомый капитан-лейтенантом Изыльметьевым, изрядно потрепанный штормами, добрался до тихой гавани порта. Измученная команда, передохнув, принялась за прием на борт провизии и пресной воды. Однако стоящие на рейде английский и французский фрегаты под адмиральскими флагами вызвали обоснованную тревогу.

Капитан «Авроры», как и полагается, отправился наносить нежелательные, но положенные по морским законам визиты вежливости. Английский контр-адмирал Прайс на фрегате принял его холодно. Даже не скрывал своей неприязни к русскому офицеру. На французском корабле Изыльметьева встретили любезно.

Российская империя уже больше месяца воевала с Турцией. Великобритания и Франция считались союзниками Оттоманской порты.

Прайс убеждал своего французского коллегу немедля захватить русский корабль. Тот упорствовал:

— Не имею права на какие-либо военные действия до тех пор, пока не получу официального уведомления о том, что моя страна находится в состоянии войны с Россией.

Ранним апрельским утром, воспользовавшись низовым туманом, при полном

штиле, обмотав гребные весла тряпками и парусиной, «Аврора» покинула Кальяо, прошмыгнув между спящими жерлами пушек вражеских кораблей.

Две недели спустя капитал парохода «Вираго», прибыв в порт, передал союзникам официальное известие, датированное 28 марта: «Великобритания и Франция объявляют войну Российской империи!»

Немедленная погоня за исчезнувшим фрегатом успехом не увенчалась. Русский корабль растворился на тихоокеанских просторах.

* * *

«Аврора» следовала на Камчатку. Люди поголовно болели цингой. В морских пучинах обрели покой тринадцать умерших матросов. Хворал и командир. За два месяца без заходов в порты корабль, преодолев девять тысяч миль, пришвартовался в Авачинской бухте Петропавловска. По принятому кодексу спускать и поднимать паруса необходимо одновременно. Но матросов, оставшихся в строю, и способных исполнить команду на «Авроре» так мало, что они выполнили ее поочередно, на каждой мачте.

Кое-как поднявшись с койки, Изыльметьев отправил полуживых людей в городской лазарет, сам же намеревался исполнить приказ: «Следовать на соединение с флотилией Евфимия Путятина!»

Штаб военного губернатора и командира Петропавловского порта на Камчатке Василия Степановича Завойко

— К огромному сожалению, я должен ознакомить вас с этим,— хозяин кабинета протянул командиру «Авроры» сообщение, полученное от американского консула.

— «Российской империей объявлена война Великобритании и Франции».

Глаза Изыльметьева слезились, руки дрожали, но он продолжать читать:

— «Из Англии, в Тихий океан вышел пароход, чтобы сформировать эскадру для блокады российских портов»

Завойко посмотрел на капитана.

— «Авроре» надобно оставаться здесь и быть в совершенной готовности! Отразить нападение неприятельских судов! Без ваших молодцов, а главное без корабельных пушек, нам порт и город не удержать! Я надеюсь, это не будет расценено вами как нарушения приказа, полученного еще до объявления войны.

Капитан поднялся, пошатываясь, подошел к окну. Глядел на свою «Аврору», на покосившиеся избенки горожан. Сейчас ему предстояло принять непростое решение. Ни разу в жизни он не нарушал приказ! Молчал. Размышлял. Взвешивал. Наконец он повернулся к Василию Степановичу. Тихо молвил:

— Мы остаемся здесь. Будем биться. А в случае неудачи фрегат взорвем.

— К нам на подмогу следует транспорт «Двина». Очень надеюсь, что он успеет добраться сюда раньше неприятеля.— Завойко отыскал на столе нужную бумагу.— На нем триста пятьдесят солдат, офицеры и главное — инженер-поручик Мравинский. С его помощью мы укрепим наши портовые сооружения. Боюсь одного. Корабль снаряжали в большой спешке. Солдаты, рекруты — из ближайших сел. Не обученные. Да и запасов еды на весь переход для такого количества понадобится не мало. Как бы голода у них там не приключилось. Не приведи господь! Фельдшера докладывают, что ваших матросов, не сразу, но все же на ноги поставят. Людей катастрофически не хватает. Дорогой мой капитан,— при этих словах Василий Степанович обнял Изыльметьева,— топить корабль мы не станем. Поглядите сюда.

Он подвел гостя к большой карте.

— Ваша «Аврора» расположится здесь и не позволит врагу ворваться в бухту. Пролив между оконечностью Кошки и мысом Сигнальным перекроем цепным боном.

Иван Николаевич задумался, затем молвил:

— Если рядом со мной станет еще и «Двина», то завоевателям по воде в город не войти! Далее предлагаю следующее. Орудия с левого борта «Авроры» снять! Разместить их на берегу, создав цепь артиллерийских батарей, в самых важных местах.

На том и порешили.

* * *

Петропавловск готовился к обороне. Все его малочисленное население было задействовано в возведении новых оборонительных пунктов. Создали артиллерийские батареи, позволяющие защищать полуостров со всех сторон.

На англо-французской эскадре об этом известно не было. Командование противника предвкушало скорую викторию. А посему не особо спешило к театру военных действий.

Английские войска не так давно одержали легкую победу над многочисленной армией Китая в первой «Опиумной войне». Это вселяло в них уверенность, что на разгром русского гарнизона потребуются даже не дни, а часы. И вообще Петропавловск элементарно сдастся на милость победителя при первых залпах корабельных пушек. В таком случае можно будет обойтись без высадки хорошо экипированного десанта.

* * *

Василий Степанович примчался домой. Ему предстояла решить еще одну, очень непростую задачу. Уговорить любимую супругу Юлию безотлагательно покинуть город.

— Пойми, дорогая, это не учения. Грядет самая настоящая война. Жестокая, беспощадная. А по сему, не как твой муж, а как командующий обороной, приказываю собрать всех наших девятерых детей и еще даму Гугореву с ее потомством, количеством шесть человек, и отбыть на хутор, вглубь полуострова. Это в двадцати верстах от селения Авачинск. Там будете жить в деревянных домиках. Все лучше, чем под открытым небом. Поспешайте! Более уделять внимание я вам сейчас не могу. Служба!

Петропавловск. Штаб обороны

— Дозвольте обратиться!

Перед Завойко вырос здоровенный детина, несший службу на одном из дальних маяков. И, не дожидаясь разрешения, выпалил:

— Дозорные углядели на горизонте эскадру. Вражеску! Вот туточки все изложено. Читайте сами, ибо я грамоте не обучен. Мне велено только без промедления доставить!

Командующий развернул мятую бумагу. «Фрегат «Президент» имеет пятьдесят две пушки. Фрегат «Пайк», насчитали 44 орудия, и еще пароход, и еще фрегат «Форт», и еще бриг «Облигадо» — примерно восемнадцать пушек».

— Да вы не волнуйтесь,— отвлек его посыльный.— В океане шторм начинается. Шибко быстро не прибудуть! Забояться. Мы же маяк загасим. Так что без разведки, оно никак. А вы уж, того, не сплошайте. Разведчика-то изловите. Или сразу на дно, гадюку таку. Чтобы, значит, не повадно було...

* * *

Не испытывая никаких мук совести, англичане подняли на пароходе «Вираго» нейтральный флаг Соединенных Штатов Америки. Под ним корабль и вошел в Авачинскую бухту.

Заметив это, обороняющиеся выслали бот.

Командир парохода решил встречи избежать и приказал немедленно ретироваться. Тем не менее разведчики смогли разглядеть береговые батареи, о чем и доложили.

Легкая виктория, на которую так надеялись союзники, не проглядывалась.

* * *

Командующий эскадрой Прайс собрал военный совет с целью выработать диспозицию. Первое. Уничтожить огнем всех кораблей береговые батареи. Второе. Следовать в гавань, подавляя при этом сопротивление российских орудий на «Авроре» и «Двине». По завершении артобстрела высадить десант. Третье. Захватить город.

* * *

— Не понимаю, о чем семафорит этот умалишенный с английского фрегата? Какая еще смерть? Чума, что ли, обнаружилась? Кто там у них преставился? Ох, уж мне эти союзнички! Сами воевать не хотят, а ищут повод нас вперед себя под русские ядра подставить! Так это первейшее дело!

Вахтенный офицер французского корабля записал полученное сообщение и приказал матросу:

— Срочно неси это в каюту контр-адмирала де Пуанта!

Тот переминался с ноги на ногу, не решаясь исполнить приказ.

— Ну, чего стоишь, как соляной столб? Живо к командующему!

Матрос открыл рот, чтобы возразить, но передумал, надеясь, что полученная информация не станет причиной начальствующего гнева. И обязательной в таких случаях зуботычины удастся избежать.

* * *

В бортовом журнале флагманского фрегата «Президент» появилась удивительная запись: «В 12 часов 15 минут пополудни контр-адмирал Прайс был поражен пистолетной пулей от своей собственной руки».

Командование эскадрой перешло к французскому контр-адмиралу Фебрие де Пуанту. Тот приказал ничего существенно не менять в принятой диспозиции.

Необъяснимая и загадочная смерть высшего офицера лишь ненадолго отложила наступление. Вражеские корабли приблизились к полуострову на расстояние пушечного выстрела.

Ближайшая батарея открывает по ним огонь. Эскадра отворачивает и попадает под ядра «Авроры» и «Двины». Неприятель отступил.

По дороге взяли в плен русский бот, груженный четырьмя тысячами кирпичей, и шестивесельный баркас. На нем гарнизонный квартирмейстер Усов, его жена и дети возвращались в город. Им ничего не было известно о начале войны, а по сему люди приняли вражеские корабли за эскадру русского адмирала Путятина.

* * *

Вечером в городе предполагалось дать любительский спектакль «Ревизор». На каждую роль назначили по два исполнителя, на тот случай, ежели в дневном бою какого-либо убьют или ранят.

Завойко уверял, что подобные мероприятия отвлекают народ от ужасов военных баталий. Спектакль, увы, не состоялся. Горожане уже жили войной. Каждый, без всякого принуждения, спешил на помощь солдатам и матросам.

* * *

Василий Степанович слушал доклад стоящего на вытяжку офицера и мрачнел с каждым словом.

— Численный состав девятьсот двадцать шесть человек, включая команду по тушению пожаров.

— Из них обученных военному делу не более половины наберется,— буркнул командующий.— Продолжайте.

— Орудий всего: шестьдесят восемь. По тридцать семь выстрелов на каждый.

* * *

Англичане совместно с пушками французского «Форта» вели одновременный огонь по русским кораблям и береговым батареям. Вражеский фрегат «Евридика» и бриг «Облигадо», подняв жерла пушек, пытались перекидным огнем, через Никольскую сопку, попасть в «Аврору» и «Двину».

* * *

Губернатор примчался к театру военных действий. Береговые орудия вели неравную дуэль с пушками левых бортов аж трех вражеских кораблей. Пушки соседних батарей умолкали одна за другой. Прибежавший оттуда солдатик жадно пил воду и докладывал.

Ваше благ...дь, там это. Лейтенанта Гаврилова прям в голову и ногу. А он того, от пушки не отходит. И в лазарет ехать отказывается! А как же из них палить-то можно, коли они уже землицей засыпаны так, что и колес не видать! Станки, все как один, перебиты!

По дороге в город Завойко встретил группу измученных людей.

— Мичман Попов, командир батареи номер четыре! — приложив руку к простреленному головному убору, доложил почерневший от гари офицер.

— Орудия закрепил и ушел. Ядра забрал. Оставаться на месте не вижу смысла. Диспозиция батареи противнику известна. Да и отвечать на его огонь не…

— Знаю,— перебил командующий.— Поспешите на соединение с первой, стрелковой.

* * *

Губернатор провожал супругу с детьми и горожанок с малолетками в дорогу.

— Пойдете пешком. Двенадцать верст. Пути сильно разгязнило прошедшими дождями. Видно, бог испытывает всех нас на крепость веры. Но телег я вам дать не могу. Они нужны здесь для подвоза ядер и пороха.

— Папенька! — старший сын Жора орал во все горло, требуя, чтобы его оставили рядом с отцом. И категорически отказывался уезжать в эвакуацию.

— Друг мой.— обратился Завойко к отроку.— Долг повелевает мне умереть за твою и мою Родину. А тебе, как старшему, надобно быть сейчас подле матери. Заботится о ней и о младших братьях и сестрах. Заступи в семье на мое место!

* * *

Де Пуант был вне себя от ярости.

— Батарея номер два до сих пор огрызается! А хваленый навесной, или как вы его называете «перекидной», только сильно поубавил запас дорогостоящих ядер! Не нанеся противнику сколько-нибудь ощутимого вреда. Можете полюбоваться! — Адмирал протянул подзорную трубу стоящему рядом офицеру.— Целехонькие. Приказываю спустить на воду гребные суда! Обрушить на этот проклятый полуостров наш десант! Я надеюсь, что шестьсот молодцов в состоянии уничтожить горстку пьяных русских вояк?

* * *

Одинокая батарея, как могла, сопротивлялась! Палила по приближающимся лодкам. Но силы были слишком неравны. И спустя некоторое время французские десантники, перекрикивая друг друга, подняли над редутами свой флаг.

И тут же попали под жесточайший артиллерийский огонь. По ним палили не русские. Их убивали «дружеским огнем» союзники, англичане.

Бомба, выпущенная с парохода, попала в центр только что захваченной батареи. Началась паника. Дополнили уничтожение десанта ядра с «Авроры» и «Двины».

В контратаку пошли все, кто мог. Это были матросы с кораблей и добровольцы из городских отрядов. Сто тридцать человек шли в беспощадную штыковую! И заставили хваленых десантников без боя убираться с родной земли!

Французы неслись к спасительному морю. Спускались по крутому обрыву. Многие падали вниз, что сеяло еще большую панику.

Мичман Николай Фесун, с «Авроры», позже рассказывал: «Неприятель отступал бегом и с такою быстротою, что, прежде чем мы подоспели к занятой им батарее, он уже был в шлюпках и вне выстрела, так что, несмотря на самое пламенное желание, в этот раз не удалось его попотчевать даже ружейными выстрелами».

Меж тем пушечная дуэль продолжалась до самого вечера. Пальба смолкла лишь с наступлением темноты. Обороняющиеся выдержали непрерывный огонь восьми десятков орудий. И выстояли, не сдались, флаг не спустили! Чуток передохнули и начали готовиться к новому сражению.

* * *

На берегу русские и камчадалы собирали оружие. Отыскали офицерские сабли и испачканное в грязи знамя морской пехоты.

* * *

Завойко отбыл на «Аврору». Уверял, что русские моряки в любой схватке сумеют постоять за Родину.

— Умрем, а не сдадимся! — раздалось разом со всех сторон.

* * *

После двухдневного затишья корабли неприятеля снялись с якорей и ушли в океан.

Юлия не выдержала. Побежала в город. Медведей и прочего зверья не боялась. Грохот орудий вынудил хищников забраться в лесные чащобы. И держаться как можно дальше от диких существ, нещадно истребляющих себе подобных.

Мужа увидела издалека. Растолкав окружающих его людей, ни сколько не стесняясь, бросилась на шею. Пару минут спустя Завойко, деликатно опустив жену на землю, оглянулся. Вокруг никого не было. Горожане молча ушли, дабы не мешать проявлению простой человеческой любви.

* * *

Флаг с девизом «По морю, по суше» единогласно доверили вести в столицу Максутову, как наиболее достойному.

Санкт-Петербург

Николай Первый уже более получаса слушал посланца, внимательно рассматривая доставленный флаг. Наконец произнес:

— Капитан-лейтенант, спасибо! Вы свободны. Соблаговолите сей ценный трофей передать в военную коллегию. Там знающие люди определят для полотнища подходящее место.

— Но, я всего лишь...

— Молодой человек! Вашему императору лучше знать, какого воинского звания вы нынче достойны! Ступайте. И не забудьте получить свои новые эполеты!

Петропавловск. Кабинет губернатора

— Господа. Надеюсь никого из вас убеждать не надо в том, что враги, как только позволит погода, обязательно вернутся! И тогда нам уже не выстоять.— Завойко стукнул кулаком по большой карте полуострова.

— Но ведь подмоги ждать неоткуда. Зима лютая. Ни по морю, ни по суше к нам никак! Неужто на милость врагу? — горячился один из присутствующих.

— Как командующий гарнизоном приказываю! Незамедлительно приступить к эвакуации порта! Все дома раскатать по бревнышку. Наиболее ценное, двери, оконные рамы, упрятать подальше в надежные места.

— А как быть с кораблями? «Аврора» и «Двина» ведь зимуют во льдах. Их же по бревнышку не раскатаешь...

— Ранней весной, когда лед маленько подтает, начнем вручную рубить во льду фарватер, по которому они уйдут в открытое море. Жители и казаки должны к этому времени подготовить для жилья бараки и землянки. Подальше от возможного театра военных действий. Задача трудная, однако не страшнее той, которую мы уже успешно порешили прошлым летом и осенью.

* * *

Вскоре вблизи Авачинской бухты появилась еще более мощная, чем прежде, эскадра. Об этом немедля сообщили оставшиеся наблюдатели.

Враг из всех орудий расстрелял покинутый город. Взяли в плен несколько человек. И отправились на поиски исчезнувших русских кораблей. Безрезультатно.

* * *

Союзники не знали главного секрета! Они считали, что Сахалин — это полуостров, а посему не существует пролива, отделяющего его от материка! Бросили якоря возле входа в Татарский пролив и стали дожидаться, когда русские корабли с истощенным от голода экипажем выйдут из западни. Для неравного боя. Тщетно!

8 июня 1855 года, палуба корабля «Тринкомале»

— Поднять парламентерский флаг. Будем обмениваться пленными. Устал я гоняться за этими русскими и обстреливать их пустые города,— буркнул командующий флотом в Тихом океане британский адмирал Брюс и отправился в каюту облачаться в парадный мундир.

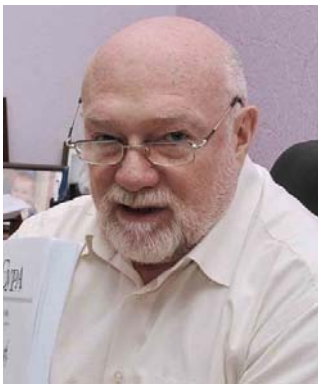
— Трех русских на одного англичанина и одного француза, плененных в прошлогодней компании. И из-за этого я проплыл полмира! Израсходовал тонны боеприпасов!

Санкт-Петербург. Дворец российского императора

— Чего там просит губернатор? Предлагает учредить медаль «За защиту Петропавловска», по аналогии с медалью «За защиту Севастополя». Да как он посмел сравнивать масштабы? Отпишите! В этом прошении — ОТКАЗАТЬ!

Самодержец поднялся с места и подошел к окну. Внизу, на площади, сновали кареты и фланировал разодетый столичный бомонд...

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ



Борис Шигин
(г. Пенза)

ЗАЩИЩЕНЫ ЛЮБОВЬЮ ТЫ и Я!

Борис Шигин — поэт, журналист, бард, главный редактор пензенского литературного журнала «Сура». Заслуженный работник культуры РФ, Заслуженный работник культуры Пензенской области, лауреат премии Союза журналистов СССР им. Карпинского, трех премий губернатора Пензенской области за достижения в области журналистики и литературы, четырежды лауреат всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова. Награжден большой золотой медалью Российского фонда мира за благотворительную деятельность в рамках международной программы «Русская инициатива», медалью «Лермонтов». Автор многих поэтических книг и песенных альбомов.

* * *

Не считал ни монет, ни стихов и ни песен,
Не был рад ни чему, что прельщало, маня...
Помню точно лишь то, что был счастлив и весел
В дни, когда ты хоть раз целовала меня.

Помню свет твоих глаз, помню волосы, губы.
Стану скрягой, лишь эти богатства храня.
Буду бить в барабаны, и дуть во все трубы
В дни, когда ты хоть раз поцелуешь меня.

Надоем. Стану стар и сварлив, тихо тлея.
Будешь гнать меня прочь, как собаку браня...
Брошусь в ноги к тебе, ни о чем не жалея.
Я был счастлив — ведь ты целовала меня!

* * *

Август... Будто молодость уходит.
Утром слышу каждый ее шаг:

Вот кричит из песни пароходик,
Переводит Киплинга Маршак.
И поют Высоцкий с Окуджавой
Не с пластинок... Живы — и поют.
И гордимся мы своей Державой,
И в домах без роскоши — уют.
Август... Будто молодость стучится.
Слышу в сердце каждый ее стук,
Алчной, ненасытною волчицей
Юных дней моих сужает круг.
А они — беспечные ягнята,
Как на карнавал, идут под нож...
До сих пор мне так и не понятно,
Как я жил? Все, август, подытожь:
Как мне сладко и пилось, и елось,
Кем я только не был увлечен...
Август, ты не молодость, а зрелость,
Если точно знаешь, что почем!
Отпусти грехи, скажи мне — с богом,
Просто так, без лишних слов скажи.
За медово-яблочным порогом
Ждут меня иные рубежи.
Дверь открой в безрадостную осень,
Может быть, последнюю уж дверь.
Утром треск заиндевелых сосен
Будет мне будильником теперь.
Август... Опустеют скоро скверы,
Скармливая вялый лист костру...
Август мой, люблю тебя без меры
За минуты эти поутру.

Андрей Шацков
(г. Москва)

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Шацков Андрей Владиславович родился в Москве. Автор тринадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ, премии правительства Российской Федерации в области культуры, а также многих иных литературных премий и наград. Главный редактор альманаха «День поэзии — XXI век». Ответственный секретарь журнала «Невечерний свет» (Санкт-Петербург).

«Куликовская битва принадлежит... к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение.
Разгадка их еще впереди...»

А. А. Блок

ПОСТРИГИ

ПРОЛОГ

(Монолог Ивана Красного — отца Дмитрия Донского)

Кому и сколько остается днесь?
Опять ветра заводят перебранку,
Принесшие с Востока злую весть
И с запада — гнилую лихоманку.
Я думаю: «Чудны твои дела,
Господь,
пославший эту завируху».
Но мы дружиной сядем у стола
И ножиком источенным краюху
Развалим,
сыну в детскую ладонь,
Нацедим сыть, чтоб пил единым махом.
Расти, сынок, души не охолонь,
Не опогань ее пустяшным страхом.
Половую не чти отца завет:
В тиши степей опарой зреет время,
Когда затмит стрелами белый свет,
И ты с порога вденешь ногу в стремя!
Когда приходят поры осенин,

В соитье губ сладка предзимья горечь...
Каким ты станешь в эти годы, сын,
И вспомнишь ли о нашем уговоре?
Не позабыв о тяжести вериг
Очелья Мономахова убора...
Как гулок голос княжеской крови
В миг пострига, средь суетного хора!

I. ПРЕДСТОЯНИЕ
(Август 1380 года)

Этот август, нарушивший сонный покой,
Разогнавший ветрами полынными одурь...
Слышишь, вороны грают за Доном-рекой?
Видишь, мутят сомы под обрывами воду!

В малахае упрятав и лоб и глаза,
Отгоняя докучного слепня камчою,
Нависает над Русью степная гроза.
Полыхает огнем горизонт кумачово...

Но все ближе гремит путевой бубенец.
Весь в пыли и дорожной невысохшей грязи,
С волчьих бродов несется усталый гонец,
Упредить о нашествии Дмитрия-князя.

Этот август тебе, как и осень, к лицу.
Это чувство тревоги до боли знакомо.
Слышишь, звезды стучат, словно дождь по крыльцу?
Видишь, тропы уводят до Дона от дома!

Утоли мне печаль, и тоску утоли.
Одари на прощанье узорчатым стягом.
Чтоб в серебряных росах легли ковыли,
Под размашистым, конного воинства шагом.

И пока над Россией звенят стремена,
Да пребудет одна у России потреба:
Чтобы вдосталь хватило на все времена
Благодатного, вольного, синего неба!

II. СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Сорит ветер ольховыми серьгами,
Матереет на озере гусь.
Вот и хлынула ордами, Сергие,
Беспросветная осень на Русь.

За распахнутой настежь околицей,
За Непрядвой и Красной Мечей,
Азиатская злобная конница
Табунится степной саранчой.

К мудрецу, не покрытому митрою,
На последний отцовский погляд
Благоверного князя Димитрия
Лебединые кони летят.

Где-то там, за болотными хлябями
Полыхает заутрени свет.
Вот и принята схима Ослябею.
Надевает клобук Пересвет.

Звон набата прольется со звонницы,
Распугав по кустам воронье.
Князь с игуменом молятся Троице
Во бревенчатом храме Ее.

И заветное знание Сергия
Возвещают святые уста:
«Разорвутся ордынские вервии!
Будет Русь от поганых чиста!!!»

Над Москвой, деревами-калинами
Отражаясь в затонах реки.
Вспыхнут стяги,
молодки за тынами
Закричат, провожая полки.

И пятная дорогу подковою,
За Коломну, за Дон, на рыси
Рать на поле идет Куликовое.
Вековечное поле Руси!

III. ВОСЬМОЕ СЕНТЯБРЯ*

В разломе клубящихся туч.
Неистово красен и ярок,
Горит обжигающий луч —
Ушедшего лета огарок.

Опять кулики надо мной
Спешат на заветное поле,
Где ханской повитый чалмой,
Бодрится Мамай на престоле

Велением властной руки:
Подняты бунчужные стяги,
Гарцуют степные стрелки,
Оружны наемные фряги...

Но паче врага торжества,
И паче столетнего страха,

* Битва произошла 8 сентября (21 сентября по новому стилю) в Праздник Рождества Пресвятой Богородицы.

Священный канон Рождества,
И смертная, внапуск, рубаха.

«Во первых семь дней сентября
На Дон собиралися вои...»
Скакали, коней торопя.
Шагали росистой травою.

Во первых семь дней сентября
Мне ночью неладное снится:
Тревожные трубы трубят,
И кличут вставать и рубиться.

Встаю, в лихорадке горя.
Упрямо прощаюсь с тобою...
Во первых семь дней сентября
На Дон собираются вои!

Река изовьется тесьмой,
Омоет кольчужные латы.
Грядет сентября день восьмой!
Святая нетленная дата.

Проклюнется робкий рассвет.
Затихнут лебяжии клики.
Задумчив стоит Пересвет
В преддверии славы великой.

И вздрогну, что днесь предо мной
Кочевник жестокий и хитрый.
И чувствую: Русь за спиной
И сын, окрещенный Димитрий!

IV. ЗАДОНЩИНА

Народному художнику России
В. Н. Балабанову

И будет памятен до боли
Платок, махнувший со стены...
Но темной ночью в ратном поле
Мосты хмельные сожжены.

Как будто вызрел в бездне буден
Нарыв, без коего нельзя...
И узок брод, и ханский бубен
Стучит, немилостью грозя.

Набрякло небо. В росах травы...
В Непрядве блик волны свинцов...
На берегу у переправы
Врага скуластое лицо.

Но Богородица простерла
Незримый оку омофор.
И... черной птицей мимо горла,
Стрела промчалась на простор!

И каждый, кто дышал — увидел
Коней летящих в полный мах.
И покатился Медный Идол
С вершины Красного Холма!

И на парящем кровью луге
Осела стая воронья,
И каждый, кто погиб —
*«ЗА ДРУГИ
СЛОЖИЛИ ГОЛОВЫ СВОЯ».*

И будет сладостно до боли
Из рук сомкнутое кольцо...
И ветер Дона — ветер воли,
Студящий весело лицо.

И в деревнях спасенных — семя
Готовят пахари под плуг...
Встает рассвет, бряцает стремя.
Пылает нимбом солнца круг!

V. ДИМИТРИЕВСКАЯ СУББОТА

Волчий попрыг... Плавает рассвет
В лужах крови загнанного лося.
Утренних лампад неяркий свет
Ветер в Занеглименье уносит.
Ударяют в сполох тут и там,
И крадется нечестью затынной
По векам, по весям, по пятам
Времени разбоя дух полынный.
И играет где-то во дуду
Чая встречи половецкий ворон...
Я Непрядву первым перейду,
И стрелой каленою спроворю —
В Диком поле рыщущую смерть,
Колченогой тенью Тамерлана...
А над Русью — дождь и коловерть,
Низкие осенние туманы!
А над Русью в стае облаков
Вспыхнет омофора позолота.
Зазвенит печаль колоколов
Дмитровской родительской субботы.
И взойдут озимые сквозь твердь
Колосом пшеницы и крестами,
Чтобы память попирала смерть
Свода летописного листами.

P.S. НОЧНАЯ СТОРОЖА

Памяти старшего сына Димитрия
(10 марта 1980 — 21 июня 2016)
с горечью посвящает автор

Нет в этом мире правды,
Да и того ль ты ждешь?
В пойме реки-Непрядвы
Ветер качает рожь.

Лютые оборотни
Чувствуют волчью сыть...
«Отче, позволь пол-сотни
Прапором осенить?

Да не поглотит темень
Нами заженный трут.
Семка, Игнатий Кремень,
Гридя — не подведут!»

«Сыне, тебе не приспело
С воями в пекло лезть.
Скажет Боброк: Не дело!
Скажет Бренок: Не в честь!»...

Взгляд его светлый — строже
Сделался, и синей.
«В первой пойду стороже!
Лучших возьму коней!»

Ах, как кричали птицы,
В смутной поре ночной.
Бьют родники-криницы
В быстрой воде речной.

И опустилось утро.
Бликами на пески...
Княжича русы-кудри
Вынесло из реки.

Были одним подобьем,
Как две слезы с лица.
Стал он моим надгробьем —
Смертным грехом отца

Души летят, как кряквы,
На ледяном ветру...
Нет в этом мире правды!
Нет и в ином миру!!!

Алексей Сухинин
(г. Орел)

Алексей Сухинин родился в д. Грязное Верховского района Орловской области. Лауреат Орловского областного литературного конкурса «Солнечное слово» (2017 г.), всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник» и конкурса «Стилисты добра» (г. Челябинск, 2018). Участник всероссийского совещания молодых литераторов в г. Химки в 2020 году.

ЛИСТОПАД

Бродил октябрьский листопад
Босым по саду,
Промокший с головы до пят,
Шуршал с досады,

Швырял озябшую листву
На паутину,
То буен был, как Вельзевул,
То тих, как инок.

Нарвав рябиновый букет
И став багровей,
Он красил землю в терпкий цвет
Венозной крови,

И на кошме нашел привал,
Средь скисших яблок,
Где тихо осень отпевал
Последний зяблик.

ДОМ

В самой сердцевине ночи
Ветер скребся серой мышью,
Домовым ходил по крыше,
Мир до нитки был промочен,
От небес и до обочин.

Утонув в своей печали,
Дождь завис над старым домом,

В нем коты мурчали в дреме,
Шевелились тени в зале,
А часы тихонько стали.

И в безвременье оставшись,
Дом казался чем-то вечным,
А капель, как стук сердечный,
Через форточку прокравшись,
Приглушала пошепт речи
Двух влюбленных, двух беспечных,
Двух уставших,
В дождь не спавших.

АВГУСТ

В дом ко мне зашел проститься
Август — месяц звездопада.
В уголке коптит лампада,
Застонали половицы,

На столе пирог из яблок;
Во дворе увидев кошку,
Пляшет румбу на окошке
Хитрый Васька — рыжий бабник.

Через дверь трещат цикады,
Старый пес рябой породы
Воет опусы и оды
Засыпающему саду.

Мы, гремя сервизом чайным,
Пили сидр, кричали тосты,
Август бережно и просто
Разгадал мои печали.

Он тайком ушел с рассветом
Плачем мухи в паутине,
Сквозняком качнул картины
И забрал с собою лето...

ЧЕЛОВЕК, НЕЧАЯННО ВСТРЕЧЕННЫЙ

Когда скиснет заката зарево,
Во дворах уснут звуки вечера,
Ты возьмешь меня робко зá руку,
Человек, нечаянно встреченный.

Будем речи вести вполголоса,
И, бродя мостовой старинною,
Созерцать, как луну на полосы,
Будто дольками мандаринными,

Режет тьма; сговорясь, прохожие
Нас двоих тет-а-тет оставили
Лишь с весной, разливной, погожею,
Да слепыми-глухими ставнями.

Вон церквушка в проулке вроде бы
Появилась, и снова нет ее,
Там Николка, босой юродивый,
В ржавой кружке гремит монетою,

Дотянул, горевой, до старости,
Грезя коркой да жизнью вечною...
Обещай, что мы не расстанемся,
Человек, нечаянно встреченный.

Анатолий Арестов
(г. Рубцовск, Алтайский край)

Наш постоянный автор.

КАНЦЕЛЯРИЯ НЕБЕСНАЯ МОЛЧИТ

Канцелярия небесная молчит —
поломалось в механизме полотно!
Проникает разлучистое сквозь щит,
зажелтевшее над городом. Пятно
засветило, засияло — не тепло!
Холода посеребрили гололед,
и синица забивается в дупло —
потребляющий энергию полет
не по нраву, разонравился в мороз.
Замело бы посильнее, занесло!
Отморозить можно клюв, почти что нос!
Без него, какое к черту ремесло?

ЗАМЕЛО

Случилось несчастье в степи окаянной:
под вечер внезапно метель замела,
закрыла своей сединой белотканной
полыни засохшей кривые тела,
ударила ветром, пуская осколки
стеклянных, прозрачных, холодных сердец,
разбитых любовью. Летели иголки
в стремительном вихре безумных колец.
Метель разыгралась... Студеное эхо
усмешкой взлетало и падало вдаль,
в конце превращаясь в подобие смеха,
из смеха рождая гремящую сталь...

ДУША РОССИИ

России чувствуете душу?
Взгляните вы на нашу степь:
В июльский зной, зимою в стужу —
России необъятна твердь!

Ковыль волной бежит от ветра,
Полыни грозный аромат,—
Здесь не найти пустого метра,
Звенит растительный набат!

Распустит цвет шалфей в июне,
И сине-красным вспыхнет степь,
Но, колокольчик, пригорюнив,
Не будет в небеса смотреть.

Лишь пижмы желтые корзины
Наполнят солнечным теплом,
Чабрец — источник дивной силы —
Раскинет запах напролом.

Не своенравной пестротой,
Не бурным, вычурным нарядом,
А безупречной простотой
России степь чарует взглядом!

ТРИ КРЕСТА

Россиюшка — Россия, Россия — моя Русь,
Тобой, моя Россия, безмерно я горжусь!
Живу в стране великой за пазухой Христа,
Несу в нелегкой жизни тяжелых три креста:

Надежда — крестик медный, окисленный слезой,
Слезой кроваво-бледной по Родине седой.
Седая от печали, от буйства прощелыг,
Спиной к народу встали, поставили на штык!

Серебряным крестом — любовь свою храню
К России, откровенно, не надо по рублю.
Любовь она такая, ни разу не соврет —
Страна моя лихая, но с дегтем слаще мед!

Цепочка золотая и крестик золотой —
Живая наша вера с кровавою слезой.
Цепочка золотая держит три креста
В Россиюшке, России, за пазухой Христа!

ГОДЫ ДЕТСТВА

Пустились вскачь по теплым лужам,
кружась от радости, крича,
в июньский день до ночи дружим,
гоняем по степи грача.
Все! Надоело. На березу —
ребята лезли. Кто вперед.
«Ну, ободрался, что за слезы?
Какой мужик с тебя растет?

Пойдемте лучше в старый трактор —
у края поля, вон, стоит!
Нет я за руль.
А я — как в танке,
и у меня броня блестит!»
Златое время наше детство
и сохранится навсегда,
легко откроем в память дверцу
и вспомним «легкие» года.

РОДНОЕ

Протекает по селу в овраге речка
мелкая, с покрытым галькой, дном.
Не найти красивее местечка —
пескарей вертлявых отчий дом.

Берег-склон, поросший разнотравьем,
дал приют для стаи мелких птиц,
в жар июльский занятых купаньем
желто-белых молодых синиц.

Гнется за селом овраг в ложбине,
как былинный старорусский змей.
Нет на свете места и в помине
тише, распрекраснее, светлей!

СОН ГЛУБОКИЙ УНОСИТСЯ ПРОЧЬ...

Кипарисовый ствол телевышки
на распорках канатных стоит.
Обжигает краснеющей вспышкой
ночь туманную ламп колорит.

Нет движения — город в покое,
успокоен прохладой сырой.
Замерзающий, пьяненький воин
пробежал, спотыкаясь, домой.

Отдыхающей жизни пылинки
оседали на плоскости крыш.
Остановок забытых кабинки,
омертвели в рассветную тишь.

Соты окон хрущевского улья
темным медом заполнила ночь.
Отдых лучше дневного разгулья —
сон глубокий уносится прочь...
Утро.

ВЕНЕЦ ПРИРОДЫ

Нам не доставить миру красоты —
мы беспардонны и нелепо жалки,
мы топчемся на острие иглы,
и рвем с ухмылкой летние цветы,
и производим мусорные свалки.
Заводы, фабрики, цеха, промзоны,
нам уготована жизнь без преград.
«Венцу природы» дайте же корону,
за то, что землю превращает в ад!

В КОСМОСЕ ДАЛЬНЕМ...

Мысли летят в безымянность к далекой звезде,
Волнами круг огибают планеты безумно красивой,
Гордо плетутся в кометном блестящем хвосте,
Словно боятся космической мериться силой!

Свет не догонит умчавшийся вдаль силуэт —
Мысли прошили пространство и грешное время,
Слово земное застряло в движеньи планет,
Где-то в Туманности вырастет павшее семя.

Елизавета Баранова (Весина)
(г. Тула)

Наш постоянный автор.

ЧЕРТОВА КАРУСЕЛЬ
(цикл из пяти стихотворений)

1

Самый теплый вечер — один в году,
непременно, в самом конце июля:
детворы — как будто, открыт в саду
пчеловода сладкий медовый улей,—

на площадке детской сбежавший рой —
облепил качели — жужжит,
не жалит.
Самый теплый вечер, и мне —
одной —
не хватает толстой махровой шали:

то заставит мерзнуть дурная мысль,
то сожмется сердце,
то плечи дрогнут.
Убеждать себя — наконец, возьмись —
изживи свои непростые догмы! —

хорошо, полезно, но...
не могу...
Надо мной луны золотая пуля...
Самый летний вечер — один в году,
непременно, в самом конце июля.

2

День рожденья сына,—
сынок, сумей —
посчитай — какой поздравляем пальчик?
Сын играет в прятки,
и в синеве
сына теплый вечер — июльский — прячет.

Муравьи уносят ванильный корж,
и вишневый сок в муравейник пролит.
Все, как будто, в сказке,
и так похож
каждый взрослый на
типового тролля,—

пережиток жизненный,
опыт,
стресс,—
и не тролли даже — сплошные зомби.
Только дети могут достать с небес,
раскачавшись сильно, живые звезды!

...«Многословно.
Людно.
А ты молчишь?» —
Мой вопрос сейчас адресован мне же...
Слышен скрежет ножниц — протяжка-стриж
на косые полосы воздух режет...

3

Чем цветнее грани алмазных рос,
тем спокойней... но
расслабляться рано,—
я боюсь, что сын мне задаст вопрос:
«Он придет сегодня, ответь мне, мама»?

Между мной и сыном — тяжелый стон —
заглушен,
спрессован в микроны гранул.
— Он придет сегодня?.. ... ...
И, будто, гром
посреди июльского неба
грянул,

и от грома, будто, погнулась ось,
и Земля от грома сошла с орбиты,
и по кругу прошлое понеслось —
его коды,
шифры,
программы,
биты,

замелькала вечность,
пошел процесс
превращенья дробности в непрерывность.
Я стою, и мир мной насыщен — весь,
я стою по центру,
стою — не двинусь.

4

Ощущаю скорость.
Быстрей,
быстрей
мчится долгий миг, будто в страшном фильме,—
раскрутилась чертова карусель
неизвестных отчеств,
имен,
фамилий,

гениальных планов,
плохих идей,
откровений,
судеб,
чужих историй.
Я — и чертова карусель —
не присесть,
не спрыгнуть — вращайся, стоя!

...Он придет сегодня?
Придет?
Придет?..
Карусель
все бешеней,
все безумней.
И какой законченный идиот
называл меня за глаза везуньей?..

...Лунной пулей метко пробита синь,—
сведены, как будто, с астралом счеты...
...От придет сегодня?
Придет?..
...И сын,
изучив меня, понимает что-то...

5

...Вот такая крутится карусель,—
не сравнить с такой, что крутилась в детстве:
состояние разума,
параллель
к ледяной пустыне рубца на сердце.

Очень близкий кто-то сорвал бы цепь —
ту, которой к черной дыре прикован,
но не может.
...Близкий...—
ничто в лице,
пустота в руках —
и не важно — кто он.

Не расскажешь правды —
убережешь
эту — в два крыла за спиной — беспечность,—
и застрянет в горле святая ложь,
и со взглядом сына, солгав, не встречусь.

...День рожденье сына...
Родной июль...
Я желаю всем и тебе, сынуля,
чтобы стала сотой из сотни пуль
золотой луны роковая пуля.

Николай Тимохин
(г. Семипалатинск, Казахстан)

Наш постоянный автор.

АСТАНА

Ты — моя любимая столица
Лучезарный город Астана!
И в тебя так трудно не влюбиться,
Моему ты сердцу отдана.

Воспеваю я твои просторы,
Высоту и красоту домов.
Их цвета и яркие узоры
Описать моих не хватит слов.

Ты столица — символ Казахстана.
Астана — рождение чудес!
И тебя хвалить я не устану,
Возвышая словно до небес.

Ты — моя любимая столица
Лучезарный город Астана!
И в тебя я навсегда влюбился,
У меня такая ты одна.

* * *

Дорога, длинная дорога
Ковром лежит передо мной.
По ней иду давно и много,
Вдали оставив дом родной.

Остались в прошлом все печали,
Моя любовь к тебе одной.
Ее смогу забыть едва ли,
Хоть стала ты совсем другой.

Иду в жару я и в ненастье,
Чтоб одолеть нелегкий путь.
Искать свое повсюду счастье —
Быть может, в этом жизни суть?

Дороги, новые дороги...
Как долго мне шагать по ним?
Остались позади тревоги.
Любовь растаяла, как дым...

* * *

Вся твоя красота — это тайна.
Не могу я ее разгадать!
Ты загадочна необычайно,
И к тебе я желаю опять

Прикоснуться, как к звездам, губами,
Чтоб остаться с тобой навсегда.
Описать твои очи словами
Я не в силах. Твоя красота

Не дает много лет мне покоя.
Не могу я найти себе места.
У меня предложенье такое:
«Согласись стать моею невестой!»

Ты и вся красота твоя — тайна.
Не дари мне молчанье опять.
Наша встреча с тобой не случайна.
Ты хоть что-нибудь можешь сказать?

* * *

Вновь до утра мне не уснуть,
Когда со мною рядом ты.
Нас ждет с тобою долгий путь
В страну любви. От красоты

Твоей небесной, неземной,
Я чувствую души полет.
Рожден он давнею мечтой
О счастье нашем. Вновь придет

Рассвет — желаний исполненье.
Мне не смокнуть глаз до утра,
Ведь это страсти наступленье
И вечная любви игра.

* * *

Мне фонари в глаза пускают свет
И не смогу уснуть я до рассвета.
Все кажется, конца у ночи нет.
А новый день за горизонтом, где-то —

Лишь на подходе... Что он принесет?
Заранее никто не в силах знать.

И я гадать не стану наперед —
Потери или счастье? Но опять

В глаза мне фонари пускают свет.
И не усну теперь я до рассвета.
И кажется, прошло так много лет.
И жизнь промчалась пулей, как комета.

* * *

Девушка сидела у окна
И весну встречала по мгновеньям.
Прятала в глазах тоску она.
На нее смотрел я с восхищеньем.

Мне бы подойти к ней и сказать:
«Не встречал я красивее Вас.
И хочу влюбиться я опять,
Как когда-то в прошлом». Но в тот час

Я не смог произнести ни слова.
Мысли разлетались, словно птицы.
А душа моя была готова
К девушке той милой устремиться,

Что сидела тихо у окна.
И, весну встречая по мгновеньям,
Прятала в глазах тоску она,
Ожидая счастье с нетерпеньем.

Владимир Шугля
(г. Тюмень)

ЭХО ВОЙНЫ

Наш постоянный автор, Почетный консул Республики Беларусь в Тюмени.

* * *

Какая сила Русь нам сотворила? —
Ее я в каждой чувствую версте.
Высоких душ божественная сила
В ее волшебной, дикой красоте!
Объять бы мне ее не понарошку,
Поля и долы, синий окоем.
Вот промелькнула за окном сторожка —
И снова лес, таежный лес кругом.
Летит навстречу рельсам полустанок.
Стоит с флажком в руке Сибирь-краса.
Ее зовут, быть может, Марья, Анна...
И дальше вновь леса,
леса,
леса...

* * *

Стою один... А новый век
Ощерил улиц пасть.
Металла бесконечный бег
Свою диктует власть.

С тобой, живое время, весь
Среди борьбы и бед,
Числа которым и не счесть —
За все держу ответ.

Передо мной прогресса пир,
Былого стон и крик...
Со мною — дни, со мною — мир,
Что жалок и велик.

Я твой, живое время, весь,
В тебе мой робкий след,
В тебе моя песчинка есть —
За все держу ответ...

...Душа — греховной жизни весть —
Летит в небес просвет...

Андрей Кулюкин
(г. Североморск Мурманской области)

Родился в Москве. Участник литературного объединения «Зеленая гостиная», г. Североморск, лауреат литературных премий и конкурсов. Автор сборника стихотворений «Стихи на бересте».

ЗАМЕТАЛО ПУРГОЙ ЗАХОЛУСТЬЕ...

Заметало пургой захолустье,
Поседел кроткий мой уголок.
Будто матушка полная грусти
Свой пуховый надела платок.

Не печальтесь поля, не печальтесь,
Что дремать до весны суждено.
Пусть снежинки, над вами качаясь,
Осыпаются белым зерном.

Пусть на святки зима заговором,
Охраняя заброшенный край,
Наколдует российским просторам
Благодать и хлебов урожай.

Пусть апрель, растопляя морозы,
Прикоснется ладонью зари.
Теплым ливнем в весенние грозы
Пусть напьются твои пустыри.

Возвращусь я плакучей весною,
Через горы пройду и леса,
Чтобы спины полям бороною
Перед сном осторожно чесать.

Чтобы трав шевелюры граблями
Завивать, словно гривы коней,
Да во поле простыми словами
Помолиться за русских людей.

НАСКОЛЬКО КРАСИВА У РУССКИХ ДУША

О спелой любви призадумались травы,
Бубенчиком белым звенит черемша.
Увидев, как сумерки тают, представил:
Насколько красива у русских душа?

Где липовый воздух расплылся сладчайший,
Оставило солнце свой розовый след.
Под тихие звуки вступленья к «Хованщине»
В реке искупался дрожащий рассвет.

Укуталось поле туманом лиловым,
Проснулись во ржи васильки-звонари.
Поет про сиреневый край Толкунова
Жалейкой кленовою с хором зари.

Случайно в скрипучих корягах смолистых,
В тиши благодатной еловых лесов
Волшебные выронил краски да кисти
Гулявший с утра молодой Васнецов.

Катается солнце в бордовом атласе,
К полудню растопится банькой денек.
С покосов веселый Кольцов возвращался
По пыльной тропинке в родной хуторок.

Он вслух золотые стихи прочитает.
Ступай-ка, ступай-ка, поэт, не спеша.
Пускай все увидят, услышат, узнают:
Насколько красива у русских душа.

* * *

Утро солнцем обогрето,
Нараспашку небеса.
Поделись со мной рассветом,
Ясноокая весна.

Эх, капели, звон да сырость —
Небо льется через край.
Раньше в рай душа стремилась,
А теперь весна как рай.

И не жаль душе бессмертья.
Воздух светел и багрян.
Дарит радость на рассвете
Соловьиная заря.

Для бессмертья — что рожденье?
Только раз давным-давно.
В жизни то благословенней
Что весною рождено.

Что рождается в природе
С голубых весенних дней,
С ледохода, половодья,
Первых гроз и журавлей.

РЖАВЕЕТ ЛЕС

Ржавеет лес на дальней сопке,
Дрожит пожухлая трава.
Опять вещал с утра синоптик:
«Сегодня дождь, и ноль — плюс два».

Задул у лета в изголовье
Сентябрь огарок от свечи.
Надолго солнце спрячет снова
За горизонт свои лучи.

Где есть конец — там есть начало.
Старушка осень обелит
Холодным инеем причалы,
Где гулко стонут корабли.

Кому-то осень — лес багряный,
Кому-то — горестный конец.
Пускай туман. Но из тумана
На землю краски льет Творец.

Мрачнеют северные дали,
Зевает дымкою залив.
По мне — осенний день — печален
И разноцветностью красив.

Весь мир, как желтым покрывалом
Укрылся крохотным листком
Перед концом, перед началом.
Перед началом и концом.

Игорь Ремишевский
(г. Элиста, Калмыкия)

НОВЫЕ СТИХИ

Стихи начал писать еще в школе, продолжил в студенческие годы. Во время работы в Главном управлении МЧС России по Калмыкии были написаны стихотворения о Великой Отечественной войне, работе пожарных и спасателей. В прошлом году в канун сорокалетия был издан первый сборник «Пятью восемь — сорок».

* * *

Я не Лермонтов, не Пушкин,
Говорят, пишу я бред,
И лишь равный им поэт
Не оставит равнодушным.

Дескать, должен быть талант,
Божья искра в каждом слоге,
Мол, дано это немногим.
Ты же — просто дилетант.

Да, родился не поэтом.
Бог талантом обделил.
Только мудрый говорил —
Лишь трудом пробьешься к свету!

Очень часто свой талант
Люди в землю зарывают.
И вовеки не узнают —
Кто поэт, кто музыкант.

Да, не гений я, и что же? —
Есть потребность мысль нести,
Значит виршей нить плести
Буду, чтоб умы тревожить!

СОКРАТ

«Чем больше знанье, тем незнание сильней»,—
Сказал своим ученикам философ.
Не поняли они суть мысли сей,
Она лишь больше родила вопросов.

Изрек тогда мудрец: «Мои друзья,
Представьте — внутри шара мое знанье,
А то, что не изведал еще я,
Снаружи тяготится в ожиданье.

И чем сильней познания плоды
Растягивают этой сферы чрево,
Тем шире на поверхности сады,
Неведенья рожденные посевом».

ГАРМОНИЯ

Если белой кистью попытаться
Рисовать по снежному холсту,
Можно быстро разочароваться,
Не узрев картины красоту.

Если в мир бумаги белой двери
Черным углем взяться открывать,
Не сумеет мастер в полной мере
Мысль свою в рисунке передать.

Лишь палитра, красками играя,
Угодит художнику вполне.
Ей подвластны зелень листьев в мае
И багрянец хвороста в огне.

Так и жизнь невзрачными мазками
На своем пути оставит след,
Если окраплен он лишь слезами
Или соткан только из побед...

Николай Еремин
(г. Красноярск)

СТИХОТВОРЕНИЯ

Наш постоянный автор.

* * *

Слева — нищий с белою душой.
Справа — нищий с черною душой.

Приоткрыты двери
В Божий храм...
Что сегодня происходит там?
Свечи...
Хор...
Святая благодать...
Сколько
Нищим грешникам подать?

* * *

— Поэзия подобна чуду...
Читай!
Ищи себя! Пиши!
— Ага, вон сколько книг повсюду —
И
Ни одной живой души...
Все авторы,
Увы и ах,
Давным-давно на небесах...

ТРИ СЕСТРЫ

Поэзия — конечно же,— любовь!
Да, две сестры...
А третья —
Вдохновенье,
Равняющее вечность и мгновенье —
Внезапно,
нежно,
страстно — вновь и вновь...
О, сестры!
О, мечты! Где вы? Уже
Одни воспоминания в душе...

ВЗГЛЯД НА СЕБЯ ИЗНУТРИ И СО СТОРОНЫ

1

Болит душа... Суставы... Зубы...
Все тело грешное
Болит...
И раздражительный,
И грубый
Я стал почти что инвалид,
По воле Космоса,
Увы,
Смотрящий выше головы
Туда, где ласковый Тот свет
И счастье в том,
Что боли нет...

2

— Где счастье? Всюду бездорожье...
И путь один,—
Сказал поэт.
— В России выбор невозможен,
Увы,
Альтернативы нет.
По мановению руки
Идешь —
И видишь тупики
И на земле, и под землей,
И над...
Что делать? Боже мой!
Везде — таблички, честь по чести:
«Вход — сто рублей...
А выход — двести...»

ОБЪЯВЛЕНИЕ

«Окутан черным небом Красноадск...
Здесь бездыханно
Спят отец и мать...
...Мечтаю перебраться в Краснорайск,
Чтобы вкусить у моря
Благодать...
И солнцелунным воздухом дышать...
И с Музой в шалаше
Стихи писать...
Ни Братск, ни Красноярск
Не предлагать!»

НА ФЕСТИВАЛЕ

На фестивале —
Полон света
И темных вдохновенных сил —

Провинциального поэта
Поэт столичный
Победил...
Точней сказать —
Совсем убил
Обыкновенными словами...
С тех пор —
Куда б меня ни звали
На конкурсы и фестивали —
Я без сомненья
Всякий раз
Шлю сожаленья
И отказ...

* * *

Спасибо Солнечному Югу,
Что
Возле Эвксинского Понта
В глаза взглянули мы друг другу,
Соединив
Два горизонта...
Где до сих пор —
Зенит в зенит —
Нас не смогли разъединить...
Все гениальное — прекрасно:
И Муза,
И стихи ея,
В которых солнце светит ясно,
А возле моря —
Ты и я...

НА КНИЖНОЙ ЯРМАРКЕ

Урра!
Я денег накопил —
И книгу толстую купил:
«Как стать счастливым и богатым —
И жить, ни в чем не виноватым».
Дай, Бог,
Прочесть семьсот страниц!
В них — Твоя мудрость без границ...
Богатство — это ерунда...
Вот стать счастливым,
Это — да!

ПО НОЧАМ

1

Стихи бывают
Ни о чем,
И обо всем бывают...
Ко мне являясь по ночам

Откуда ни возьмись,—
Они звучат,
Они поют,
Собою удивляют
И заставляют за собой
Стремиться вдаль и ввысь...
Туда, где рад ты иль не рад,—
Среди иных миров
Слова без музыки звучат,
А музыка —
Без слов...

2

Молчит в ночи ночная жаба...
Молчит в груди
Грудная жаба...
И сердце просится в полет...
И под гитару Окуджава
Поет из космоса,
Зовет...

СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ

Писал стихи,
Считал себя поэтом...
И деньги зарабатывал на этом,
Безбожный
Исполняя соцзаказ...
Преподавал,
Точней — дурачил нас,
Увы, в литературном институте,
На нем паразитируя, по сути,
Он заставлял студентов —
Сущий бес! —
Слагать
По строчке
Гимн КПСС...
. . . . . .

Но тут сменились эра и эпоха:
Что было хорошо,
То стало плохо...
А то, что плохо —
Стало хорошо...
Под возгласы:
— Ужо тебе! Ужо! —
Пошел вокруг
Таинственный процесс —
Без СССР
И без КПСС...
И наш препод,
Поэт, по виду — бес,
На клиросе поет: —

Христос воскрес! —
Как видно,
Выполняя соцзаказ —
И для себя,
И для народных масс...

ПРЕДЗИМНИЙ СОНЕТ

Я вновь один — Эх, ма! —
Без вас, поэты-братья...
И вновь зовет Зима
Меня в свои объятья...
Приветливо-хитры,
Звонят, зовут негромко
Ночами три сестры —
Метель, пурга, поземка...
И мне, рабу надежд,
Придется, может статься,
Смирив души мятеж,
Одной из них отдаться...
Чтоб вместе видеть сны
До будущей весны...

МУЗЕ

Нас ждал
Бездомный сад...
За ним — бездонный ад...

И мы
Взлетали в небо
Путем вина и хлеба...
Спасибо, что влюблен
В тебя,
Тобой любим,
В простор иных времен
Мы
до сих пор летим...

ПЕСЕНКА

На пути к небесным высям
Я — среди земных затей —
Почему-то стал зависим
От завистливых людей...
Сердце друга зависть гложет,
Ничему-то он не рад...
Быть не может! Но, быть может,
Перед ним я виноват...
Потому что он, сердешный,—
Не прозаик, не поэт,
И в душе его кромешной

Никакой идеи нет...
Оттого и смотрит в оба
Глаза — ненависть храня,
Что его скрутила злоба
На себя и на меня...
Оттого-то, может статься,
Он, улыбчивый слегка,
Вновь не может отказаться
От стакана коньяка,
Что в пути к небесным высям,
Прерывая свой полет,
Каждый пишущий зависим
От того, кто с ним не пьет...

ЛЮБОВЬ

Любовь была — сначала — острой...
Потом — как водится, подострой...
Потом —
Лекарственно-устала —
Хронической любовью стала...
Потом — обычные дела —
Взяла, увы, и умерла...
А ведь могла б —
Иным под стать —
Бессмертной ненавистью стать...

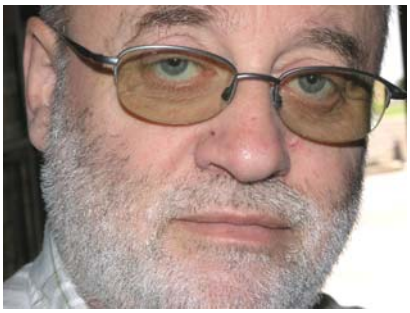
* * *

У Бога ли, у Жизни — днем ли, ночью —
Ни смерти,
Ни бессмертья не прошу...
С самим собой беседуя воочию,
Покуда получается,—
Пишу
О том, о сем,— пускай горит душа!..
А сжечь стихи
Не стоит ни гроша...

* * *

Ты делаешь вид,
Что доволен
Тебе уготованной долей...
И чувствуешь, что
Очень болен,
Увы, меж неволей и волей...
Стоишь, чуть качаясь, под ветром...
Себе говоришь,
Что бессмертен...
И воздух бессмертья вдыхаешь —
И чувствуешь,
Что умираешь...

Марк Полыковский
(г. Ашдод, Израиль)



ВОЗВРАЩЕНИЕ

Наш постоянный автор.

* * *

Следы на цыпочках ушедших слов* —
всего лишь знаки на листе бумажном,
напоминание о чем-то важном,
как гул забывших звон колоколов,
как рябь на водной глади после шторма,
как капли на траве — следы дождя,
как пряный запах сочного груздя,
как ношеная в детстве униформа,
забытая на вешалке в шкафу,
пропахшая за годы нафталином
в соседстве с полустлевшим кринолином,
как шелест волн... Забытую строфу
вернувшие как будто ниоткуда
на цыпочках ушедшие слова.
Они пришли. Дописана глава.
Нет, я не ожидал такого чуда.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Пуст твой кошель, и закрома пусты,
И щи твои сегодня не густы,
И пуст печалью опаленный взгляд,
И хворост не трещит в печи твоей,
И конь не ржет у запертых дверей —
Все так, как много лет тому назад.

Я дверь открыл, и я вошел в твой дом,
Печаль и боль оставив за углом,
И я узнал твой неподвижный взгляд,
И я обнял тебя, к себе привлек,
Я с Запада вернулся на Восток —
Войну возненавидевший солдат.

---

* Владимир Набоков. Памяти Л. И. Шигаева (Берлин, 1934 г.).

ПРЕДЗИМНЯЯ НОЧЬ

Последний день осенний отлетел,
и ночь черна, и месяц еле-еле
по небу плыл, и тени загустели,
и старый кот на лавочке кряхтел,
предчувствуя грядущую усталость
от жизни и наскучивших хлопот,
от смены лет и зим. Уже не ждет
он в жизни перемен, кошачья старость
не очень-то притягивает взгляд,
как всякое в природе увяданье,
ну да, она внушает состраданье,
но мимоходом, не у всех подряд.
А в воздухе предзимняя прохлада,
вода в заливе, черная, как ночь,
огни на дальнем берегу точь-в-точь
напоминают мне огни Эйлата.
Последний день осенний отлетел,
пришел декабрь — не северный, а южный,
но, как везде, гриппозный и недужный
и, как всегда, он полон разных дел,
и я опять сижу и размышляю,
когда, куда, зачем, и почему,
и что теперь? Ведь, судя по всему,
я не по осени, а по зиме гуляю.
Смирись с зимой, осенний человек,
смирись, ведь, говорят, бывает хуже,
ты не один, а вместе все мы сдюжим —
и так продолжим доживать свой век.

ОСЕННИЙ РАЗЛАД

Пришел ноябрь, и мысли в беспорядке,
И облачно, свежо, и нет жары,
И вновь слова со мной играют в прятки,
И мне отрадно от такой игры.

И вот уж гуси, выстроившись клином,
Опять гогочут в небе надо мной,
И в дуновении неуловимом
Как будто вновь повеяло весной.

У осени моей весенний запах,
И оттого в душе переполох.
Я вспоминаю, как в плащах и шляпах
Ходили мы на стыке двух эпох,

Тогда ноябрь пах не весной, а снегом,
Дожди частили с самого утра,
Как тени мы слонялись по аптекам,
И грипповали даже доктора.

Осенний день был сумрачным и серым,
А ночь — как у Малевича квадрат,
Еще не мастером, уже не подмастерьем —
Я был той осенью невиданно богат.

Не все сбылось из прежних устремлений,
И вот опять ноябрь — уже не тот,
И я не тот, и память поколений
Давно во мне проснулась, и живет,

И треплет мысли, приводя в порядок
И облекая в нужные слова,
И этот труд пленителен и сладок.
А за окошком шелестит листва,

И веет ветерок, неся прохладу
И мартовский щемящий аромат,
И нет во мне самом с собою сладу —
По осени всегда такой разлад.

Геннадий Васильев
(г. Красноярск)

Геннадий Михайлович Васильев родился в г. Томске. В настоящее время живет в Красноярске, журналист, поэт и прозаик, член Союза российских писателей. Стихи печатались отдельными сборниками: «Посвящение друзьям», 1996 г., Красноярск, «Весенняя песня скворца», 2014 г., Красноярск, «Акварели», 2019 г., публиковались в коллективных сборниках, альманахах, журналах «День и ночь», «Енисей», «Байкал».

* * *

Жизнь рассудит, Господь разберет,
партитуру распишет по нотам.
Говорите: «Движенье вперед —
результат каждодневной работы».

Это так. Только в белом платке,
перед парами глаз не маяча,
на отшибе, в тиши, в уголке
притаилась подруга Удача.

Вашей мысли орлиный полет
без нее — только хвост самолета.
Хоть, конечно, движенье вперед
есть продукт повседневной работы.

Но усмешкою скошенный рот —
вам неясно, что все это значит?
И смеется хитрюга Удача:
«Жизнь рассудит. Господь разберет».

...На отшибе, в тиши, в уголке
утаилась от сглаза Удача.
И смеется над вами, и плачет.
И гадает себе по руке.

* * *

Моросит по-утреннему редко.
Белый тополь смотрит свысока.
Желтая корявая монетка
прячется в кудлатых облаках.

Я иду. Мне зонтика не нужно.
Лоб упрямый дождик освежит.
Ты сидишь у зеркала. А в лужах
этот город утренний лежит.

Пузыри на лужах — как подростки.
Серый шелк на небе... Не беда!
Ты киваешь зеркалу: «Все просто!
Дождь пройдет — настанут холода.

Белый тополь обнажит суставы,
бахрома украсит провода...»
Я тебя любить не перестану.
Дождь и снег — они не навсегда.

МОЦАРТ

Дирижер обращается к скрипкам,
на солистов с надеждой глядит...
Это Моцарт. Осенний постскриптум,
к сентябрю восходящий вердикт.

Это Музыка, сильная доля.
Это Моцарт — и что тут сказать?
Альт отводит беду за бедою.
Внемлет скрипкой оплаканный зал.

Эта Музыка сферы колышет.
Это Моцарт. Ну, значит, не зря
дирижерская палочка пишет
нотный текст на листах сентября.

Это Моцарт.
Листва пожелтела.
Это осень — и Музыка сфер.
Это слушал — ведь ты разглядела? —
рядом с нами старик Агасфер.

Виталий Кузнецов
(г. Новочеркасск)

Наш постоянный автор.

АЛЛЮЗИИ

Устал выходить один на дорогу.
Я стал глупо жить, но внемлю я Богу!

Умчался мой конь весеннею ранью.
В душе не огонь — я будто бы ранен.

Как много застал я чудных мгновений!
Да видно устал — все больше сомнений.

Ведь жизнь прожита. Своя ли? Чужая?
В душе пустота... Есть место для рая!

ЖИЗНЕННЫЙ КРУГ

Замыкается жизненный круг.
Заполняется точка за точкой.
И я понял не сразу, не вдруг,
Что живу я как волк-одиночка.

Страшно выйти за проклятый круг —
Обрамлен он как будто флажками.
Сам себе я единственный друг.
И тяжел одиночества камень!

Пару раз выбегал я за круг.
Утопал в новизне, восхищался!
Но включался врожденный испуг —
И не сдюживал я, возвращался.

Пусть сужается в круге зазор.
Мне-то что, мне уже не так важно.
И слабеет побега задор,
И не хочется действий отважных.

Я останусь навеки в кругу,
Ближе к центру стараясь держаться.
Я же волк, выйти «За» не могу.
В круге я обречен оставаться.

ОЖИДАНИЕ ПРИБОЯ

Я родился давно —
Еще Халл называли Гулем...*
Я устал, и ожить смогу ли? —
Мне пока все равно.

Все равно мне пока.
Ведь неясны, размыты цели.
И корабль мой застыл на мели —
Обмелела река.

Но нахлынет прибой!
Мой корабль устремится в море.
Ведь прибой неизбежен вскоре —
Это встреча с тобой!

АБСОЛЮТНОЕ СЧАСТЬЕ

Абсолютное счастье!
Ослепительно ярко!
В честной битве с зимою
Победила весна.

Отступило ненастье.
Сердце жаждет подарка.
Ощущенье такое —
Я вернулся из сна.

В этом сне было страшно,
Все казалось ушедшим:
Отмолчали тревоги,
Отзвенели мечты.

Но ушел день вчерашний.
И, надежду нашедший,
Я — в начале дороги,
Вдоль которой цветы.

Раскаленное солнце
В светлой дымке немного.
От лучей защититься
Не спешу я рукой.

Словно в небе оконце,
Приоткрытое Богом.
Чтоб ко мне обратиться,
Ниспослать мне покой.

ПРОЩАНИЕ С СУХУМОМ

Ну прощай же, Сухум! Рябь морская дрожит.
И отводят глаза мертвецы-этажи.

* Гуль — устаревшее название города Халл в Англии.

Этажи-миражи. Окон горестный ряд.
След оставил шальной сумасшедший снаряд.

Но какой же снаряд след оставил уже
На бессмертной моей заплутавшей душе?!

Я приехал сюда: чувства мертвы, сух ум.
И просил: «Исцели, дай надежду, Сухум!»

О, Сухум, дорог мне твой чумазый песок.
Отогрел он меня, и я прежним стать смог.

Чуя ветер морской, чуть ровнее дыша,
Воскресала душа, расцветала душа.

Но я понял, что мне не вернуться сюда.
Ни в какие года, никогда, никогда.

Ведь не сможет вместить даже целая жизнь
Всех домов этажи, всех песков миражи.

ДРУГ УМЕР...

Зазвучал зуммер —
Это мой номер:
«Слышишь — друг умер,
Знаешь — друг помер».

Ну и я следом
Догоню друга.
Жили мы летом,
А сейчас вьюга.

И весна будет,
Налетит махом!
...Звались мы «Люди» —
Стали вдруг прахом.

МАСТИ НЕБЕСНЫЕ

Масть закатная: черви и буби.
Карты брошены на кровать.
Очень жаль, что банально и грубо
Нам приходится умирать.

Масть прощальная: пики и кресты.
Черной краской мазнула кисть.
Ведь вчера еще были мы вместе,
А сегодня — поди разберись!

ДВУСТИШИЯ

Проводи меня взглядом хотя бы —
У тебя же во взгляде октябрь.

Была как кукла Барби,
А нынче лето бабье.

НЕДЕЛЯ КАК ЖИЗНЬ

Семь дней как семь десятилетий:
И время то, и время это.
Закончится однажды то, и то.
Износится как старое пальто.

И в понедельник ты ребенок,
Смешной веселый жеребенок.
Движению любому просто рад...
Пошел десятилетий быстрых ряд!

Прекрасна вторничная юность.
Увы! Она не затянулась.
Ушла есенински, как будто дым,
И я не буду больше молодым!

Среда — основа, сердце жизни.
Все чаще смотришь с укоризной
На собственную в жизни суету
И рядом женщину — совсем не ту.

Четверг, вторая часть недели,
Как быстро годы полетели!
Закат гораздо ближе, чем рассвет.
И слово «Да» все реже, чаще «Нет».

Разжат кулак десятилетий:
Пять пальцев — пятьдесят на свете
Тебе награда. Хочешь — получай!
О смерти вспомни словно невзначай.

А там суббота, выходные...
Но близятся года такие,
Когда пугает слово «Выходной».
Оно как шаг, как выход в мир иной.

Но есть надежда — воскресенье.
Не просто день — души спасенье!
Бросаешь в прошлое спокойный взгляд.
Ведь завтра новый день — продлится ряд!

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск, Воронежская область)

ПРОЩАЛЬНЫЕ СТИХИ
(РЕДАКЦИОННОЕ НАЗВАНИЕ)

Русский поэт. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, дипломант региональной литературной премии «Кольцовский край». Постоянный автор «Приокских зорь».

* * *

Да идите вы лесом,
Полем, Лысой горой.
Я другого замеса
И закваски другой.
Не гожусь быть успешным
Там, где ложь.
Там, где мрак.
Красным мифам привержен
Старый русский дурак.
Подколодная сила —
Порожденье элит —
Уничтожить в России
Русский смысл норовит
И, хватая подачки,
Со столов богачей,
Препохабные скачки
Строит в стиле о-кей.
Зря стараетесь, бесы.
Вечен русский герой.
И пляшите вы лесом,
Полем, Лысой горой.

* * *

Всего-то лишь
и надо мне порою,
Чтоб тихо шли
средь светлой тишины
Дожди весны,
пропахшие корою
Деревьев,
что дожили до весны.

И в эти
несказанные минуты —
Ни боли, ни тревоги на душе,
Как будто
навсегда исчезла студа,
Мелькнув,
как тень зимы,
на вираже.

СКЛОН

Когда весною тихо
день за днем
Под светлые пасхальные трезвоны
Травою новой
прорастают склоны,
Один из них —
перед моим окном,
Уставшему
от холодов и вьюг,
Но как не дорожить
таким соседством.
Его с утра встречаю —
здравствуй, друг,
Травинкой каждой прижимая к сердцу.

СОЛОВКИ

У часовни
На траве зеленой
Я сижу
и море предо мной.
Черною молвою заклейменный
Соловецкий остров за спиной.
Созданную волею монашьей
Крепость
приспособили в острог.
Нынче здесь ни мрачно,
и ни страшно,
Целый день
паломников поток.
Служба в храмах.
Позвон колокольный.
С дуновеньем светлым на лице
Я смотрю на северные волны,
Словно дома сидя на крыльце.

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Валентин Огнев
(г. Щекино, Тульская область)

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ ГОРОДА ЕФРЕМОВА

Наш постоянный автор.

В любом городе имеется главная площадь. Имеется она в городе Ефремов Тульской области. Название ее — Красная площадь. Ефремовские краеведы указывают, что это название площади связано с событиями 1917 года, с установлением Советской власти и утверждено данное название в 1924—1925 годах. До этой даты она якобы именовалась Нижняя торговая площадь, Нижняя площадь. И во многих документах мы это встречаем.

На площади были расположены дома купцов, мещан, торговые ряды. Здесь проходили ефремовские ярмарки. На ярмарки с различными товарами приезжали тульские, елецкие и других окрестных городов, населенных пунктов купцы, мещане, крестьяне.

Но в ходе изучения документов Тульского областного архива название Красная площадь, связанное с городом Ефремов, стало уже встречаться с 1876 года. В списках домов по Ефремову, которые отдаются в найм указаны: дом «Купцов Ивана и Василия Сафроновых Алексеевых на Красной площади», «Дом занимается Уездною Земскою Управою и Мировым съездом на Красной площади». По переписи городских недвижимых имуществ 1913 года города Ефремов домовладения Вавилова В. В., Болотова и др. значатся по улице Красная площадь. Какое значение имела Красная площадь для отдельных сословий, можно проследить по возникшим отношениям между мещанином Тимонич и Ефремовской Городской Думой с Управой во второй половине 19 века. Документы произошедшего конфликта конкретно подтверждают, что современное название Красная площадь города Ефремов имела такое же название и в 1884—1886 годах.

12 октября 1884 года на имя Тульского Губернатора поступает прошение Ефремовского мещанина Николая Никитовича Тимонич. В прошении он указывал, что два года тому назад он утруждал Губернатора покорнейшею просьбою, которая заключалась в следующем: Ефремовская Городская Дума сдала с торгов два места на Красной площади под постройки двух белых харчевен. Сняты тогда были эти места Городским Головою Михаилом Владимировичем Шиловым и его братом Филиппом Владимировичем Шиловым. В виду того, что сданные места находились в близком расстоянии от его дома и что застройка этих мест грозила опасностью в случае пожара не только его дому, из которого было бы невозможно спасти имущество, но и ряду деревянных лавок окружающих его дом. Губернатором по прошению было сделано

распоряжение об отмене постановления Думы и запрещена постройка белых харчевен. Далее Тимонич описал сущность своего нового обращения.

Фрагмент листа 5 источника. На фотографии Красной площади г. Ефремова деревянные лавки, дома купцов, дом Николая Никитовича Тимонич 2-х этажный справа и Яндовского одноэтажный слева.

Он указал, что 22 августа 1884 года Ефремовская Управа вновь с торгов сдала запрещенное Губернатором место на Красной площади. Место было сдано брату Городского Головы Ефремовскому купцу Филиппу Владимировичу Шилову под постройку деревянного дома для жилья или под промышленное заведение сроком на 9 лет. 17 сентября постановлением Управы торги были утверждены Ефремовской городской Думой.

Тимонич в своем прошении считает, что Ефремовская Городская Дума поступила противозаконно. И если будет возведена предполагаемая постройка, то зауженные проходы и проезды будут нарушать противопожарную безопасность. В случае пожара может сгореть его дом и все имущество. Также могут сгореть 22 раствора деревянных лавок, расположенных рядом с домом. К прошению Тимонич приложил частный план.

О себе Тимонич описал, что человек он бедный и не может отстаивать свои права лично, на этом основании просит Губернатора защитить его от неправомерных действий Ефремовской Городской Управы и Думы.

В целях проверки указанных фактов в прошении, из Ефремовской Думы и Управы Губернским Правлением запрашиваются соответствующие документы, из Тулы в город Ефремов направлялся инженер-землемер. К проверке заявления Тимонич подключали Ефремовского Полицейского исправника. Первоначально каждая из участвующих сторон представила те документы, которые были в их интересах.

25 октября 1884 года Городской Голова Шилов на имя Губернатора описывает законность продажи с торгов в аренду места под строительство деревянного здания под жилье или промышленное заведение. Также он указывал на то, что «через сдачу этого места в аренду под постройку деревянного здания ни сколько не представляется опасным в пожарном отношении ни дому Тимонича и ряду лавок, так как проход и проезд между лавками останется с постройкою постройки достаточно свободным, а если стеснение будет около дома Тимонича, то единственно через самовольный им захват земли пристройкою галереи с крыльцом означенной по плану под 2». Далее он пояснял, что место не предназначалось конкретно Шилову, а сдавалось в аренду с

торгов, что в этом деле не были задействованы родственные связи. Городской Голова Шилов сообщал Губернатору о недостоверности факта прекращения прежнего строительства белых харчевен губернским руководством. Факт прекращения этого строительства был инициирован и не разрешен Городской Думой. О себе Тимонич также указывал неправильные сведения. Как доложил Губернатору Ефремовский Городской Голова, что «Тимонич человек состоятельный, имеет в своем доме трактирное заведение, питейное заведение и производит в лавках под домом разную торговлю, получая доход в год более 2500 рублей».

Проверку застройки Красной площади города Ефремов проводил Тульский Губернский инженер. 12 ноября 1884 года по итогам проверки он писал рапорт на имя Губернатора. В начале документа он полностью приводил пояснения Городского Головы Шилова по факту выделения мест под строительство на Красной площади. Приведя эти пояснения, губернский инженер излагал свои доводы, законодательно обосновывая их. Он сразу же указывал на противозаконность действий Ефремовской Городской Думы. Выделенный с торгов участок должен был утверждаться Губернатором. Городской Думе на площадях предоставлено право разрешения только об отводе мест для постановки подвижных ларей, палаток, полицейских будок, то есть построек незначительного размера. Громадная же жилая деревянная возводимая купцом Филиппом Шиловым с разрешения Думы никак не может относиться к постройкам незначительного размера и тем более к подвижным, так как строится на каменном фундаменте, а потому принадлежит к разряду недвижимых имуществ, при этом происходит изменение площади.

Как указывал Губернский инженер, вторым фактором недостоверности пояснений Городского Головы Шилова являлось то, что постройку белых харчевен запрещало Строительное Отделение Губернского Правления, а не Ефремовская Городская Дума.

Далее он описывал, что возводимая постройка нарушала Строительный Устав и приводил какие она градостроительные изменения произведет на площади. А приводило это к изменению кварталов на Красной площади, т. е нарушению утвержденного плана города Ефремова.

В связи с имеющими нарушениями Губернский инженер в рапорте задавался вопросом и давал ответ: «...в силу каких именно убеждений Ефремовская Городская Дума позволяет себе нарушать права чужой собственности; ответ на это ясно изложен во 2-м пункте донесения Ефремовскаго Городскаго Головы Шилова, где он словами «два года тому назад постройка белых харчевен не осуществилась не по воспрещению Вашего Превосходительства, а по постановлению Городской Думы», ясно и определенно осмелился выразить свое убеждение, что Ефремовская Городская Дума имеет право действовать самостоятельно, вне власти установленной силою закона, что подтверждается и в настоящем деле нарушением статей как Городоваго Положения, так статей Строительнаго Устава».

19 ноября 1884 года Тульским Губернским по городским делам Присутствием рассматривался вопрос о незаконной застройке Ефремовской Городской Думой Красной площади. На основании заявления Ефремовского мещанина Николая Никитовича Тимонич, материалов, представленных Губернским инженером, Присутствие вынесло определение. Вынесенным определением Тульское Губернское по городским делам Присутствие отменило постановление Ефремовской Городской Думы от 17 сентября 1884 года. Основанием для отмены постановления явилось: «1) что возведение означенной постройки по заключению Губернского Инженера сопряжено с изменением ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного для города Ефремова, каковое изменение, в силу 113 ст. Полож., может быть допущено не иначе, как с утверждения Губернатора; 2) что определением Думы об отдаче впервые участков земли, находящихся под площадями, улицами и т. п., а равно и устройство на таких участках сооружений, стесняющих проход или проезд, на основании 122 ст. Полож. в уездных городах так-

же подлежат утверждению Губернатора и 3) что утверждению Губернатора, как на изменение плана города и на отдачу в аренду земли, так и равно и на возведение на этой земле здания в данном случае Городским общественным управлением даже и не испрашивалось, распоряжение же Губернатора о напечатании определения Думы 6 июля в Губернаторских ведомостях, в силу разъяснения Правительствующего Сената 20 ноября 1874 г.—23 апреля 1875 г. № 8699, не равносильно утверждению самого определения».

В этом же определении Тульское Губернское по городским делам Присутствие в действиях Ефремовского Городского Головы и Членов Управы усмотрело противозаконное деяние, предусмотренное статьей 338 Уложения о наказании уголовных и исправительных 1845 года. Документ предусматривал дальнейшее распоряжение о привлечении к ответственности руководства города за превышение власти, потребовав от всех этих лиц по возводимому на них обвинению подробные объяснения.

Проводимой проверкой по его первому заявлению оказался недоволен Тимонич. Он пишет повторное прошение. Прошение писалось от имени Ефремовского купца, а не мещанина. Это единственное упоминание о купце Тимонич в материалах конфликта. Он указывал, что Ефремовская Городская Управа дала объяснения по поводу новой застройки, защищая свои интересы и Шилова. Также он просит «Ваше Преосвященство за мой счет командировать техника инженера Губернского Правления для осмотра постройки г. Шилова и вообще Красной площади города Ефремова, которая застроена деревянными лавками вопреки закона и затем обязать г. Шилова снести незаконно возводимую им постройку».

Получив определение Губернского Присутствия, Собрание Ефремовской Городской Думы 16 декабря 1884 года проводит заседание. Оно не согласилось с присланным документом по следующим причинам. Во-первых — Губернаторское Городское Присутствие не рассматривало представленный план города Ефремова 1825 года, во-вторых — постановление Городской Думы по вопросу сдачи земельного участка на Красной площади было своевременно предоставлено Губернатору, но Губернатор в положенный срок протест не вынес. Поэтому собрание решает обжаловать в Правительствующий Сенат определение Тульского Губернского по городским делам Присутствия. Обжалование направлялось за подписью Председателя Собрания Городского Головы Шилова.

В части привлечения Шилова и членов Думы к ответственности процесс не останавливался. Городской Голова Шилов и член Управы Петров 22 декабря 1884 года на имя Губернатора пишут совместное объяснение по факту якобы превышения власти при выдаче разрешения купцу Шилову для строительства деревянного дома на Красной площади города Ефремов. Отдельно от них 3 января 1885 года представлял Губернатору свое объяснение Член Управы Роман Васильевич Куницын.

В это же время, 9 января 1885 года, Ефремовский Городской Голова Шилов, с соблюдением процессуальных норм обжалования в вышестоящих инстанциях, направлял жалобу Тульскому Губернатору на отмену Тульским Губернским по городским делам Присутствия определения Городской Думы от 17-го сентября 1884 года об отдаче городского места под постройку. В сопроводительных документах он просит жалобу направить в Правительствующий Сенат по 1-му Департаменту. И 21 января 1885 года Губернатор направляет жалобу в Правительствующий Сенат.

По Указу Его Императорского Величества 5 июня 1885 года Правительствующий Сенат рассматривает дело по жалобе Ефремовского Городского Головы на постановление Тульского Губернского по городским делам Присутствия об отдаче в аренду городского места на Красной площади для постройки здания для жилья или промышленных заведений. На основании рассмотрения дела издается Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената Тульскому Губернатору. В результативной части Указа сказано, что Правительст-

вующий Сенат определяет поручить Тульскому Губернскому по городским делам Присутствию вновь расследовать настоящее дело, проверив все доводы заявления просителя Шилова. Основанием для принятия такого решения явилось то, что Присутствие не в полной мере рассмотрело отдельные вопросы: во-первых — действительно ли предположенная Ефремовской Думой постройка изменяет городской план или стесняет проход, во-вторых — из дела не было видно, чтобы Присутствие само вошло в рассмотрение плана, а только ограничилось заключением, данным по сему вопросу Губернским Инженером.

Проверка законности выделения на Красной площади купцу Шилову земельного участка для постройки жилого здания и расследование дела по привлечению к уголовной ответственности Городского Головы и Членов Управы шла уже более 1,5 года. И в этом усматривалась определенная заинтересованность сторон конфликта для волокиты: отдельные чиновники во время проверок в заключительных документах не полностью отражали все факты рассматриваемого дела, что привело к назначению дополнительных расследований.

Устранение недостатков, указанных в Указе Правительствующего Сената от 5 июня 1885 года № 7317, было поручено Ефремовскому Полицейскому исправнику и Строительному отделению Губернского Правления. И 1 апреля 1886 года Тульскому Губернатору и. д. Губернского Инженера Гурьев направил заключение Строительного отделения Губернского Правления по делу о передаче Ефремовской Городской Управой в аренду городского места на Красной площади города Ефремов для постройки здания для жилья или промышленного заведения. Также были направлены материалы дознания, проведенного Губернским Инженером совместно с Ефремовским Уездным Исправником.

На основании вновь собранных документов 22 апреля 1886 года Тульским Губернским по городским делам Присутствием рассматривался вопрос о незаконной застройке Ефремовской Городской Думою Красной площади. Присутствие своим определением вновь признает незаконность передачи Ефремовской Городской Управой и Думой в аренду городского места на Красной площади города Ефремова. Также в данном определении повторно указывалось, что в отношении Городского Головы Шилова и Членов Управы Петрова и Куницына возбудить уголовное преследование по обвинению в превышении власти. Данное определение было направлено Ефремовскому Городскому Голове, Прокурору Тульского Окружного суда, Ефремовскому Полицейскому Управлению.

В рамках своей компетенции проводимого расследования дела по обвинению Ефремовского Городского Головы Шилова и членов управы Петрова и Куницына в превышении власти судебный следователь Тульского Окружного Суда 1-го участка Ефремовского 31 мая 1886 года запрашивал из Тульского Губернского по городским делам Присутствия документы:

1. План города Ефремова, представленный Ефремовской городской управой Г. Тульскому Губернатору 14 ноября 1884 года за № 956.

2. Высочайше утвержденный план города Ефремова, на который в своем определении 22 апреля о предании суду Шилова и других ссылается Губернское Присутствие.

3. Подлинное дознание и. д. Тульского Губернского инженера от 1-го апреля за № 5 с составленным им планом.

Жалобу Ефремовского Городского Головы Шилова с приложением постановления Тульского Губернского по городским делам Присутствия, состоявшегося 22 апреля 1886 года, об отмене постановления Ефремовской Городской Думы от 17 сентября 1884 года по делу об отдаче в аренду городского места на Красной площади, для постройки здания в июне 1886 года Тульский Губернатор направил в 1-й Департамент Правительствующего Сената.

Прошло несколько месяцев и Прокурор Московской судебной палаты 1 ноября 1886 года Тульскому Губернатору направляет заключение Товарища Прокурора судебной палаты Действительного Статского Советника Шадурского и следственное производство в 1 томе по делу Ефремовского Городского Головы Шилова и членов Управы Петрова и Куницына, обвиняемых в превышении власти, с приложением трех планов города Ефремова и одного номера Губернских Ведомостей.

Товарищ прокурора (*авт*. В 19 веке помощник или заместитель прокурора) по итогам расследования дела по обвинению Ефремовского Городского Головы Шилова и членов Управы Петрова и Куницына в превышении власти вынес заключение. В документе указано, что в ходе предварительного следствия были тщательно изучены: процесс получения в аренду земельного участка купцом Шиловым, различные планы города Ефремова, документы Ефремовской Городской Думы и Управы, Губернского Правления и другие. Также опрашивались старожилы города, подтверждавшие расположение построек на Красной площади в определенный промежуток времени.

В ходе предварительного следствия Ефремовский Городской Голова купец Михаил Шилов не признал себя виновным в предъявляемом ему преступлении. Он пояснял, что постановление Думы о передаче в аренду места на Красной площади было своевременно представлено на утверждение Губернатора наравне с другими разработанными в тот же день постановлениями, что особого утверждения по 122 ст. Городского Положения Управы не требовала, так как по плану, которому руководствовалась Управа, было видно, что место это и прежде было занято постройками, а ст. 122 Городского Положения требуется особо с утверждения Губернатора только в том случае, если участок отдается впервые под постройку. Таким образом, исполняя постановление Думы, Управа не имела в виду, что она действует, преждевременно превышая свою власть. В законности своих действий Управа была еще более убеждена тем, что постановление Думы было напечатано по распоряжению Губернатора в Губернских ведомостях. Печатание постановлений в ведомостях на практике считалось всегда утверждением документа. Если Губернатор не соглашался с каким-либо постановлением, то оно в Губернских Ведомостях не печаталось, и в то же время Губернатор извещал Голову о передаче этого постановления на обсуждение Губернского по городским делам Присутствия. Голова также ссылался на то, что в Управе имелся только один план города Ефремова, приложенный к делу, которым Управа и руководствовалась. Из этого плана не было видно, чтобы квартал, где разрешена постройка, был каменным и что план отличается от ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного плана, Управа никаких сведений не имела.

Допрошенные в качестве обвиняемых член Городской Управы купеческий брат Василий Петров и кандидат в члены Управы мещанин Роман Куницын виновными себя по делу также не признали, при чем первый из них дал объяснение, аналогичное с объяснениями Городского Головы Шилова, а последний пояснил, что лишь временно исполнял должность члена Управы и, будучи не знаком с требованиями закона о порядке сдачи городских земель, во всех распоряжениях Управы присоединялся к мнению более опытных Городского Головы и Секретаря Управы, которые удостоверяли его, что дело идет своим законным порядком.

По планам городской площади дал свое заключение эксперт частный землемер Андреев. При осмотре плана городской площади, Высочайше утвержденным, и планом, которым руководствовалась Управа, составленным Губернским Уездным землемерами Витовским и Васильевым, оказалось, что на Высочайше утвержденном плане дом Тимонича не обозначен, а на плане землемеров Витовского и Васильева дом и место Тимонича обозначены буквой Н и возведенное Шиловым строение находится в пределах квартала, начерченного сзади дома Тимонича, что, по мнению эксперта и удостоверяющего, на этом месте прежде или существовали какие-либо постройки, или был огороженный двор.

По факту застройки площади судебным следователем были опрошены местные старожилы-мещане. Иван Рязанов показал, что до пожара, бывшего в г. Ефремове в 1842 году, сзади дома Тимонича на том месте, где теперь стоит деревянный дом Шилова, был трактир, а между им и домом Тимонича был двор; Иван Усачев — что до пожара сзади дома Тимонича был двор и на этом дворе был трактир, биллиардная, которая углублялась во двор вдоль дома Тимонич и, надо думать, как раз занимала то место, где теперь дом Шилова; Илья Назаров — что до пожара сзади дома Тимонич на том месте, где теперь выстроен деревянный дом Шилова, находился крытый двор, принадлежащий к дому Тимонич; а Иван Тельнов и Никифор Васильев — что на том месте, где выстроен дом Шилова, до пожара никаких строений не было и самое место не было огорожено.

Товарищ прокурора Московской Судебной Палаты Шадурский свое заключение завершал следующим выводом: «Наконец по осмотру Губернских Ведомостей, журналов, переписки и входящего журнала оказалось, что предложение Тульского Губернатора Городскому Голове от 17 октября 1884 г. за № 2720 о доставлении сведений по содержанию прошения Тимонича было получено Городским Головою 20 октября, что в № 59 Тульских Губернских Ведомостей от 25 июля 1884 года в отделе городская хроника напечатаны все 13 постановлений Ефремовской Городской Думы, состоявшейся 6 июля, в том числе и постановление об отдаче в аренду городского места, что постановления Думы, состоявшиеся 30 октября 1881 г., 15 апреля 1882 года были напечатаны в Губернских Ведомостях не все, и что относительно некоторых из напечатанных постановлений Губернатор сообщил Городскому Голове, что таковыя переданы на обсуждение Губернского по городским делам Присутствия.

Приняв во внимание, что из плана, которым обыкновенно руководствовалась Управа, видно, что на месте, отданном под постройку купцу Шилову, прежде уже существовали какие-либо постройки или был огороженный двор, что в деле нет решительно никаких указаний на то, чтобы Управа имела сведения о неверности этого плана с ВЫСОЧАЙШЕ утвержденным планом, что вследствие сего обвиняемые Шилов, Петров и Куницын, приводя в исполнение постановление Думы без особого требуемого 122 ст. Гор. Полож. утверждения Губернатора, могли быть убеждены в том, что место отдается под постройку не впервые и что помянутое утверждение не нужно, и, наконец, что напечатание постановления Думы в Губернских Ведомостях не могло не ввести в заблуждение обвиняемых в виду того, что по установившейся практике те постановления, с которыми не соглашался Губернатор, в ведомостях не печатались и я не нахожу оснований для обвинения Шилова, Петрова и Куницына в превышении власти, так как деяние, послужившее поводом к этому обвинению, было совершено ими не умышленно, а по одному лишь недоразумению, а потому полагал бы настоящее дело дальнейшим производством прекратить, освободив Шилова, Петрова и Куницына от обязательства не отлучаться из места жительства».

11 ноября 1886 года состоялось повторное рассмотрение дела Правительствующим Сенатом по жалобе Ефремовского Городского Головы на постановление Тульского Губернского по городским делам Присутствия об отмене определения Ефремовской Городской Думе об отдаче в аренду городского места на Красной площади для постройки здания для жилья или для промышленного заведения. Дело было представлено после проведения дополнительной проверки.

По итогам обсуждения материалов проверки был издан Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского № 13343. В Указе описывались неправомерные действия Ефремовского Городского Головы и Управы. Поэтому «по изложенным основаниям Правительствующий Сенат ОПРЕДЕЛЯЕТ: жалобу Ефремовскаго Городскаго Головы на постановление Тульскаго Губернскаго по городским делам Присутствия 22-го апреля 1886 года об отмене определения Ефремовской Городской Думы, состоявшегося 17 сентября 1884 г., коим утверждены произведенные

Городскою Управою торги на отдачу купцу Шилову в арендное содержание под застройку участка земли на Красной площади, как незаслуживающую уважения, оставить без последствий».

Из всего выше сказанного приходим к следующим выводам:

1. Земельный участок, сданный в аренду купцу Шилову для строительства жилого дома или промышленного заведения, был оформлен в нарушение существующего законодательства.

2. При оформлении земельного участка Городской Голова и Члены Управы не превышали свои полномочия и были освобождены от уголовного наказания.

3. На 1884—1886 годы в городе Ефремов существовала площадь с названием Красная площадь и находилась в пределах той же территории, которую она занимает в настоящее время.

Но остались без ответа несколько вопросов, которые возникли в ходе изучения итоговых документов изучаемого конфликта и так не были объяснены:

1. Чем руководствовался Городской Голова Шилов, утверждая документы на арендованный земельный участок своему брату купцу Шилову, зная, что 2 года ранее на этом участке уже запрещалось какое-либо строительство?

2. Почему ни один из органов, проводивших проверку по земельному участку, сданному в аренду купцу Шилову для строительства жилого дома или промышленного заведения, не вынес в адрес Губернатора какого-либо документа, осуществлявшего свою деятельность «по установившейся практике», а не по существовавшему законодательству?

На эти и другие вопросы сейчас мы вряд ли найдем ответы...

* * *

В материале автором использованы сведения Тульского Государственного архива.

Михаил Спивак
(г. Виннипег, Канада)

Член Союза журналистов России. Заместитель главного редактора журнала «Новый Свет». Автор 4 книг прозы. Лауреат литературных премий им. Вениамина Блаженного (2015), им. Н. В. Гоголя «Триумф» (2016), им. Григория Сковороды (2016), им. «Пантелеймона Кулиша» (2017), им. Абая (Казахстан, 2018). Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни». Лауреат международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси-2018» (за военный роман «Дебошир»).

ПОЛЕЗНЫЕ ИДИОТЫ. КТО ТЕРМИН ПРИДУМАЛ?

В XX веке правительства западных стран боялись и ненавидели этих людей, клеймили их в прессе и арестовывали, а к XXI веку — разучились распознавать их в общей массе народа...

Но давайте по порядку. Начавшиеся в прошлом веке политические процессы породили одну любопытную группу людей, которая запомнилась в истории под обидным и нарицательным прозвищем — «полезные идиоты». Это выражение прочно вошло в политический сленг, как верх уничижительного, издевательского отношения. Впрочем, на заре своего создания термин широкого распространения не получил. Пользовались им, как правило, «посвященные в тему» товарищи.

Времена менялись. Некогда емкий по смысловой нагрузке термин в современности девальвировал до уровня уличной брани. Далеко не каждый вспомнит, кого изначально именовали «полезными идиотами», чем они были так опасны западу, и кто собственно придумал это хлесткое прозвище.

В современности «полезные идиоты» оказались незаслуженно забыты (не ругань, а понятие), поэтому предлагаю внимательней приглядеться к данному явлению. У него есть автор и красивая по своему абсолютному цинизму история... если к уродству вообще возможно применить определение красоты.

Итак, давайте разберемся вот с чем:

1. Кто и когда впервые заговорил о полезных идиотах.

2. Чтобы определить авторство, выясним, вышел ли данный термин после упоминания за рамки ругательства. Обрел ли, так сказать, содержательное наполнение и предметное указание. Стал ли описанием группы людей со свойственными только им характеристиками. Проще говоря, вот произносишь словосочетание «полезные идиоты» и больше добавлять ничего не нужно. Сразу понятно, о ком речь.

ПРАВИЛЬНО НАЗВАТЬ — ЗНАЧИТ ПРАВИЛЬНО ПОНЯТЬ

После государственного переворота в Российской империи осенью 1917 года и прихода к власти партии большевиков страны запада единодушно осудили сверже-

ние (как бы сказали сегодня) «конституционного строя». Большевики не скрывали своих намерений: продолжить экспансию за пределы России, уничтожить западные демократии и установить на их месте диктатуру пролетариата. Для этой цели в 1919 году в Москве создали Коммунистический Интернационал, который прикармливал и направлял в нужное ему русло европейских и американских коммунистов. Также коминтерновцы пытались обольстить и переманить на свою сторону западных социалистов.

Человек, живший в Советском Союзе, навряд ли почувствует разницу между коммунистами и социалистами. Однако на западе в XX веке между ними были принципиальные отличия.

Рассмотрим, как наглядный пример, Канаду. Формально социалистическое движение в ней зародилось в 1904 году. Мелкие и маргинальные по первости течения тихо, а потом громче заявляли свои требования. Переломным стал 1919 год, когда, как гром среди ясного неба, произошла всеобщая забастовка в городе Виннипеге. В ней участвовало 30 тысяч человек. Полиция жестко разогнала демонстрантов. Уточню: жестоко по канадским меркам. В этот момент в движении социалистов произошел раскол — отделилась группа экстремистов. Так образовалась Коммунистическая партия Канады, которая занималась конспирологией и подалась под крыло Коминтерну. Социалисты же усвоили урок, преподнесенный им полицией. Они забросили идею устраивать бунты: пошли в 1921 году на выборы и честно их выиграли по округам, на муниципальном уровне, и кто-то даже поднялся на провинциальный уровень. Социалисты не желали революции и, не дай бог, диктатуры пролетариата. Так постепенно они стали вполне приличными политиками. А коммунисты прятались в подполье, проповедовали идеи марксизма и перманентной революции. За свою кипучую деятельность многие из них со временем переселились на тюремные нары.

Чтобы не возникало путаницы: социалистами на западе называли социал-демократов. Их Коминтерн не любил и обклеивал всякими мелкобуржуазными эпитетами. В то же время, используя размытость понятий социализма и коммунизма, именно в среде западных левых большевики искали понимания и симпатии для лоббирования своих далеко не самых праведных интересов. Поклонников Советского Союза на западе подманивали красивыми лозунгами, цветастой пропагандой, и затем вслепую цинично использовали. Их презирали и вполне заслуженно за глаза называли «полезными идиотами». С их одобрения или благожелательного умиротворения СССР готовил в странах запада государственные перевороты и захват. Любимой практикой большевиков была — получить призыв от «угнетенных трудящихся» и послать Красную Армию для оказания «братской помощи» (в более поздние годы оказывали «интернациональную помощь»). В Канаду отправить армию не представлялось возможным, поэтому из доступных инструментов оставались: попытки устроить политический раскол, дестабилизацию, создание агентурной сети и лоббирование просоветских интересов. Конечно, не только социалисты попадали под коварное обаяние большевиков. Но они (социалисты) оказались основной группой риска.

Обратите внимание на то, что коммунисты не входили в категорию полезных идиотов! Они прекрасно понимали, пусть и не в полной мере, замыслы коминтерновского руководства. Они выполняли заказ иностранного государства, фактически являясь его агентами.

КАК ГОВАРИВАЛ ИЛЬИЧ

Тут самое время воскликнуть: «С термином разобрались... А употребил его первым Ленин, да?!»

Не совсем. Возникает встречный вопрос: когда, при каких обстоятельствах Ильич упоминал полезных идиотов, и можно ли привести цитату полностью?

Ага, приплыли... Нет в трудах вождя пролетарской революции чего-нибудь, хоть близко напоминающего колкий эпитет. С другой стороны, может быть, Ленин высказался в устной форме, и кто-нибудь из его сподвижников цитирует главного большевика?

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Собственно, серьезный источник только один — это воспоминания Карела Радека:

«Существовало и много честных людей, которым просто претила сама мысль о войне, дикой и ужасной бойне и очевидно бессмысленной жестокости. Среди них, тех, кого Ленин назвал «полезными идиотами», и нашлось так много тех, кого можно было использовать».

Является ли это высказывание доказательством того, что Ленин действительно употребил словосочетание «полезные идиоты» в упомянутом выше контексте? Сильной стороной в пользу утверждений Радека следует назвать его личное знакомство с Лениным. Да, он мог беседовать с Ильичом и слышать, как тот называл каких-то «честных» людей едкими словечками. Но кто эти люди конкретно, откуда они, в чем именно заключается их идиотизм, как их использовать? Нет объяснений.

Главная проблема в словах Радека в том, что он не цитирует Ленина и не указывает обстоятельства, при которых фраза была произнесена. Ильич вообще не стеснялся в выражениях. Кого он только ни крыл распоследними словами, и соратников в том числе. Поэтому к вышеуказанной фразе Радека следует относиться с изрядной долей скептицизма.

Совсем слабо для поиска первоисточника выглядит пересказ Юрия Анненкова слов Ленина:

«Культурные слои Западной Европы и Америки не способны разбираться в современном положении вещей ... эти слои следует считать за глухонемых и действовать по отношению к ним, исходя из этого положения».

Что эта фраза доказывает или опровергает? Не пытаясь умалить адресованности данного высказывания, замечу, что к рассматриваемому термину об идиотах оно отношения не имеет.

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Как ни странно, но западные исследователи подошли к вопросу поиска «полезных идиотов» гораздо более системно и обстоятельно, что отчасти сыграло с ними (исследователями) злую шутку.

Первое упоминание термина обнаружилось в 1804 году в высказывании Генриха Чокке, немецкого и швейцарского писателя, журналиста, чиновника: «Каждый, кто жертвует собой ради нарцисса, называется полезным идиотом».

Другой случай упоминания: 10 июня 1864 года в газете The Saturday Review — какой-то политик высмеял избирателя, «одного из тех полезных идиотов», которые резко выступают против правительства.

Абсолютно очевидно из вышеуказанных высказываний, что имела место банальная издевка, не выходящая за рамки площадной ругани. Хоть и облаченная в изысканно-письменную форму.

В этом и заключается злая шутка. Западные авторы не нашли содержательной части понятия «полезные идиоты», а уловили только отзвук.

Далее поиски, как русскоязычных, так и западных исследователей, переносят нас в 1950-е и более поздние годы. Но высказывание и его смысловое наполнение зародились гораздо раньше.

АВТОРА НА СЦЕНУ!

Как было сказано выше, начинка термина появилась не во второй половине XX века, а в начале 1920-х годов.

Слово Борису Бажанову, секретарю Политбюро и личному помощнику товарища Сталина. Бажанов присутствовал на заседаниях Политбюро и вел записи. Бажанов конспектировал все сказанное высшим руководством Советского Союза с 1923 по 1926 годы. До конца 1927 года он занимал другие высокие должности в государстве. В 1928 году Борис Бажанов через Иран перебежал на запад — во Францию, где в 1930 году написал мемуары. Книга так и называется «Воспоминания бывшего секретаря Сталина».

Вот отрывок из Главы № 7; отрывок длинный, но он стоит того, чтобы привести его без сокращений:

«Итак, обсуждаются вопросы внешней политики ... "Я предлагаю,— говорит Литвинов,— признать царские долги". Я смотрю на него не без удивления. Ленин и советское правительство десятки раз провозглашали, что одно из главных завоеваний революции — отказ от уплаты иностранных долгов, сделанных Россией при царской власти. Кто-то из членов Политбюро попроще, кажется, Михалваныч Калинин, спрашивает: "Какие долги, довоенные или военные?" — "И те, и другие",— небрежно бросает Литвинов. "А откуда же мы возьмем средства, чтобы их заплатить?" Лицо у Литвинова наглое и полупрезрительное, папироса висит в углу рта. "А кто же вам говорит, что мы их будем платить? Я говорю — не платить, а признать". Михалваныч не сдается: "Но признать — это значит признать, что должны, и тем самым обещать уплатить". У Литвинова вид даже утомленный — как таких простых вещей не понимают: "Да нет же, ни о какой уплате нет речи". Тут делом начинает интересоваться Каменев: "А как сделать, чтобы признать, не заплатить и лицо не потерять?" (Каменев, надо ему отдать справедливость, еще беспокоится о лице.) "Да ничего же не может быть проще,— объясняет Литвинов.— Мы объявляем на весь мир, что признаем царские долги. Ну, там всякие благонамеренные идиоты сейчас же подымут шум, что большевики меняются, что мы становимся государством, как всякое другое, и так далее. Мы извлекаем из этого всю возможную пользу. Затем в партийном порядке даем на места секретную директиву: образовать всюду общества жертв иностранной интервенции, которые бы собирали претензии пострадавших; вы же хорошо понимаете, что если мы дадим соответствующий циркуляр по партийной линии, то соберем заявления "пострадавших" на любую сумму; ну, мы будем скромными и соберем их на сумму, немного превышающую царские долги. И, когда начнутся переговоры об уплате, мы предъявим наши контрпретензии, которые полностью покроют наши долги, и еще будем требовать, чтобы нам уплатили излишек". Проект серьезно обсуждается. Главное затруднение — слишком свежи в памяти ленинские триумфальные заявления об отказе от уплаты царских долгов. Опасаются, что это внесет сумбур в идеи братских компартий за границей. Каменев даже вскользь замечает: "Это то, что Керзон называет большевистскими обезьяньими штучками". Пока решено от предложенного Литвиновым воздержаться».

По всему выходит, будущий нарком иностранных дел первым отвесил звонкую оплеуху западному прогрессивному человечеству.

РЕЗЮМИРУЕМ

Максим Максимович Литвинов, в 1920-х годах заместитель Народного комиссара по иностранным делам СССР товарища Г.В. Чичерина (на современный лад — замминистра иностранных дел).

Вероятно, в большевистской России и последующем СССР понятие «полезные

идиоты» существовало в устной форме и до высказывания Литвинова. Может быть, Ленин что-то подобное говорил или кто-то из его соратников. Проверить это не представляется возможным. Факт в том, что слова именно Литвинова оказались записаны и вошли в историю, поэтому его и следует признать автором «патента на изобретение».

Как видим из приведенного отрывка, Литвинов довольно недвусмысленно обозначает тех, кому клеит ярлык — это люди из стран Запада, которые наивно симпатизируют Советскому Союзу. В те годы СССР являлся врагом западных демократий, но «полезные» люди этого не понимали. Они стали во многом рычагом воздействия на политику своих правительств и ослабили Запад.

Пусть не введет в заблуждение слово «благонамеренные». Из контекста абсолютно ясно читается про «всевозможную пользу», которую предстоит извлечь из доверчивых болванов-идеалистов. Их Литвинов совершенно заслуженно величает «полезными идиотами». Разве Максим Максимыч не прав?!

В заключение можно добавить, что по прошествии сотни лет ничего не изменилось. Советский Союз давно канул в Лету, но подросли другие радикальные течения, которые нацелены обратить весь мир в свою веру, в свою идеологию, навязать свои жизненные порядки. Им снова рукоплещут благодушные идеалисты.

Время не учит. Как сказано у Екклесиаста: «Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после».

Алла Новикова-Строганова
(г. Орел)

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, историк литературы.

ВОСКРЕСИТЬ ИСТИННОГО ЧЕЛОВЕКА: ПРОЩАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ Н.С. ЛЕСКОВА «ЗАЯЧИЙ РЕМИЗ» (к 125 годовщине памяти писателя)

Повесть Николая Семеновича Лескова (1831—1895) «Заячий ремиз» (1894) — одно из наиболее загадочных, зашифрованных произведений русской классической литературы. «В повести есть "деликатная материя",— писал Лесков,— но все, что щекотливо, очень тщательно маскировано и умышленно запутано. Колорит малороссийский и сумасшедший»[1].

Это последнее лесковское творение осталось при жизни писателя не изданным. В феврале 1895 г. (за несколько дней до кончины Лескова) М. М. Стасюлевич — редактор журнала «Вестник Европы»,— убоявшись цензуры, отказался печатать повесть, извиняясь перед автором его же остроумной шуткой, позаимствованной из «Заячьего ремиза»: «можно очень самому обремизиться <...> подвергнуться участи "разгневанного налима" <...> и непременно попадете в архиерейскую уху»[2].

«Лебединая песнь» писателя вылилась под его пером в вековечную мечту русского национального сознания о чудесной *жар-птице.* В фольклоре эта сказочная птица олицетворяет волшебное заступничество. В повести Лескова мифопоэтический образ жар-птицы представлен в новом — христианском — контексте понимания и является выражением авторской ценностно-мировоззренческой позиции.

Повесть по-прежнему притягивает внимание, завораживает религиозно-нравственной и философской глубиной. Лесковский текст, основанный на Евангелии, открывает перед читателями все новые и новые возможности для интерпретации и сотворчества. О новозаветной неисчерпаемости глубоко писал архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), называвший Лескова в ряду первых классиков, чей «чистый разум» повенчан «с глубиною сердца <...> единством воли и откровений»: «Евангелие не есть только идеальная истина для всякого мира, но и личное, всякий раз неповторимое слово, письмо Бога Живого всякому человеку в мире,— письмо, прочитываемое человеком лишь в меру его духовного сознания»[3].

«Заячий ремиз» впервые был издан в 1917 году — «в эти абсолютно нелитературные времена». Д. Философов сравнил выход повести в предисловии к ней с «белоснежным пшеничным хлебом русской литературы», который получили голодные физически и духовно читатели; «загробный голос Лескова прозвучал со страниц “Нивы” как призывный колокол»[4].

Важен также первый отклик А. Измайлова: «"Заячий ремиз" — одно из самых

больных мест старика Лескова. Написал он его любовно, с огромным захватом, с великолепною своею сочностью <...> Идилличность тона и — рядом — сколько выстраданной злобы Лескова на ложное знание, которое никому не нужно, на старый подлейший режим, когда готовы были упечь учительницу в каталажку за цитаты из Евангелия; на добровольных присяжных сыщиков, готовых продать мир за орденок, падающий на перси»[5].

Смысл заглавия повести, которое самому автору казалось «то резким, то как будто малопонятным», Лесков в письме к редактору «Вестника Европы» объяснил следующим образом: «"Заячий ремиз", то есть юродство, в которое садятся "зайцы, им же бе камень прибежище"» (XI, 606). К разгадке таинственного названия, возможно, приближают строки письма Лескова к его приемному сыну Б. М. Бубнову <середина сентября 1891 г.>: «<...> "*мнимый покой". Зайца обманчивый сон!..*» Именно все это "заячий сон", с одним закрытым глазом и хлопающими ушами от страха утратить все, чем владеешь» (IX, 501).

Писатель обращается здесь к фольклорно-мифологической образности: к распространенному представлению о том, что заяц имеет настолько чуткий сон, что спит с открытыми глазами. «Заячий сон» становится воплощением страха и трусости. Кроме того, заячья боязливость объясняется поверьем о том, что у зайца маленькое сердце: «Бог вылепил ему слишком длинные уши, а на сердце глины не хватило»[6].

Далее в том же письме Лесков развивает мифологический образ «заячьего сердца» в ключе христианской антропологии: созданный «по образу и подобию», человек призван преодолеть в себе животное начало, укрепиться духовно, не роняя в себе «образ Божий», который есть не только *дар*, но и *задание* человеку: «Кажи нам, что есть крепкого,— за что можно удержаться, не делаясь жертвой случайностей и чужих прихотей, часто как раз рассчитанных на то, чтобы понизить в тебе "Сына человеческого", которого ты обязан "вознести", и других к тому же склонить, и убедить, и "укрепить слабеющие руки"» (IX, 501). Думается, что письмо это, написанное по иному поводу, глубоко иллюстрирует концепцию «Заячьего ремиза».

Сатирическая сторона произведения: когда герою только и остается, что «скрыться» в своем частном сумасшествии от всеобщей невменяемости и безумия общественного устройства,— а также все, что ведет к расчеловечиванию, «оболваниванию» Оноприя Перегуда, достаточно глубоко изучены. Важнее сосредоточить основное внимание на противоположно направленном изменении «натуры» героя: на пути его возвращения от *«оболванивания»* к *«истинному человеку»,* то есть божественному началу, внутреннему свету, скрытому тенью «телесного болвана», «пониженному», «жесточайше уменьчтоженному» (IX, 502). Однако в герое живо сознание необходимости отыскать и «вознести» «невидимую и присносущную силу и Божество того человека, коего все наши болваны суть аки бы зерцаловидные тени» (IX, 501).

Не только эпиграф, взятый из «Диалога, или разглагола о древнем мире» Григория Сковороды (1722—1794), но и другие христианские идеи этого украинского философа художественно воплотил Лесков в своей повести. Основная из них: «надо идти и тащить вперед своего "телесного болвана"» (IX, 589),— то есть не позволять телесному, материальному, животному началу взять верх над «истинным» — духовным — человеком.

Получив чин в социальной иерархии чинов, будучи направлен в родное украинское село Перегуды в качестве станового пристава, Оноприй Перегуд поначалу пытался в своей полицейской практике выявить истину «по облегченному способу» — при помощи тетрадки «Чин во явление истины», рекомендованной для допросов подозреваемых и составленной таким образом, чтобы даже невинный при таком допросе внутренне устрашался и был «готов сказать: "Виноват"» (IX, 536).

Перегуд фактически занимает ту должность, которая требует вершить «суд правый», однако, будучи сам безмерно далек от уразумения истины, он пользуется не-

правыми полицейскими уловками, юридической казуистикой: «Вот эта — пожалуйте — вам юристика!» (IX, 537). Такая «юристика» еще более усугубляет всеобщую несправедливость и отдаляет от познания истины. «Болван» Перегуд принимает непосредственное участие в процессе «оболванивания» социально-нравственных основ жизни. При этом совесть его не мучит, он считает себя образцовым блюстителем порядка и являет образчик внутреннего и внешнего самодовольства. Статный, дородный становой самолюбиво восклицает: «Процвете моя плоть, а нечестивый погибнет!» (IX, 536).

Лишь к финалу повествования герой осознал, что истина является не по официальному прописному «чину» и не в тот момент, когда кто-то немедленно захотел ее открыть. Истина без всяких «чинов» приходит всегда в свое время, и Перегуду она приоткрывается как раз тогда, когда он все свои чины потерял, очутившись в сумасшедшем доме.

Однако если в начале своей государственной службы Перегуд еще имел человеческий облик хотя бы внешне: «был в процветении румяный и полный» (IX, 536),— то, поддавшись искушению службистского честолюбия, окончательно этот облик утратил, превратившись внешне и внутренне в чудовище почти инфернального плана.

Заразившись хронической «инфекцией» государственной политики — «ловитвой потрясователей основ», что «троны шатают»,— Оноприй Перегуд перерождается: внутренняя метаморфоза отражается и на внешнем уровне (не раз проходит мотив зеркального отражения — *«зерцаловидной тени»*,— заявленный в философском эпиграфе): «у меня вид в лице моем переменился <...> и стали у меня, як у тых, очи як свещи потухлы, а зубы обнаженны... Тпфу, какое препоганьство!» (IX, 546).

Перегуд, ужаснувшийся своему отражению, видит в зеркале именно то, о чем предупреждал когда-то его родителей, решающих судьбу сына, умница-архиерей. Это образ колоритный, привлекательный, симпатичный и близкий самому Лескову: «Быв по натуре своей одновременно богослов и реалист, архиерей созерцаний не обожал <...>, а всегда охотно зворочал с философского спора на существенные надобности» (IX, 521). Священник наставляет: «Еще что за удовольствие определять сына в ловитчики! <...> "Се стражи адовные, стоящие яко аспиды: очеса их яко свещи потухлы и зубы обнаженны"» (IX, 522). Жуткий образ «адова стража» из библейской Книги Еноха настойчиво повторяется на протяжении всей истории маниакальной одержимости героя подозрительностью, шпионством, доносами, погонями за мнимыми «сицилистами» и «потрясователями основ».

Важно отметить, что портретная деталь «зубы обнаженны» не только атрибут библейского чудовища-аспида — «адова стража», но и зоологическая черта животного облика зайца. В поверьях распространены представления о зайце как существе опасном и связанном с нечистой силой. Перебежавший дорогу заяц сулит несчастье. Известны также былички о зайце-оборотне, наделенном демоническими свойствами, который «бросается под ноги, заманивает в чащу, преследует человека или исчезает в вихре, с шумом, хохотом или зловонием»[7]. Именно таков Перегуд в его погоне за «потрясователями».

Так подтекст повести не только снова отсылает к ее названию, но и выполняет функцию трансформации фольклорных и христианских мотивов в идейно-художественной структуре повествования.

С христианской темой непосредственно связан эстетический аспект. В контексте выраженных в «Заячьем ремизе» представлений о прекрасном и безобразном важно подчеркнуть мысль В. И. Ильина, высказанную в его статье о Лескове: «Бог — источник прекрасных форм; быть безбожным — это не только значит быть безобразным, это значит умножать вокруг себя безобразие»[8].

Перегуд в прямом смысле лишается своей человеческой сущности, окончательно сходит с ума, когда выясняется, что «дерзновеннейший потрясователь» — его собст-

венный кучер-орловец Теренька. «О, Боже мій милій! А кто же был я? Вот только это и есть неизвестно» (IX, 581),— горестно сетует потерявший свою личность герой повести.

Свет истины потух для него. Неслучайно настойчиво повторяется портретная деталь — реалистическая и метафорическая одновременно: очи, «яко свещи потухлы». «Светильник для тела есть око,— наставляет Христос в Нагорной проповеди.— Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно» (Мф. 6: 22 — 23).

Перегуд-становой, погрузившийся во тьму духовную, безмерно далек от того мальчика — церковного певчего, посвященного в стихари,— каким он был, когда «перед всеми посередь дни свечою стоял и светил» (IX, 523). Теперь он утрачивает божественный свет «истинного человека», окончательно превращаясь в телесного «болвана», темную «зерцаловидную» тень.

В эпизоде с молодой учительницей — «подозрительной» Юлией Семеновной («коса ей урезана, и в очках, а научена на все познания в Петербургской педагогии» (IX, 551)) — Перегуд, дабы разузнать, что скрывают темные очки, просит позволения посмотреть в ее «окуляры» и ведет себя почти как в крыловской басне «Мартышка и очки». В подтексте произведения возникает новое зоологическое уподобление — с гримасничающей обезьяной.

Перегуд начисто лишается своего прежнего духовного опыта, забывает Священное Писание, которому был учен у архиерея, и попадает в преглупейшее положение, когда пытается «вывести на чистую воду» стриженую, в «окулярах» Юлию Семеновну, заставляя девушку написать о том, что она думает о богатстве и бедности. Ее записи, не узнав в них текстов Нового Завета: «забота века сего и обольщение богатства заглушают Слово, и оно бывает бесплодно» (Мф. 13: 22); «Не богатые ли притесняют вас, и не они ли влекут вас в суды?» (Иак. 2: 6) — становой отсылает начальству как донос.

«Вот наинесчастнейший человек, который охотился за чужими "волосами", а явился сам острижен. Какое смешное и жалкое состояние, и сколь подло то, что их до этого доводят» (IX, 582),— таково резюме автора.

Уже будучи в сумасшедшем доме, Перегуд верно трактует свое прежнее безумие, объясняя его причины «гордыней», «ненасытной жаждой славы» и «безмернейшим честолюбием» (IX, 543). Другими словами — «он впал в искушение» (IX, 538), забыв слова молитвы Христовой: *«И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого».*

Показатель духовного выздоровления — освобождение героя из сетей «бесовского наущения» (ловя «потрясователя», он сам был пойман и запутан в «сети», подобно приснопамятному «огорченному налиму») — следующая самооценка Перегуда: «когда я <...> вспоминаю об этих безумных мечтах моих, то не поверите, а мне делается ужасно!» (IX, 543). Импульс к освобождению из ужасающих бесовских сетей способствует торжеству истинного человека.

«Цыпленок зачинается в яйце тогда, когда оно портится» (IX, 585),— этим замечанием философа Григория Сковороды проясняется процесс, происходящий в герое: пусть он уже не годится для прежней «социабельной» жизни, зато в духе его «поднимается лучшее» (IX, 585). В доме для умалишенных на грани безумия и мудрости Перегуд, наконец, начинает путь приближения к истине. Теперь он избавился от цивилизации, от общественной жизни, в которой все было скрыто мраком, перемешано (точнее — *помешано*). Герой постигает добро и зло в чистом виде. У него «вырастают крылья», и по ночам он «улетает отсюда "в болото" и там высиживает среди кочек цаплины яйца, из которых непременно должны выйти жар-птицы» (IX, 588).

Эпизод на «болоте» не поддается однозначным и прямолинейным истолкованиям. Неслучайно Лесков, предлагая «Заячий ремиз» для публикации в журнале «Русская мысль», предупреждал о том, что в повести все «тщательно маскировано» (XI, 599).

Следует иметь в виду, что писатель и его герой великолепно знают фольклор, окружены им как элементом духовной и бытовой атмосферы. «В устных преданиях,— отмечал Лесков,— <...> всегда сильно и ярко обозначается настроение умов, вкусов и фантазии людей данного времени и данной местности», «в младенческой наивности» есть «оригинальность и проницательность народного ума и чуткость чувства»[9].

На первый взгляд, было бы достаточно простого указания на праоснову фольклорного образа и связанных с ним мотивов. Однако в повести Лескова имеет место процесс творческого усвоения и созидательной переработки фольклорного материала в свете религиозно-нравственных представлений писателя.

Мифопоэтическая парадигма образа жар-птицы включает в себя целый комплекс семантических и художественных мотивировок. Устойчивая роль жар-птицы в славянском фольклоре — служить чудесной помощницей, доброй волшебной силой, побеждающей потусторонние силы противников рода человеческого, разрушающей враждебное человеку пространство. В эстетике чудесного золотой окрас оперения жар-птицы — величина постоянная — и это не только синоним огненности. Этот непременный атрибут связан с тем, что «птица прилетает из другого, («тридесятого царства»), откуда происходит все, что окрашено в золотой цвет»[10]. Это «золотое», «иное царство» в народном сознании, помимо чудесного, имеет также социально-бытовое наполнение: символизирует безбедную жизнь, материальный достаток. Именно из золотых чертогов происходят «свинка — золотая щетинка, утка — золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь»[11]. В сказках «золото фигурирует так часто, так ярко, в таких разнообразных формах, что можно с полным правом назвать это тридесятое царство золотым царством»[12],— указывал В. Я. Пропп.

В мифологическом ракурсе золотой цвет соотносится с солнечным светом, постулируется связь «иного царства, небывалого государства» с небесной сферой. Жар-птица — небожительница. Ослепительное сияние, исходящее от каждого ее пера, наполняет жизнь человека ярким светом, прогоняет тьму, всегда сопряженную в народном представлении с нечистой силой. Золотое светоносное оперение небесной обитательницы «золотого царства» в христианском контексте может быть соотнесено с евангельским откровением о «золотом граде» Небесном Иерусалиме, уготованном для праведных, в котором *«отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет»* (Откровение. 21: 4). Символично, что *«ночи там не будет»; «спасенные народы будут ходить во свете Его»* (Откровение. 21: 24, 25).

Так фольклорный образ представлен в более многообразном переплетении с нефольклорным материалом, допускает возможности лирико-смыслового «сцепления» с христианским контекстом. Жар-птица символизирует божественный свет, вознесение к небу. «Жар» не только золотое сияние и свечение, но и жар неостывшего сердца — этого центра в православной антропологии, куда сведены все помыслы и чувства человека, устремленного к чуду, к Богу. Неслучайно поэтому в «Заячьем ремизе» настойчиво проявляется мечта о жар-птице как о чем-то недостижимо прекрасном. И если в сказке этот образ — плод народной фантазии и вымысла, то в повести Лескова он связан с глубокой верой героя. Сама возможность чуда сомнению не подвергается. Фольклорные образы переосмыслены и христиански актуализированы писателем.

Существуют инварианты русской сказки о поисках жар-птицы. В лесковской повести представлен новый оригинальный вариант. Герой стремится обрести жар-птицу, пытаясь высидеть на болоте цаплины яйца. Каким бы безумным ни показалось, на первый взгляд, это действие, все же оно имеет под собой реальную почву — фольклорно-этнографическую основу. В. И. Даль упоминал о народном обычае раздавать «самосидные яйца»: «Самосидные яйца раздаются по паре во все крестьянские дворы, и бабы обязаны высидеть и представить за них цыплят»[13].

Лесков представляет собственную модификацию этнографического источника. В

числе первых, кто высиживает цаплины яйца, учительница Юлия Семеновна: это и женское ее призвание — дать жизнь новому существу, и убежденность в необходимости зарождения совершенных форм жизни. Прекрасная жар-птица должна явиться как духовное и эстетическое откровение «золотого Небесного града», стать посредницей между землей и небом, совместить разные пространственно-временные пласты реального и идеального миров.

Юлия Семеновна и Оноприй Перегуд не одиноки: «там нас много знакомых,— сообщает герой,— и все стараются вывести жар-птицы, только пока еще не выходят» (IX, 588). «Не выходят» потому, что герои в своем «мудром безумии» упускают из виду важнейшее, недальновидно полагая, что из смрадного темного болота — то есть мира грешного, населенного людьми животного плана, духовно неразвитыми телесными «болванами» — сможет родиться иная реальность — жар-птица — знак райского сада, золотой чудо-страны, светоносного Небесного града. Этого произойти не может ввиду того, что желающие обрести жар-птицу не Творцы и даже не праведники. Они одержимы гордыней — «матерью всех грехов» в православной аскетике. Слово 23 «Лествицы» преподобного Иоанна Лествичника направлено против «безумной гордости»: «Гордость есть отвержение от Бога, бесовское изобретение, презрение человеков, матерь осуждения, исчадие похвал, знак бесплодия души, отгнание помощи Божией, предтеча умоисступления, виновница падений, причина беснования, источник гнева, дверь лицемерия, твердыня бесов, грехов хранилище, причина немилосердия, неведение сострадания, жестокий истязатель, бесчеловечный судья, противница Богу, корень хулы»[14].

От той же гордыни — стремление высидеть жар-птицу из яиц цапли. Тем более — что эта птица в специальном зоологическом труде «Жизнь животных по А. Э. Брему» характеризуется как «злобная и жадная»[15], памятливая на обиду; яйца ее только и можно отыскать на болоте.

Истина открывается Перегуду: жар-птицы не появляются «потому, что в нас много гордости» (IX, 588). Духовное прозрение ведет героя далее — к евангельской правде о том, что из несовершенного, греховного не может зародиться нечто совершенное. Люди пока бесконечно далеки от обожения, от заповеди Христовой: «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть» (Мф. 5: 48). Но по гордыне своей многие мнят себя будущими творцами чудесных «жар-птиц». Однако «высидеть», духовно переродить «цаплины яйца» в «жар-птиц» одному человеку без Божьей помощи не под силу.

В повести несколько раз цитируется древнеримский поэт Овидий, запрещавший людям «"пожирать своих кормильцев", а люди не слышат и не видят» (IX, 590). В обществе все «пожирают» друг друга, также и «цаплиным яйцом», в котором уже материализовано начало жизни, человек хочет просто воспользоваться для пропитания своего «телесного болвана», а не «высиживать» нечто духовно высшее: «Жар-птица не зачинается, когда все сами хотят цаплины яйца съесть» (IX, 589).

Перегуд видит «цивилизацию» в сатанинском коловращении «игры с болванами», социальными ролями, масками: «Для чего все очами бочут, а устами гогочут, и меняются, як луна, и беспокоятся, як сатана?» (IX, 589). Всеобщее лицемерие, бесовское лицедейство, замкнутый порочный круг обмана отразился в Перегудовой «грамматике», которая только внешне кажется бредом сумасшедшего: «я хожу по ковру, и я хожу, пока вру, и ты ходишь, пока врешь, и он ходит, пока врет, и мы ходим, пока врем, и они ходят, пока врут... Пожалей всех, Господи, пожалей!» (IX, 589).

Здесь звучит прямое обращение к Богу — *молитва за всех*, характерная для многих художественных творений Лескова («Запечатленный Ангел», «Очарованный странник», «На краю света» и др.). Писатель-христианин считает, что все достойны Божьей милости и жалости: одни страдают от сознания своей греховности; другие тоже по-своему страдают, потому что не ведают о собственном несовершенстве.

Приобщившись к этой истине, Перегуд «победил смерть» духовно. *«Посему мы не унываем,*— говорит апостол Павел,— *но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется»* (2-е Коринф. 4: 16). Этот евангельский текст проливает свет на «загадку» прощальной повести Лескова.

Картина Апокалипсиса: «И взял Ангел кадильницу, и наполнил ее огнем с жертвенника, и поверг на землю: и произошли голоса и громы, и молнии и землетрясение» (Откровение. 8: 5) — развернута в эпилоге «Заячьего ремиза» в сцене грозовой «воробьиной ночи».

Согласно народным поверьям, «воробьиная ночь» с сильной грозой и зарницами — время разгула нечистой силы. Это природное явление осмыслялось в мифологическом сознании также и как время, когда удары грома и блеск молнии уничтожают нечистую силу[16]. Под пером Лескова эта картина выливается в христианско-философское обобщение, обретает поистине универсальный, космический масштаб «небесной битвы» между добром и злом.

Громаднейшие литеры «Глаголь» и «Добро», вырезанные Перегудом, осветились «страшным великолепием» грозы и отразились повсюду — «овамо и семо». Две эти отдельно начертанные буквы сливаются в повелительный призыв: «Глаголь добро», то есть «Возвещай добро». Тем самым одновременно выражено требование неустанной борьбы со злом.

Так в последнем произведении «мастера» метафорически исполняется мечта самого Лескова — писателя-проповедника добра и истины, преследуемого цензурой: настоящее изобретение не печатный станок Гуттенберга, ибо он «не может бороться с запрещениями», а то, «которому ничто не может помешать светить на весь мир <...> Он все напечатает прямо по небу» (IX, 590), на котором мечутся птицы в «воробьиную ночь».

Образы птиц связаны не только с представлением о небесной сфере и далеком пространстве. Одновременно в народном сознании они символизируют души умерших. Атрибутика смерти постепенно нарастает к финалу повествования. Но без смерти не бывает и воскресения.

Оноприй Перегуд, «в мудром безумии которого есть и поучение, и завещание, и пророчество о временах грядущих»[17], постигнув истину, уже не может оставаться на грешной земле, он покидает земную юдоль — тут же совершает переход «в шатры Симовы», в «иное царство» — «Небесный град», царство Истины. Он переходит в иное качество, иное — духовное — измерение.

В прощальной своей повести Лесков на новом духовном и эстетическом уровне подвел итоги темам и проблемам, которые он разрабатывал на протяжении всего писательского пути. Духовное прозрение героя «Заячьего ремиза» знаменует и обостренную духовную зоркость самого автора в финале его творчества. Так, Лесков переосмысливает некоторые свои религиозно-нравственные представления: в частности, убеждение в том, что дело «честного писателя — служить тому, чтобы Царство Божие настало на земле как можно скорее и всесовершеннее»[18]. Царство Божие невозможно на земле, ибо, как сказано в Евангелии: «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18: 36).

Важная цель позднего творчества Лескова — подготовка человека к выходу в другую жизнь. «Все чувствую, как будто ухожу...» — говорил писатель в одном из поздних писем[19]. Происходит «раскрытие сердца, просветление духа, отверзание разумения»[20]. Со смертью героя не заканчивается жизнь, он «растворен уже в других и в мире, а смерть-успение совершает свой вечный виток как смерть перед воскресением, уход перед возвращением, отчетливо смыкая конец с назревающим началом»[21],— так поясняется семантика мотива «ухода». Поистине: *«Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное»* (Екклесиаст. 3: 1, 2).

Так завершается «томленье духа» и происходит его освобождение. Свершается паломничество человека к своему священному предназначению: «Им же образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя ко Богу крепкому, Богу, благодеявшему мне» (VIII, 91),— Псалтырь по усопшему в лесковском *«рассказе кстати»* «Интересные мужчины» (1885) мог бы увенчать последнее земное творение писателя — итог его религиозно-нравственных раздумий протяженностью в жизнь.

Незадолго перед тем, как самому оставить надетую на него на земле, как говорил Лесков, «кожаную ризу», писатель размышлял о *«высокой правде»* Божьего суда: «совершится над всяким усопшим суд нелицеприятный и праведный, по такой высокой правде, о которой мы при здешнем разуме понятия не имеем»[22]. Ностальгия по «миру духовному» внушала Лескову веру в бессмертие души. Он приводил евангельский эпизод воскрешения Христом дочери Иаира: когда шли к дому, встречный проговорил, что она уже умерла, но «Иисус, услышав это, сказал ему: *"Не бойся, только веруй, и спасена будет"»* (Лк. 8: 50).

Примечания:

1. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т.— М.: Гослитиздат, 1956 — 1958.— Т. XI.— С. 599 — 600. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
2. Цит. по: Лесков Н.С. Собр. соч.: В 3-х т.— М.: Худож. лит., 1988. Т. 3.— С. 646.
3. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Избранное.— Петрозаводск: Святой остров, 1992.— С. 493.
4. Философов Д. Пшеничный хлеб // Нива.— 1917.— № № 41— 43.— 28 октября.
5. Измайлов А. <Отзыв о повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз»> // Петроградский листок.— 1917.— 8 октября.
6. Славянская мифология: Энциклопедический словарь.— М.: Эллис Лак, 1995.— С. 192.
7. Там же.— С. 191.
8. Ильин В. И. Стилизация и стиль. Н. С. Лесков // Эссе о русской культуре.— СПб.: Акрополь, 1997.— С. 147.
9. Русские писатели о литературном труде: В 4-х т.— Л., 1955.— Т. 3.— С. 210 — 211.
10. Славянская мифология: Энциклопедический словарь.— М.: Эллис Лак, 1995.— С. 180.
11. См.: Афанасьев А. Н. Русские народные сказки.— М., 1938.— Т. 2.— С. 59—64.
12. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки.— Л.: ЛГУ, 1946.— С. 264.
13. Цит. по: Русская литература и фольклор (первая половина XIX века).— Л.: Наука, 1976.— С. 350—351.
14. Иоанн Лествичник. Лествица.— СПб.: Фонд «Благовест», 1996.— С. 156.
15. Цит. по: Аникин В. П. Русская народная сказка.— М.: Просвещение, 1977.— С. 74.
16. См.: Славянская мифология: Энциклопедический словарь.— М.: Эллис Лак, 1995.— С. 115.
17. Афонин Л. Н. Слово о Лескове // Творчество Н.С. Лескова: Науч. труды.— Т. 76 (169).— Курск: КГПИ, 1977.— С. 7.
18. Лесков Н. С. <Заметка о литературе>. Публикация А. Романенко // В мире Лескова.— М.: Сов. писатель, 1983.— С. 365.
19. Цит. по: Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2-х т.— М.: Худож. лит., 1984.— Т. 2.— С. 468.
20. Там же.
21. Макарова Е. А. Старообрядческая культура в эстетическом сознании Н. С. Лескова: Автореф. ... канд. филол. наук.— Томск, 1992.— С. 20.
22. Цит. по: Лесков А. Н.— Указ. соч.— Т. 2.— С. 467.

Дмитрий Епифоров
Елена Насонова
(г. Ефремов)

ПЕРЕКРЕСТКИ ЖИЗНИ А. С. ПУШКИН И А. И. ЛЕВШИН

Епифоров Дмитрий Александрович — учится в 11 классе в г. Ефремове. Увлекается литературным краеведением. В 2018 г. стал победителем Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ «Литературная Россия». Участвовал в подготовке отдельных материалов для книги «Ефремовская энциклопедия» (Тула: Неография, 2018). В 2018 г. — участник Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева (работа: «И. С. Тургенев и Ефремовский край»; статья вошла в сборник «Тургеневские чтения». Тула: Аквариус, 2018). За активную работу по популяризации истории и достопримечательностей Красивомечья награжден грамотами Фонда поддержки земляков «Тульский край», комитета по образованию администрации муниципального образования города Ефремова.

Насонова Елена Сергеевна — из Ефремова. В 1995 г. окончила Елецкий государственный педагогический институт. Работает учителем начальных классов. Активно занимается изучением и сохранением культурных традиций Красивомечья. Награждена Почетной грамотой Министерства образования Тульской области.

Со смертью — не все кончается.
Секст Проперций

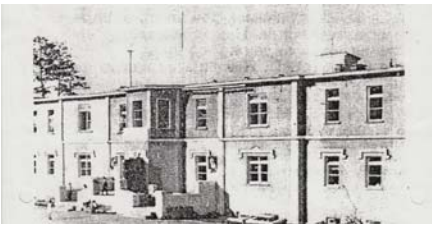
В биографии Александра Сергеевича Пушкина, его переписке и произведениях мы не раз встречаем упоминание об его одесском знакомом и сослуживце Алексее Ираклиевиче Левшине, литераторе, ученом и выдающемся государственном деятеле. Что же связывает Левшина и Пушкина?

ПРЕДЫСТОРИЯ

А. И. Левшин. Литография первой трети XIX в.

Алексей Ираклиевич Левшин — выходец из старинного дворянского рода, известного в России еще с XIV века. Он родился 26 августа 1798 года в родовом имении Левшиных селе Пожилино Ефремовского уезда Тульской губернии. С отличием окончил Воронежскую гимназию (в 1814) и Харьковский университет со степенью магистра гуманитарных наук в 1816 году. Именно во время учебы в университете у него зародилась страстная любовь к истории и этнографии. Свой первый опыт в историографии он воплотил в своей книге «*Письма из Малороссии*», вышедшей также в 1816 году. Написана она была в стиле сентиментализма по подобию карамзинских «*Писем русского путешественника*» и несла на себе ощутимый отго-

лосок мировоззренческих концепций французских цивилизаторов. В своих представлениях об обществе Левшин исходил из основополагающей идеи просветителей о вечности и неизменности природы человека, изначально заданной ему на все времена.



Барский дом в имении Левшиных в селе Пожилино. Фотография нач.XX в.

А НАЧАЛОСЬ ВСЕ В ПЕТЕРБУРГЕ...

Пушкин окончил Царскосельский лицей в 1817 году. После его окончания восемнадцатилетний поэт поступил на государственную службу, как и остальные выпускники, став коллежским секретарем в Коллегии Иностранных дел в Петербурге. Левшин поступает туда же год спустя.

Пушкин, который на тот момент также имел на своем счету несколько великолепных произведений, лишь числился в Коллегии. Она была для него местом важных и интересных встреч. Там он встречался с А. С. Грибоедовым и будущим декабристом А. Д. Улыбашевым, служившим переводчиком. Александр Сергеевич определил свой путь еще в лицее, в стихотворении «*К другу стихотворцу*». Там он пишет: «*И знай, мой жребий пал, я лиру избираю...*». Дипломатическая служба и служение «*слепой Фемиде*» его совсем не привлекали, в то время как для амбициозно настроенного Левшина она была средством построения прекрасной карьеры на гражданском поприще и массы серьезных и обстоятельных исследований.

НА НОВОМ МЕСТЕ СЛУЖБЫ

1820 год стал отправной и во многом решающей точкой для обоих литераторов. Пути их разошлись. Пушкин, в июне,— за вольнодумство и выпуск в свет нескольких едких эпиграмм на власть, в том числе и оду «*Вольность*», был отправлен в знаменитую «южную ссылку» — романтический период его творчества, который в официальных документах значился как перевод на новое место службы. Молодой Пушкин проявил себя носителем либеральных настроений, которыми жила прогрессивная патриотически настроенная дворянская молодежь. Благодаря вмешательству в дело Чаадаева и Карамзина, серьезных последствий молодой Пушкин избежал.

В июле того же года для исполнения официального рескрипта царя небольшая дипломатическая миссия в составе В. Ф. Тимковского, А. И. Левшина, П. Д. Черкасского и П. А. Корсакова [родного брата одноклассника Пушкина по лицею Н. А. Корсакова. — прим. авт.] отправилась в административный центр обширного и малоизученного на тот момент Оренбургского края. Им поручались вопросы, касавшиеся совершенствования местного судопроизводства и улучшения политических отношений с казахами и народами пограничных государств. Левшин увозил на новое место службы много творческих планов и стремлений, надеясь обрести там желанный простор для плодотворной государственной и научной деятельности.

Уже в ноябре 1820 года в «*Вестнике Европы*» была напечатана первая статья Левшина по истории казахского народа — «*Свидание с ханом Меньшой Киргиз—Кайсакской орды*». Этой темой он заинтересовался еще будучи в Петербурге. Так вспоминал он сам: «*Первые понятия мои о сем народе почерпнуты мною из архива Азиатского департамента Министерства Иностранных дел, в течение 1819 и 1820 годов. Я пополнил оные подробностями, замечаниями, поверками и всякого рода сведениями в последовавшие за тем два года, кои провел я в Оренбурге и в степях Зауральских...*». (см. предисловие к 1 тому «Описания киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей») Позднее в свет выйдут «*Историческое и статитстиче-*

ское обозрение уральских казаков» и его знаменитый трехтомник «*Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей*».

Командировка Левшина продлилась до 1822 года. Вследствие опалы на руководителя группы В. Ф. Тимковского Алексей Ираклиевич получил увольнение от должности и оставил Оренбургский край.

ОДЕССКИЙ ПЕРИОД

В начале 1823 года наместник Бессарабии Новороссийский генерал-губернатор Михаил Семенович Воронцов начинает укомплектовывать свою канцелярию. На тот момент, по понятиям того времени, она была одной из самых многочисленных в России и насчитывала 37 чиновников.

Воронцов предложил Левшину должность секретаря своей канцелярии. И уже 31 мая 1823 года он отправляется на новое место службы в Одессу. Так это назначение описывал один из самых язвительных мемуаристов той эпохи Ф. Ф. Вигель: «*Из сих чиновников приехавший первый и, конечно, примечательнейший из них был Алексей Ираклиевич Левшин, человек лет двадцати пяти. У него были и познания, и способности, и трудолюбие вместе с врожденною ко всем приветливостью, которая, равна будучи и со старшими, не могла иметь ни малейшего вида подлости; сверх того, довольно заметное честолюбие — одним словом, все средства к возвышению. Мне едва ли случалось встретить человека более его благоразумного в поступках, более одаренного тем, что французы называют умом поведения, esprit de conduit. Выгораживая себя, по всей истине могу сказать, что это было единственное дельное приобретение, сделанное Воронцовым в Петербурге*».

Сам же граф Воронцов писал о Левшине практически то же самое: «*Левшин — настоящий государственный деятель, во всем понимании этого слова. Здравый суд; возделываемый дух; обширное и творческое мышление; праведность, возвышенное отношение; благое сердце; доброта; все вместе в нем. Это сделало его самым выдающимся человеком. Скажите спасибо небу, что для славы и процветания нашей возлюбленной России у нее было как можно больше таких заслуженных людей, как Левшин*» (см. статью М. П. Щербинина в газете «Голос» 1868 года № 3).

География поездок Пушкина в период 1820—1824 годов была весьма обширной и включала в себя юг Малороссии, Крым, Бессарабию. Биография поэта того периода наполнена яркими событиями: тут и поездки поэта по Крыму, и прелести армейской жизни в Кишиневе, и богатая событиями и интригами, почти столичная, жизнь в Одессе, куда в июле 1823 года он добивается перевода: «*Здоровье мое давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу,— я оставил мою Молдавию и явился в Европу. Ресторация, итальянская опера напомнили мне старину и, ей-богу, обновили мою душу...*». (см. письмо Пушкина брату Льву, 25 авг. 1823 года). А. И Тургенев в письме к князю Петру Вяземскому перевел эту ситуацию в анекдотическую: «*Граф Воронцов сделан новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. Не знаю еще, отойдет ли к нему и бес арабский (Пушкин)...*» (см. А. И. Тургенев в письме кн. Петру Вяземскому, 9 мая 1823 г.).

Одесса тогда — центр огромного края, обнимающего Черное море. Это, по-сути, второй европейский город России после Петербурга. Одессе даровано право на порто-франко, а также на бесцензурную доставку газет.

Одессу Пушкин хвалит за ресторан француза Талона, то ругает за грязь, мостить улицы тогда только начинали. За несносный для северянина климат обзывает: «*летом — песочница, зимой — чернильница*» — по частям письменных приборов на каждом столе в канцелярии генерал-губернатора графа Воронцова. Себя же Пушкин уподобляет римскому поэту Овидию, сосланному в эти самые края императором Августом. Свое жалование Пушкин принимает как паек ссыльного. Отношения с Во-

ронцовым не заладились с самого начала. Пушкин служить не хотел, он привлекал к своей персоне слишком много внимания.

Канцелярия Воронцова находилась на улице Херсонской, 42. Там же жили Воронцовы до постройки своего великолепного дворца. На первом этаже помещалась часть канцелярии, которую возглавлял Казначеев.

Мраморная лестница в этом доме вела в большой зал, который разделял две комнаты. В гостиной собирались приглашенные графиней, в бильярдной — графом. Так сказать, общество «*поэтическое*» и общество «*практическое*». Пушкин всегда бывал в первом и никогда не бывал во втором. Левшин же, наоборот, всегда посещал общество «практическое».

Про таких как Воронцов тогда говорили — человек практического ума. Граф Воронцов поэзию Пушкина не то чтобы не любил или не ценил, он ее не понимал, потому что не видел в ней практического смысла, и к Пушкину относился как к мелкому чиновнику своей канцелярии. Кому такое понравится?

Про отношения Левшина и Пушкина в Одессе писали некоторые мемуаристы. Например, в «*Записках*» Липранди мы находим: «*Но вместе с тем мне казалось странным, что он* [Пушкин — прим. авт.] *не то чтобы избегал безусловно, но и не искал быть в кругу лиц, шедших тем же литературным путем, как и он. Из них сослуживцами ему были А. И. Левшин и В. И. Туманский; первого находил он слишком серьезным прозаиком...*».

Пушкин в письме к В. И. Туманскому от февраля (не позднее 23) 1827 г. в конце спрашивает: «*Нельзя ль чего от Левшина?*» Огромное исследование по поводу доказательства принадлежности этой приписки Пушкину и вообще о взаимоотношениях Левшина и Пушкина провел известный советский литературовед и пушкинист Лев Аврумович Шейман.

Немного иные сведения дает нам К. П. Зеленецкий: «*В то время при графе Воронцове служили многие молодые люди, достигшие впоследствии важных государственных должностей. Пушкин особенно близок был с Алексеем Ираклиевичем Левшиным; с Александром Николаевичем Раевским, который жил тогда в Одессе и имел на нашего поэта какое-то господствующее влияние; с братом его Николаем, который приезжал иногда в Одессу; с Туманским, поэтом, о котором упоминается при описании Одессы, и с некоторыми другими молодыми людьми*».

В конце осени 1823 года в свет выходит «*Историческое и статистическое обозрение уральских казаков*», которым сильно заинтересовался Пушкин.

Служебный роман Пушкина с графиней Воронцовой вынудил графа написать прошение к графу Нессельроде о высылке Пушкина из Одессы. Так и произошло. Удалось найти мнение самого Левшина об этом событии: «*Неуместно было бы здесь вспомнить какие-либо черты из жизни Пушкина. Одно только обстоятельство считаю я долгом совести разъяснить вам, а именно, что публика несправедливо обвиняла графа Воронцова в преследовании Пушкина. Бессмертный наш поэт, не взирая на огромный талант, был человек до крайности самолюбивый, раздражительный и избалованный безусловным поклонением современников; с другой стороны, он легко поддавался влиянию лиц, успевших приобрести его доверенность, что замечено и его биографами. Одному из таких влияний надо приписать раздражение Пушкина против гр. Воронцова, который осыпал его вежливостями и получал в ответ одни неучтивости. Если желаете знать подробности удаления Пушкина из Одессы, прочтите правдивый рассказ Липранди*» (см. «*На память юбилея А. И. Левшина*», СПБ, 1868 г., с. 51).

Левшин прослужил при графе Воронцове до 1837 года. В 1831-1837 годах он был градоначальником Одессы.

И СНОВА ПЕТЕРБУРГ...

В конце 1830 года Левшин заканчивает написание своей обширнейшей монографии, трехтомника «*Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей*». Уже 6 января 1831 года при помощи Александра Сергеевича появляется выдержка из этой книги в «*Литературной газете*» Дельвига.

ВТОРНИКЪ. ТОМЪ III, № 2. ЯНВАРЯ 6-го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

1831 ГОДЪ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

Выпуск «Литературной газеты» от 6 января 1831 года.

Практически одновременно с этим событием Пушкин женится на Наталье Гончаровой и с октября 1831 года они стали снимать свою первую совместную квартиру в Петербурге. И у кого? У семьи будущей жены Левшина. Пушкин сообщает своему другу П. В. Нащекину: «*Пиши мне: На Галерной в доме Брискорн*».

Там у молодоженов рождается дочь Мария. Здесь была начата поэма «*Езерский*» и написаны «*Моцарт и Сальери*», «*Пир во время чумы*», одна из частей «*Евгения Онегина*».

Сейчас это дом № 53 по улице Галерной. Напоминанием о том, что здесь когда-то жил великий Пушкин, служит мемориальная доска и гостиница с пафосным названием «*Счастливый Пушкин*».

ОПИСАНІЕ

КИРГИЗЪ-КАЗАЧЬИХЪ,

или

КИРГИЗЪ-КАЙСАЦКИХЪ

ОРДЪ и СТЕПЕЙ.

Сочиненіе

Алексѣя Левшина,

Члена разныхъ ученыхъ обществъ Россійскихъ и Иностранныхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

ИЗВѢСТІЯ ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографіи Карла Крайя.

1832.

Обложка первого тома «Описания киргиз казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей», 1832 год.

Во время проживания в этом доме у Натальи Гончаровой сложились очень близкие дружеские отношения с будущей женой Левшина Елизаветой Федоровной. Это мы видим из ее письма к ней от 10 июля 1832 года: «*Спасибо, мой ангел, моя сестрица, ты настоящий ангел. Вчера я получила твое письмо, и за него тебя благодарю тысячу раз. Уверяю тебя, что прежде, чем его прочесть, увидела только твою руку, без Матушки. И кровь моя застыла. Милый друг, если тебе еще раз удастся самой мне написать, постарайся сообщить, прежде всего, почему она сама не пишет. Твое письмо прекрасно, тысячу раз прекрасно, и ты показываешь, что у тебя веселый вид. Ох, моя сестрица, я тебя знаю, ты обманываешь, мой дружок, позволь мне сомневаться в этой очевидности; я вижу тебя с полными слез глазами в карете, едущей в Курск. Вообще когда речь идет о моей персоне, у тебя всегда в письмах улыбка. Бог так хочет, да будет так...*» (см. http://www.litfund.ru/auction/126/26/).

Алексей Ираклиевич и Елизавета Брискорн узаконили свой союз в 1832 году, тогда же окончательно было опубликовано «*Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей*».

В 1834 году выходит «*История Пугачева*», написанная Пушкиным. В ней он указывал на произведение, ранее написанное Левшиным: «*Некоторые из ученых яицких казаков почитают себя потомками стрельцов. Мнение сие не без основания, как увидим ниже. Самые удовлетворительные исследования о первоначальном поселении*

яицких казаков находим мы в «Историческом и статистическом обозрении уральских казаков», сочинении А. И. Левшина, отличающемся, как и прочие произведения автора, истинной ученостью и здравой критикою» (см. ПСС (1981 г.) том 7, стр. 85).

В статье, напечатанной в 1835 году в «*Сыне Отечества*», господин Броневский стал критиковать «Историю Пугачева»: «*Вся первая глава, служащая введением к «Ист. Пуг. бун.», как краткая выписка из сочинения г. Левшина, не имела, как думаем, никакой нужды в огромном примечании к сей главе (26 стр. мелкой печати), которое составляет почти всю небольшую книжку г. Левшина. Книжка эта не есть древность или такая редкость, которой за деньги купить нельзя; посему почтенный автор мог и должен был ограничить себя одним указанием, откуда первая глава им заимствована*».

На что Пушкин смело отвечал: «*Полное понятие о внутреннем управлении яицких казаков, об образе жизни их и проч. необходимо для совершенного объяснения Пугачевского бунта; и потому необходимо и огромное (то есть пространное) примечание к 1-й главе моей книги. Я не видел никакой нужды пересказывать по-своему то, что было уже сказано как нельзя лучше г-м Левшиным, который, по своей благосклонной снисходительности, не только дозволил мне воспользоваться его трудом, но еще и доставил мне свою книжку, сделавшуюся довольно редкою».*

ЭПИЛОГ

Далее пути их разошлись... Пушкин продолжил писать, а Левшин — служить Отечеству. Он дослужился до чина действительного тайного советника. Был одним из основателей Русского географического общества, товарищем министра внутренних дел Российской империи, участником и вдохновителем одной из важнейших реформ 19 века — отмены крепостного права. Умер он 19 сентября 1879 года в курском имении Хомутовка и похоронен в склепе возле церкви села Пожилино Ефремовского района.

Ныне склеп разрушен, его не пощадило ни время, ни люди... Но память об этом выдающемся человеке жива по сей день.

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

ЛЕТЕЛА ЖИЗНЬ В ПЛОХОМ АВТОМОБИЛЕ... (кто вы, бард Высоцкий?)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Уже более четверти века наша страна живет под эгидой компрадорской буржуазии. Как всегда при смене идеалов поспешно сносятся одни памятники и не менее поспешно устанавливаются другие. Появились памятники Колчаку, Ельцину, Солженицыну... Через годик-другой, глядишь, увидим памятники Михаилу Горбачеву, генералу Власову, Анатолию Чубайсу... Воздвигнуто немало памятников и Владимиру Семеновичу Высоцкому. Почему же власть не жалеет денег и для увековечивания памяти этого человека?

Владимир Высоцкий покинул этот мир сорок лет назад, но его песни продолжают жить. Они часто звучат в записях авторского исполнения, их поют профессиональные артисты и любители. Многие строки из песен Высоцкого цитируют в разговорах («Настоящих буйных мало — вот и нету вожаков», «В гости к Богу не бывает опозданий», «Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал», «Жираф большой — ему видней» и другие).

Актуально ли творчество поэта-барда сегодня? Коли его песни слушают, поют их, ищут в «ютубе» (причем, миллионы), значит, актуально. Кто из современных русских поэтов конца двадцатого века более популярен? Да никто.

Всеволод Емелин, рассуждая о творчестве Высоцкого, подметил: «Увы, сейчас подобного давно нет и несчастной публике (несмотря ни на что интересующейся стихами) преподносят либо псевдовысоколобые непрожеванные шарады так называемой «актуальной поэзии», либо попсу в широком смысле слова».

«Правящие бал» в России современные либералы считают Владимира Высоцкого «своим». Но так ли это на самом деле?

Как известно, в четырнадцать-шестнадцать лет под воздействием «окружающей среды» у человека формируется «стержень» его личности.

8 марта 1953 года восьмиклассник Володя Высоцкий, дважды пройдя в Колонном зале мимо тела покойного Иосифа Виссарионовича Сталина, вернулся домой и написал стихотворение «Моя клятва», которое завершалось такими строками:

Я клянусь: буду в ногу идти
С дружной, крепкой и братской семьей,
Буду светлое знамя нести,
Что вручил ты нам, Сталин родной.

В эти скорбно-тяжелые дни
Поклянусь у могилы твоей

Не щадить молодых своих сил
Для великой Отчизны моей.

Имя Сталин в веках будет жить,
Будет реять оно над землей,
Имя Сталин нам будет светить
Вечным солнцем и вечной звездой.

Какой же сталинской политике юноша поклялся быть верным и при этом «не щадить молодых своих сил»? Среднюю школу Высоцкий окончил без «троек», что свидетельствует о его пытливом уме. Он видел, как стремительно развивалась страна. За каких-то десять лет проведена индустриализация, без чего победа в Великой Отечественной войне была бы невозможна. Постоянно росло количество школ, училищ, техникумов, вузов — и все это было доступно для рядовых граждан. Создание ядерного оружия позволило СССР стать сверхдержавой. Цены на товары народного потребления периодически снижались (позже Высоцкий напишет: «...было время и цены снижали»), коммунальные услуги и жилье стоили по сравнению с сегодняшним днем копейки.

Образование, медицина и многие виды отдыха были в то время бесплатными. Каждый год (в среднем) численность русского населения увеличивалась на полтора миллиона человек, а все население страны с 1924 по 1953 год выросло со 147 до 208 млн. человек. И это при том, что в годы войны страна потеряла миллионы своих граждан. (Для сравнения: по данным Росстата за годы правления Путина русских людей в РФ стало на семь миллионов меньше). В 1953 году средняя продолжительность жизни в СССР составляла 63 года, в 1913 году (это для тех, кто расхваливает царскую Россию) — 33 года. И так далее...

Не будем перечислять все плюсы сталинской эпохи, ибо это займет слишком много страниц. Одним словом, Сталин заставил учиться, работать и побеждать. Именно эти сталинские дела поклялся продолжить юный Высоцкий: «Буду светлое знамя нести, что вручил ты нам, Сталин родной». И что характерно: Володя обращается к вождю на «ты» и тем самым высказывает свое родство с Иосифом Виссарионовичем по духу.

При этом не надо забывать, что период правления Сталина приходился на очень трудное для России время: разруха после первой мировой войны и упадок во всех отраслях, стремление капиталистических государств любыми путями ослабить Страну Советов, период Великой Отечественной войны с ее тяжелыми последствиями.

Серьезные ошибки у Сталина тоже, безусловно, были. Да их и не могло не быть: ведь по сути всего второй раз в истории человечества строилось социалистическое государство.

Возвращаясь в 1931 году из Советского Союза, Бернард Шоу сказал: «Я уезжаю из государства надежды и возвращаюсь в наши западные страны — страны отчаяния... Для меня, старого человека, составляет глубокое утешение, сходя в могилу, знать, что мировая цивилизация будет спасена. Здесь, в России, я убедился, что новая коммунистическая система способна вывести человечество из современного кризиса и спасти его от полной анархии и гибели».

Во время обучения Высоцкого в Школе-студии МХАТ его отношение к Сталину существенно изменилось. Это произошло, как мне представляется, главным образом по трем причинам.

Мировоззрение будущего поэта укреплялось в годы, последовавшие после 20 съезда КПСС, когда Хрущев и его приспешники лезли из кожи вон, чтобы вылить ушаты помоев на голову покойного Сталина. На многие руководящие посты по всей горизонтали власти пролезли члены партии, которых как ржа железо разъедала мел-

кобуржуазная психология. Они жаждали больше материальных благ; потребительский «аппетит» возрастал почти у каждого.

Конечно, такие люди были во властных структурах и ранее. Однако они сдерживали свои «аппетиты», опасаясь нежелательных последствий.

Здесь уместно вспомнить такой эпизод. Председатель ОГПУ Генрих Ягода в кругу близких ему людей сокрушался, что, дескать, мы занимаем высокие посты, а что имеем: автомобиль казенный, квартира нам не принадлежит, мебель с инвентарными номерами и т. п.

Не индустриализация или другие государственные проекты в первую очередь интересовали этих людей, а личное материальное благополучие. И причина понятна: они были в плену частнособственнической психологии. Иосиф Виссарионович решительно боролся с этой психологией, особенно в рядах руководящего звена. Именно с этой целью периодически проводились «чистки партии», что породило у многих чиновников и представителей интеллигенции лютую ненависть к Сталину. И среди окружения студента Высоцкого, скорее всего, было немало таких людей.

Волна «разоблачения» культа личности подхватила Высоцкого и выбросила в океан обильной лжи на Сталина. Неопытному молодому разуму трудно было справиться с потоком обвинений в адрес покойного вождя: все без исключения СМИ вопили о «злодеяниях» сталинской госбезопасности, а многие вузовские преподаватели и деятели искусства, выполняя установку съезда партии, дружно подхватывали эти вопли.

И еще важнейшая и, пожалуй, самая главная причина отречения Высоцкого от вчерашнего кумира. Будущий поэт плохо изучал историю большевистской партии, слабо ориентировался в историческом материализме и диалектике. Да и не было у него возможности ознакомиться со стенограммами пленумов и съездов партии и с другими документами: все было засекречено. Именно самому прочитать, а не послушать комментарии к ним идеологических клеветников. (Нередко политические взгляды формируются именно на знакомстве с «комментариями»).

А будь у Высоцкого такая возможность и желание, он имел бы более реальную картину о том, какая борьба шла после смерти В. И. Ленина внутри ЦК о путях развития России. Мы и сегодня-то толком не знаем всей правды о «загадке» 1937 года. Главные документы этого периода времени власть олигархического капитализма до сих пор охраняет грифом «секретно».

Бисмарк, проживший в России четыре года, в свое время сказал: «Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить лживые ценности, и тогда они победят сами себя». Этот тезис наши враги сразу взяли на вооружение в борьбе с Россией.

Разоблачение «культа» личности Сталина нанесло непоправимый ущерб не только международному коммунистическому движению. Хрущев вложил в руки противника такой мощный козырь, что Запад использует его против России и сейчас. А в пятидесятые-шестидесятые годы это послужило толчком для оживления деятельности антисоветчиков внутри СССР и в странах народной демократии. Например, в Чехословакии родился лозунг борьбы за «социализм с человеческим лицом», и это, как показала жизнь, был первый шаг к реставрации капитализма. Ну, а когда в СССР и в той же Чехословакии был сделал последний шаг, народ ужаснулся. В результате этих «эволюционных изменений» мы регулярно сталкиваемся с фактами, от которых на голове начинают шевелиться волосы. Вот только один такой факт.

В феврале 2009 года газета «Советская Россия» сообщила следующее: «Между Германией и Чехией существуют целые рынки, где «покупают» мальчика или девочку от 8 лет за сумму от 5 до 25 евро. Вся Чехия превращена в рынок дешевой детской проституции, самый большой бордель в Европе, который посещает ежегодно 10 тыс. «секс-туристов» из различных стран мира. На этом секс-рынке томятся дети из Ук-

раины, России, Молдовы, Литвы и Беларуси». Подобные рынки — отличительная особенность «капитализма с человеческим лицом».

Однако вернемся к упомянутой выше стихотворной клятве Высоцкого. Его мировоззрение менялось, и это не могло не отразиться и в творчестве поэта. Взять хотя бы строчки из широко известной в свое время песни «Банька по-белому»:

Сколько веры и лесу повалено,
Сколь изведано горя и трасс!
А на левой груди — профиль Сталина,
А на правой — Маринка анфас...

Или

...А потом на карьере ли, в топи ли,
Наглотавшись слезы и сырца,
Ближе к сердцу кололи мы профили,
Чтоб он слышал, как рвутся сердца.

Отдадим дань яркому поэтическому языку этих строф. Однако из содержания песни вовсе не следует, как считают многие, что она написана от лица несправедливо репрессированных. Как известно, наколки с Лениным и Сталиным делали себе и отпетые уголовники. Среди них бытовало мнение, что если приговорят к расстрелу, то исполнители ВМН не посмеют стрелять в изображение своих вождей. Так что, скорее всего, в этой песне мы видим очередную дань блатной романтике.

Но при желании можно найти у Высоцкого и строки, ясно показывающие, как изменилось его отношение к Сталину.

Например, песня «Летела жизнь...», в которой упоминается депортация чеченцев и немцев Поволжья, заканчивается такими строфами:

Воспоминанья только потревожь я —
Всегда одно: «На помощь! Караул!..»
Вот бьют чеченов немцы из Поволжья,
А место битвы — город Барнаул.

Когда дошло почти до самосуда,
Я встал горой за горцев, чье-то горло теребя,—
Те и другие были не отсюда,
Но воевали, словно за себя.

А те, кто нас на подвиги подбили,
Давно лежат и корчатся в гробу,—
Их всех свезли туда в автомобиле,
А самый главный — вылетел в трубу.

«Самый главный» — это, разумеется, тот, чья смерть некогда так потрясла юного Высоцкого.

Примеры негативного восприятия повзрослевшим поэтом даже упоминания о Сталине можно найти и в книге «Прерванный полет» Марины Влади, и в книге воспоминаний польского актера Даниэля Ольбрыхского.

Итак, Высоцкий отрекся от Иосифа Виссарионовича Сталина. Однако, сдается мне, в последние два года жизни Владимир Семенович вновь существенно изменил свое отношение к вождю. К такому выводу я пришел, когда обратил внимание на два момента. За год-полтора до смерти Высоцкий не написал ни одного стихотворения, в котором звучала бы критика Сталина. Кроме того, вспомним съемки фильма «Место

встречи изменить нельзя». В романе братьев Вайнеров «Эра милосердия», который лежит в основе фильма, Жеглов — это отрицательный персонаж, сталинист. Как и многие, Говорухин тоже шел на поводу у Вайнеров в трактовке образа, но Высоцкий настоял на своем и не стал создавать образ сталиниста. Видимо, к концу жизни он стал прозревать.

Кроме клятвенного заверения: «Буду светлое знамя нести, что вручил ты нам, Сталин родной», звучал еще и другой посыл: «Я клянусь: буду в ногу идти с дружной, крепкой и братской семьей». А вот этой части клятвы он остался верен до конца.

После смерти Сталина Высоцкий получил специальность, совершенствовал свое актерское и литературное мастерство и при этом внимательно всматривался в жизнь своего Отечества. Он видел, как загнивает партийно-советская номенклатура, как мелкобуржуазная психология берет в плен все новых и новых граждан «общенародного государства», как разрушается его Родина. Именно эти обстоятельства порождали в его душе протест, и в результате появились стихи с более громким гражданским звучанием. В одном из таких стихотворений читаем:

Я прозревал, глупея с каждым днем,
Я прозевал домашние интриги.
Не нравился мне век, и люди в нем
Не нравились. И я зарылся в книги.

Высоцкий не скрывает своего отношения к действительности:

Живу, не ожидая чуда,
Но пухнут жилы от стыда —
Я каждый раз хочу отсюда
Сбежать куда-нибудь туда.

Иной читатель скажет, что строкой «сбежать куда-нибудь туда» поэт заявил о желании выехать на ПМЖ в одну из капиталистических стран. Но это не так. Если бы у Высоцкого действительно было такое намерение, он бы это легко сделал, так как много раз выезжал в Париж к своей жене Марине Влади.

Протестные настроения, зачастую формулируемые в иносказательной форме, раздражали чиновников, ведающих литературой. Они препятствовали продвижению стихов и песен Высоцкого в массы. Их бесило стремительное распространение по стране магнитофонных записей с песнями, пугала порождаемая этими песнями популярность автора. Свои действия чиновники мотивировали тем, что поэзия Владимира Семеновича была несовершенна. Да, в его текстах отмечалось немало недостатков. Но достоинств в них было значительно больше. Лирике Высоцкого свойственны опора на ассоциации и смысловые оттенки. Поэт был способен в Слове передавать сложные душевные состояния, размышлять эмоционально-насыщенно. Именно поэтому лучшие его стихи, ставшие песнями, волнуют людей и заставляют слушать эти песни по многу раз.

«Запись сохранила голос, интонацию, смысл песни, но как много добавляла к этому живая мимика, выразительные глаза, вздувшиеся от напряжения жилы на шее. Он никогда не исполнял свои песни вполсилы... он пел и играл, выкладываясь полностью, до конца» (Станислав Говорухин).

Некоторые настырные журналисты докапываются, был ли Владимир Высоцкий агентом КГБ. В этой связи я вспомнил один эпизод из своей службы в органах КГБ СССР-ФСБ РФ. В июне 1980 года я, молодой офицер, был включен в группу, которая осуществляла контрразведывательное обеспечение на стадионе «Динамо», где проходили футбольные матчи Московской летней олимпиады. Руководителем группы

был зам. начальника 5 Службы УКГБ по г. Москве и МО полковник Ярослав Карпович. (Тот самый, который в 1989 году выступил со своими заметками о работе КГБ в журнале «Огонек»). 25 июля, после известия о смерти Высоцкого, Карпович в доверительной беседе рассказал нам, своим подчиненным, такой случай, произошедший с Владимиром Семеновичем года за два до его кончины.

Высоцкий ехал во Францию к Марине Влади. На таможенном посту «Брест» при осмотре его иномарки был обнаружен тайник, в котором находилась дорогостоящая икона, не указанная в таможенной декларации. Для обычного гражданина — это тюремный срок. Доложили в Москву. Моментально поступила команда: икону изъять, Высоцкого на его автомашине пропустить через границу.

Был Высоцкий агентом КГБ или нет — не столь важно. Если и был, не вижу в этом ничего дурного, а наоборот: значит, он исполнил данную в юности клятву: «Не щадить молодых своих сил для великой Отчизны моей».

О литературном творчестве Высоцкого написаны десятки книг и монографий, сотни статей. Прочитавший хотя бы часть этих исследований подтвердит вывод о том, что Владимир Семенович в части, касающейся «буду в ногу идти с дружной, крепкой и братской семьей», клятву исполнил в полной мере.

Очень жаль, что советская власть не успела присвоить артисту звание «народный». Народность в творчестве Владимира Высоцкого отмечали многие литературные критики и литературоведы.

«Он народен в самом прямом и высоком понимании! Он народен в самом методе мышления: в умении увидеть парадоксальную ситуацию, создать яркий, саднящеиронический и убийственно-точный образец. Он народен социальностью своего творчества» (Борис Алмазов).

Если говорить о «сестре таланта», то, пожалуй, лучше других о Высоцком сказал Владимир Бондаренко: «Высоцкий — это песенник земли русской, непреходящее явление, сплав слова, музыки и русской идеи. Именно ему было суждено наиболее полно выразить русский народный дух. Он более народен, чем многие наши ура-патриоты. Можно критиковать его... за слабость песенных строк или за слабость композиции, но Высоцкий — это результат, я бы сказал, «синергетического эффекта», когда итог больше суммы слагаемых: не самой совершенной поэзии и музыки...»

Есть у Высоцкого такие строки: «Летела жизнь в плохом автомобиле и вылетала выхлопом в трубу». К великому сожалению, в своей жизни Владимир Семенович нередко «садился в автомобиль», напичканный алкоголем, табаком и наркотиками. И в результате существенная часть его жизни «вылетела выхлопом в трубу».

Впрочем, многие творческие люди могли плодотворно работать лишь в состоянии «измененного сознания». Примеров этого в истории предостаточно.

Анна Барсова (Барсегян)
(г. Екатеринбург)

МАРИЯ ПЕТРОВЫХ — МАСТЕР ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Анна Барсова (литературный псевдоним А. Барсегян с 2003 г.) — поэт, прозаик, переводчик, публицист, литературовед. Член Союза российских писателей, Академии Российской литературы. Обладатель национальной литературной премии «Золотое перо Руси», премии мэра города Набережные Челны и др. За верное служение отечественной литературе награждена литературными орденами и медалями С. Есенина, В. Шекспира, Р. Казаковой, «За заслуги в культуре и искусстве» и др. Дипломант российских фестивалей и конкурсов.

Поэтическая судьба Марии Петровых была непростой. Это подтверждают современные издания стихов М. Петровых, а также неопубликованные тексты, письма, черновики, воспоминания современников.

При жизни М. Петровых почти не печатала своих стихов, хотя писала с конца двадцатых годов.

Современники высоко ценили стихи М. Петровых. Известный переводчик, поэт, бывший сокурсник М. Петровых по Высшим литературным курсам Арсений Тарковский отмечал «врожденный поэтический голос» Марии Петровых. В своей статье о М. Петровых он писал: «У нее слова загораются одно от другого, соседнего, и свету их нет конца. Тайна Марии Петровых — тайна обогащенного слова. И тайна в том, что она была большим поэтом».

Об особенностях поэтического дара М. Петровых говорила также Елена Николаевская, известный советский переводчик, в статье «Тайна»: «У Марии Петровых абсолютный слух. Абсолютная зоркость. Чуткость. Совершенное чувство гармонии. Чувство меры. Вкус. Чувство природы, слиянности с нею».

Анна Ахматова называла М. Петровых «превосходным поэтом», а о стихотворении «Назначь мне свиданье на этом свете» отзывалась как о «шедевре лирики последних лет». Об этом пишет В. Адмони в своих воспоминаниях «Вы запомнились сестрою дальней».

Борис Пастернак также высоко ценил дарование М. Петровых, но она предпочитала держаться в тени и почти не печатала своих стихов. О скромности и этих качествах характера поэта писала известный переводчик Вера Звягинцева, называя Марию Петровых «чудом» и удивляясь тому, что ей даже слава не нужна.

Мария Петровых, думая о себе, о своей судьбе поэта, писала, раскрывая сущность своей души:

Мы начинали без заглавий,
Чтобы закончить без имен.
Нам даже разговор о славе
Казался жалок и смешон.

Или:

Бесценный дар поэта
Зарыла в землю я.
Велению не внемля,
Свой дар зарыла в землю…
Для этого ль, затем ли
Я здесь была, друзья!

Строки из «Завещания» объясняют отношение М. Петровых и к своим стихам, и к работе над переводами:

Один лишь труд безвестный —
За совесть, не за страх,
Лишь подвиг безвозмездный
Не обратится в прах…

Успехи переводчицы Марии Петровых значительны. В ее прекрасных переводах выходили стихи болгарских, еврейских, литовских, польских поэтов, но самое близкое ей по духу поэтическое пространство — это Армения.

В преодолении культурных барьеров перевод играет колоссальную роль. Перевод — это диалог не только между двумя языками, но и между двумя культурами. Несмотря на то, что любая культура обладает определенными национально-специфическими чертами, которые составляют ее уникальность, в любой культуре имеются компоненты, отражающие общечеловеческие духовные ценности. Это культурные универсалии, которые лежат в основе всех типов культур. Они свидетельствуют о сходстве в выражении мыслей и чувств людей, представителей разных культур. Вместе с тем перевод не всегда в полной мере может преодолеть специфические различия бытовой и духовной культур народов.

Эти « белые пятна» говорят о национальном своеобразии, которые переводчик по мере возможности старается привнести в переводимый текст. Переносятся все этнические, общественные, географические, бытовые реалии (по возможности), формы речевого этикета, топонимы и т. п.

Мария Петровых как переводчик начинала в 1934 году. Поэт Георгий Шенгели, работавший в Гослитиздате редактором отдела литературы народов СССР, пригласил молодых поэтов работать над переводами. Среди них была и Мария Петровых. Первой переводческой работой поэтессы были главы из поэмы Переца Маркиша, затем последовали Абай Кунанбаев, Молла Непес и другие поэты. В 1943 году вышла книга переводов М. Петровых литовской поэтессы Саломеи Нерис, позже Юлиана Тувима и других авторов.

Бытует точка зрения, что счастливая судьба М. Петровых переводчицы компенсировала ее отсутствие в литературном процессе. Сама М. Петровых тяжело переносила свое молчание. Стихи ее часто лежали незавершенные, в набросках, и она очень переживала:

О, как сердце отравлено
Немотой многолетнею!
Что же будет оставлено
В ту минуту последнюю?

В одном из писем М. Петровых прямо называет то, что не давало ей писать стихи:

«Начала было писать что-то свое и бросила! Когда над душой переводы, которые давно надо сдать,— свое писать невозможно».

В ряде других работ поэтесса признавалась, что переводит слишком медленно, чувствует огромную ответственность. Конечно, беззаветное служение своему делу, огромная самоотдача приводили к тому, что она откладывала свои стихи в сторону. Вероятно, это был тот субъективный фактор, который не дал ей раскрыться полностью в своем оригинальном творчестве.

Судьбоносной стала встреча М. Петровых с Арменией. В 1968 году в Ереване была издана первая и единственная прижизненная книга стихов поэтессы «Дальнее дерево». Она была издана при участии критика Левона Мкртчяна. Здесь же были размещены переводы.

К этой книге Мария Петровых шла долго. До этого она публиковала переводы стихов литовских, армянских, польских, еврейских и других поэтов, а своих стихов не более десятка. Портрет Марии Петровых кисти М. Сарьяна свидетельствовал о том, как высоко ценили в Армении дружбу с замечательным поэтом и переводчиком.

Коллеги по перу с восторгом отзывались о стихах Марии Петровых. Их знали наизусть и любили. Так, известный армянский поэт Рачия Кочар читал стихи М. Петровых Якову Хелемскому. Позже Я. Хелемский напишет об этом в своем очерке: «Меня поразила мощная фантазия автора этих строк. Я на мгновение забыл о том, что за окном сырая мгла северного предзимья. Привиделась уступчивая крымская крутизна, напоминающая и окаменевшие всплески морского прибоя, и застывшие языки пламени».

Впервые М. Петровых приехала в Армению осенью 1944 года. С ней Вера Звягинцева, поэт и переводчик. Они переводили стихи молодых армянских поэтов: С Капутикян, М. Маркарян, Р. Ованесяна, Г. Боряна, Г. Эмина, А. Сагияна.

Мария Петровых вспоминала об этой осени: «Это была замечательная, незабвенная осень. Мне мало пришлось ездить по Армении, но все же я была в Эчмиадзине (даже на богослужении), была на Севане... Молодые поэты оказались на редкость одаренными, работать над переводами было упоительно. Кроме того, мы с В. Звягинцевой много бродили по Еревану и окрестностям. Бывали в Норке, ходили к Зангу. Конечно, были в Матенадаране... С тех пор — моя любовь к Армении, моя верность». Об этой поездке у Марии Петровых сложились стихи:

Осень сорок четвертого года.
День за днем убывающий зной.
Ереванская синь небосвода
Затуманена дымкой сквозной.
Сокровенной счастливой тайной
Для меня эта осень жива.
Не случайно, о, нет, не случайно
Я с трудом поднимаю слова…
Будто воду из глуби колодца,
Чтоб увидеть сквозь годы утрат
Допотопное небо Звартноца,
Обнимающее Арарат.

Стихов, посвященных Армении, у Марии Петровых немного. Однажды она сказала: «Образ Армении» ушел в глубины глубин души... Армения научила меня глубже, вернее понимать, чувствовать армянскую поэзию.

Помимо молодых поэтов, М. Петровых переводила стихи армянских классиков: Иоаннеса Иоаннисиана, Аветика Исаакяна, Ваана Теряна, Наири Зарьяна и др. В этой работе ей помогал особый дар, дар постижения и проникновения в душу другого автора, дар перевоплощения и умения переложить речь автора на язык перевода.

Мария Петровых обладала удивительным слухом, чувством гармонии и меры.

Она глубоко чувствовала строй лирики, интонацию переводимого поэта, его стиль. О переводах лирики М. Маркарян писал критик Л. Мкртчян в очерке «Поэт»: «С высокой степенью приближения М. Петровых передает сердечную нежность и суровую откровенность лирики М. Маркарян»:

Я в мир пришла как под хмельком
И оттого иду не в такт,
Я изнутри обожжена
И оттого иду не так.
В круговорот
Невзгод, забот
Растерянно погружена,
Я выровнять пытаюсь шаг —
Не получается никак!

Удивительно тонко улавливает Мария Петровых ритм и дыхание стиха Аветика Исаакяна. Возвышенно и торжественно звучат строки в стихотворении «Армянское зодчество»:

Храмы нашей страны! Вы в жестоких веках
Возвышались над жизнью, сожженной дотла.
Этим стенам неведом был трепетный страх,
Солнце ярче сияло, глядясь в купола.

Мягко, лирично и печально звучат строки Ваана Теряна в переводе М. Петровых:

Пробудился я, счастьем обожжен.
Скорби не тая, плачет ветерок.
Ни души кругом. Тьма со всех сторон,
На пути моем вновь я одинок...

Можно сказать, что читатель страны Советов узнал и полюбил страстные, нежные и печальные стихи Сильвы Капутикян, благодаря переводам Марии Петровых:

Приди, приди, приди,
Хотя бы для прощанья,
Хотя бы без желания —
Приди, приди, приди!

Или:

Тоска по Армении сжала мне грудь.
Когда бы на миг очутиться мне там
И облаком белым неслышно прильнуть
К неласковым, диким, скалистым горам!

Ярким примером мастерства переводчика Марии Петровых явилась большая и трудная работа по переводу поэм Наири Зарьяна «Ара Прекрасный» и «Тиран и поэт». Анализируя перевод поэмы «Ара Прекрасный», критик Левон Мкртчян писал: «М. Петровых передала мужественный, дышащий глубокой страстью язык героев. Она сохранила высокий слог речи персонажей, не подменив его цветистостью, сохранила лапидарность языка, часто переходящую в афористичность. М. Петровых индивидуализировала язык героев трагедии и стиховыми приемами: она допускает в речи ассирийцев женские и дактилические окончания, тогда как речи действующих

лиц — армян — имеют лишь мужские окончания, вообще характерные для армянского языка»:

Шамирам:

Моя безмерна сила — я красива.
Явилась я как божество, как диво.

Или:

...Ответил Гайк с вершины голубой:
«Зачем же мне склоняться пред тобой?
Ты человек, я тоже человек,
И можем мы не враждовать вовек»,—
Так Гайк ему сказал сквозь облака.
Бэл потемнел и стал скликать войска.

Эти примеры свидетельствуют о том, что М. Петровых прекрасно чувствует переводимого поэта и старается передать стиль, особенности его голоса, сохранив гармонию и колорит армянской поэзии.

Мария Петровых проделала огромную работу как редактор переводов из армянской поэзии. Под ее редакцией выходили на русском языке книги известных поэтов: Аветика Исаакяна (1956), Гегама Сарьяна (1974), несколько книг Маро Маркарян, стихи Ованеса Туманяна (1969), первая книга Сильвы Капутикян и ряд других.

Д. Самойлов, руководивший вместе с М. Петровых семинаром переводчиков, писал: «Кто-то из переводчиков о ней, доброй и кроткой, выразился: «зверь». По ее редакторской работе я понял ее отношение к переводу: страстное, личное. Пристальность души проявлялась здесь. Она волновалась, огорчалась, когда чувство и мысль переводимого автора искажались своеволием переводчика. Она всегда любила того, кого переводила. Она болела за каждую строчку, словно сама ее написала. Редактируемые обижались. Им хотелось проявить поэтическую индивидуальность. Но в переводе она проявляется именно в страстном и бережном отношении к тексту. Свойства «пристальной души» проявились здесь. А в редакторском деле — твердость и воля».

Творческая дружба связывала выдающихся армянских поэтов С. Капутикян, М. Маркарян с М. Петровых. Русский поэт М. Петровых была для них и сестрой, и другом, и помощником.

Смерть Марии Петровых потрясла армянских коллег. Сильва Капутикян, выдающийся армянский поэт, признавалась: «Для меня она была как внутренняя совесть, всегда в дни сомнений я обращалась к ней — она одобряла или осуждала, и я знала: она права. Ей первой всегда читала новые стихи. Когда беседовала с ней, то забывала, по-русски я говорю или по-армянски. Это был особый язык — язык души... Вот подстрочный перевод четверостишия, посвященного ей:

Сердце мое переполнено, кто в его дверь постучится?
Со своими новыми песнями к кому мне теперь постучаться?
Ах, ты одна умела лить слезы по-армянски,
Чтоб перевели мои слезы, к кому мне теперь постучаться?

Велики заслуги Марии Петровых в сближении национальных литератур: она перевела огромное количество стихов из сокровищниц армянского и других народов.

Армения высоко оценила заслуги Марии Петровых, переводчика. Она — заслуженный деятель культуры Армянской ССР.

О ПРОИЗВЕДЕНИИ СЕРГЕЯ ДАШТАМИРОВА «ВЫСТРЕЛ» (ПУШКИНСКАЯ ПРОЗА ОНЕГИНСКОЙ СТРОФОЙ)

В № 2 «Приокских зорь» за 2020 год вызвает интерес стихотворное произведение поэта из Ростовской области Сергея Даштамирова «Выстрел» под рубрикой «Пушкинская проза онегинской строфой». Для стихотворения оно слишком большое и скорее похоже на поэму, хотя таковой не названо. Перед нами стихотворное переложение повести А. С. Пушкина «Выстрел». Если цель автора была в том, чтобы представить, как бы выглядела пушкинская повесть, если бы Александр Сергеевич пожелал изложить ее в стихах, попытка, хоть и дерзкая, но интересная,

Говоря о форме данного произведения, нужно отметить следующее. Как известно, пушкинская или онегинская строфа пишется ямбом и состоит из 14 строк с рифмовкой **a-b-a-b**, **a-a**, **b-b**, **a-b-b-a**, **b-b**, где **a** представляет собой рифму с женским ударением, венчающим восьмисложную строку, а **b** — с мужским ударением семисложной строки. Однако же при этом почему-то занимающие довольно большое место в рассматриваемом произведении «Рассказ Сильвио» и «Рассказ графа» написаны совсем с другим порядком рифмования. Тогда зачем надо было заранее заявлять онегинскую строфу? Задал форму, так держи слово и подкрепляй его делом.

Трудно сказать, какие могут быть даны этому объяснения кроме того, что автор устал или ему просто надоело подгонять стихотворные строки под опрометчиво заданную форму. Но и там, где она вроде бы соблюдается, есть огрехи. Например, во второй части в строфе VII:

И вот я в графском кабинете.
Богатством он благоухал…
Такого я давно, поверьте,
В глухой деревне не видал.
Обилье книг, тепло камина,
На стенах старые картины,
Сиянье бронзы и зеркал,
Французский на столе журнал;
Сукном зеленым пол обитый,
Ковры персидские на нем.
А над камином есть проем,
В нем три богини — три хариты.
Я трепетал — ну чисто,
Как был проситель у министра.

В заключительной рифмовке строфы рифма **b-b** требует мужского ударения, а здесь женское. Александру Сергеевичу соблюдать заданный порядок было почему-то не в тягость. Между прочим, предпоследняя строка строфы («*Я трепетал — ну чисто»)* являет собой грубейшее нарушение стихотворного ритма.

Неправильно было бы обойти молчанием качество рифм. К сожалению, автор относится к этой немаловажной стороне поэтического творчества без должной требовательности, а ее необходимо проявлять поэту серьезному. В строфе VII первой части рифмуются **понять** — **деревням**, в VIII — **странно** — **тайна**, в XV — **ждали** — **канцелярии**. К сожалению, и далее встречаются неудачные рифмы.

И стилистика произведения также далека от пушкинской.

И обо мне тогда слыла
Весьма двусмысленная слава:
Самим был воплощеньем зла,
Но, право, лишь для ***комсостава****!*

Комсостава?! В императорской русской армии первой половины XIX века?! Или речь идет об РККА?

А граф мне ***врезал*** *оплеуху...*

Ну совсем по-пушкински — «***врезал***»!

При желании можно отыскать и другие примеры, это нетрудно. Но стоит ли?

По прочтении данного произведения задаешься вопросом: а какова сверхзадача написанного? Для чего оно создано? Никаких новых, оригинальных идей в нем не содержится. Простой пересказ повести А. С. Пушкина, причем в худшей редакции. Да и Пушкин-то здесь совсем не чувствуется. Стихи с большим количеством технических и образных погрешностей далеки от звучной поэзии великого поэта. Они могут быть простительны для начинающего молодого поэта, делающего первые шаги в поэзии, как проба пера. Местами интересно, необычно. Но при таком техническом несовершенстве и явно недостаточной художественной ценности зачем же публиковать это в солидном толстом литературном журнале? Как сказал бы известный киногерой: *«Литература в большом долгу перед читателем».*

Владимир Резцов,
г. Тула

НЕБОЛЬШАЯ КНИГА — БОЛЬШИЕ СМЫСЛЫ
(О книге-триптихе Андрея Шацкова «Лебеди Тютчева»*)

Слог, размерность, язык поэта Шацкова узнаваем мгновенно, как только вдумчивый читатель открывает его очередную книгу. Эта — особенная. В небольшом издании «Лебеди Тютчева», прекрасно выполненном полиграфически, современного русского поэта Андрея Шацкова содержатся многие смыслы.

Смысл первый. Сохранение традиционной поэтической формы и былинной интонации. И — образец и научение для новых поколений поэтов. Также, как начинающие живописцы рассматривают шедевры в художественных галереях и учатся мазку кисти великого художника, можно любоваться и поэтическим почерком Андрея, пытаясь понять его характерные штрихи, чтобы впоследствии создать свое произведение.

Смысл второй. Слово есть глубинный образ, который многогранен. И древнеславянский язык, которым в совершенстве владеет автор, передает разнообразие бытия, жизни, ее выпуклость. Андрей Шацков органически использует в поэтическом тексте слова, чтобы понять которые нужно либо интересоваться отечественной историей, либо читать старинные произведения, такие, как «Слово о полку Игореве», либо — смотреть в словарь. Таким образом, автор наполняет стихотворное повествование, погружение еще одним смыслом — просветительским. «Гайтан», «Кремник», «выть»...

Смысл третий. Душа автора вмещает не только безграничное творчество, но и любовь — ко други своя. Это прежде всего Тютчев, которого Шацков почитает не только Учителем и Поэтом, но и другом, в гости к которому в усадьбу Овстуг сочинитель триптиха приезжал не однажды. Это и его друг, поэт-меценат, много сделавший для поддержания отечественной поэзии и в частности музея-заповедника Овстуг, Дмитрий Мизгулин, это и упокоившийся недавно и похороненный на родине Тютчева главный редактор журнала «Юность», поэтический соратник Шацкова — Валерий Дударев.

Смысл четвертый. Лебеди (Тютчева). Нет необходимости описывать значение этого сакрального символа красоты, тайны, глубины, природы, женского начала, любви и верности. Но есть и еще одно тайное значение. Подъятые крылья лебедя — это подъятые крылья ангела, такие же большие, величественные и белые. В обличье лебедей, по мысли поэта, Россию охраняют ангелы. Недаром он оговаривается, когда пишет, что «выводок... ходит эскадренным строем»... А как мастерски поэт использует аллитерацию, когда говорит: «Летело лебедей обилье», придавая строке мягкость через звук «л», обещая и предвосхищая «нежность», которая «останется там — в чугунном затворе усадьбы ограды»!..

Смысл пятый. Мощный поэтический поток, созданный автором триптиха, вобрал в себя историю рода Тютчева, вписанную в историю Руси, России. Эта река времени, заключенная под чудесной обложкой, несет в своих «водах» память: от Захария — пращура Федора Тютчева, до современного периода.

Сквозь поэтическое полотно проходит сквозная мысль о том, что Захарий — предок Федора, преданный своему князю и Руси, благословил и Отечество, и поэтов в дорогу, по которой прошло, идет и будет идти в веках не одно поколение русских стихотворцев. Но путь этот труден:

Тяжеле вериги — поэтов судьба
В России, покрытой морозною пылью...

А поэт, принявший на себя обязательства служить Родине и Слову, и не ждет иного:

В небрежно доверенной тайне — листам,
В которых поэту — не надо пощады!
Когда б он ни жил.

Ирина Денисова, г. Москва

---

* Андрей Шацков. Лебеди Тютчева: Триптих.— СПб.: Любавич, 2020. — 16 с.

«КОВЧЕГУ» — 10
ВИВАТ! ЖИВИ И ЗДРАВСТВУЙ!

Специалисты — утверждают: чтобы убедиться в жизнеспособности и стабильности любого начатого дела, организации, фирмы и т. п., поинтересуйтесь сроком их отлаженного функционирования. Если этот срок не менее восьми лет, можно доверять: стабильность и перспектива есть. А нашему «Ковчегу», детищу общему,— десять лет!

Десять лет... А, казалось, было будто вчера... А «вчера» было создание при Тульской духовной семинарии Православного клуба литераторов «Ковчег», активным организатором и соруководителем которого стал Яков Наумович Шафран, который и организовал одноименный альманах и все эти годы возглавляет его. Помнится, в ту, десятилетней давности, бытность мной было предложено издавать при творческом нашем клубе литературный альманах или сборники стихов и прозы авторов — членов клуба «Ковчег», а их тогда было более четырех десятков. Когда на литературных гостиных собиралось много людей, мест свободных не было в довольно большом помещении в семинарии. Безусловно, мы понимали, как замечательно было бы издавать свои сборники или альманах. Но осуществимо ли это? Конечно, достойно пишущих в клубе немало, но на какие средства мы это будем делать?! Да и кто конкретно согласится заняться безвозмездно этим хлопотным и ответственным делом?

Однако Яков Наумович, серьезно задумавшись над весьма заманчивой перспективой, хотя и хлопотной, требующей вложения не только денежных средств, но и времени, и сил, и знаний, решил все эти хлопоты взвалить на свои плечи. И взвалил! И несет по сей день! Как ныне нам известно, в альманахе он и составитель, и его главный редактор, и корректор, и дизайнер, и верстальщик, и соавтор, и прочая, прочая. Вообще, надо отдать должное его неугомонной личности. Я. Н. Шафран не только взвалил на себя «Ковчег», но и довольно серьезно заявил о себе как об авторе, пишущем стихи и прозу, и среди тульской, а теперь уже и российской пишущей братии, став в короткие сроки известным в ее кругах, лауреатом престижных литпремий. Его имя внесено в «Тульский биографический словарь» и в биографический словарь «Писатели земли Тульской». Кроме того в сети Интернет шафрановские стихи и проза набирают все больше читателей и на общепризнанных литературных сайтах, и на его личных страничках. Причем, Я. Н. Шафран довольно успешно выступает в разных литературных жанрах: не только стихи и малая проза — эссе, рассказы,— но пишет и романы, и повести. Все это можно найти и в библиотеках Тулы и других регионов.

И финансовые вопросы по изданию альманаха решились за счет самих же публикующихся. Ведь каждый хочет быть изданным, если даже автор говорит, что пишет «в стол», и читательское мнение его не интересует. А в Туле немного изданий, стабильно выходящих, где можно поместить свои творения: всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори», отметивший, кстати, в этом году свое пятнадцатилетие (гл. ред.— известный писатель А. А. Яшин), литературный альманах «Тула» (С. М. Овчинников), литературный сборник известного писателя В. Я. Маслова «Тульское слово», альманахи «День тульской поэзии», «На крыльях Пегаса», «На лирической волне», «Тульская сторонка», «Отчизне посвятим», «Среда» и издание «Крылья души». Достойное место и свою нишу в этом ряду занял и «Ковчег». Одно то, что авторы (и среди них — какие авторы!) публикуются на его страницах постоянно, свидетельствует о многом: значит, издание стоит того. Оно действительно стоит того, о чем говорят и читатели.

И наш «Ковчег» на всех своих парусах под капитанским водительством своего главного редактора — составителя уверенно устремляется вперед под девизом «Православие в наших душах», под надежным крылом старшего брата — всероссийского журнала «Приокские зори» (где Я. Н. Шафран — зам. гл. редактора — ответствен-

ный секретарь), под солидным патронажем Академии российской литературы и под эгидой Союза писателей России. Само понятие «тульские», если говорить о «Приокских зорях» и «Ковчеге», весьма относительное. Они давно уже перешагнули местные рамки и приобрели статус всероссийских с международным участием. Именно круг освещаемых тем, многообразие литературных жанров, широта географии проживания авторов, как говорится, от Москвы до самых до окраин и далее, захватывая ближнее и даже дальнее зарубежье, отличают оба эти издания. На страницах «Приокских зорь» выходил даже журнал в журнале, например, творческой братии из Беларуси — белорусский литсоюз «Полоцкая ветвь», с которым туляки поддерживают тесные творческие связи. И белорусские авторы — нередкие гости на страницах «ПЗ» и «Ковчега». Думаю, не будет преувеличением сказать, что творческий костяк альманаха во многом составляют, оставаясь верными своему изданию на протяжении всех этих десяти лет, те, самые первые, авторы, — члены клуба «Ковчег». Среди активных авторов альманаха с ходу можно назвать членов Союза писателей России Вячеслава Алтунина, Геннадия Маркина, Сергея Крестьянкина, Алексея Яшина, Валерия Маслова, Валерия Ходулина, Валерия Савостьянова, Евгения Трещева, Ольгу Бугримову, Татьяну Шелепину; членов Союза Российских писателей Татьяну Леонову, Елену Гаденову, Викторию Ткач; еще многих авторов из Тулы и области, как членов союзов, так и непрофессиональных писателей: Эдуарда Георгиевского, Валерия Демидова, Рагима Мусаева, Николая Макарова, Елизавету Баранову, Сергея Никулова, Людмилу Пенькову, Валентину Пинаевскую, Владимира Гудкова, Сергея Одинокова, Светлану Люкшину, Сергея Овчинникова, Галину Лялину, Олесю Маматкулову, Любовь Самойленко, Виктора Мызникова, Елену Хафизову, Татьяну Рогожину, Елизавету Баранову, Ирину Мацневу, Ирину Полынкину, Игоря Мельникова, Ольгу Андрееву, Владимира Пашутина, пишущего в том числе и музыку на стихи наших поэтов. Активны и наши коллеги из Москвы и области, а также других регионов России: Евгений Скоблов, Алла Новикова-Строганова, Игорь Карлов, Нина Попова, Олег Севрюков, Ольга Карагодина, Рудольф Артамонов, Антонина Маркова, Ольга Борисова, Вадимир Трусов, Ольга и Наталья Артемовы, Виктор Афоничев, Владимир Герасимов, Вячеслав Михайлов, Галина Зеленкина, Галина Солонова, Евгений Шепеленко, Петр Любестовский, Сергей Лебедев, Сергей Носов, Сергей Филиппов, Лариса Семенищенкова, Магдалина Гросс, Михаил Смирнов, Натали Силаева, Наталья Шестакова, Нина Гаврикова, Тамара Харитонова, Ольга Понамарева-Шаховская, Елена Семенова, Андрей Можаев, Галина Клинкова, Галина Мамыко, Ольга Приступенко и Людмила Авдеева и другие. Среди постоянных можно назвать многих авторов из ближнего и дальнего зарубежья: Николай Тимохин (Казахстан), Аркадий Мар (США), Любовь Бондаренко (Украина), Ляман Багирова (Азербайджан), Павел Подзоров (Белорусия) и другие. Эти списки можно продолжать, называя еще многих и многих авторов, публикующихся в «Ковчеге». Да простят меня коллеги, кого не назвала за ограниченностью места. И автор этих строк не пропустила за десять лет существования «Ковчега» ни одного его выпуска, публикуя на его страницах свою прозу и публицистику.

Что характерно для «Ковчега», как, впрочем, и для его старшего брата — «Приокских зорь», на их страницах в равной степени представлены как профессиональные литераторы, члены российских и международных творческих союзов; лауреаты и победители литконкурсов различных уровней, включая всероссийские и международные, удостоенные международной премии «Славянские традиции», Всероссийской премии «Левша» им Н. С. Лескова, областной премии имени Л. Н. Толстого и др., так и непрофессиональные пишущие люди, так называемые самодеятельные авторы, причем, разных возрастов, охватывая три поколения, широкой географии проживания — от Тулы, Москвы до Юга России, Поволжья, Сибири, Севера и зарубежья, ближнего и дальнего (Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Украина, Америка,

Израиль и др.), о чем выше уже упоминалось,— и самых разных профессий: от рабочих, учителей, инженеров, врачей, строителей, библиотекарей до профессоров и академиков, многого добившихся в разных научных областях знаний.

Это удивительно, как в столь короткие сроки, в первые же годы существования «Ковчега», его составителю и главному редактору удалось привлечь на страницы своего альманаха такое количество творческих людей из разных уголков России и зарубежья — уже почти под сотню, причем, среди них немало постоянных авторов. А выходит альманах один раз в год солидным изданием — более чем на трехстах страницах и тематика его весьма разнопланова, а не только православие, хотя ему уделяется значительное место. Каждое издание начинается с духовной страницы, на которой нередко с пасторским словом к читателям обращаются известные российские священнослужители и прежде всего сам Святейший патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, а также писатели, такие, например, как Юрий Бондарев, известный своими книгами о войне, кстати, удостоенный Патриаршей литературной премии.

Альманах, что характерно, охватывает почти все литературно-публицистические жанры: поэзия и проза; публицистика, литературоведение, критика, литературная публицистика — синтез литературы и публицистики; целый раздел посвящен детям и о детях. На его страницах мирно соседствуют друг с другом рассказы, стихи — и даже сонеты, баллады и басни, — очерки, статьи, новеллы, эссе, миниатюры, воспоминания-мемуары, рецензии и литературоведческие работы, песни; фрагменты из повестей, романов и поэтических поэм. Внушительный перечень, не правда ли?! Но это еще — не все...

Тематика «Ковчега» тоже весьма разнообразна, ограничений в ее выборе нет: православие, произведения — проза, поэзия и публицистика,— носящие ярко выраженную гражданско-патриотическую и философско-нравственную направленность; любовная, пейзажная лирика и т.д. На страницах «Ковчега» нашлось место и нечасто поднимаемым в обычных,— имею ввиду в неспециализированных изданиях,— историко-гражданским темам, связанным с отечественным российским родословием, привлекающем все большее внимание россиян, а также темам широкого краеведческого характера.

Один мой знакомый, профессиональный литератор, сказал, что он «пробегает» «Ковчег» от корки до корки. Справедливости ради не могу сказать, что он взахлеб хвалил бы издание, отметив, что уровень публикаций на его страницах встречается разный, поскольку, как выше уже отмечалось, авторы разные,— есть и начинающие непрофессионалы,— но главное, по его словам, присутствует именно эта тематическая широта охвата российской действительности и искренность тех, кто пишет, разных по возрасту, социальному положению. Широко представлены авторы из российской глубинки, а не только жители столиц, областных центров и крупных городов. Это, на его взгляд, очень ценно, поскольку они чаще пишут именно о том, что видели и пережили сами, что их взволновало и не оставило равнодушными, значит, и читателя это заденет за живое, ибо отвлеченно-холодное повествование, как известно, и читателя оставит безучастным — не заденет.

...В этом моем, своего рода поздравительном, адресе,— во всяком случае, побудительным мотивом к написанию данного материала стало десятилетие альманаха,— не стану говорить о достоинствах или недостатках в творчестве его авторов, рецензировать чьи-то произведения,— не в этом моя цель,— читатель сам выносит каждому автору свой вердикт. Ясно одно: если он читает данное серьезное издание, значит, оно ему нужно и полезно.

Как-то, несколько лет назад, говоря в статье о «Ковчеге», назвала его народным альманахом. И сейчас могу это повторить. Народным в том, что он ориентирован не на некую элитарную читательскую аудиторию и авторов своих подбирает не из богемной, этакой вознесшейся над бытом литературной элиты, на что нередко претен-

дуют глянцевые журналы. Наш «Ковчег» рассчитан и пишет для обычных людей и об обычных людях, коих мы и именуем «народ», и тематику поднимает близкую ему по духу и по жизни; ту, что характерна и типична для наших российских буден, но... Но при этом он в стихах и прозе со своих страниц ненавязчиво дает понять читателю, что хоть и с хлебом,— а куда и кто мы без хлеба насущного?! — однако «не хлебом единым жив человек». Жив русским нашим духом, непреходящими духовно-нравственными ценностями: совесть, честь, патриотизм, справедливость, любовь в самой широкой ее трактовке, милосердие и добро, которые и пропагандируются исподволь с его страниц. Умеющий слышать да услышит! И люди слышат! Иначе не интересовались бы читатели этим изданием, не публиковались бы на страницах этого альманаха уважаемые признанные прозаики и поэты, которых вместе с самодеятельными авторами объединяет «любовь к России, православию, русской культуре и обеспокоенность судьбами страны и народа, будущим наших детей», как пишет в аннотации к выпускам альманаха его создатель и главный редактор Я. Н. Шафран. На том и стоим, и будем стоять мы, российские пишущие люди!

Хотелось бы привести слова известного писателя, создавшего прекрасные правдивые книги о войне и не только, Юрия Бондарева, о предназначении и духовной сути литературного творчества, приведенные в одном из выпусков «Ковчега», отражающего это и на своих страницах:

«Писатель должен быть действенной памятью своего общества и его душевным опытом.

Искусство — это память народа. Очень многое было бы потеряно в нашем душевном опыте, если бы не были написаны книги, не были созданы фильмы... ...Главное же для писателя и сценариста — объект его наблюдения, объект его исследования — люди, их страсти, их поступки. Люди живут, объединенные в общество. Толчки к творчеству идут извне. Это социальные и моральные импульсы общества».

Как верно! Ни добавить, ни убавить. Да, творчество — это память народа, которую мы запечатлеваем и оставляем грядущим поколениям, жить коим суждено на земле после нас.

...Десять лет для человека — детский возраст, для человечества — миг; для альманаха — вполне солидный возраст зрелости, обретения своей твердой стабильной почвы, своей ниши, а главное,— своего автора и своего читателя. Все это есть у нашего «Ковчега». Что ж, пожелаем ему под патронажем старшего брата и друга — «Приокских зорь», которые мы также поздравляем с пятнадцатилетием, в дружбе со словом, нашим русским словом, развернув тугие паруса, и дальше смело, уверенно и бодро идти в океане отечественных буден, нередко штормящих, и держаться на плаву, как бы ни штормило, запечатлевая эти людские миги современности — характеры, поступки, движения душ. «Семь футов под килем», «Ковчег»!

Людмила Алтунина,
г. Тула

«ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПРИБЛИЖАЛИ КАК МОГЛИ»

В наше время большую популярность приобрел термин «культурное пространство». В переводе на русский язык — «...это <...> пространство реализации человеческой виртуальности (задатков, возможностей, способностей, желаний и пр.), осуществления социальных программ, целей и интересов, распространения идей и взглядов, языка и традиций, верований и норм, и т. д.»*... «Как пространство бытования культуры — это та среда, в которой, координируясь, существуют и развиваются культурные явления».** Почему мы делаем акцент на этом определении? Дело в том, что ныне наше зрение, слух и прочие чувства буквально подавлены (в лучшем случае сильно раздражены) обилием рекламы, насилия, порнографии, пошлости, хамства и пр., активно наступающих на нас из всех средств массовой информации, из всех уголков нашего жизненного пространства. Поэтому очень важно, как во всяком противостоянии, четко определить кто ты, с кем ты, кто свои и кто чужие, каковы твои силы и на основе чего ты объединяешься с подобными тебе людьми.

В противостоянии с «тьмой», имя которой, как известно, легион, огромное значение имеет культура. «Культура есть почитание Света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце»***.

В культурном пространстве Тулы, наряду с музеями и художественными выставками, театральными и музыкальными центрами и событиями, литературными объединениями большое значение имеют и все больше приобретают его литературно-художественные издания. К их числу относится всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори», собравший под свое крыло — «Библиотека журнала» — альманахи «Ковчег», «На крыльях Пегаса», «На лирической волне», «Тульская сторонка». В пространстве значимы и такие издания, как «Тульское слово», «Тула», «Тульский краеведческий альманах», «Отчизне посвятим», «Крылья души», «Среда» и другие.

Особо хочется отметить альманах «На крыльях Пегаса». Его основателем, составителем и главным редактором является Эдуард Павлович Георгиевский. При первой встрече с ним он привлек мое внимание, прежде всего, взглядом. Привлек, как потом оказалось, Заслуженный врач Российской Федерации, поэт и прозаик, член Союза писателей России. Эдуард Павлович сразу же заговорил о литературном объединении «Пегас», о его значимости для литературной жизни города, о людях, активно участвующих в его деятельности, и, конечно же, о его руководителе Марке Самойловиче Дубинском. О своей же лепте ни слова, и о своем детище — альманахе «На крыльях Пегаса» всего лишь несколько скромных слов в конце беседы. Только позже, познакомившись поближе с литобъединением и изданием, я узнал подробности рождения альманаха. И был поражен, так как, согласитесь, в наш век стяжательства и безудержного потребления встретить человека, вложившего свои личные сбережения в проект, заведомо не могущий давать прибыли, это — уникальный случай. Однако он полностью соответствует природе личности Эдуарда Павловича, ибо все, что он делает — будь то консультативная медицинская помощь или литературное творчество,— делает с любовью к людям. Эта любовь вдохновляет все его дела, так как является внутренней потребностью души, требующей разделить ее настрой с окружени-

---

* Олова Елена Валентиновна — Саратовский государственный университет им. Чернышевского. УДК 008 ОРЛОВА Е.В. Аннотация.

** Там же.

*** Цитата из книги: «Рерих Н. Твердыня пламенная».— Рига, 1991, с. 63 в работе Святохиной Г. Б. «Н. К. Рерих о культуре и её защите как условии эволюционного развития общества», Уфимский государственный университет экономики и сервиса, г. Уфа.

ем, передать его не только в своем творчестве, но и через альманах. Потому-то каждый выпуск «На крыльях Пегаса» замечателен.

Выпуск № 17 альманаха*, который я держу в руках, уникален и замечателен вдвойне. Он полностью посвящен 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Название его первой части, включающей прозаические и поэтические произведения авторов, «Этот день мы приближали как могли» очень символично, ибо говорит о глубокой связи нынешнего и предыдущих поколений наших людей.

Сборник открывается вступлением Марка Дубинского, ветерана Великой Отечественной войны, руководителя Тульской региональной общественной организации «Школа литераторов им. В. Ф. Пахомова», в котором он пишет: «...Действие нашей Державы, нашей Армии оказалось таким значительным, что с тех самых пор жизнь на Земле пошла совсем иначе, а именно: благосклоннее к Человеку. И это главная заслуга наших бойцов и командиров, наших тружеников тыла, всех тех, кто, не жалея себя и своего имущества, ковал и выковал Победу». Добавим от себя — эта битва была земным проявлением великой Небесной битвы, известной под названием Армагеддон, и наша Победа — соответственно, явлением Небесной Победы.

А теперь поговорим о содержании альманаха.

Валерий Яковлевич Маслов, многократно воспевший Тулу, ее военный и трудовой подвиг, представил в альманахе свой рассказ «Оружейная столица России», в котором он, в частности, пишет: «Невозможно переоценить роль и значение оружейной Тулы в победе советского народа в годы Великой Отечественной войны. Особенно сейчас, в год 75-летия юбилея Великой Победы. Всю свою историю, а, как известно, Тула на год старше Москвы, она являлась оружейным форпостом, защищавшим нашу Родину. Именно Тула стала тем городом, который в годы Великой Отечественной войны стал неприступным рубежом, преградившим танковой громаде Гудериана свой победный путь на Москву. Признанием особых заслуг нашего города в Победе против фашистской Германии стал факт присуждения звания "Город-герой" Туле». В рассказе имеется много важных и интересных для читателя подробностей.

Всероссийски известный поэт, мэтр этого жанра Валерий Георгиевич Ходулин тематике Великой Отечественной войны посвящает много своих стихов. Одно из его стихотворений — «Тихмяновская высота» — посвящено подвигу Героя СССР, генерал-майора (тогда ст. лейтенанта) Леонида Тихмянова, жившего и работавшего в Туле: «...Идут года. Зима сменяет лето. / Мы не забыли подвиг тот святой. / И с тех далеких пор высотка эта / Тихмяновской зовется высотой». Замечательны строки стихотворения «Когда уйдет последний фронтовик»: «...Фронтовику путевку в рай дадут, / Где много райских птиц и райских звуков. / И в гости к нему первыми придут / Товарищ Сталин и товарищ Жуков». Нельзя равнодушно читать стихотворение «Военный трамвай», повествующее о трамвае, возившем раненых с передовой в госпиталь: «...В бреду метались и ругались матом / Солдаты, опаленные войной. / И слезы лил вожатый / С автоматом / И с толстою косою за спиной». И завершает подборку стихотворений автора «Тепло» — призыв к нам, современникам и будущим поколениям: «Время — как паводок. / Время смывает невзгоды, / Только какой бы хорошею жизнь ни была, / Не забывайте далекие грозные годы, / И потому для людей не жалейте тепла».

С глубоким вниманием читаем познавательный очерк известного тульского краеведа, прозаика и поэта Евгения Ивановича Трещева «Бойцы бессмертного полка». Его героями стали: тесть автора, майор Родионов Иван Дмитриевич (1923—1987,

* «На крыльях Пегаса», 17 выпуск. Межрегиональный литературно-художественный и музыкальный альманах.— Тула, ул. Пионерская, д.1, Из-во «PRINT 71», 2020.— 230 стр.

уроженец д. Клевцово Лихвинского р-на Тульской области), дядя по отцу гвардии капитан Трещев Петр Трофимович (1910—1944, уроженец с. Тросна Крапивенского уезда (ныне Щекинский р-н) Тульской губернии), внук автора Трещев Дмитрий Викторович (1964—1983, погибший в Афганистане), дед автора Трещев Иван Трофимович (1911—1961, уроженец с. Тросна Крапивенского уезда Тульской губернии). Следует отдать должное мастерству писателя — очерк написан одновременно и досконально документально, и художественно мастерски.

Сергей Никулов не перестает восхищать читателей и знатоков поэзии своими прекрасными стихами. «Как же страшно звучит: / «Неизвестный солдат». / Нам,— «никто не забыт!» / Неустанно твердят. / Убедили весь свет. / Я поверить бы рад, / Если б не был мой дед / Средь безвестных солдат... («Неизвестный солдат»). Или вот еще: «... Прадед-воин люб и дорог, / Прочна связующая нить! / Каким бы сильным ни был ворог, / Вовек России не сломить! («Летели из рассветной дали...»).

Как всегда профессиональны, значимы, образно точны, художественно ценны и красивы стихи Валерия Демидова. Вчитайтесь в эти строки: «...Снова мы поклонимся героям, / Спасшим не себя, а Ленинград. / Пусть они лежат в земном покое, / Кто-то без фамилий и наград... («Блокада Ленинграда»). «...Коль сквозняк выдувает память, / Коль своих забываем героев, / То исчезнут огни и храмы / И падут христианства устои. («Вечный огонь»). «...Научиться бы отваге, / Да ее не передашь / Ни словами на бумаге, / Ни экскурсией в блиндаж. / Это ведь совсем не просто: / В трудный час пойти туда, / Где встает большого роста / Черноглазая беда... («Поэма о матери»).

Знает не понаслышке о боях Великой войны ее участник, ветеран, поэт и прозаик Марк Дубинский. Он посвятил свои стихи «1941-й... Бой под Мценском» памяти курсантов Тульского оружейно-технического училища, погибших в ВОВ. А вот еще стихотворение: «...Мы вспомним тот бой, когда было невмочь, / Когда только штык был способен помочь...» «...Спасибо рукам, этот штык отковавшим, / И вечная память за Родину павшим!..»

Прекрасный поэт Александр Янежич далеко не равнодушен к теме обороны Тулы: «Артиллеристы задыхались у орудий: / Тут ветром огневым нещадно дуло. / На рубеже последнем гибли люди — / Стояла насмерть в сорок первом Тула».

Далее читаем стихи известной тульской поэтессы Ольги Бугримовой. В частности, в своем стихотворении «Мы учились жизни не по книгам» она очень верно пишет: «...Жаль, немного их осталось с нами, / Тех, кто нам по жизни помогли. / Но они достойными делами / И дорогой правильной вели».

Заставляет читателя проникнуться душой к судьбе героя очерка Татьяна Рогожина («Антресоль»).

Стихи Валерия Виноградова, посвященные Великой Отечественной войне, свидетельствуют о том, что его сердце не устает биться в ритме любви и преданности памяти о воинах, прошедших тот тяжкий путь и принесших Победу. «...Герои схватки страшной / Смогли все одолеть, / Живых и в битвах павших / Наш долг — в веках воспеть!»

Вновь трогает тонкий лиризм Натальи Кожемяко: «...Вижу я — и не забыть до смерти! — / И слеза сползает по щеке — / Треугольный синенький конвертик / На дрожащей старческой руке... («Конвертик»).

Духовна лирика Любови Самойленко: «...Пред иконой с волненьем склонюсь. / Помолюсь за погибших. За живых помолюсь. / И за мир на земле, и за новую Русь... / Помолюсь! Помолюсь! Помолюсь! («Дорогой к Храму»).

И как верны слова поэтессы Елены Гаденовой: «..."Родину защищал, как родную мать, / Как отца, сестру и брата", — / То были последние слова / Умирающего комбата».

Анатолий Миронов эмоционально верен и поэтически точен: «...Ревела война, уродуя, / Кромсая России грудь, / От Волги-реки до Одера / Нелегок солдатский

путь» («От Волги до Одера»). «...Всю горечь войны изведав, / Мы знали, мы твердо знали / И верили, что Победа, / Победа будет за нами!» («Победа — за нами!»).

«Не счесть потерь и подвигов солдата / Под самым первым натиском врага, / Погибли молодые все ребята. / За родину, что сердцу дорога!» — пишет Лидия Артюшина в стихотворении «22 июня». Темы ее стихов — не забыть подвиги отцов, память о своих родных, павших на войне, передать детям и внукам...

Интересны небольшие зарисовки-воспоминания ветерана Н. Н. Капралова, приведенные Валентиной Белевской (г. Тула). А ее стихи идут из самого сердца: «...Храним мы память свято! / Бессмертный подвиг... вЕчен и весОм! / Мы, поименно, каждого солдата / Через века в портретах пронесем!» («Бессмертный Полк»). «...Победы этой, славная Россия, / Во веки не поблекнут ордена! / Да будет мир под небом твоим синим, / Великая, прекрасная страна!» («Никто не забыт и ничто не забыто!»).

Знаковым является рассказ Сергея Бодрова о том, как в «наши времена — черствые, расчетливые, беспамятные, но с претензией на памятливость» чисто формально «кипит школьная игра "Зарница"», дети играют в войну, а потом — веселые мелодии, смех, шашлыки, сосиски... и никакого воспитательного слова, действия, никакого акта уважения к павшим. А ведь на этом месте в далеком 41-м погибла девочка, Натка, их ровесница, погибла, став целью фашисткого летчика-охотника, который с улыбкой застрелил ее, как зайчонка... Старшее поколение, недовольное таким поведением детей, учителей и родителей, провидением Божьим привлекло внимание одной молодой учительницы, и она узнала историю Натки и рассказала ее детям. Они же организовали поход к могиле погибшей девочки. Так, пусть в небольшом масштабе, произошло воссоединение нескольких поколений людей. А это и есть единение в памяти. Подобное, делаемое всегда и везде, приведет к тому, что память народная будет живой и вечной!

Замечательны стихи молодого поэта Егора Козлова, привлекает внимание стихотворение Сергея Кононова «Исповедь отца», ценна проза Ольги Малыгиной и как призывно и горячо звучат ее строки стихотворения «Великая Победа»: «Нам нужно помнить свято / Историю войны, / Чтоб сохранить всю правду / Для внуков и страны!»

Елена Серегина хорошо написала об уроженке Тульского края, Почетном гражданине Тульской области, советской разведчице и писательнице Зое Ивановне Воскресенской.

Большое значение придает военной теме Татьяна Шелепина. Вот строки ее стихотворения «Последнее письмо»: «...Спасибо матери за сына, / Он будет жив в наших сердцах / И в нашей памяти незримо, / И в поколеньях, и в веках». Яркое впечатление оставляют слова из стихотворения Бориса Шепелева «Все уже круг фронтовиков»: «...Но подвиг ваш, как яркая звезда / На темном бархате ночного небосвода,— / Он не померкнет никогда / В глазах спасенного народа!»

Своим родным, погибшим на войне, посвятили свою прозу и стихи Ирина Склярова, Татьяна Соловьева и Марина Федина. С короткой, но содержательной прозой о фронтовиках познакомил читателей Андрей Таловирко. Документально четко рассказал об участниках войны Алексей Титков. Короткую, но яркую прозу, основанную на реальных событиях, и стихи представил Николай Шеин. Сердечно написала Елена Грищенко: «Цветите, цветите, тюльпаны, / Победные празднуя дни! / Живите еще, ветераны! / Живите, легенды войны...» Достойна проза Наталии Иванинской и Алексея Ильинского.

Обращают на себя внимание произведения Виталия Воронкова, Юлии Деевой, Валентины Динесюк, Сергея Киреева, Нины Кузнецовой, Валентины Моисеевой, Розы Нарышкиной, Нины Никитенко, Сергея Овчаренко, Нины Поповой, Романа Романова, Галины Соломниковой, Виктора Судьенкова и Виктора Фролова.

Во второй части альманаха опубликованы песни. Это и произведения известных

авторов — современников Великой Отечественной войны, и представителей послевоенного поколения, и произведения современных тульских авторов. С душевным волнением листаем тексты и ноты таких известных песен, как «Если завтра война», «Священная война», «Катюша» (1938 г.), «Эх, дороги», «Давай закурим», «Друзья-однополчане», «Три танкиста», «Бери шинель, пошли домой», «Москвичи» (1957 г), «В землянке», «Корреспондентская застольная», «Последний бой», «В лесу прифронтовом», «Мы за ценой не постоим», «Соловьи», «Синий платочек» и «День Победы» (1975 г.).

Конечно, поэты В. Лебедев-Кумач, М. Исаковский, Л. Ошанин, К. Симонов, А. Сурков, Б. Окуджава, И. Френкель, А. Фатьянов, Б. Ласкин, Е. Винокуров, М. Ножкин и другие, а также композиторы Д. Тухманов, В. Соловьев-Седой, М. Блантер, А. Эшпай, Дан. и Дм. Покрассы, А. Александров, А. Новиков и другие неповторимы. Однако и современные тульские авторы внесли свою заметную лепту в песенное творчество о Великой Отечественной войне. Это поэты В. Боть, К. Струков, А. Миронов, В. Пашутин, Л. Шершакова, Г. Шейбух, С. Поздняков, В. Полков, С. Алымов, В. Сазонов и В. Васин и композиторы А. Белоусов, В. Пашутин, И. Мацнева, С. Третьюхина, А. Новиков, Г. Шейбух, О. Филатова, Ф. Гафурова, В. Смирнов и Р. Курченков.

Следует сказать, что формат альманаха позволяет качественно публиковать ноты песен, и любой музыкант при наличии фортепиано или рояля может тут же исполнить музыку песни.

Альманах иллюстрирован, и этим тоже интересен читателю.

Конечно, уровень публикаций в издании разный, есть и огрехи с точки зрения литературной теории и практики, так как большинство его авторов — непрофессионалы. Однако искреннее стремление выразить свое отношение к происходившему и свои чувства читаются в каждой поэтической и прозаической строке, что читателя не оставляет равнодушным. А это самое главное. К тому же пишущие — люди из разных возрастных и социальных групп, и не только из Тулы и других крупных городов, но и из глубинки. Это тоже очень важно.

Подводя итог, можно отметить, что данный выпуск альманаха, посвященный 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, удался и представляет собой заметное явление в культурной жизни Тульского края.

Яков Шафран,
г. Тула

Елена Гаденова
(г. Тула)

К ЮБИЛЕЮ «КОВЧЕГА»

Член Союза российских писателей, прозаик, поэт.

С огромной радостью держу в руках «Ковчег», литературно-художественный альманах, его юбилейный выпуск. Десять лет с искренним интересом читаю в нем публикации тех, кто любит литературу, пишет прозу, поэзию, талантов не сосчитать... и на душе тепло, велик тульский край, могуч силой животворящего Слова! Отрадно, что слава «Ковчега» обрела своих читателей не только на тульской земле, но и далеко за ее пределами, а то, что альманах пополняется новыми именами из других регионов России, говорит о его важности, профессионализме, содержательности, возможности раскрыть и показать свои литературные произведения миру.

Я искренне поздравляю всех коллег по перу с этой замечательной датой, пусть все ваши задуманные планы исполнятся, а книжные магазины и библиотеки с радостью принимают ваши новые книги, чтобы к вам летели Небесные Музы и вдохновляли вас при свете звезд, свечей, утреннего неба, солнца, красоты природы и нежности нескончаемой любви, Божественного дыхания и восторга радости от ощущения прекрасного, которое всегда рядом с вами... Пусть «Ковчег» продолжает плыть по бескрайним просторам добра и разума, справедливости и душевности, рождений новых открытий, где в каждой строке стучат ваши благородные сердца... Счастья и здоровья, верного пути, который освещает великая планида — Дружба!

От всего сердца поздравляю с ЮБИЛЕЕМ «КОВЧЕГА» Якова Наумовича Шафрана, который подарил нам эту замечательную идею, создал альманах, плоды его великого труда объединили всех, кто публикуется в альманахе. Яков Наумович, огромнейшее спасибо лично вам, и всем, кто причастен в создании «Ковчега»! Для России — это очень важно, для ее народа, который любит читать книги, читает и будет читать, вопреки тяготам и прочим причинам, ведь Слово и есть Хлеб Неба, он дорог всем нам и необходим... как Бог, Любовь и Жизнь...

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издает на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

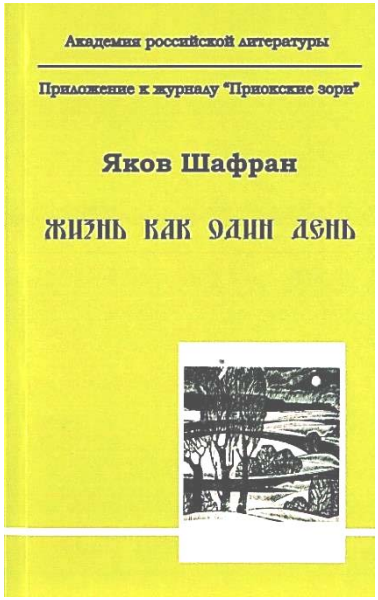
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., ***является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»***. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

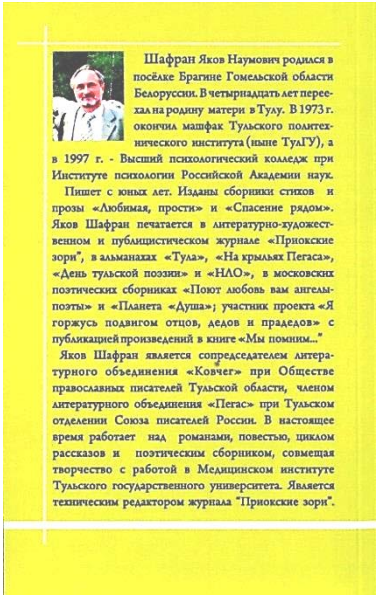
Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:





Шафран Яков Наумович родился в посёлке Брагине Гомельской области Белоруссии. В четырнадцать лет переехал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил машфак Тульского политехнического института (ныне ТулГУ), а в 1997 г. - Высший психологический колледж при Институте психологии Российской Академии наук.

Пишет с юных лет. Изданы сборники стихов и прозы «Любимая, прости» и «Спасение рядом». Яков Шафран печатается в литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори", в альманахах «Тула», «На крыльях Пегаса», «День тульской поэзии» и «НЛО», в московских поэтических сборниках «Поют любовь вам ангелы-поэты» и «Планета «Душа»; участник проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов» с публикацией произведений в книге «Мы помним..."

Яков Шафран является сопредседателем литературного объединения «Ковчег» при Обществе православных писателей Тульской области, членом литературного объединения «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России. В настоящее время работает над романами, повестью, циклом рассказов и поэтическим сборником, совмещая творчество с работой в Медицинском институте Тульского государственного университета. Является техническим редактором журнала "Приокские зори".

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2020.— №№ 1—3.

2. *Северо-Муйские огни:* Авторский литературный журнал.— 2020.— №№ 1—4 (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).

3. *Московский Парнас:* Вестник Академии российской литературы — литературный альманах.— 2019.— № 3 (в номере опубликован материал Алексея Яшина), 2020.— № 1.

4. *Новая Немига литературная* (Белоруссия).— 2019.— № 5 (опубликован отзыв Л. Воробьевой на роман Алексея Яшина); 2020.— № 2 (опубликован рассказ Алексея Яшина).

5. *Дальний Восток*.— 2020.— № 1 (опубликована повесть Алексея Яшина).

6. *Медвенские новости* (Курская обл.).— 2020.— № 11 (6263) (О журнале «Приокские зори»).

7. *Эд Побужанский*. Агент неба: Пятая книга стихов / Предисл. Николая Переяслова.— М.: Образ, 2020.— 96 с., ил. (Серия «Поэзия XXI века»).

8. *Лебедев А. В.* Сберегательная книжка: Стихи.— М.: Образ, 2020.— 60 с. (Серия «Поэзия XXI века»).

9. *Волкова Н. С.* Дойдя до середины: Стихи.—М.: Образ, 2020.— 86 с., ил. (Серия «Поэзия XXI века»).

10. *Человек — зеркало Вселенной* / А. В. Трофимов и др.; Под ред. А. В. Трофимова.— М.: АНО МНИИКА, ООО «Мега Гэлакси», 2020.— 186 с., ил. (Рецензент А. А. Яшин).

11. *Асташкин Е. И.* Стозвонье: Рассказы.— Омск: Амфора, 2018.— 436 с., ил. (Собр. соч.).

12. *Асташкин Е. И.* Русанов: Поэтические произведения.— Омск: Амфора, 2019.— 432 с., ил. (Собр. соч.).

13. *Норильский С. Л.* Поэт-мыслитель на перетоке времени. Документально-публицистическая повесть о жизни и творчестве Владимира Лазарева.— М.: Вече, 2020.— 325 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 10.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 236 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

2. *Тульская сторонка:* Региональный музыкально-литературный альманах. Песни и романсы, стихи, рассказы, статьи и рецензии. Вып. 6.— Тула: Изд-во Аквариус, 2020.— 92 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. *Яков Шафран*. Восхождение: психологический роман.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 340 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Вадимир Трусов*. Иронический оптимизм сожаления: тетралогия Алексея Яшина.— М.: «Новые витражи», 2020.— 85 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИНФОРМИРУЕТ:

Уважаемые члены Академии российской литературы!

9 июня 2020 года состоялось заседание Правления Академии РЛ (Поварская, 52) в составе:

Е. М. Скоблов,
А. Д. Шепель,
М. И. Лапшин,
Н. Е. Иванова (Харина),
Н. А. Шлезигер,
О. Г. Карагодина.

Повестка дня.

1. Обсуждение дальнейшей работы АРЛ на ближайшие месяцы;
2. Выпуск второго номера «МП»;
3. Рассылка первого номера «МП» в регионы, иностранным русскоязычным авторам и нашим партнерам.

Просьба получить авторские экземпляры тем, кто еще не смог сегодня их забрать, предварительно сообщив об этом Скоблову Е.М. или Крагодиной О.Г.

Информационная служба Академии РЛ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

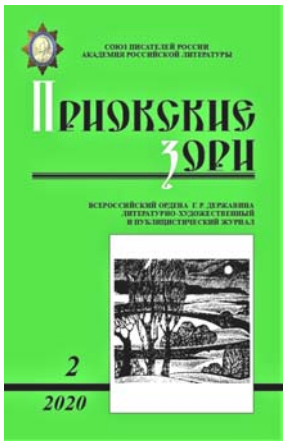
Уважаемые друзья, коллеги!

С радостью сообщаем, что издан и получен из типографии бумажный тираж вестника Академии — литературного альманаха «Московский Парнас» № 1/2020 г.

Выражаем большую благодарность нашему издателю — Литературному сообществу «НОВЫЕ ВИТРАЖИ» и лично Марине Юрьевне ЧАЙКИНОЙ!

Информ. группа Академии РЛ

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ» № 6 ОТ 01 ИЮНЯ 2020 ГОДА



Уважаемые читатели и авторы «Приокских зорь»!

В этом году наш журнал отмечает свое 15-летие выхода: точно по графику, без сдвоенных номеров, без копейки какого-либо финансирования, *при полном отрицании нашего существования Тульской писательской организацией СПР* <«лучше никто, если не мы»>, но зато с полным же одобрением Союза писателей России и Академии российской литературы, под эгидой которых журнал выходит. И, конечно же, великое спасибо нашим замечательным авторам и читателям — ведь журнал издается для Вас! Мы попрежнему ждем от Вас, дорогие читатели и авторы, поздравления к юбилею нашего с Вами журнала, которые будут напечатаны на его страницах!

С уважением, редакция «Приокских зорь»
Информ. группа Академии РЛ

* * *

Совет молодых литераторов Ульяновской области

В день рождения председателя Союза писателей России Николая Федоровича Иванова, 8 июня, писатели всей страны поздравляют его!

Совет молодых литераторов Ульяновской области:

«Николай Федорович — настоящий лидер Союза писателей России, подвижник, человек, служащий слову, русской литературе, Отечеству. Именно благодаря Николаю Федоровичу реализуется работа с молодыми писателями, молодое поколение литераторов объединяется вокруг Союза писателей России, проводятся крупные всероссийские мероприятия, открываются новые имена. Личность Николая Федоровича служит духовным ориентиром для молодых писателей и примером беззаветной и самоотверженной работе на благо общего дела.

Николай Федорович активно участвует в жизни региональных писательских организаций, оказывает большую помощь писателям на местах. Он — частый гость в Ульяновской области. Председатель жюри международной литературной премии имени И. А. Гончарова. Принимал участие в юбилее Ульяновской писательской организации, в открытии всероссийского совещания молодых писателей «На родине Гончарова» и вручении Гончаровской премии. Такое внимание руководителя Союза писателей России к нашему региону — большая честь для нас.

Желаем Николаю Федоровичу здоровья, энергии, сил, новых творческих высот, преданных читателей, профессиональных успехов, безграничного вдохновения и счастья!»

* * *

Уважаемые друзья, коллеги!

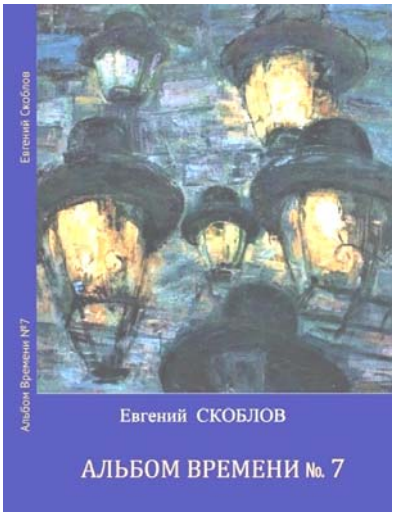
Издан очередной номер Международного литературного альманаха «**СЛАВЯНСКАЯ ЛИРА**» № 6/2020 г., в который вошли произведения членов Академии РЛ: Татьяны ЧЕ (Чегловой), Ольги КАРАГОДИНОЙ и Евгения СКОБЛОВА.

Издатель альманаха — **Международная ассоциация литераторов Болгарии, России, Сербии**. Главный редактор издания — известный российский писатель, переводчик и общественный деятель **Инна НАЧАРОВА**. Иллюстрации **Светланы ГОРДЕЕВОЙ**. Координатор проекта в Республике Сербия — **Радислава БОКШАН**.

Правление поздравляет членов Академии — участников Международного издания, выражает признательность коллективу издателей альманаха, желает всем здоровья, новых творческих успехов и благополучия!

Информ. группа Академии РЛ

* * *



Вышла в свет книга Евгения СКОБЛОВА «**АЛЬБОМ ВРЕМЕНИ № 7**» Повесть, рассказы, М.: издательские решения RIDERO, 2020, 176 с., илл.

В книгу включены повесть «Альбом Времени» и рассказы разных лет. В повести автор исследует возможность виртуального перемещения во времени. В целях осмысления былого, герой возвращается (в воображении) в Прошлое в надежде что-то изменить в своем личном отношении к некоторым драматическим событиям, а также разобраться, каким образом реальность Минувшего воздействует на Настоящее и повлияет на Будущее. В оформлении книги (обложка, иллюстрации) использованы работы известного российского художника **Евгении КОКОРЕВОЙ**.

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ШОЛОХОВУ В КАНУН ДНЯ ПОБЕДЫ

Состоявшийся заочно Секретариат от 29.04.2020 г. поздравил писателей России с наступающими первомайскими праздниками, пожелал им всем здоровья, творческой неуспокоенности и торжества справедливости. Были переданы — от всей души! — поздравления писателей большому другу Союза писателей России Юрию Соломину в связи с присвоением ему высшего звания Отечества — Герой труда России.

Нашло свое продолжение решение Секретариата о выходе из экспертного совета премии имени М. А. Шолохова, которая в федеральных СМИ руководством СП России была названа «постыдной». Реакция губернатора Ростовской области последовала незамедлительно. В Положение о премии внесены изменения, одно из которых предполагает, что премия по всем номинациям будет составлять не 20 тысяч рублей, как заявлялось ранее, а 115 тысяч,— по числу лет М. А. Шолохова. Дальнейшая переработка Положения будет произведена после празднования годовщины нобелевского лауреата — с приданием премии уже со следующего года статуса всероссийской. Об этом в разговоре с председателем СП России поведал внук писателя — депутат Государственной Думы А. М. Шолохов. Документ публикуется. Также прошло согласование по медали М. А. Шолохова, которая станет одной из высших наград Союза писателей России. Определяется дата первого вручения медали и списки награжденных.

ШОЛОХОВСКИЕ ЯБЛОКИ

Посадка молодых яблонь сорта «Шолоховское» прошла в саду памяти писателя и на территории детского музейного центра Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова.

В ней приняли участие:

— внук писателя, депутат Государственной Думы, первый заместитель председателя комитета по культуре Госдумы А. М. Шолохов;

— секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор А. С. Труба;

— заведующий отделом инновационной деятельности Промышленно-технологического колледжа г. Мичуринска А. О. Бабайцев;

— директор Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова О. А. Анистратенко.

Сорт яблони выведен авторским коллективом ФНЦ им. И. В. Мичурина по просьбе правления Союза писателей России под руководством академика Российской академии наук Н. И. Савельева. Никогда ранее мичуринским сортам плодовых культур не присваивали имена писателей. Такое событие произошло впервые. Этот зимний, колонновидный, иммунный к парше генотип характеризуется относительно высокой устойчивостью к низким температурам. Плоды зимнего срока потребления, массой 170—190 г, округлой формы, привлекательного внешнего вида.

Сорт выведен в честь писателя не случайно. Михаил Александрович неоднократно описывал это дерево в своих произведениях. Только в романе «Тихий Дон» он упоминает яблоню семь раз, это наибольшее число упоминаний в сравнении с другими плодовыми культурами.

А. С. Труба вручил директору Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова О. А. Анистратенко сертификат, подтверждающий новый сорт яблони «Шолоховское».

Следующим пунктом торжественного мероприятия стала станица Каргинская, сад «Писателей России им. М. А. Шолохова», где были высажены 12 яблонь подаренных писателям главой города Мичуринск М. А. Харниковым. Заложенный три года назад сад стал настоящим украшением донской земли.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

30 мая (11 июня по новому стилю) 1811 года родился гений русской критики В. Г. Белинский. Все его творчество уместилось в каких-то недолгих 15 лет, но по-праву это время 30—40 гг. XIX века можно назвать «эпохой Белинского» — так велико было влияние его взглядов, его литературно-критических работ на современников. А каким его запомнили современники? Какие черты внешности или характера критика производили наибольшее впечатление на его друзей и знакомых? Что привлекало в этом человеке и что казалось, может быть, странным?

«Белинский был небольшого роста, невзрачен с виду, сутуловат и страшно застенчив и неловок. Значительна была его голова и в ней особенно глаза. Глаза большие, серые, страшно проницательные, загорались и блестели при малейшем оживлении. В них страстная натура Белинского выражалась с особенною яркостью. Спокойным он почти никогда не бывал. Ходил он большими шагами, слегка опускаясь, как бы приседая при каждом шаге. Он работал, как истинно русский человек,— запоем и, когда мог отдыхать, то есть, когда необходимость не заставляла его работать, охотно ленился, болтал и играл в карты, ради препровождения времени. С половины месяца Белинский исчезал для друзей — запирался и писал для журнала. Ненависть и лю-

бовь его одинаково выражались страстно, подчас ребячески, с чудовищными преувеличениями, но в которых всегда лежала верная светлая и глубокая мысль». К. Д. КАВЕЛИН.

«Белинский был очень застенчив и вообще терялся в незнакомом обществе или в очень многочисленном, он знал это и, желая скрыть, делал пресмешные вещи. Но в этом застенчивом человеке, в этом хилом теле обитала мощная, гладиаторская натура, это был сильный боец! Он не умел проповедовать, поучать, ему надобен был спор. Без возражений, без раздражения он не хорошо говорил, но когда он чувствовал себя уязвленным, когда касались до его убеждений… надобно было его видеть: он бросался на противника барсом, он рвал его на части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной поэзией развивал свою мысль. Спор оканчивался очень часто кровью, которая у больного лилась из горла; бледный, задыхающийся, он дрожащей рукой поднимал платок ко рту и останавливался, глубоко огорченный, уничтоженный своей физической слабостью». А. И. ГЕРЦЕН.

«Бескорыстнее и честнее Белинского я не встречал ни одного человека. Когда речь заходила о плате за труд, он приходил в крайнее смущение, весь вспыхивал и сейчас же соглашался на всякие предложения, самые невыгодные для себя. С деньгами он обращался как ребенок; он то экономничал, лишая себя необходимого, то вдруг прорывался и позволял себе неслыханные роскоши при своем положении.

Его любили и вместе боялись...— боялись потому, что Белинский беспощадно высказывал правду в глаза своим друзьям и жестоко преследовал насмешкою различные их слабости. Взаимное самовосхваление, лесть и лицемерие были ненавистны ему.

Он, впрочем, всегда прямо и откровенно сознавал свои заблуждения и сам добродушно смеялся над своими крайностями и увлечениями. Когда болезненные припадки затихали или не слишком беспокоили его, он становился как-то особенно ясен и светел: его кроткая, прямая, деликатная натура вся так и отражалась в его глазах. Открытый и искренний по натуре, Белинский не терпел никакой напыщенности и натянутости...» И. И. ПАНАЕВ.

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ

В этом году исполнилось 110 лет со дня рождения великого русского, советского поэта, писателя, прозаика, журналиста, специального корреспондента, главного редактора журнала «Новый мир» Александра Трифоновича Твардовского (1910—1971).

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В то, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь,—
Речь не о том, но все же, все же, все же…

110 ЛЕТ ОЛЬГЕ БЕРГГОЛЬЦ

Опубликовано на Информационно-аналитическое издание **Odnarodyna**
https://odnarodyna.org/node/49653

СОБОЛЕЗНОВАНИЕ НИКОЛАЮ ФЕДОРОВИЧУ ИВАНОВУ

Секретариат правления Союза писателей России выражает глубокое соболезнование председателю Союза писателей России Николаю Федоровичу Иванову в связи со смертью его матери — Анны Григорьевны Ивановой.

Анна Григорьевна в 17 лет вместе с отцом, комиссаром партизанского отряда им. С. В. Руднева, уже защищала свою Родину от фашистских оккупантов. При выходе из окружения вывела через болото семь раненых партизан.

Анна Григорьевна была награждена орденом Красной Звезды, затем орденом Отечественной войны и медалью Партизану Отечественной войны.

Более полувека проработала она затем учительницей начальных классов в своем родном селе, вырастила пятерых детей.

Как последнего из остававшихся в живых членов партизанского отряда, Анну Григорьевну, умершую на 96 году жизни, хоронили в Брянске под прощальные залпы салютов. А проводивший церемонию отпевания священник называл ее Воином Анной…

Дорогой Николай Федорович, в эти дни мы скорбим вместе с Вами, нашим другом и товарищем.

Вечная память Воину Анне!

Секретариат правления Союза писателей России

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редколлегия и редакция «Приокских зорь» поздравляют заместителя главного редактора журнала Геннадия Николаевича Маркина с 60-летием!

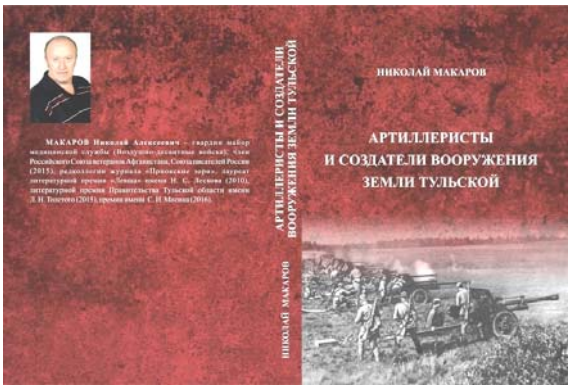
В этом году, 14 июня, исполнилось 60 лет зам. главного редактора нашего журнала, прозаику и публицисту Геннадию Николаевичу Маркину. Редакция и редколлегия «Приокских зорь» поздравляет юбиляра и желает ему долгих лет жизни, новых творческих успехов, крепкого здоровья и счастья!

Редколлегия и редакция «Приокских зорь»
поздравляют заместителя главного редактора журнала —
ответственного секретаря Якова Наумовича Шафрана с 70-летием!

31 октября 2020 года исполняется 70 лет Якову Наумовичу Шафрану, заместителю гл. редактора — ответственному секретарю нашего журнала, прозаику, поэту и публицисту. Редакция и редколлегия «Приокских зорь» поздравляет юбиляра и желает ему долгих лет жизни, новых творческих успехов, крепкого здоровья и счастья!

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

В Туле вышла в свет книга члена Союза писателей России, редколлегии журнала «Приокские зори», Российского союза ветеранов Афганистана Николая Макарова «Артиллеристы и создатели вооружения земли Тульской», посвященная 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.



Аудиодиск Николая Макарова

Тульская областная специальная библиотека для слепых выпустила аудиодиск в авторском исполнении члена Союза писателей России, Российского союза ветеранов Афганистана Николая Макарова «Лето в деревне».

ББК 84(2Рос=Рус)6

М 15

Тульская областная специальная библиотека для слепых

Звукооператор: И.В. Белкин

Ответственная за выпуск: Е.Н. Брешенкова

Макаров, Н.А. Лето в деревне [Электронный ресурс] / Н.А. Макаров ; ТОСБС ; звукоопер. И.В. Белкин ; отв. за вып. Е.Н.Брешенкова. – Тула, 2020. – 1 CD-ROM (46 мин 42 сек). – Систем. требования: формат MP3, 128 кбит/сек, объем 42,7 Mb.

Книга о пятилетнем мальчике Алеше и его друге – коте Котофее, с которым он познакомился в деревне у дедушки и бабушки, когда приехал к ним на все лето.

©Тульская областная специальная библиотека для слепых, 2020

Принято решение о награждении Якова Шафрана медалью Анны Ахматовой

Яков Наумович!

Президиум Российского союза писателей принял решение о награждении Вас медалью Ахматовой.

Медаль «Анна Ахматова. 130 лет» учреждена в соответствии со Статьей 24 Федерального Закона РФ «Об общественных объединениях» (82-ФЗ) и имеет статус общественной награды, вручаемой за вклад в развитие русской литературы. Награда учреждена Российским союзом писателей в 2019 году, который был объявлен Годом Ахматовой в честь 130-летия со дня ее рождения. Вы можете ознакомиться с Положением о медали на сайте премии «Поэт года». Медаль вручается номинантам национальной литературной премии «Поэт года» на основании постановления президиума Российского союза писателей от 31.01.2020.

ОБРАЩЕНИЕ И. В. СТАЛИНА К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ 3 ИЮЛЯ 1941 ГОДА

3 июля 1941 года, в начале Великой Отечественной войны Советского народа, войны против гитлеровской Германии, возмечтавшей захватить нашу Великую страну, захватить ее народные ресурсы, ее народные богатства, покорить и превратить в рабов всех людей ее свободолюбивых народов, Иосиф Виссарионович Сталин выступил по радио с обращением к Советскому народу. В его речи, четкой, наполненной правильными смыслами, нет ни единого лишнего слова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков)

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

Четверг, 3 июля 1941 г.

Все наши силы—на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!
Все силы народа—на разгром врага!
Вперед, за нашу победу!

Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. СТАЛИНА.

3 июля 1941 года.

Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!

ЛУКЬЯНОВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ

С чувством глубокой скорби сообщаем, что 16 июня 2020 года ушел из жизни в г. Борисоглебске Воронежской области давний постоянный автор и друг нашего журнала, известный русский поэт Игорь Владимирович Лукьянов.

И. Лукьянов родился в 1947 году в Пхеньяне (КНДР). Окончил Борисоглебский государственный педагогический институт. Служил в армии. Работал на стройке, помощником мастера на трикотажной фабрике, журналистом борисоглебской районной газеты. Русский поэт, член Союза писателей и Союза журналистов России, лауреат всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова, дипломант региональной литературной премии «Кольцовский край». Автор более десятка поэтических сборников, публикаций в журналах: «Подъем», «Аврора», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Приокские зори».

О себе Игорь Владимирович писал так:

Я советский, как есть, наяву и во сне.
И меня тут не переиначить.
Я родился в рабоче-крестьянской стране
И воспитан на слове «товарищ».
Рвать у жизни свое никогда не спешил —
Все равно все в Господних пределах…
Не российский, а русский по духу души,
Православный по вере и делу…

Характерной чертой всех книг Игоря Лукьянова является высокая гражданственность. Поэт все более и более высоко поднимался в своем мироощущении и раздумьях о роли и месте человека в нашей действительности, о борьбе света с тьмой, о кризисе духовности в современном мире. Его творчество является ярким примером того, как, пытаясь выразить себя, творец выражает мысли и надежды своих современников. Его стихи отличаются искренностью и прямотой — характерными чертами русских поэтов, к которым по праву и принадлежит Игорь Лукьянов, тонкий и ранимый лирик, человек от земли по своему родословию.

Редакция и редколлегия журнала «Приокские зори» выражают глубокое соболезнование родным и близким покойного.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

1) поля файла обычные;

2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;

3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14,— полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.

5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;

7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэм объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.

2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);

2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его ещениже, левее фотографии, выравнивание по левому краю(шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.

2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru — секретарю редакции Елизавете Михайловне Барановой.

С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал

Редакторы: А. А. Яшин, Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.09.2020
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

**К 500-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО КРЕМЛЯ —
ЮЖНОГО ФОРПОСТА МОСКОВСКОЙ РУСИ**

Одоевские ворота Тульского кремля и Успенский собор с колокольней

Осада Тульского кремля войском Давлет-Гирея. Фрагмент диорамы

**К 500-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО КРЕМЛЯ —
ЮЖНОГО ФОРПОСТА МОСКОВСКОЙ РУСИ**

Спасская башня Тульского кремля

Тульский кремль в XVI веке. Историческая реконструкция. Рисунок